

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, заместитель председателя Комитета Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам (Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭК)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белграда (Республика Сербия, г. Белград);

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».

Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.:** +7 (495) 650-38-80, **website:** izv-udprf.ru.

Дата выхода в свет: 02.06.2026. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 23, 5. Тираж 500 экз. Свободная цена.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru, **мессенджеры:** +7-917-40-61-340

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики в отставке, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Республики Казахстан, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Иньюколлегия», Ректор учреждения «Международная Академия труда» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии образования, заведующий кафедрой конституционного и международного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), почетный работник сферы образования Российской Федерации, заслуженный юрист Республики Калмыкия (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

ДЕМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, Vice Chairman of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLDADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People’s Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the retired Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – Advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjef – LL.M., Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People’s Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Vice-Rector of Russian University of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LL.M., Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya», Rector of the International Labor Academy Institution (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:

DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения. <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Содержание

ПЕРСОНА

Правосудие переходного периода: преодоление системной безнаказанности и восстановление верховенства права. Интервью с заместителем декана по практическому обучению и профессором Школы права Университета Питтсбурга Еленой Бейлис9

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

РАГУЛИНА Индира Тагировна
Эволюция правового статуса стажера и помощника адвоката в России: от научной доктрины к нормативному регулированию34

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА

РАГУЛИН Андрей Викторович
Антология бесправия: как судебное решение о прекращении статуса адвокатов Алексея Басистова, Дмитрия Проводина и Юлия Тая помогает понять суть действий Федеральной палаты адвокатов по насаждению «адвокатской монополии»42

ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ АДВОКАТА

ЧЕРДЫНЦЕВА Ксения Сергеевна
Особенности защиты прав адвокатов от нарушений со стороны их доверителей79

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

АБРАМКИНА Ксения Сергеевна
Правовая природа риска и специфика его проявления в адвокатской деятельности85

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич
Информация стороны защиты по уголовному делу: доказательства или сведения90

ДЕМКОВА Наталья Валерьевна
Проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела: правовая природа и пределы допустимости95

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович
Проблема согласия потерпевшего на причинение вреда, совершенного с пороками воли101

БРЕХОВА Кристина Юрьевна
Соотношение виндикации и реституции при ничтожной сделке: актуальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации ...105

САПРЫКИН Михаил Иванович
Зарубежный опыт кумулятивной охраны интеллектуальной собственности и его имплементация в Российской Федерации111

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ГУЛАЙ Олег Николаевич
«Цифровая доступность» медицинской помощи как элемент статьи 41 Конституции Российской Федерации: от телемедицины к удаленному мониторингу116

ПРАВСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ЕСЬКОВ Александр Александрович
Machina Aduvat, Homo Iudicat: системные пороки инструментов искусственного интеллекта и критерии допустимости в судопроизводстве121

АХМЕТГАЛЕЕВ Вадим Ралифович
Обеспечение достоверности показаний потерпевшего: тактика допроса при подозрении на внешнее воздействие135

ЗАГУМЕННЫЙ Кирилл Ильич
Эффективность административных наказаний: критерии, показатели и методология оценки (теоретико-прикладной анализ)142

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна, МИХАЙЛОВ Петр Игоревич
Некоторые аспекты организационного обеспечения предварительного расследования в чрезвычайных ситуациях147

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

ПОРАЙКО Василий Вячеславович
Учение о вине в новейших уголовно-правовых диссертационных исследованиях153

КУЗЮРОВА Дарья Дмитриевна
Преемственность в праве как объект изучения антропологии права: постановка проблемы161

АБДУЛЛИН Ильдар Рафисович
К вопросу о значении термина «генеральный подряд»167

МЕЛИКЯН Альберт Спартакович
Классификация коммерческих юридических лиц в российском праве и ее правовое значение171

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович
Автономия воли в деликтном праве как предпосылка согласия на причинение вреда175

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

САПРЫКИН Михаил Иванович
Практическое применение кумулятивной охраны интеллектуальной собственности в инновационных отраслях181

ХАБИБУЛЛИНА Гульнара Рушановна
К вопросу о конституционных принципах взаимоотношений государства и личности184

АКТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС

РАГУЛИН Андрей Викторович
Охрана объектов культурного наследия в контексте земельных отношений: дело об Авраамиевом монастыре в Ростове Великом188

Contents

PERSON

- Transitional Justice: Overcoming Systemic Impunity and Rebuilding the Rule of Law.*
Interview with Elena Baylis, Associate Dean for Experiential Learning,
Professor of the School of Law of the University of Pittsburgh9

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

- RAGULINA Indira Tagirovna**
The Evolution of the Legal Status of an Advocate's Trainee and Advocate's Assistant in Russia: From Scientific Doctrine to Normative Regulation34

PROFESSIONAL ETHICS AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF ADVOCATES

- RAGULIN Andrey Viktorovich**
Anthology of Lawlessness: How the Court Decision to Terminate the Advocate Status of Alexey Basistov, Dmitry Provodin, and Yuliy Tay Helps to Understand the Essence of the Federal Chamber of Advocates' Actions to Implant «Advocate Monopoly»42

PROTECTION OF THE PROFESSIONAL RIGHTS OF A LAWYER

- CHERDYNTSEVA Ksenia Sergeevna**
Specifics of Protection of Lawyers' Rights Against Violations by Their Clients79

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

- ABRAMKINA Ksenia Sergeevna**
The Legal Nature of Risk and the Specific Features of its Manifestation in Advocacy85
- KHALIKOV Aslam Nailevich**
Information from the Defense in a Criminal Case: Evidence or Information90
- DEMKOVA Natalya Valeryevna**
Verification Actions at the Stage of Initiating Criminal Proceedings: Legal Nature and Limits of Admissibility95
- SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich**
The Problem of the Victim's Consent to the Infliction of Harm Given Under Defects of Will101
- BREKHOVA Kristina Yurievna**
The Correlation of Vindication and Restitution in Case of a Void Transaction: Current Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation105
- SAPRYKIN Mikhail Ivanovich**
Foreign Experience of Cumulative Protection of Intellectual Property and its Implementation in the Russian Federation111

HUMAN RIGHTS IN THE EURASIAN SPACE

- GULAY Oleg Nikolaevich**
«Digital Accessibility» of Medical Care as an Element of Article 41 of the Constitution of the Russian Federation: From Telemedicine to Remote Monitoring116

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

- ESKOV Aleksandr Aleksandrovich**
Machina Adiuvat, Homo Iudicat: Systemic Flaws of Artificial Intelligence Tools and Admissibility Criteria in Judicial Proceedings121
- AKHMETGALEEV Vadim Ralifovich**
Ensuring the Reliability of the Victim's Testimony: Interrogation Tactics in Case of Suspected External Influence135
- ZAGUMENNY Kirill Ilyich**
Effectiveness of Administrative Penalties: Criteria, Indicators, and Methodology of Assessment (Theoretical and Applied Analysis)142
- TSOPANOVA Indira Georgievna, MIKHAILOV Petr Igorevich**
Some Aspects of Organizational Support for Preliminary Investigation in Emergency Situations147

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

- PORAIKO Vasily Vyacheslavovich**
The Doctrine of Guilt in Contemporary Criminal Law Dissertation Research153
- KUZUYUROVA Daria Dmitrievna**
Continuity in Law as an Object of Study of the Anthropology of Law: Problem Statement161
- ABDULLIN Ildar Rafisovich**
On the Meaning of the Term «General Contract» in Russian Construction Law167
- MELIKIAN Albert Spartakovich**
Classification of Commercial Legal Entities in Russian Law and Its Legal Significance171
- SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich**
Private Autonomy in Tort Law as a Prerequisite for Consent to Harm175

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

- SAPRYKIN Mikhail Ivanovich**
Practical Application of Cumulative Protection of Intellectual Property in Innovative Industries181
- KHABIBULLINA Gulnara Rushanovna**
On the Constitutional Principles of the Relationship Between the State and the Individual184

THE ACTUAL QUESTION

- RAGULIN Andrey Viktorovich**
Protection of Cultural Heritage Objects in the Context of Land Relations: The Case of the Abraham Monastery in Rostov the Great188

ПРАВСУДИЕ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА: ПРЕОДОЛЕНИЕ СИСТЕМНОЙ БЕЗНАКАЗАННОСТИ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

Интервью с заместителем декана по практическому обучению и профессором Школы права Университета Питтсбурга Еленой Бейлис

TRANSITIONAL JUSTICE: OVERCOMING SYSTEMIC IMPUNITY AND REBUILDING THE RULE OF LAW

Interview with Elena Baylis, Associate Dean for Experiential Learning, Professor of the School of Law of the University of Pittsburgh

Визитная карточка

Елена Бейлис – Заместитель декана по практическому обучению, профессор школы права Университета Питтсбурга.

Профессор Елена Бейлис¹ – эксперт в области правосудия в постконфликтный период и правосудия переходного периода. Ее исследования посвящены темам, связанным с взаимоотношениями между сообществами, а также с взаимодействием национального и международного права, таким как защита и репатриация культурного наследия, механизмы примирения, гибридные суды и трибуналы, а также применение в США запрета на преступления против человечности. Она была экспертом и основным составителем Дакарских руководящих принципов создания гибридных судов. Она проводила полевые исследования и работала над инициативами в области правового просвещения и верховенства права в нескольких постконфликтных государствах, включая Косово, Эфиопию и Демократическую Республику Конго. Ее исследования проводились по заказу Международного центра правосудия переходного периода и Института мира США.

Бейлис также пишет о законодательстве, праве и политике США. Как и в международном контексте, ее исследования посвящены взаимосвязи между международными, национальными и местными законами и сообществами. Она публиковала статьи о национальной безопасности США, иммиграции, равноправии в браке и вопросах образования.

Научные работы² Бейлис публиковались в Columbia Law Review Forum, American Journal of International Law Unbound, Yale Journal of International Law, Berkeley Journal of International Law, Michigan Journal of International Law, Vanderbilt Journal of Transnational Law, UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs, Iowa Law Review, University of Illinois Law Review, Boston College Law Review, Journal of International Law and International Relations, а также в Revue européenne du droit, в сборниках под редакцией Oxford University Press и Cambridge University Press и других изданиях. Ее комментарии публиковались в New York Times, она была одним из основателей блога Intlawgrls.

Бейлис совмещает работу в Университете Питтсбурга с работой в Высшей школе общественных и международных отношений. Она была приглашенным профессором на юридическом факультете Университета Джорджа Вашингтона и юридическом факультете Университета Коннектикута, а также приглашенным научным сотрудником в Юридическом центре Джорджтаунского университета. До прихода в Университет Питтсбурга профессор Бейлис преподавала на юридическом факультете Университета Мекелле в Эфиопии в качестве приглашенного доцента юридического факультета Университета Алабамы. В компании Shea & Gardner в Вашингтоне, округ Колумбия, она занималась гражданскими судебными разбирательствами и консультировала клиентов по вопросам внешней политики, а также работала помощником окружного судьи США Марианы Пфалезер.

Бейлис окончила юридический факультет Йельского университета, где получила премию Рафаэля Лемкина за лучшую работу в области международных прав человека. Она с отличием окончила бакалавриат в Колледже с отличием при Орегонском университете.

Приветствую Вас, уважаемая профессор Бейлис! Я рад, что Вы согласились и смогли найти время для интервью на тему, которая глубоко волнует наших читателей, – проблемам переходного правосудия.

I. Фундаментальные основы переходного правосудия в условиях институциональной изоляции

Вопрос 1.1. Деконструкция национально-го исключительности.

– В своих исследованиях Вы анализировали феномен «национальной исключительности», который препятствует интеграции норм *jus cogens* в национальное право, в силу чего государство с развитой правовой системой категорически отвергает прямое

¹ <https://www.law.pitt.edu/people/elena-baylis>

² https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=354648

применение международного уголовного права на своей территории, считая, что злодеяния – это удел «других» стран. Давайте представим абстрактное государство с глубоко укоренившейся доктриной суверенной изоляции, вступающее в фазу перехода. Какими, по Вашему мнению, должны быть первые доктринальные и практические шаги национального юридического сообщества по деконструкции этого барьера и легитимизации международно-правовых механизмов в глазах скептически настроенного населения?

– Презумпция того, что злодеяния – это то, что происходит только в других странах, а не в государствах с развитыми правовыми системами, является хорошо задокументированным феноменом. В Соединенных Штатах, например, такая ориентация означала, что внимание федеральных властей к преступлениям против человечности было полностью направлено на злодеяния, совершенные за рубежом, при отсутствии внутренней правовой базы для предотвращения или преследования таких преступлений внутри страны, несмотря на доказательство риска. Отсутствие внутренней правовой базы не является признаком безупречной репутации. Напротив, оно представляет собой вызывающий беспокойство правовой пробел.

Международное обычное право связывает все государства независимо от того, ратифицировали ли они конкретные договоры. Преодоление презумпции исключительности требует честного взаимодействия с вопросом о том, адекватно ли существующее внутреннее право реализует обязательства государства по международному обычному праву. Практически, хорошим первоначальным шагом является интеграция широко признанных международно-правовых стандартов (таких как определения в Римском статуте) в юридическое обучение и дискурс. Это позволит национальным юристам и судьям содержательно оценивать свою собственную правовую систему на соответствие этим международно-правовым стандартам, вместо того чтобы относиться к международной системе как к не имеющей отношения к их контексту.

Вопрос 1.2. «Умышленная слепота» (намеренное игнорирование) и доказывание элемента политики.

– **Ключевым элементом преступлений против человечности является наличие политики государства или организации, направленной на совершение широкомасштабных нападений на гражданское население. В своих работах Вы пишете, что отсутствие офици-**

альных письменных приказов не освобождает от ответственности: систематическое закрытие глаз на произвол правоохранительных органов («умышленная слепота») де-факто является такой политикой. Террор часто осуществляется именно через механизм взаимного укрывательства и отказов в возбуждении уголовных дел. Отсюда возникает вопрос: если у государства отсутствовала задокументированная официальная доктрина репрессий, но существовала многолетняя системная практика нерасследования очевидных преступлений со стороны правоохранительных органов, как архитекторы переходного правосудия должны доказывать субъективную сторону – «элемент политики» («policy element») – для квалификации этих деяний как преступлений против человечности?

– Ключевой вывод из международного уголовного права заключается в том, что элемент политики преступлений против человечности не требует формальной, задокументированной директивы со стороны государства. Согласно Элементам преступлений МУС, в исключительных обстоятельствах политика может быть реализована путем преднамеренного бездействия, которое сознательно направлено на поощрение нападения на гражданское население. Судебная практика МУС далее детализировала это: политика не обязательно должна быть прямо сформулирована, но может выводиться из моделей действий и поведения; она не обязательно должна быть сформулирована заранее, но может развиваться с течением времени; и она не обязательно должна исходить от самых высших эшелонов государства, но может развиваться на местном или региональном уровне.

На практике это означает, что устойчивая модель нерасследования и ненаказания широкомасштабных злоупотреблений может служить доказательством политики де-факто. Это особенно актуально в том случае, если должностные лица, несущие надзорную ответственность, никак не могли не знать об этих злоупотреблениях. Это связано с тем, что только благодаря соучастию государства, закрывающего на это глаза, отдельные злоупотребления могут перерасти в масштабы преступлений против человечности. Таким образом, шокирующий объем основных деяний в течение длительного периода времени в сочетании с моделью институционального бездействия является важным индикатором потенциального соучастия правительства, даже при отсутствии какого-либо письменного приказа.

Различие, которое имеет юридическое значение, проводится между государством, которое просто проявляет халатность, и государством, которое фактически является соучастником. «Умышленная слепота» пересекает эту черту, когда она является преднамеренной: когда должностные лица сознательно игнорируют сигналы, на которые они в состоянии отреагировать, таким образом, что это фактически позволяет злоупотреблениям продолжаться.

Вопрос 1.3. Преодоление конкурирующих нарративов и обвинений в «правосудии победителей».

– В Ваших работах по постконфликтному примирению подчеркивается крайняя опасность сосуществования в обществе взаимоисключающих исторических нарративов. После падения авторитарного режима в государстве неизбежно столкновение между нарративом прежних элит (оправдывающих свои действия «государственной необходимостью») и нарративом жертв. Переходное правосудие может восприниматься долями прежнего режима как банальная месть. Учитывая Вашу аргументацию об опасности конкурирующих исторических нарративов, как в государстве, которое на протяжении десятилетий подвергалось идеологической индоктринации, механизмы переходного правосудия могут избежать клейма «правосудия победителей» («victor's justice») и способствовать формированию единой, объективной исторической памяти, ведущей к реальному социальному примирению?

– Обеспокоенность по поводу «правосудия победителей» серьезна и вполне обоснована. Социально-психологические исследования показывают, что конфликтующие сообщества склонны вырабатывать взаимоисключающие исторические нарративы, основанные на идентичности и воспринимаемых обидах. Когда эти нарративы глубоко укоренились, процессы переходного правосудия рискуют быть восприняты как простое навязывание версии событий победителей. В таком случае процессы переходного правосудия могут фактически закрепить цикл противостоящих друг другу идентичностей, вместо того чтобы разрушить его.

Устранение этого риска требует внимания как к существу дела, так и к процессу. Что касается существа дела, все правонарушители, независимо от того, на чьей стороне они находились, должны подчиняться одним и тем же правовым стандартам. Механизм переходного правосудия,

который освобождает от ответственности одни группы, преследуя в судебном порядке другие, справедливо будет воспринят как политически мотивированный. Что касается процесса, крайне важно разработать инклюзивные процедуры, позволяющие выслушать жертв из всех сообществ. Механизмы, продвигающие единый официальный нарратив, рискуют углубить, а не залечить социальные разногласия. Эти процедуры также должны быть разработаны и укомплектованы кадрами таким образом, чтобы они воспринимались обществом как нейтральные.

Вопрос 1.4. Баланс механизмов на ранней стадии перехода (риск гражданской войны против требования справедливости).

– Переходное правосудие предлагает широкий арсенал инструментов: люстрации, комиссии по установлению истины, специальные прокуратуры, амнистию. Но выбор неверного инструмента на ранней стадии может спровоцировать вооруженное восстание со стороны силовиков, сохранивших свое влияние. Какие конкретные правовые механизмы (например, комиссии по установлению истины с предоставлением частичной амнистии в обмен на показания или жесткие уголовные трибуналы) кажутся Вам наиболее сбалансированными на самых ранних, наиболее хрупких этапах перехода, чтобы удовлетворить острую потребность жертв в справедливости, не провоцируя силовой реванш старых элит?

– Со временем сфера переходного правосудия научилась тому, что достижение любой степени трансформации требует признания того, что результаты неизбежно будут несовершенными и частичными, руководствуясь скорее прагматическими принципами, нежели идеальными. Амбиции переходного правосудия эволюционировали от недостижимой цели полного установления верховенства права и демократии к более скромной, но все же требующей больших усилий цели поддержания мира и стабильности при одновременном закладывании основы для долгосрочных реформ.

На самых ранних и наиболее хрупких этапах перехода уголовные процессы могут выполнять ценные функции. Они выражают осуждение прошлых злодеяний, способствуют восстановлению чувства порядка и могут помочь разорвать порочный круг безнаказанности. Однако в ситуациях широкомасштабных злоупотреблений невозможно привлечь к ответственности каждого, кто был в них замешан. Кроме того, судебные процессы направлены на деяния отдельных

правонарушителей, а не на конфликт в целом. Нам следует реалистично оценивать то, чего они могут достичь сами по себе, особенно там, где поддерживающие институты слабы или скомпрометированы.

По этой причине механизмы уголовной ответственности наиболее эффективны, когда они применяются параллельно с такими взаимодополняющими инструментами, как комиссии по установлению истины, процедуры люстрации и институциональная реформа. Их последовательность должна быть тщательно выверена с учетом местных условий и реальных рисков дестабилизации. Невозможно абстрактно сказать, какие процессы будут наиболее конструктивными, поскольку это зависит от конкретной ситуации. Тщательная, нейтральная оценка того, как местные обстоятельства и динамика соотносятся с доступными инструментами правосудия, является важным первым шагом в любом переходном процессе. Используемые вместе, многочисленные механизмы переходного правосудия могут способствовать привлечению к ответственности, примирению и устойчивому миру такими способами, которых ни один инструмент не может достичь в одиночку.

Вопрос 1.5. Социальные механизмы примирения за рамками уголовного правосудия.

– Уголовные процессы и комиссии по установлению истины привлекают больше всего внимания в дискуссиях о переходном правосудии, однако они направлены преимущественно на прошлое: совершенные преступления и фиксацию истории. Многие из наиболее глубоких динамических процессов, которые двигали конфликт и которые могли бы вызвать его повторение, действуют на уровне социальной идентичности, отношений внутри сообщества и структурного неравенства, и механизмы уголовной ответственности их вообще не затрагивают. Какие категории механизмов примирения доступны за рамками уголовного правосудия, и как их следует выстраивать последовательно и сочетать в процессе перехода?

– Постконфликтное примирение опирается на три широкие категории механизмов, каждая из которых направлена на различные аспекты социальной динамики, подпитывающей конфликт:

Инструментальные механизмы пытаются постепенно изменить динамику отношений между группами путем накопления положительного опыта и взаимной выгоды в настоящем, без пря-

мого обращения к болезненной истории. К ним относятся публичные заявления политических, культурных и религиозных лидеров, выражающие уважение и признание; совместные экономические и социальные программы, требующие межобщинного сотрудничества; а также структурированный диалог внутри сообщества. Эти меры сопряжены с относительно низким риском и вряд ли обострят напряженность в краткосрочной перспективе, но они не устраняют лежащие в основе конфликты идентичностей и исторические обиды, а их эффекты могут оказаться недолговечными, если эта более глубокая динамика сохранится.

Исторические механизмы обращаются к прошлому напрямую – через образование, мемориализацию и процессы переходного правосудия. Они сопряжены с более высоким риском: в случае неудачи они рискуют закрепить, а не разрушить противостоящие друг другу идентичности, которые двигали конфликт. Комиссия по установлению истины, продвигающая единый официальный нарратив, или процесс мемориализации, который воспринимается как односторонний, могут углубить обиды, а не устранить их. Но в случае успеха они могут достичь более устойчивого сдвига во взаимопонимании, которого одни лишь инструментальные меры обеспечить не могут.

Структурные механизмы направлены на существующие условия, которые увековечивают неравенство и изоляцию. К ним относятся конституционные и правовые реформы, обеспечивающие политическое участие, равный доступ к образованию и государственным услугам, а также защиту интересов групп меньшинств. Это самые дальновидные и наиболее прямо связанные с предотвращением рецидивов механизмы, но в то же время самые политически оспариваемые и самые сложные в реализации.

Все три категории необходимы; ни одной из них по отдельности недостаточно. Соответствующая последовательность зависит от местных условий, этапа перехода и честной оценки того, что может выдержать данный политический момент, с пониманием того, что структурные реформы, какими бы сложными они ни были, в конечном итоге являются тем, что позволяет транзиту стать устойчивым.

II. Внедрение норм, «мягкое право» и влияние «убеждающего прецедента»

Вопрос 2.1. Внедрение концепции «убеждающего прецедента» («persuasive authority») в континентальную систему.

– Разработанная Вами концепция «убеждающего прецедента» («persuasive authority») подразумевает, что решения международных трибуналов воспринимаются национальными судами добровольно, в силу высокого качества их правовой аргументации. Однако в континентальной правовой традиции, особенно в тех странах, где царит жесткий подход, судьи привыкли применять только писанный закон и следовать строгим указаниям вышестоящих инстанций, зачастую отвергая подходы других юрисдикций и даже высших судебных органов своей собственной страны. Как можно эффективно внедрить концепцию «убеждающего прецедента» в судебную систему такого государства?

– С точки зрения международного права, для национальных судов вполне уместно применять международные стандарты добровольно, особенно если это способствует обеспечению ответственности и смягчает опасения относительно соблюдения принципа *nullum crimen* (нет преступления без указания на то в законе), распространяясь только на деяния, подпадающие под собственную юрисдикцию международного суда. То, что суды континентального права способны делать это, было продемонстрировано на практике. Например, в Демократической Республике Конго военные суды континентального права добровольно применяли Римский статут в качестве нормы принятия решения по делам о зверствах без принятия соответствующего имплементирующего законодательства. Разумеется, национальная конституция и законы государства могут предусматривать большую или меньшую возможность добровольного применения международных норм.

С практической точки зрения, поддержать взаимодействие между национальными и международными судами могут несколько механизмов:

– прямые профессиональные контакты между международными и национальными судьями и прокурорами;

– партнерство с сетями верховенства права, уже действующими в соответствующих государствах;

– официальное обучение и образование для судей и адвокатов;

– использование механизма *amicus curiae* (предоставление экспертных заключений суду).

Независимо от того, примут ли национальные суды в конечном итоге анализ международных судов, адаптируют его или отвергнут, взаимодействие с международными судебными решениями и аргументацией со временем сформирует у них

навыки работы со стандартами и методологиями международного уголовного права.

Вопрос 2.2. Критерии отбора дел для «эталонных процессов» («bellwether trials»).

– Механизм «эталонных процессов» («bellwether trials»), о котором Вы пишете, позволяет гибридным судам разрешать ключевые правовые узлы на примере одного репрезентативного дела, создавая шаблон для сотен аналогичных дел в местных судах. Для государства, чья судебная система будет парализована лавиной исков после смены режима, этот механизм имеет огромную ценность. Если для содействия транзиту создается специальный гибридный трибунал, какой должна быть методология отбора дел для формирования «эталонных процессов»? Какие конкретные категории дел следует рассматривать в первую очередь, чтобы местные суды, страдающие от нехватки ресурсов и экспертных знаний, могли немедленно применить эти правовые выводы для разрешения тысяч обычных внутренних дел?

– В условиях перегрузки судебной системы поставторитарного государства гибридные или специализированные суды должны применять стратегический подход к отбору дел. «Эталонные процессы» призваны разрешать системные правовые узлы, а не просто наказывать случайных правонарушителей. Критерии отбора включают в себя:

– юридическая репрезентативность: дело должно содержать сложную правовую проблему, характерную для сотен других дел (например, доказывание «умышленной слепоты» руководства ведомства или установление стандарта ответственности за участие в совместной преступной деятельности).

– фактическая типичность: выбирается эпизод, отражающий более широкий контекст предполагаемых преступлений, например, дело, которое устанавливает, имело ли место широко-масштабное или систематическое нападение на гражданское население, а также его организованный характер.

Чтобы максимизировать полезность, трибунал должен структурировать свои решения таким образом, чтобы отделять эти общие выводы от выводов по конкретным лицам.

Вынося подробное, безупречно аргументированное решение по такому «пилотному» делу, гибридный трибунал создает готовый концептуальный и методологический шаблон, который национальные суды могут использовать для

быстрого и единообразного разрешения аналогичных дел, что значительно разгружает систему. Он также должен активно обеспечивать доведение своих решений до сведения национальных судов посредством использования сетей взаимодействия и информационно-разъяснительной работы.

Вопрос 2.3. Роль «мягкого права» в условиях институционального вакуума.

– **Переход от создания жестких договоров («жесткого права») к «мягкому праву» обеспечивает гибкий инструмент для правоприменения. В период перехода государства старое законодательство часто оказывается неприменимым или прямо нарушающим права человека, а новое еще не принято. «Мягкое право» может заполнить этот вакуум. В ситуации, когда государство на протяжении десятилетий находилось в стороне от магистрального пути эволюции прав человека, а новое демократическое законодательство все еще находится в стадии разработки, какую практическую роль может сыграть «мягкое право» институтов ООН в немедленной подготовке обновленного корпуса судей и прокуроров по современным стандартам доказывания и гуманитарного права?**

– Во время перехода национальное законодательство часто оказывается парализованным, устаревшим или неадекватным для рассмотрения преступлений прошлого, а принятие новых законов требует значительного времени. Инструменты мягкого права могут сыграть важную роль в заполнении этого пробела не путем замены формального закона, а путем предоставления возможности правовому развитию осуществляться через практику, вместо того чтобы ждать политических действий сверху.

Растущее внимание Комиссии международного права к «мягкому праву» отражает именно эту логику. КМП – это экспертный орган ООН, которому поручена кодификация и прогрессивное развитие международного права. Она существенно сместила акцент в сторону создания продуктов мягкого права: проектов статей, принципов и руководящих положений, которые не требуют ратификации договора, но, тем не менее, обладают значительным авторитетом. Эти продукты делают обычные и развивающиеся правовые нормы четкими и доступными в такой степени, в какой этого не может сделать один лишь обычай, позволяя судьям, прокурорам и следователям применять международные стандарты без прохождения трудоемкого процесса независимых исследований. Что крайне важно, этот авторитет

не зависит от официального принятия государством: «мягкое право» КМП приобретает сторонников благодаря своей полезности, надежности и прозрачности экспертного процесса, в результате которого оно было создано. Суды различных правовых традиций, включая суды континентального права, ссылались на наработки КМП как на доказательство обычного права и как на авторитетное руководство. Для государства, находящегося в процессе перехода, чье новое внутреннее законодательство еще только разрабатывается, «мягкое право» КМП предоставляет принципиальную, международно признанную систему координат, которой практики могут воспользоваться незамедлительно.

Практические инструменты, такие как Дакарские руководящие принципы по созданию гибридных судов, иллюстрируют, как это работает в конкретном контексте переходного правосудия. Разработанные не как мандат, а как справочное руководство, Дакарские руководящие принципы предлагают тем, кто создает гибридные суды, набор ключевых моментов для принятия решений и вариантов проектирования по ключевым темам, включая юрисдикцию, состав, отбор дел, наращивание потенциала и наследие. Дакарские руководящие принципы аккумулируют уроки практиков, имеющих непосредственный опыт работы в прежних гибридных судах, и делают эти знания доступными для участников, действующих в новых контекстах, где внутреннее законодательство все еще разрабатывается.

Вопрос 2.4. Преодоление принципа *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на то в законе») для бывших должностных лиц.

– **Фундаментальный принцип уголовного права *nullum crimen sine lege* («нет преступления без указания на то в законе») часто становится главным щитом для деятелей павшего режима. Они утверждают, что их приказы соответствовали законам государства, действовавшим в то время. Преодоление этой защиты требует скрупулезного применения норм *jus cogens* и международного обычного права, что является центральной темой в работах о преступлениях против человечности. В связи с этим возникает следующий вопрос: если на момент совершения системных репрессий в государстве отсутствовал внутренний кодифицированный закон о преступлениях против человечности, а национальное право формально допускало такие действия, как суды переходного правосудия должны юридически**

обосновывать ретроспективное применение императивных норм международного права, не разрушая при этом базовое доверие общества к принципам предсказуемости закона?

– Бывшие должностные лица прежнего режима часто ссылаются на принцип *nullum crimen sine lege*, утверждая, что их действия соответствовали внутреннему законодательству, существовавшему в то время, и что судебное преследование, следовательно, равносильно ретроспективной криминализации. Эта защита неверно истолковывает взаимосвязь между внутренним правом и международным правом в контексте жестоких преступлений.

Запрет на преступления против человечности является императивной нормой: одним из непускающих отступлений запретов *jus cogens*, от которых государства не могут отказаться посредством внутреннего законодательства или практики. Его особая функция заключается именно в защите гражданского населения от злодеяний, совершаемых под эгидой государства, даже когда эти действия защищены собственным внутренним правом и политикой государства. Законность по внутреннему праву прямо не является существенной защитой от преступлений против человечности, равно как и исполнение приказов начальника или официальное положение подсудимого.

Судебное преследование на этом основании, таким образом, не является ретроспективным в каком-либо значимом смысле. Запрет на преступления против человечности существовал как норма международного обычного права. Он связывал государства и их должностных лиц независимо от того, был ли он введен во внутреннее законодательство. Суды, применяющие эти рамки, тем не менее должны быть внимательны к подлинной сложности ситуации: хотя запрет прочно утвердился в качестве нормы *jus cogens*, его конкретные элементы еще не были кодифицированы в едином обязательном договоре, а определения в разных трибуналах различались. Суды должны основывать свой анализ на тех элементах, которые наиболее четко установлены в международном обычном праве и последовательно отражены в международной судебной практике, с тем чтобы отдать должное принципу *nullum crimen*, в то же время обеспечивая действие универсального запрета.

Вопрос 2.5. Адаптация модели предотвращения военных преступлений в гражданских ведомствах.

– В Ваших работах предлагается внедрить «модель предотвращения военных преступ-

лений» в гражданские ведомства для борьбы с системными нарушениями (например, пытками в полиции). Но в государстве, чей репрессивный аппарат огромен, глубоко коррумпирован и пронизан милитаристской культурой, простая смена руководства не меняет «институциональную ДНК» ведомств. В какой степени, по Вашему мнению, эта модель подходит для глубокой реформы правоохранительного и пенитенциарного аппарата поставторитарного государства, где институциональное укрывательство формировалось десятилетиями?

– Простая замена руководства в гражданских ведомствах (полиции, пенитенциарной системе, миграционных службах) не способна разрушить укоренившуюся культуру нарушений. В данном контексте военная модель предотвращения военных преступлений предлагает подлинную основу для гражданских ведомств. Ее ценность заключается не в самом юридическом запрете (например, наличии нормы против пыток), а в организационных и институциональных механизмах, которые делают этот запрет действенным на практике. Опыт вооруженных сил США демонстрирует, что следующие факторы, работая вместе, могут стимулировать значимые изменения в институциональном поведении:

- обязательная правовая экспертиза всех операций;
- внедренные агенты по комплаенсу (соблюдению норм) на каждом уровне командования;
- обучение, в котором правовые нормы важнее операционных показателей, и
- юридическая ответственность для командиров, которые знали или должны были знать о нарушениях.

Примененная к гражданским ведомствам в поставторитарном государстве, эта модель имеет реальные перспективы, но также и реальные ограничения. Модель не обязательно должна быть идеальной, чтобы быть полезной; вопрос заключается в том, может ли она значительно сократить и смягчить последствия нарушений, а не в том, может ли она полностью их искоренить. Даже частичное внедрение могло бы принести значительные улучшения, в частности:

- обязательная предварительная правовая экспертиза политики ведомства,
- внешние автономные каналы подачи жалоб, которые обходят внутреннюю динамику укрывательства, и
- реформы в сфере обучения, которые переориентируют профессиональные стандарты с ко-

личественных показателей правоприменения на соблюдение процессуальных прав граждан.

Однако необходимо признать, что изменение институциональной культуры, укоренявшейся десятилетиями, является крайне сложной задачей. Организационная структура и институциональная культура могут измениться благодаря устойчивым, проактивным механизмам, но эти механизмы требуют подлинной политической воли для их внедрения и поддержания. Их эффективность критически зависит от того, изолированы ли сами структуры надзора от той культуры, которую они призваны реформировать. В глубоко коррумпированном аппарате внешний мониторинг является, следовательно, не дополнительным элементом реформы, а важнейшим условием ее успеха.

III. Эпистемические сообщества и преодоление профессиональных дисфункций

Вопрос 3.1. Взаимодействие с международными экспертами («Justice Junkies») без потери суверенитета.

– В Ваших работах раскрывается проблема «Justice Junkies» («правовых фанатиков») – кочующих международных экспертов, которые привносят технический опыт в постконфликтные страны, но часто игнорируют местную специфику, навязывая шаблонные решения. С падением режима государство неизбежно станет объектом для приложения усилий со стороны таких международных консультантов. Как национальное юридическое сообщество может извлечь максимальную пользу из экспертных знаний «Justice Junkies», не превращаясь при этом в бесправного получателя внешних директив?

– Проблема, обозначенная в этом вопросе, реальна и хорошо задокументирована. Международные эксперты в условиях постконфликтного правосудия привносят подлинные технические знания, однако простое применение внешних моделей без адаптации, как правило, терпит неудачу. Модель в итоге оказывается на полке, а не интегрируется в практику, поскольку она не соответствует правовой системе, институциональной культуре или рабочим отношениям соответствующей страны.

Наиболее эффективные структуры международной помощи выстраивают процесс таким образом, чтобы местные участники контролировали адаптацию и внедрение внешних моделей в рамках того, что я называю «делегированной контекстуализацией». Гораздо более конструктивно, когда национальное юридическое сообщество

применяет свои экспертные знания относительно местного правового, политического, социального и культурного контекста, нежели когда международные специалисты пытаются осуществить эту адаптацию самостоятельно, обладая ограниченными знаниями на местном уровне.

Со стороны национального сообщества это означает настойчивое требование подлинного участия в процессе адаптации. Национальные акторы должны стремиться выступать не в качестве фильтра для блокирования внешнего вклада, а, скорее, в качестве главных агентов, определяющих, как международные стандарты переносятся на национальную почву. Реальные изменения в правовой системе измеряются десятилетиями, а не сроками реализации проектов, и они зависят от признания и использования национальными профессиональными сообществами. Международная экспертиза наиболее ценна тогда, когда она служит этому долгосрочному процессу создания внутреннего потенциала, а не подменяет его.

Вопрос 3.2. Институциональные фильтры для интеграции «местных знаний» в гибридные институты.

– Проблема «местных знаний», вытекающая из предыдущего вопроса, критически важна. Международные шаблоны могут не работать в том или ином государстве в силу особенностей его процессуального права, традиций документооборота или иной специфики. Необходим механизм фильтрации и адаптации внешних правовых конструкторов. Вы резонно указывали на опасный дефицит «местных знаний» среди международных юридических акторов. Какие конкретные институциональные фильтры целесообразно ввести в систему правосудия государства, чтобы международные правовые шаблоны не копировались слепо, а органично и жизнеспособно адаптировались к сохранившимся позитивным элементам местной правовой культуры?

– Смешанные палаты, объединяющие международных и национальных судей, представляют собой важнейший структурный фильтр для интеграции местных знаний в гибридные институты правосудия. Международные судьи отсекают местное политическое давление и предвзятость, обеспечивая соблюдение международных правовых стандартов; национальные судьи устраняют оторванность разбирательства от местной реальности, привнося знание национального права, процессуальной культуры и неформальных кодов, которые определяют поведение свидетелей и функционирование институтов. Вместе они при-

званы выносить судебные решения, которые являются одновременно безупречными с юридической точки зрения по международным стандартам и укорененными в местной реальности.

Однако важно отметить, что простое размещение судей с разным профессиональным бэкграундом в одной судебной коллегии не приводит автоматически к обмену знаниями, который предполагает гибридная модель. Языковые барьеры, различные правовые традиции и незнание международными судьями национального права и истории часто ограничивали значимое взаимодействие в гибридных судах.

Чтобы фильтр функционировал должным образом, необходимы осознанные проектные решения: подбор международного персонала, разделяющего язык и правовые традиции с национальными коллегами, где это возможно; инвестирование в структурированные механизмы диалога, выходящие за рамки простого совместного присутствия на судебной скамье; и отношение к наращиванию потенциала как к подлинно двустороннему процессу. Дакарские руководящие принципы отражают это понимание, подчеркивая общий язык и общую правовую основу в качестве ключевых критериев отбора, а также признавая, что наращивание потенциала должно быть активно заложено в саму структуру трибунала, а не предполагаться как нечто, автоматически вытекающее из гибридизации.

Вопрос 3.3. Структурирование диалога между международными и национальными юристами.

– Программы институционального строительства (наращивания потенциала) иногда воспринимаются местными адвокатами как снисходительное «обучение местных» со стороны западных коллег, что вызывает отторжение и саботаж. Эффективный транзит требует превращения этого процесса в равноправный диалог двух эпистемических сообществ, где местные юристы делятся знанием контекста, а международные – опытом прецедентов. Как должен быть структурирован процесс передачи передовых юридических навыков, чтобы он представлял собой равноправный и взаимоуважительный диалог эпистемических сообществ?

– Риск, который обозначает этот вопрос, – то, что наращивание потенциала превращается в профессиональный патернализм, а не в подлинный обмен, – хорошо задокументирован. Наиболее эффективной моделью является не одностороннее обучение, а профессиональное сооб-

щество: практики с различным опытом, которые вырабатывают общие знания, работая вместе над конкретными задачами, причем каждый вносит свой вклад в сферу своей компетенции.

Международные практики часто привносят знание международного уголовного права и процессуальных стандартов, а также методологические навыки, выработанные в различных постконфликтных ситуациях. Национальные практики привносят незаменимые знания, которые международные специалисты обычно не могут быстро приобрести: местное право и историю права, специфику функционирования исследуемых институтов, неформальные социальные коды и лингвистические нюансы. Ни один из этих наборов знаний не является достаточным сам по себе.

Структурирование этого процесса как подлинного диалога, а не обучения, требует построения его вокруг совместных практических задач, таких как разработка нормативных актов, анализ дел или подготовка учебных материалов. В этом контексте каждая сторона нуждается в том, что знает другая. Кроме того, обе стороны должны нести ответственность за результат. Разделенная ответственность за результаты – это то, что создает условия для взаимного уважения.

Достижение этого на практике, как правило, сопряжено со структурными трудностями. Короткие сроки командировок, конкуренция между международными организациями и институциональное разделение между международным и национальным персоналом – все это может работать против устойчивого взаимного сотрудничества. Требуется осознанное проектирование: по возможности более длительные сроки командировок международного персонала, структурированные совместные рабочие продукты и четкое институциональное признание контекстуального опыта национальных кадров как важнейшего, а не вспомогательного элемента.

Вопрос 3.4. Интегрированные следственные группы как инструмент преодоления дисфункций.

– Одним из решений проблемы дисфункции является создание смешанных, гибридных групп, где международный следователь/прокурор работает в тандеме с национальным специалистом. Это позволяет сочетать универсальные стандарты доказывания с глубоким пониманием местных реалий и неформальных связей внутри павшего режима. По Вашему мнению, как формирование интегрированных следственных и судебных групп (объединяющих международных экспертов

и местных юристов) способно преодолеть на практике ту проблему системной дисфункции внутри сетей постконфликтного правосудия, которую Вы подробно проанализировали?

– Интегрированные следственные группы, объединяющие международных и национальных специалистов, представляют собой конструктивный структурный ответ на когнитивные дисфункции (дисфункции знаний), которые могут отравлять работу в сфере постконфликтного правосудия. Международные специалисты приносят универсальный процессуальный и правовой опыт, такой как знание международных стандартов доказывания, методологий расследования, а также практики и прецедентов других постконфликтных ситуаций. Национальные специалисты приносят то, что международные эксперты обычно не могут приобрести быстро: знание местных институциональных структур, неформальных сетей влияния, бюрократической культуры и контекстуальное понимание, необходимое для поиска доказательств, оценки свидетельских показаний и интерпретации поведения в конкретных исследуемых условиях. Ни один из этих наборов знаний не является достаточным сам по себе, и именно их сочетание дает интегрированным группам их потенциальное преимущество.

В то же время мои исследования сетей постконфликтного правосудия показывают, что интеграции на практике добиться труднее, чем в теории. Простое включение международных и национальных следователей в одну команду не приводит автоматически к обмену знаниями. Как и в случае с гибридными судами, требуется осознанное проектирование. Необходимы: достаточное время совместной работы, структурированные механизмы обмена информацией и подлинное институциональное признание опыта национальных кадров как важнейшего, а не вспомогательного элемента. Там, где эти условия соблюдаются, интегрированные группы могут устранить коренные дисфункции; там же, где они не выполняются, группа рискует воспроизвести те самые разделения, которые она должна была преодолеть.

IV. Защита прав в условиях перехода

Вопрос 4.1. Оценка допустимости доказательств, собранных правозащитными НПО и активистами.

– В авторитарных государствах сбор доказательств преступлений режима часто ложится на плечи отважных активистов и международных неправительственных ор-

ганизаций (НПО), чья работа предшествует созданию официальных трибуналов. В ходе судебного разбирательства возникает сложнейшая проблема относительно допустимости («admissibility») этих доказательств, собранных непрофессионалами с возможными нарушениями цепочки обеспечения сохранности доказательств («chain of custody»). Какими должны быть оптимальные стратегии при оценке допустимости таких доказательств, учитывая высокие риски методологических ошибок и нарушений процессуальных гарантий третьими лицами?

– Правозащитные организации и НПО часто первыми документируют жестокие преступления, собирая показания свидетелей, фото- и видеоматериалы, а также документальные доказательства задолго до появления какого-либо официального механизма расследования. Международные уголовные трибуналы издавна опираются на эти доказательства, полученные от третьих лиц, и их опыт предлагает руководство относительно того, как суды переходного правосудия должны подходить к вопросу их допустимости.

Подход, выработанный в международных трибуналах, рассматривает относимость и достоверность, а не строгое соблюдение процессуальных формальностей, в качестве основных критериев допустимости. Технические дефекты в цепочке обеспечения сохранности доказательств не должны автоматически делать доказательства недопустимыми; скорее, такие проблемы влияют на вес, придаваемый доказательству, а не на его допустимость. Там, где источник может быть верифицирован, а защита имеет полную возможность оспорить доказательство в состязательном процессе, принятие доказательства является надлежащим.

Проблема цепочки обеспечения сохранности доказательств значительно усложнилась с ростом роли цифровых доказательств. В ответ на это в 2023 году МУС запустил OTP Link – платформу, через которую НПО и другие лица могут направлять доказательства напрямую со встроенным цифровым следом цепочки обеспечения сохранности. Судам переходного правосудия было бы полезно разработать аналогичные механизмы наряду с четкими прокурорскими руководствами для НПО по стандартам документирования, чтобы доказательства от третьих лиц собирались способами, которые укрепляют, а не усложняют их последующую допустимость.

Вопрос 4.2. Образовательный и легитимирующий эффект состязательного процесса для общества.

– Общество нередко привыкает к тому, что суд – это декорация для оглашения заранее написанного приговора. Настоящий состязательный процесс, где адвокаты подвергают жесткому перекрестному допросу свидетелей обвинения и оспаривают доказательства, может стать шоком для публики, но именно это действие обладает колоссальным образовательным и легитимизирующим эффектом для новой демократии. В какой степени, по Вашему мнению, участие местных адвокатов в резонансных состязательных процессах над деятелями прошлого способствует легитимации нового правопорядка в глазах нации, которая исторически воспринимала судебную систему исключительно как элемент государственного репрессивного аппарата?

– Подлинно состязательный процесс, в котором адвокаты решительно оспаривают доказательства обвинения, свидетели подвергаются перекрестному допросу, а слабые дела отклоняются, выполняет важную экспрессивную функцию для транзитного общества. Он передает осуждение прошлых преступлений со стороны нового государства и способствует восстановлению чувства порядка и общественного доверия к правовым институтам.

Однако необходимо помнить, что масштабная гражданская трансформация, которую иногда обещают сторонники переходного правосудия, находится вне контроля судей и адвокатов, участвующих в судебных процессах. Она может в конечном итоге наступить в результате хорошо организованных, справедливых судебных разбирательств, но это далеко не гарантировано. Адвокаты могут внести наиболее значимый и результативный вклад в достижение относительно узких целей: содействие привлечению к ответственности и создание хорошо функционирующей национальной правовой системы, – и то, и другое может облегчить достижение более масштабных целей в долгосрочной перспективе.

Вопрос 4.3. Защита групп меньшинств как структурный компонент постконфликтного примирения.

– Многие поставторитарные транзиты происходят в обществах, которые не являются этнически однородными, а глубоко разделены по языковому, этническому или религиозному признаку – разделены, которые сами по себе использовали или обострялись прежним режимом. Уголовная ответственность и установление истины обращены к прошлому, но они не разрешают лежащую в основе соци-

альную динамику, которая сделала насилие возможным и которая могла бы привести к его повторению. Какую роль должна играть защита групп меньшинств как структурный компонент постконфликтного примирения, и каковы риски совершения ошибок в этой сфере в глубоко поляризованном обществе?

– Защита групп меньшинств занимает особое место в архитектуре переходного правосудия. В отличие от механизмов уголовного правосудия, которые обращены в прошлое, защита меньшинств устремлена в будущее. Они создают условия для равноправного участия в жизни общества и управлении государством, которые делают возможным долгосрочное сосуществование. Защита языковых, культурных и политических прав групп меньшинств является важным строительным блоком примирения именно потому, что она устраняет структурное неравенство, которое, если его оставить нерешенным, может увековечить цикл противостоящих друг другу идентичностей и обид. В то же время защита групп меньшинств несет в себе собственные риски в непосредственный постконфликтный период. Как и механизмы переходного правосудия, меры по защите могут восприниматься как маркеры политической ориентации – как поддержка нарратива одной стороны в ущерб другой – и изначально могут обострить, а не ослабить противостояние идентичностей.

Создание национального правозащитного учреждения может стать полезной переходной мерой с долгосрочным эффектом. Национальные правозащитные учреждения (НПУ) представляют собой постоянные, независимые ведомства с мандатом на расследование жалоб и поощрение прав человека. Они могут служить доступным постоянно действующим механизмом, позволяющим общинам меньшинств заявлять о своих опасениях по поводу соблюдения новым правительством своих обязательств, предоставляя канал, который сопряжен с меньшими ставками, чем официальное судебное разбирательство, но является более структурированным, чем политическая адвокатура.

V. Устойчивое развитие, доноры и долгосрочное наследие правосудия

Вопрос 5.1. Юридическая аргументация для международных доноров относительно приоритетности финансирования правосудия.

– Ваше исследование выявляет прагматическую проблему: международные доноры охотно финансируют инфраструктурные проекты, но часто отказываются выделять

средства на программы переходного правосудия в хрупких государствах, опасаясь, что политизированные суды разрушат хрупкий баланс сил. Но без финансирования правосудие в государстве задохнется. Какие концептуальные аргументы может и должно использовать юридическое сообщество, чтобы убедить международных финансовых партнеров в критической необходимости приоритетной интеграции механизмов правосудия в программы макроэкономического восстановления?

– Международные доноры сталкиваются с реальными препятствиями на пути к поддержке переходного правосудия. Работа в затронутых конфликтом и хрупких государствах по своей сути сопряжена с риском; переходное правосудие является политически неоднозначным; его цели рассчитаны на несколько поколений и их трудно измерить в рамках циклов финансирования доноров; а его связь с основными миссиями доноров в области развития исторически была опосредованной. Однако международное сообщество все больше признает важность правосудия для развития. В Докладе о мировом развитии Всемирного банка за 2011 год триада из правосудия, безопасности и государственного управления была определена в качестве ключевых компонентов для стабилизации государств, склонных к конфликтам, при этом отмечалось, что один серьезный эпизод насилия может перечеркнуть экономический прогресс целого поколения. Рамочное соглашение «Новый курс для хрупких государств» («The New Deal Framework for Fragile States») закрепило правосудие в качестве одной из пяти основных целей в области миростроительства и государственного строительства, обеспечив официальную легитимизирующую основу для инвестиций в переходное правосудие.

Чтобы содействовать получению поддержки со стороны международных доноров, юристы должны использовать тот язык и те концептуальные рамки, которые находят отклик у основных миссий доноров в сфере развития. Доноры могут быть более восприимчивы, когда программы переходного правосудия формулируются через рамки государственного строительства, которые они уже поддерживают (например, развитие потенциала, надлежащее управление или права человека), а не как «переходное правосудие» как таковое, что может нести в себе политические риски для донорских организаций.

Вопрос 5.2. Юридические и процедурные гарантии против монополизации нарратива Комиссией по установлению истины.

– Комиссии по установлению истины являются важнейшим инструментом перехода. Если работа такой комиссии будет монополизирована одной политической силой (например, победившей оппозицией), официальный отчет рискует превратиться в новую пропаганду. Это не излечит травмы общества, а лишь загонит конфликт глубоко внутрь, готовя почву для гражданской войны. В связи с этим возникает вопрос: если в государстве принято решение о запуске Комиссии по установлению истины, какие процедурные и институциональные гарантии должны быть заложены изначально, чтобы избежать ситуации, при которой процесс формирования «официальной истины» монополизирован одной социальной или этнической группой, что ведет к эскалации скрытых конфликтов?

– Комиссии по установлению истины обладают огромной властью формировать официальную историческую память. Чтобы комиссия не превратилась в инструмент создания новой односторонней государственной идеологии, ее структура должна быть защищена системой сдержек и противовесов.

Гарантии включают в себя:

– плюрализм формирования: члены комиссии должны назначаться не решением президента или правящей партии, а посредством прозрачного конкурсного отбора с обязательным включением представителей гражданского общества, правозащитников, историков и представителей различных (включая бывшую оппозицию или уязвимые группы) социальных и этнических групп.

– независимость финансирования: бюджет комиссии должен быть защищен законом от оперативного вмешательства со стороны исполнительной власти (например, посредством прямых международных грантов или долгосрочного целевого выделения средств).

– процедурная прозрачность: обязательное опубликование стенограмм открытых слушаний и право членов комиссии, оставшихся в меньшинстве, прилагать свое особое мнение («dissenting opinion») к финальному отчету, что обеспечивает многомерность исторической картины.

Даже при наличии этих структурных гарантий важно признать, что определение истины в расколотом обществе по своей сути является спорным вопросом. Никакой процедурный дизайн не может полностью разрешить разногласия по поводу значения общей истории. Цель этих гарантий состоит в том, чтобы гарантировать, что

процесс будет восприниматься как достаточно инклюзивный и справедливый, чтобы его выводы обладали легитимностью во всех сообществах, а не отбрасывались как нарратив победителей.

Вопрос 5.3. Роль адвокатов в модерации конфликта между карательным и восстановительным правосудием.

– В переходный период общество разрывается между двумя полюсами. С одной стороны – карательное правосудие («retributive justice»), требующее «посадить всех виновных», что технически невозможно и грозит гражданской войной. С другой стороны – восстановительное правосудие («restorative justice»), предполагающее широкие амнистии в обмен на правду, что вызывает гнев жертв. Предстоит найти математически точный баланс. Каковой может быть роль адвокатов в модерации этого острейшего конфликта в глубоко поляризованном обществе?

– Напряженность между карательным и восстановительным подходами реальна, но она часто формулируется таким образом, который представляет собой ложную дилемму. Область переходного правосудия накопила значительный опыт, показывающий, что привлечение к ответственности и примирение не обязательно противоречат друг другу. Вместо этого их можно осуществлять взаимодополняющими способами посредством тщательно разработанного сочетания механизмов, каждый из которых решает те аспекты проблемы, которые другие решить не могут.

Как обсуждалось ранее, уголовные процессы выполняют важные функции, такие как выражение осуждения прошлых преступлений, содействие восстановлению порядка и разрыв порочного круга безнаказанности. Но они рассматривают только действия отдельных лиц, совершивших преступления, а не конфликт в целом. Комиссии по установлению истины рассматривают более широкий контекст, но не устанавливают индивидуальную уголовную ответственность. Репарации, люстрация, институциональная реформа и мемориализация – каждая из этих мер охватывает дополнительные измерения. Ни одного отдельного механизма недостаточно; вопрос заключается в том, как их сочетать и в какой последовательности, с учетом местных условий и хрупкости переходного периода.

Вклад юридического сообщества состоит в том, чтобы разрабатывать такие комбинации механизмов, которые выверены с учетом того, что местные институты способны выдержать, и что

может вынести данный политический момент. Достижение любой степени трансформации с помощью этих инструментов требует признания того, что результаты будут несовершенными и частичными, руководствуясь скорее прагматическими принципами, нежели идеальными. Адвокаты также должны честно объяснять всем группам населения, почему именно этот прагматичный подход, а не максималистское привлечение к ответственности или всеобщая амнистия, является путем, наиболее способным привести к прочному миру.

Вопрос 5.4. Качественные и проверяемые индикаторы успеха реформ верховенства права вместо количественных суррогатов.

– Международные доноры требуют «помощи, основанной на доказательствах» («evidence-based aid»). Им нужны количественные показатели успешности вложенных средств. Но как измерить «уровень примирения» или «возврат доверия к суду» в государстве? Неправильные индикаторы (например, «количество посаженных чиновников») могут стимулировать новую правоохранительную систему фальсифицировать дела ради красивой отчетности. С помощью каких конкретных, проверяемых индикаторов целесообразно измерять реальный, а не фасадный успех реформ верховенства права в поставлоритарном государстве?

– Проблема измерения реформы верховенства права хорошо задокументирована и является подлинно сложной. Цели переходного правосудия рассчитаны на поколения. Изменения в общественном доверии к судебной системе, примирение между сообществами и подлинное уважение к правам могут быть значимо оценены только на временных отрезках, которые выходят далеко за рамки циклов финансирования доноров. Характеристики, знаменующие реальный прогресс, являются преимущественно субъективными и качественными, а не объективными и количественными.

Это создает серьезный риск. Давление доноров в пользу программ, основанных на доказательствах, стимулирует использование количественных индикаторов, ориентированных на краткосрочные результаты деятельности (outputs), такие как количество приговоров, арестов, обработанных дел. О таких показателях можно легко отчитаться, но они не коррелируют с долгосрочными целями реформы и могут иметь обратный эффект.

Более значимые индикаторы фокусируются на конечных результатах («outcomes»), а не

на промежуточных результатах деятельности («outputs»): чувствуют ли люди, что их слышат, доверяют ли они судам в принятии независимых решений, готовы ли они подавать иски против государственных институтов. Целью должно быть не нахождение идеальных измерителей, а разработка индикаторов, которыми менее легко манипулировать и которые более непосредственно связаны с глубинными целями реформы. Заинтересованные сообщества также должны быть вовлечены в разработку этих индикаторов, чтобы контрольные показатели отражали местное, а не навязанное извне понимание того, как выглядит легитимное правосудие.

Вопрос 5.5. Объективные маркеры завершения переходного правосудия и фиксации новой нормальности.

– Конечной целью переходного правосудия является его собственное завершение. Постоянно действующие трибуналы и комиссии не позволяют до конца двигаться обществу вперед, удерживая его в состоянии вечно-го «перехода» и сведения счетов с прошлым. Требуется определить точку фиксации новой правовой нормальности. Существует ли, по вашему мнению, объективный маркер, при достижении которого общество может обоснованно считать тяжелые травмы авторитарного прошлого юридически разрешенными и социально преодоленными?

– Функционирующая национальная судебная система представляет собой потенциально наиболее ценное и долговечное наследие постконфликтного правосудия, и именно на эту долгосрочную институциональную цель должны быть в первую очередь ориентированы инвестиции в переходное правосудие. Таким образом, вместо того чтобы рассматривать окончательное раз-

решение вреда прошлого в качестве критерия завершенности переходного правосудия, нам следует задаться вопросом, развила ли обычная национальная судебная система способность поглотить его функции. Стратегии завершения работы специальных международных трибуналов неоднократно возвращались к вопросу наследия и информационно-просветительской деятельности именно потому, что сами трибуналы признавали, что их наиболее важным вкладом было не их собственное производство по делам, а то, что они оставили после себя в национальных правовых системах.

Исходя из этого стандарта, наиболее значимым маркером завершения является способность национальных судов рассматривать весь спектр дел, включая самые сложные и политически чувствительные, независимо, беспристрастно и в соответствии с международными стандартами, без необходимости в постоянной международной поддержке. Также важно быть реалистами: даже после того, как национальный потенциал будет создан, достижения могут быть обращены вспять из-за политического вмешательства или институционального регресса. Справедливую, эффективную, уважающую права национальную судебную систему следует рассматривать как постоянно действующий ресурс, требующий постоянной защиты и обновления, а не как финишную черту, которую необходимо пересечь.

Благодарю вас за приглашение принять участие в дискуссии по этой важной теме!

– **Спасибо Вам за интервью, дорогая профессор Бейлис!**

Беседовал главный редактор, адвокат, доктор юридических наук, доцент Андрей Рагулин

English version text

Visit Card:

Elena Baylis – Associate Dean for Experiential Learning, Professor of School of Law of University of Pittsburgh.

Professor Elena Baylis¹ is an expert in post-conflict and transitional justice. Her scholarship focuses on topics that concern the relationships among communities and between domestic and international law, such as protection and repatriation of cultural heritage, reconciliation mechanisms, hybrid courts and tribunals, and U.S. implementation of the prohibition on crimes against humanity. She served as an expert and primary drafter for the Dakar Guidelines on the Establishment of Hybrid Courts. She has conducted field research and worked on legal education/rule of law initiatives in several post-conflict states, including Kosovo, Ethiopia, and the Democratic Republic of Congo. Her research has been commissioned by the International Center for Transitional Justice and the U.S. Institute of Peace. Baylis also writes about U.S. legislation, law, and policy. As in the international context, her scholarship concerns the relationships between international, national, and local laws and communities. She has published papers on U.S. national security, immigration, marriage equality, and education issues.

Elena Baylis's works² were published in the Columbia Law Review Forum, American Journal of International Law Unbound, Yale Journal of International Law, Berkeley Journal of International Law, Michigan Journal of International Law, Vanderbilt Journal of Transnational Law, UCLA Journal of International Law and Foreign Affairs, Iowa Law Review, University of Illinois Law Review, Boston College Law Review, Journal of International Law and International Relations, and the Revue européenne du droit, as well as in edited volumes by Oxford University Press and Cambridge University Press, among others. Her commentary has appeared in the New York Times, and she was a founding member of the Intlawgrrls blog.

Elena Baylis holds a joint appointment by courtesy with the Graduate School of Public and International Affairs. She has held appointments as a Visiting Professor at George Washington University Law School and the University of Connecticut Law School and as a Visiting Scholar at Georgetown University Law Center. Before joining the University of Pittsburgh, Professor Baylis taught at Mekelle University Law Faculty in Ethiopia as a Visiting Assistant Professor from the University of Alabama Law School. She practiced civil litigation and advised clients on foreign policy matters with Shea & Gardner in Washington, D.C., and clerked for U.S. District Judge Mariana Pfalezer.

Elena Baylis is a graduate of Yale Law School, where she was awarded the Raphael Lemkin Prize for the best paper on international human rights. She earned her BA summa cum laude from the University of Oregon Honors College.

Hello, esteemed Professor Baylis!

I am glad that you agreed and were able to find the time for an interview on a topic that deeply concerns our readers – the problems of transitional justice.

I. Fundamental bases of transitional justice under conditions of institutional isolation

Question 1.1. Deconstruction of national exceptionalism.

– In your research, you have analyzed the phenomenon of «national exceptionalism», which hinders the integration of jus cogens norms into national law, whereby a state with a developed legal system categorically rejects the direct application of international criminal law on its territory, considering that atrocities are the lot of «other» countries. Let us imagine an abstract state with a deeply root-

ed doctrine of sovereign isolation, entering a phase of transition. What, in your opinion, should be the first doctrinal and practical steps of the national legal community to deconstruct this barrier and legitimize international legal mechanisms in the eyes of a skeptical population?

– The presumption that atrocities are something that happens only in other countries, and not in states with developed legal systems, is a well-documented phenomenon. In the United States, for example, this orientation has meant that federal attention to crimes against humanity has been directed entirely at atrocities committed overseas, with no domestic legal framework for preventing or prosecuting such crimes at home, despite evidence of risk. The absence of a domestic legal framework is not a signal of a clean record. Instead, it represents a concerning legal gap.

¹ <https://www.law.pitt.edu/people/elena-baylis>

² https://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=354648

Customary international law binds all states regardless of whether they have ratified specific treaties. Overcoming the exceptionalist presumption requires honest engagement with the question of whether existing domestic law adequately implements the state's obligations under customary international law. Practically, a good initial step is integrating widely-accepted international legal standards (such as the definitions in the Rome Statute) into legal training and discourse. Doing so will enable national lawyers and judges to meaningfully assess their own legal system against those international legal standards, rather than treating the international framework as irrelevant to their context.

Question 1.2. «Willful blindness» («intentional ignorance») and proving the policy element.

– A key element of crimes against humanity is the presence of a policy of a state or organization directed at committing widespread attacks on the civilian population. In your works, you write that the absence of official written orders does not exempt from liability: systematically turning a blind eye to the arbitrariness of law enforcement officers is de facto such a policy. Terror is often carried out precisely through the mechanism of mutual cover-ups and refusals to initiate criminal cases. From this arises the question: if the state lacked a documented official doctrine of repression, but there was a long-standing, systemic practice of non-investigation of obvious crimes by law enforcement agencies, how should the architects of transitional justice prove the subjective side – the «policy element» – to qualify these acts as crimes against humanity?

– A key insight from international criminal law is that the policy element of crimes against humanity does not require a formal, documented directive from the state. According to the ICC's Elements of Crimes, a policy can in exceptional circumstances be implemented by a deliberate failure to take action that is consciously aimed at encouraging an attack on a civilian population. ICC jurisprudence has further elaborated that: a policy need not be explicitly stated but can be implied from patterns of actions and behaviors; it need not be formulated in advance but can develop over time; and it need not originate at the highest levels of the state but can develop at a local or regional level.

In practice, this means that a sustained pattern of non-investigation and non-punishment of widespread abuses can constitute evidence of a de facto policy. This is particularly so if officials with oversight responsibility could not plausibly have been unaware of these abuses. This is because it is only through the state's complicity in turning a blind eye

that individual abuses should be able to escalate to the scale of crimes against humanity. As such, a shocking volume of underlying acts over an extended period of time, combined with a pattern of institutional failures to respond, is a significant indicator of potential government complicity, even in the absence of any written order.

The distinction that matters legally is between a state that is merely remiss and one that is actually complicit. Willful blindness crosses that line when it is deliberate: when officials consciously ignore signals that they are in a position to act on, in a way that effectively enables the abuses to continue.

Question 1.3. Overcoming competing narratives and accusations of «victor's justice».

– In your works on post-conflict reconciliation, the extreme danger of the coexistence of mutually exclusive historical narratives in society is emphasized. After the fall of an authoritarian regime in a state, a clash between the narrative of the former elites (justifying their actions by «state necessity») and the narrative of the victims is inevitable. Transitional justice can be perceived by loyalists of the former regime as trivial revenge. Considering your argumentation about the danger of competing historical narratives, how, in a state that has been subjected to decades of ideological indoctrination, can the mechanisms of transitional justice avoid the stigma of «victor's justice» and contribute to the formation of a unified, objective historical memory leading to real social reconciliation?

– The concern about «victor's justice» is serious and well-founded. Socio-psychological research shows that communities in conflict tend to develop mutually exclusive historical narratives grounded in identity and perceived grievances. When those narratives are deeply embedded, transitional justice processes risk being perceived as simply imposing the victors' version of events. If so, transitional justice processes can actually reinforce the cycle of oppositional identities, rather than disrupting it.

Addressing this risk requires attention to both substance and process. Concerning substance, all perpetrators, regardless of which side they were on, must be subject to the same legal standards. A transitional justice mechanism that exempts some groups while prosecuting others will rightly be perceived as politically motivated. Concerning process, it is essential to develop inclusive procedures that allow victims from all communities to be heard. Mechanisms that promote a single, official narrative run the risk of deepening rather than healing social divisions. These procedures must also be designed and staffed in ways that are broadly perceived as neutral.

Question 1.4. The balance of mechanisms at the early stage of transition (the risk of civil war vs. the demand for justice).

– Transitional justice offers a wide arsenal of tools: lustrations, truth commissions, special prosecutor's offices, amnesty. But the choice of the wrong tool at an early stage can provoke an armed rebellion on the part of the security forces who have retained their influence. Which specific legal mechanisms (for example, truth commissions with the provision of partial amnesties in exchange for testimony or harsh criminal tribunals) seem to you the most balanced at the earliest, most fragile stages of the transition, in order to satisfy the acute need of the victims for justice without provoking a forceful revenge of the old elites?

– Over time, the field of transitional justice has learned that achieving any degree of transformation requires accepting that results will inevitably be imperfect and partial, guided by pragmatic principles rather than ideal ones. The ambitions of transitional justice have evolved from the unachievable goal of fully establishing the rule of law and democracy toward the more modest but still demanding aim of maintaining peace and stability while laying the groundwork for longer-term reform.

In the earliest and most fragile stages of a transition, criminal trials can serve valuable functions. They express condemnation of past atrocities, contribute to restoring a sense of order, and can help break the cycle of impunity. But in situations of widespread abuses, it is not possible to prosecute everyone who was involved. In addition, trials address the acts of individual perpetrators rather than the conflict as a whole. We should be realistic about what they can accomplish on their own, particularly where supporting institutions are weak or compromised.

For this reason, criminal accountability mechanisms are most effective when pursued alongside complementary tools such as truth commissions, lustration procedures, and institutional reform. These must be sequenced carefully with an eye to local conditions and the real risks of destabilization. It is impossible to say in the abstract which processes will be most constructive, as it depends on the individual situation. A thorough, neutral assessment of how the local circumstances and dynamics relate to the available justice tools is an essential first step in any transition. Used together, multiple transitional justice mechanisms can work toward accountability, reconciliation, and sustainable peace in ways that no single tool can achieve alone.

Question 1.5. Social reconciliation mechanisms beyond criminal justice.

– Criminal trials and truth commissions attract the most attention in discussions of transitional justice, but they address primarily the past: the crimes committed and the historical record. Many of the deepest dynamics that drove a conflict and that could drive its recurrence operate at the level of social identity, community relationships, and structural inequality, and are not reached by criminal accountability mechanisms at all. What categories of reconciliation mechanisms are available beyond criminal justice, and how should they be sequenced and combined in a transition?

– Post-conflict reconciliation draws on three broad categories of mechanisms, each addressing different aspects of the social dynamics that fuel conflict:

Instrumental mechanisms attempt to shift the dynamic between groups incrementally by building positive experiences and mutual benefit in the present, without directly addressing the painful history. These include public statements by political, cultural, and religious leaders expressing respect and recognition; cooperative economic and social programs that require inter-communal collaboration; and structured community dialogue. These measures are relatively low-risk and unlikely to exacerbate tensions in the short-term, but they do not address the underlying identity conflicts and historical grievances, and their effects may not be durable if those deeper dynamics persist.

Historical mechanisms address the past directly, through education, memorialization, and transitional justice processes. These are higher-risk: if they fail, they risk reinforcing rather than disrupting the oppositional identities that drove the conflict. A truth commission that promotes a single official narrative, or a memorialization process that is perceived as one-sided, can deepen grievances rather than address them. But if they succeed, they can achieve the more durable shift in mutual understanding that instrumental measures alone cannot.

Structural mechanisms address the ongoing conditions that perpetuate inequality and exclusion. These include constitutional and legal reforms ensuring political participation, equal access to education and government services, and protection of minority group interests. These are the most far-reaching and most directly relevant to preventing recurrence, but also the most politically contested and the most difficult to implement.

All three categories are necessary; no single one is sufficient. The appropriate sequencing depends on local conditions, the stage of the transition, and an honest assessment of what the political moment can bear, with the understanding that structural reforms,

however difficult, are ultimately what enables the transition to become durable.

II. Implementation of norms, «soft law», and the influence of «persuasive authority»

Question 2.1. Introduction of the concept of «persuasive authority» into the continental system.

– The concept of «persuasive authority» developed by you implies that the decisions of international tribunals are perceived by national courts voluntarily, by virtue of the high quality of their legal argumentation. However, in the continental legal tradition, especially in those countries where a rigid approach reigns, judges are accustomed to applying only the written law and following the strict instructions of higher instances, often rejecting the approaches of other jurisdictions and even of the highest judicial bodies of their own country. How can the concept of «persuasive authority» be effectively introduced into the judicial system of such a state?

– As a matter of international law, it is not inappropriate for national courts to deploy international standards voluntarily, particularly if doing so promotes accountability and mitigates nullum crimen concerns by applying only to acts within the international court's own jurisdiction. That civil law courts can do this has been demonstrated in practice. For example, in the Democratic Republic of Congo, civil law military courts voluntarily applied the Rome Statute as the rule of decision in atrocity cases without implementing legislation. Of course, a state's national constitution and laws may provide for a greater or lesser possibility of deploying international norms voluntarily.

Practically speaking, several mechanisms can support engagement between national and international courts:

- Direct peer-to-peer contacts between international and national judges and prosecutors;
- Partnerships with rule of law networks already operating in the concerned states;
- Formal training and education for judges and attorneys;
- Use of the amicus curiae mechanism (the provision of expert opinions to the court).

Whether national courts ultimately adopt, adapt, or reject international courts' analysis, engagement with international judgments and reasoning will build their facility with international criminal law standards and methodologies over time.

Question 2.2. Criteria for the selection of cases for «benchmark processes» («bellwether trials»).

– The mechanism of «benchmark processes» («bellwether trials»), which you write about, al-

lows hybrid courts to resolve key legal nodes on the example of a single representative case, creating a template for hundreds of analogous cases in local courts. For a state whose judicial system will be paralyzed by an avalanche of lawsuits after a regime change, this mechanism is of immense value. If a special hybrid tribunal is created to facilitate the transition, what should be the methodology for selecting cases to form the «bellwether trials»? Which specific categories of cases should be considered first so that local courts, suffering from a lack of resources and expertise, can immediately apply these legal conclusions to resolve thousands of ordinary domestic cases?

– In the conditions of the overload of the judicial system of a post-authoritarian state, hybrid or specialized courts must apply a strategic approach to the selection of cases. «Bellwether trials» are designed to resolve systemic legal nodes, and not just punish random perpetrators. The selection criteria include:

– Legal representativeness: the case must contain a complex legal problem characteristic of hundreds of other cases (for example, proving the «willful blindness» of agency leadership, or establishing the standard for joint criminal enterprise liability).

– Factual typicality: an episode is selected that reflects the broader context of the alleged crimes, for example, a case that establishes whether a widespread or systematic attack on civilians occurred and its organized character.

To maximize utility, the tribunal should structure its judgments to separate these common findings from individual ones.

By issuing a detailed, impeccably reasoned decision on such a «pilot» case, a hybrid tribunal creates a ready-made conceptual and methodological template that national courts can use for the quick and uniform resolution of analogous cases, significantly unburdening the system. It should also actively ensure that its judgments reach the national courts through use of networks and outreach.

Question 2.3. The role of «soft law» in conditions of an institutional vacuum.

– The transition from the creation of rigid treaties («hard law») to «soft law» provides a flexible tool for law enforcement. During the period of a state's transition, the old legislation often turns out to be inapplicable or directly violating human rights, and the new one has not yet been adopted. «Soft law» can fill this vacuum. In a situation where a state has been outside the mainstream path of human rights evolution for decades, and new democratic legislation is still under development, what practical role can the «soft law» of UN institutions

play in the immediate training of the renewed corps of judges and prosecutors in modern standards of proof and humanitarian law?

– During a transition, national legislation is often paralyzed, outdated, or inadequate to address the crimes of the past, and the adoption of new laws requires considerable time. «Soft law» instruments can play an important role in filling this gap, not by replacing formal law, but by enabling legal development to proceed through practice rather than waiting for top-down political action.

The International Law Commission's increasing emphasis on «soft law» reflects exactly this logic. The ILC is the UN's expert body charged with codifying and progressively developing international law. It has shifted substantially toward producing «soft law» outputs: draft articles, principles, and guidelines that do not require treaty ratification but nonetheless carry substantial authority. These outputs render customary and developing legal norms clear and accessible in a way that custom alone does not, allowing judges, prosecutors, and investigators to apply international standards without undertaking the arduous process of independent research. Crucially, this authority does not depend on formal state adoption: ILC «soft law» gains adherents through its utility, credibility, and the transparency of the expert process that produced it. Courts across legal traditions – including civil law courts – have cited ILC outputs as evidence of customary law and as authoritative guidance. For a transitioning state whose new domestic legislation is still being drafted, ILC «soft law» provides a principled, internationally recognized reference framework that practitioners can draw on immediately.

Practical instruments like the Dakar Guidelines on the Establishment of Hybrid Courts illustrate how this works in the specific transitional justice context. Designed not as a mandate but as a reference guide, the Dakar Guidelines offer those establishing hybrid courts a set of key decision points and design options on key subjects including jurisdiction, composition, case selection, capacity building, and legacy. The Dakar Guidelines capture lessons from practitioners with direct experience of prior hybrid courts and make that knowledge accessible to actors working in new contexts where domestic legislation is still being developed.

Question 2.4. Overcoming the principle of *nullum crimen sine lege* (no crime without law) for former officials.

– The fundamental principle of criminal law *nullum crimen sine lege* (no crime without law) often becomes the main shield for the figures of

a fallen regime. They claim that their orders complied with the laws of the state in force at that time. Overcoming this defense requires the meticulous application of *jus cogens* norms and customary international law, which is a central theme in works on crimes against humanity. In this regard, the following question arises: if, at the time of the commission of systemic repressions, the state lacked an internal codified law on crimes against humanity, and national law formally permitted such actions, how should transitional justice courts legally justify the retrospective application of peremptory norms of international law, without destroying the basic public trust in the principles of predictability of the law?

– Former officials of a prior regime frequently invoke the principle of *nullum crimen sine lege*, arguing that their actions complied with domestic law as it existed at the time and that prosecution therefore amounts to retroactive criminalization. This defense misunderstands the relationship between domestic law and international law in the context of atrocity crimes.

The prohibition on crimes against humanity is a peremptory norm: one of the nonderogable *jus cogens* prohibitions that states cannot opt out of through domestic legislation or practice. Its particular function is precisely to protect civilian populations against atrocities committed under the authority of a state, even when those actions are shielded by the state's own domestic law and policy.

Legality under domestic law is explicitly not a substantive defense to crimes against humanity, nor is superior orders, nor the defendant's official position.

Prosecution on this basis is therefore not retroactive in any meaningful sense. The prohibition on crimes against humanity existed as a matter of customary international law. It bound states and their officials independently of whether it had been enacted into domestic legislation. Courts applying this framework should nonetheless be attentive to the genuine complexity involved: while the prohibition is well-established as a *jus cogens* norm, its specific elements have not yet been codified in a single binding treaty, and definitions have varied across tribunals. Courts should ground their analysis in those elements most clearly established in customary international law and consistently reflected across international jurisprudence, so as to give the *nullum crimen* principle its due weight while still giving effect to the universal prohibition.

Question 2.5. Adaptation of the war crimes prevention model in civilian agencies.

– In your works, it is proposed to introduce a «war crimes prevention model» into civilian agencies to combat systemic violations (for example, torture in the police). But in a state whose repressive apparatus is enormous, deeply corrupt, and permeated with a militaristic culture, a simple change of leadership does not change the «institutional DNA» of the agencies. To what extent, in your opinion, is this model suitable for a deep reform of the law enforcement and penitentiary apparatus of a post-authoritarian state, where institutional mutual cover-ups have been formed for decades?

– A simple replacement of leadership in civilian agencies (police, penitentiary system, migration services) is not capable of destroying an entrenched culture of violations. In this context, the military war crimes prevention model offers a genuine framework for civilian agencies. Its value lies not primarily in the legal prohibition itself (e.g., the existence of a rule against torture), but in the organizational and institutional mechanisms that make that prohibition actionable in practice. What the U.S. military's experience demonstrates is that the following factors, working together, can drive meaningful change in institutional behavior:

- mandatory legal review of all operations,
- embedded compliance agents at every level of command,
- training that emphasizes legal norms over operational metrics, and
- legal liability for commanders who knew or should have known of violations.

Applied to civilian agencies in a post-authoritarian state, this model has real promise but also real limits. The model need not be perfect to be useful; the question is whether it can significantly reduce and mitigate violations, not whether it can eliminate them entirely. Even partial implementation could produce meaningful improvements, particularly:

- mandatory advance legal review of agency policies,
- external autonomous complaint channels that bypass internal cover-up dynamics, and
- training reforms that reorient professional standards away from quantitative enforcement metrics and toward observing citizens' procedural rights.

However, it must be acknowledged that changing institutional culture entrenched over decades is an extremely difficult task. Organizational structure and institutional culture can shift through sustained, proactive mechanisms, but those mechanisms require genuine political will to implement and sustain. Their effectiveness depends critically on whether the oversight structures themselves are insulated from

the culture they are meant to reform. In a deeply corrupt apparatus, external monitoring is therefore not a supplementary feature of reform but an essential condition of its success.

III. Epistemic communities and overcoming professional dysfunctions

Question 3.1. Interaction with international experts («Justice Junkies») without losing sovereignty.

– Your works reveal the problem of «Justice Junkies» – nomadic international experts who bring technical experience to post-conflict countries, but often ignore local specifics, imposing template solutions. With the fall of the regime, the state will inevitably become an object for the application of efforts by such international consultants. How can the national legal community extract maximum benefit from the expertise of «Justice Junkies», while not turning into a disenfranchised recipient of external directives?

– The challenge this question identifies is real and well-documented. International experts in post-conflict justice settings bring genuine technical expertise, but simply applying external models without adaptation tends to fail. The model ends up on a shelf rather than integrated into practice, because it does not fit the legal system, institutional culture, or working relationships of the concerned country.

The most effective international assistance structures the process so that local actors control the adaptation and implementation of external models, in what I call «delegated contextualization». It is far more constructive to have the national legal community apply their expertise concerning the local legal, political, social and cultural context, rather than having internationals attempt to do that adaptation themselves with limited local knowledge.

From the national community's side, this means insisting on genuine participation in the adaptation process. National actors should not aim to serve as a filter to block external input, but rather, as the principal agents who determine how international standards are translated into the national context. Real change in a legal system is measured in decades, not project timelines, and it depends on acceptance and use by national communities of practice. International expertise is most valuable when it serves that long-term process of building domestic capacity rather than substituting for it.

Question 3.2. Institutional filters for the integration of «local knowledge» into hybrid institutions.

– The problem of «local knowledge» arising from the previous question is critically important. International templates may not work in one state

or another due to the peculiarities of its procedural law, traditions of document flow, or other specifics. A mechanism for the filtration and adaptation of external legal constructs is necessary. You have reasonably pointed out a dangerous deficit of «local knowledge» among international legal actors. Which specific institutional filters is it advisable to introduce into the justice system of the state so that international legal templates are not blindly copied, but organically and viably adapted to the surviving positive elements of the local legal culture?

– Mixed chambers combining international and national judges represent the most important structural filter for integrating local knowledge into hybrid justice institutions. International judges filter out local political pressure and bias while ensuring compliance with international legal standards; national judges filter out the isolation of proceedings from local reality, bringing knowledge of local law, procedural culture, and the informal codes that shape how witnesses behave and how institutions function. Together they are intended to produce judgments that are both legally sound by international standards and grounded in local reality.

It is important to note, however, that simply placing judges of different backgrounds on the same panel does not automatically produce the knowledge exchange the hybrid model envisions. Language barriers, differing legal traditions, and international judges' unfamiliarity with national law and history have frequently limited meaningful interaction in hybrid courts.

For the filter to function as intended, deliberate design choices are essential: selecting international staff who share a language and legal tradition with national counterparts where possible; investing in structured mechanisms for dialogue that go beyond mere co-presence on the bench; and treating capacity building as a genuinely two-way process. The Dakar Guidelines reflect this understanding in their emphasis on shared language and legal background as key selection criteria, and in their recognition that capacity building must be actively designed into the tribunal's structure rather than assumed to follow automatically from hybridization.

Question 3.3. Structuring the dialogue between international and national lawyers.

– Institutional building programs (capacity building) are sometimes perceived by local advocates as condescending «training of locals» on the part of Western colleagues, which causes rejection and sabotage. An effective transition requires turning this process into an equal dialogue of two

epistemic communities, where local lawyers share knowledge of the context, and international ones – experience of precedents. How should the process of transferring advanced legal skills be structured so that it constitutes an equal and mutually respectful dialogue of epistemic communities?

– The risk this question identifies – that capacity building becomes professional paternalism rather than genuine exchange – is well-documented. The most effective model is not one-way instruction but a community of practice: practitioners from different backgrounds who develop shared knowledge by working together on concrete tasks, each contributing from their own area of expertise.

International practitioners often bring knowledge of international criminal law and procedural standards, as well as methodological skills developed across multiple post-conflict settings. National practitioners bring knowledge that is irreplaceable and that internationals typically cannot acquire quickly: local law and legal history, the specific functioning of the institutions under investigation, informal social codes, and linguistic nuance. Neither set of knowledge is sufficient on its own. Structuring this as genuine dialogue rather than instruction requires building it around joint practical tasks, such as drafting regulations, analyzing cases, or developing training materials. In this context, each party needs what the other knows. In addition, both parties must be accountable for the outcome. Shared responsibility for results is what creates the conditions for mutual respect.

Achieving this in practice does tend to be structurally difficult. Short posting timelines, competition among international organizations, and institutional divisions between international and national staff can all work against sustained reciprocal collaboration. Deliberate design is required: longer postings of international staff where possible, structured joint work products, and explicit institutional recognition of nationals' contextual expertise as essential rather than supplementary.

Question 3.4. Integrated investigative teams as a tool for overcoming dysfunctions.

– One of the solutions to the problem of dysfunction is the creation of mixed, hybrid teams, where an international investigator/prosecutor works in tandem with a national specialist. This allows combining universal standards of proof with a deep understanding of local realities and informal ties within the fallen regime. In your opinion, how is the formation of integrated investigative and judicial teams (combining international experts and local lawyers) capable of overcoming in practice

that problem of systemic dysfunction within the networks of post-conflict justice, which you analyzed in detail in your research?

– Integrated investigative teams combining international and national specialists represent a constructive structural response to the knowledge dysfunctions that can plague post-conflict justice work. Internationals bring transferable procedural and legal expertise, such as knowledge of international evidentiary standards, investigative methodologies, and the practices and precedents of other post-conflict settings. National specialists bring what internationals typically cannot acquire quickly: knowledge of local institutional structures, informal networks of authority, bureaucratic culture, and the contextual understanding needed to locate evidence, assess testimony, and interpret behavior within the specific setting under investigation. Neither knowledge set is sufficient on its own, and the combination is what gives integrated teams their potential advantage.

At the same time, my research on post-conflict justice networks shows that integration in practice is harder to achieve than in theory. Simply placing international and national investigators in the same team does not automatically produce knowledge exchange. As with hybrid courts, deliberate design is required. Sufficient time working together, structured mechanisms for sharing information, and genuine institutional recognition of nationals' expertise as essential rather than supplementary. Where those conditions are met, integrated teams can address core dysfunctions; where they are not, the team risks replicating the same divisions it was meant to overcome.

IV. Protection of rights in transition conditions

Question 4.1. Assessment of the admissibility of evidence collected by human rights NGOs and activists.

– **In authoritarian states, the collection of evidence of the regime's crimes often falls on the shoulders of brave activists and international non-governmental organizations (NGOs), whose work precedes the creation of official tribunals. During a judicial proceeding, a most complex problem arises regarding the admissibility (admissibility) of this evidence, collected by non-professionals with possible violations of the chain of custody (chain of custody). What should be the optimal strategies when assessing the admissibility of such evidence, considering the high risks of methodological errors and violations of procedural guarantees by third parties?**

– Human rights organizations and NGOs are often the first to document atrocity crimes, collecting witness testimony, photographic and video materi-

als, and documentary evidence long before any formal investigative mechanism exists. International criminal tribunals have long relied on this third-party evidence, and their experience offers guidance on how transitional justice courts should approach its admissibility.

The approach developed across international tribunals treats relevance and reliability, rather than strict procedural compliance, as the primary admissibility criteria. Technical defects in the chain of custody should not automatically render evidence inadmissible; rather, such concerns go to the weight assigned to the evidence, not its admissibility. Where the source can be verified and the defense has a full opportunity to challenge the evidence in an adversarial process, admission is appropriate.

The challenge of chain of custody has been significantly complicated by the rise of digital evidence. Responding to this, in 2023, the ICC launched OT-PLink, a platform through which NGOs and others can submit evidence directly with a built-in digital chain of custody trail. Transitional justice courts would benefit from developing analogous mechanisms, alongside clear prosecutorial guidelines for NGOs on documentation standards, so that third-party evidence is collected in ways that strengthen rather than complicate its subsequent admissibility.

Question 4.2. The educational and legitimizing effect of an adversarial process for society.

– **Society is not infrequently accustomed to the fact that the court is a decoration for the announcement of a pre-written verdict. A real, adversarial process where advocates rigorously cross-examine prosecution witnesses and challenge evidence can become a shock to the public, but it is precisely this action that possesses a colossal educational and legitimizing effect for a new democracy. To what extent, in your opinion, does the participation of local advocates in high-profile adversarial trials over the figures of the past contribute to the legitimation of the new legal order in the eyes of a nation that has historically viewed the judicial system exclusively as an element of the state repressive apparatus?**

– A truly adversarial process, in which advocates rigorously challenge prosecution evidence, witnesses are cross-examined, and weak cases are rejected, serves an important expressive function for a transitioning society. It conveys the new state's condemnation of past crimes and contributes to restoring a sense of order and social confidence in legal institutions.

However, it must be remembered that the broad civic transformation that transitional justice advo-

cates sometimes promise is outside the control of the judges and advocates who participate in trials. It may eventually come as a result of well-run, fair trials, but it is far from guaranteed. Advocates may most meaningfully and impactfully contribute to the relatively narrow goals of contributing to accountability and the establishment of a well-functional national legal system, both of which may facilitate achievement of more expansive aims in the long-term.

Question 4.3. Minority group protections as a structural component of post-conflict reconciliation.

– Many post-authoritarian transitions take place in societies that are not ethnically homogeneous but are deeply divided along linguistic, ethnic, or religious lines, divisions that were themselves exploited or exacerbated by the prior regime. Criminal accountability and truth-telling address the past, but they do not resolve the underlying social dynamics that made violence possible and that could drive its recurrence. What role should minority group protections play as a structural component of post-conflict reconciliation, and what are the risks of getting this wrong in a deeply polarized society?

– Minority group protections occupy a distinctive place in the architecture of transitional justice. Unlike criminal justice mechanisms, which are backward-looking, minority protections are forward-looking. They establish the conditions for equitable participation in society and government that make long-term coexistence possible. Protections for linguistic, cultural, and political rights of minority groups are an important building block of reconciliation precisely because they address the structural inequalities that, if left unresolved, can perpetuate a cycle of oppositional identities and grievances. At the same time, minority group protections carry their own risks in the immediate post-conflict period. Like transitional justice mechanisms, they can be perceived as markers of political alignment – as favoring one side’s narrative over another’s – and may initially exacerbate rather than reduce oppositional identities.

Creating a national human rights institution can be a useful transitional measure with long-term impact. NHRIs are permanent, independent agencies with mandates to investigate complaints and promote human rights. They can serve as an accessible ongoing mechanism for minority communities to raise concerns about the new government’s compliance with its commitments, providing a channel that is lower-stakes than formal litigation but more structured than political advocacy.

V. Sustainable development, donors, and the long-term legacy of justice

Question 5.1. Legal argumentation for international donors regarding the priority of financing justice.

– Your research reveals a pragmatic problem: international donors willingly finance infrastructural projects, but often refuse to allocate funds for transitional justice programs in fragile states, fearing that politicized courts will destroy the fragile balance of power. But without financing, justice in the state will choke. What conceptual arguments can and should the legal community use to convince international financial partners of the critical necessity of the prioritized integration of justice mechanisms into macroeconomic recovery programs?

– International donors face real obstacles to supporting transitional justice. Work in conflict-affected and fragile states is inherently risky; transitional justice is politically controversial; its goals are multi-generational and difficult to measure within donors’ funding cycles; and its connection to donors’ core development missions has historically been indirect. However, the international community has increasingly recognized the importance of justice to development. The 2011 World Bank World Development Report identified the trifecta of justice, security, and governance as key components for stabilizing conflict-prone states, noting that a major episode of violence can wipe out an entire generation of economic progress. The New Deal Framework for Fragile States enshrined justice as one of five core peacebuilding and statebuilding goals, providing a formal legitimating framework for transitional justice investment. To facilitate support from international donors, lawyers should make use of the language and frameworks that resonate with development donors’ core missions. Donors may be more receptive when transitional justice programs are framed through statebuilding frameworks that they already support (e.g., capacity-building, good governance, or human rights), rather than as «transitional justice» as such, which can carry political risks for donor organizations.

Question 5.2. Legal and procedural guarantees against the monopolization of the narrative by a Truth Commission.

– Truth commissions are a most important tool of transition. If the work of such a commission is monopolized by one political force (for example, the victorious opposition), the official report risks turning into new propaganda. This will not heal the traumas of society, but will only drive the conflict deep inside, preparing the ground for a civil war. In this regard, the question arises: if a decision is made in the state to launch a Truth Commission, what procedural and institutional guarantees should be

laid down initially to avoid a situation in which the process of forming the «official truth» is monopolized by one social or ethnic group, which leads to the escalation of hidden conflicts?

– Truth commissions possess enormous power to shape official historical memory. So that the commission does not turn into an instrument for creating a new one-sided state ideology, its structure must be protected by a system of checks and balances.

The guarantees include:

– Pluralism of formation: the members of the commission must be appointed not by the decision of the president or the ruling party, but through a transparent competitive selection with the mandatory inclusion of representatives of civil society, human rights defenders, historians, and representatives of various (including former opposition or vulnerable) social and ethnic groups.

– Independence of financing: the budget of the commission must be protected by law from operational interference by the executive branch (for example, through direct international grants or long-term targeted allocation of funds).

– Procedural transparency: the mandatory publication of transcripts of open hearings, and the right of the commission members who remained in the minority to attach their dissenting opinion (dissenting opinion) to the final report, which ensures the multidimensionality of the historical picture.

Even with these structural safeguards in place, it is important to acknowledge that defining truth in a fractured society is inherently contentious. No procedural design can fully resolve disagreements about the meaning of shared history. The goal of these guarantees is to ensure that the process is perceived as sufficiently inclusive and fair that its findings carry legitimacy across communities rather than being dismissed as the narrative of the victors.

Question 5.3. The role of advocates in moderating the conflict between retributive and restorative justice.

– In the transitional period, society is torn between two poles. On the one hand – retributive justice (retributive justice), which demands «to imprison all the guilty», which is technically impossible and threatens a civil war. On the other hand – restorative justice (restorative justice), which presupposes broad amnesties in exchange for the truth, which causes the anger of the victims. A mathematically precise balance is to be found. What can be the role of advocates in moderating this most acute conflict in a deeply polarized society?

– The tension between retributive and restorative approaches is real, but it is often framed in ways that

present a false binary. The field of transitional justice has accumulated considerable experience showing that accountability and reconciliation are not necessarily opposed. Instead, they can be pursued in complementary ways through a carefully designed combination of mechanisms, each addressing aspects of the problem that others cannot.

As previously discussed, criminal trials serve important functions, such as expressing condemnation of past crimes, contributing to restoring order, and breaking the cycle of impunity. But they address only the acts of individual perpetrators, not the conflict as a whole. Truth commissions address the broader context but do not establish individual criminal accountability. Reparations, lustration, institutional reform, and memorialization each address further dimensions. No single mechanism is sufficient; the question is how to combine them, and in what sequence, given local conditions and the fragility of the transition.

The legal community's contribution is to design combinations of mechanisms that are calibrated to what local institutions can sustain and to what the political moment can bear. Achieving any degree of transformation through these tools requires accepting that the results will be imperfect and partial, guided by pragmatic principles rather than ideal ones. Advocates must also communicate honestly to all constituencies why this pragmatic approach, rather than maximalist accountability or blanket amnesty, is the path most likely to produce durable peace.

Question 5.4. Qualitative and verifiable indicators of the success of rule of law reforms instead of quantitative surrogates.

– International donors demand «evidence-based aid». They need quantitative indicators of the success of the invested funds. But how to measure the «level of reconciliation» or the «return of trust in the court» in a state? Incorrect indicators (for example, the «number of imprisoned officials») can stimulate the new law enforcement system to falsify cases for the sake of beautiful reporting. By what specific, verifiable indicators is it advisable to measure the real, rather than facade, success of rule of law reforms in a post-authoritarian state?

– The problem of measuring rule of law reform is well-documented and genuinely difficult. Transitional justice's goals are multigenerational. Changes in public trust in the judiciary, reconciliation between communities, and genuine respect for rights can only be meaningfully assessed over timescales that extend far beyond donors' funding cycles. The characteristics that mark real progress are predominantly subjective and qualitative, not objective and quantitative.

This creates a serious risk. Donor pressure for evidence-based programming incentivizes quantitative indicators focused on short-term outputs, like numbers of verdicts, arrests, cases processed. Such indicators can be readily reported but do not correlate to the long-term goals of reform, and can be counterproductive.

More meaningful indicators focus on outcomes rather than outputs: whether people feel heard, whether they trust courts to decide independently, whether they are willing to bring claims against state institutions. The goal should not be to find perfect measures, but to develop indicators that are less easily gamed and more directly connected to the underlying aims of reform. The concerned communities should also be involved in designing those indicators, so that the benchmarks reflect local rather than externally imposed understandings of what legitimate justice looks like.

Question 5.5. Objective markers of the completion of transitional justice and the fixation of a new normality.

– The ultimate goal of transitional justice is its own completion. Permanently operating tribunals and commissions do not allow society to move forward, keeping it in a state of eternal «transition» and settling scores with the past. It is required to determine the point of fixation of the new legal normality. Does there exist, in your opinion, an objective marker upon the achievement of which society can reasonably consider the severe traumas of the authoritarian past to be legally resolved and socially overcome?

– A functioning national judicial system represents post-conflict justice's potentially most valuable

and lasting legacy, and it is toward that long-term institutional goal that transitional justice investment should primarily be oriented. Thus, rather than looking to a decisive resolution of the harms of the past as the test of whether transitional justice is complete, we should ask whether the ordinary national judicial system has developed the capacity to absorb its functions. The completion strategies of ad hoc international tribunals have repeatedly returned to the question of legacy and outreach precisely because the tribunals themselves recognized that their most important contribution was not their own dockets but what they left behind in national legal systems.

Against this standard, the most meaningful marker of completion is whether national courts can handle the full range of cases, including the most complex and politically sensitive ones, independently, impartially, and in accordance with international standards, without requiring ongoing international support. It is also important to be realistic: even once national capacity has been built, gains could be reversed by political interference or institutional backsliding. A fair, effective, rights-respecting national judicial system should be treated as an ongoing resource that requires constant safeguarding and renewal, rather than as a finish line to be crossed.

Thank you for inviting me to participate in discussion about this important topic!

– Thank you for the interview dear professor Baylis!

The interview was conducted by the Editor-in-chief, Advocate, Doctor of Law, Associate Professor Andrey Ragulin

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 34.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):34.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья

УДК 347.965

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_34

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СТАЖЕРА И ПОМОЩНИКА АДВОКАТА В РОССИИ: ОТ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ К НОРМАТИВНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

РАГУЛИНА Индира Тагировна

Адвокат, кандидат юридических наук, научный сотрудник Евразийского научно-исследовательского института проблем права, заместитель главного редактора журнала «Евразийская адвокатура», заместитель председателя Московской коллегии адвокатов города Москвы «Международная коллегия правовой защиты», профессиональный медиатор
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье проводится комплексный анализ развития правового регулирования статуса стажера адвоката и помощника адвоката в Российской Федерации в период 2020–2026 годов. Предметом исследования выступает степень реализации научных предложений, сформулированных И.Т. Рагулиной в диссертационном исследовании и последующих публикациях, в нормативных актах Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и федеральном законодательстве. На основе сравнительно-правового метода исследованы положения о порядке прохождения стажировки и работы помощника адвоката, а также изменения, внесенные Федеральным законом от 22 апреля 2024 г. № 83-ФЗ. Установлено, что значительная часть доктринальных предложений была воспринята органами адвокатского самоуправления и нашла отражение в корпоративном регулировании, прежде всего в вопросах учета стажеров, организации стажировки, определения полномочий кураторов и профессионального обучения. Одновременно выявлены предложения, не получившие нормативного закрепления, включая вопросы свидетельского иммунитета стажеров и помощников адвокатов, централизации учета помощников и расширения их процессуальных полномочий. Сделан вывод о том, что развитие соответствующих правовых институтов осуществляется в условиях поиска баланса между автономией адвокатуры, требованиями профессиональной подготовки и публичными интересами государства. Результаты исследования позволяют оценить влияние научной доктрины на формирование современного законодательства об адвокатской деятельности и определить перспективные направления его дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатская деятельность, стажер адвоката, помощник адвоката, Федеральная палата адвокатов, правовой статус, профессиональная подготовка адвокатов, корпоративное регулирование, законодательные реформы, свидетельский иммунитет

Для цитирования: Рагулина И.Т. Эволюция правового статуса стажера и помощника адвоката в России: от научной доктрины к нормативному регулированию // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 34. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_34

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

THE EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF AN ADVOCATE'S TRAINEE AND ADVOCATE'S ASSISTANT IN RUSSIA: FROM SCIENTIFIC DOCTRINE TO NORMATIVE REGULATION

RAGULINA Indira Tagirovna

Advocate, Candidate of Law, Research Fellow of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Deputy Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal, Deputy Chairman of the Moscow Collegium of Advocates of the city of Moscow «International Collegium of Legal Protection», Professional Mediator.
450006, Ufa, Lenina St., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the development of legal regulation governing the status of lawyer trainees and lawyer assistants in the Russian Federation during the period from 2020 to 2026. The study focuses on the extent to which the scientific proposals formulated by Indira Ragulina in her dissertation research and subsequent publications have been implemented in the regulations of the Federal Chamber of Lawyers of the

Russian Federation and in federal legislation. Using a comparative legal approach, the author examines the regulations governing legal traineeships, the work of lawyer assistants, and the amendments introduced by Federal Law No. 83-FZ of April 22, 2024. The research demonstrates that a significant number of doctrinal proposals have been incorporated into corporate regulation, particularly regarding the registration of trainees, the organization of traineeships, the role of supervising lawyers, and professional training requirements. At the same time, several proposals have not been implemented, including those related to testimonial immunity for trainees and assistants, centralized registration of assistants, and the expansion of their procedural powers. The study concludes that the development of these legal institutions reflects an ongoing effort to balance the autonomy of the legal profession, the requirements of professional training, and the public interests of the state. The findings contribute to understanding the influence of legal scholarship on the evolution of legislation governing the legal profession and identify potential directions for its further improvement.

Keywords: legal profession, advocacy, lawyer trainee, lawyer assistant, Federal Chamber of Advocates, legal status, professional training of lawyers, corporate regulation, legislative reform, testimonial immunity

For citation: Ragulina I.T. The Evolution of the Legal Status of an Advocate's Trainee and Advocate's Assistant in Russia: From Scientific Doctrine to Normative Regulation = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):34. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_34

Введение

Формирование высокопрофессионального корпуса адвокатов немислимо без надежного фундамента – института наставничества и содействия, который в российской правовой системе представлен фигурами стажера и помощника адвоката. На протяжении длительного времени правовое регулирование данных институтов оставалось фрагментарным, оставляя зияющие лакуны между лаконичными статьями 27 и 28 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и реальными потребностями корпорации.

Очевидный дефицит нормативного регулирования закономерно спровоцировал всплеск доктринальных исследований, призванных предложить законодателю и органам адвокатского самоуправления готовые рецепты модернизации. Примером такого научного поиска является диссертационное исследование (2017 г.), содержащее широкий спектр предложений *de lege ferenda* [1, 2].

В рамках данной статьи будет осуществлен разбор автореферата диссертации и интервью и проведен анализ предложений в сопоставлении с актами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [3, 4] и федеральным законодательством, включая существенные изменения, внесенные Федеральным законом от 22 апреля 2024 № 83-ФЗ.

Цель исследования – не просто констатировать факт рецепции или отторжения доктринальных инициатив, но вскрыть *ratio legis* (смысл закона) и выявить глубинные причины, по которым правоприменительная система восприняла одни идеи и отвергла другие.

1. Нормотворческая рецепция: анализ актов Федеральной палаты адвокатов (2020–2025 гг.)

Спустя три года после защиты диссертации Совет ФПА РФ принял два фундаментальных документа: «Положение о порядке работы помощника адвоката» и «Положение о порядке прохождения стажировки», утвержденные протоколом № 14 от 27 мая 2020 г. Положение о стажировке впоследствии подвергалось доработке в 2022 и 2025 годах [3, 4].

Детальный анализ данных актов позволяет определить, какие именно доктринальные идеи автора нашли свое воплощение в реальной материи корпоративного саморегулирования.

1.1. Регламентация стажировки: приоритет корпоративного учета и образовательной парадигмы

В части организации стажировки корпоративный законодатель воспринял подавляющее большинство инициатив научного сообщества.

Институционализация учета. Одним из главных замечаний, звучавших в диссертации, было отсутствие единообразного контроля за стажерами. ФПА РФ решила эту проблему. Раздел 7 Положения о стажировке императивно устанавливает, что именно адвокатская палата субъекта Российской Федерации ведет Реестр стажеров. В Приложении № 1 к Положению установлен «Порядок ведения реестра стажеров адвокатов», предполагающий присвоение уникального регистрационного номера. Именно палата субъекта, а не адвокатское образование, выдает стажеру удостоверение установленного образца. Данная новелла полностью совпадает с предложениями И.Т. Рагулиной, придавая статусу стажера публичную легитимность.

Процессуальная самостоятельность. Доктринальная идея о расширении прав стажера была реализована с юридической осторожностью. Пункт 3.4 Положения прямо предоставляет стажеру по поручению адвоката-куратора и при

наличии согласия доверителя самостоятельно участвовать в судебных делах, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Однако сделана принципиальная оговорка: за исключением уголовных дел. Это демонстрирует понимание ФПА РФ границ уголовно-процессуального законодательства, не допускающего представительства по ордеру лицами без статуса адвоката. При этом ответственность перед доверителем за действия стажера несет куратор (*qui facit per alium facit per se*).

Обучение и сроки. Предложение о жесткой привязке стажировки к образовательной программе также нашло отражение в актах. Пункт 3.2 Положения указывает на обязательность профессионального обучения в соответствии со Стандартом профессионального обучения, а региональные палаты обязаны организовывать курс «Введение в профессию адвоката». Срок стажировки зафиксирован в пределах от одного года до двух лет (п. 1.4), что исключает возможность бессрочной эксплуатации труда стажеров. Требования к куратору также были закреплены: им может быть адвокат со стажем не менее пяти лет (п. 1.2).

1.2. Статус помощника: превалирование трудовой парадигмы

Регламентация деятельности помощника адвоката пошла по иному, более консервативному пути, подчеркивающему вспомогательный характер этой должности.

Трудовые отношения и локальный учет. В отличие от стажеров, ФПА РФ не стала создавать централизованный реестр помощников на уров-

не региональных палат. Пункт 3 Положения указывает, что помощник принимается на работу на условиях трудового договора с адвокатским образованием (или адвокатским кабинетом). Удостоверение помощнику выдается самим адвокатским образованием, а не палатой (п. 7). В этом решении кроется глубокий институциональный смысл: помощник – это наемный работник, технический и аналитический ассистент, его деятельность регулируется нормами Трудового кодекса РФ с учетом особенностей профильного закона. Вмешательство палаты в эти частные трудовые отношения признано избыточным.

Ограничения самостоятельности. В отличие от стажера, помощнику категорически запрещено заниматься адвокатской деятельностью (п. 10 Положения о помощнике и п. 2 ст. 27 Закона об адвокатуре). В документах ФПА РФ нет упоминаний о праве помощника самостоятельно представлять интересы в судах, что логично вытекает из его вспомогательной функции.

1.3. Сравнительный анализ: тридцать одно предложение и реалии нормативного регулирования (2020–2026 гг.)

Для достижения полноты и всесторонности исследования ниже приведена детальная таблица, сопоставляющая все предложения отраженные в диссертации с корпоративными актами ФПА РФ, Трудовым кодексом РФ, Уголовно-процессуальным кодексом РФ и Федеральным законом № 63-ФЗ.

Таблица 1.

№	Предложение И.Т. Рагулиной (2017)	Отражение в актах ФПА РФ и законодательстве (2020–2026 гг.)	Оценка степени реализации и причины принятого решения
1	Законодательно закрепить дефиницию «помощник адвоката» в ст. 27 ФЗ № 63-ФЗ.	Реализовано на корпоративном уровне. В законе дефиниция осталась рамочной, но п. 1 Положения о помощнике ФПА содержит доктринальное определение.	Полная доктринальная рецепция органами самоуправления при сохранении лаконичности федерального закона.
2	Уточнить образовательный ценз для помощника адвоката	Реализовано полностью. Закреплено в п. 2 Положения о помощнике ФПА и в ст. 27 ФЗ № 63-ФЗ.	Повышение требований к качеству кадров; устранение пробела, когда помощником могло стать лицо без юридического образования.
3	Установить запрет помощникам адвоката совмещать работу с правоохранительной, судебной и прокурорской службой.	Реализовано полностью. П. 2 Положения о помощнике ФПА отсылает к ограничениям ст. 9 ФЗ № 63-ФЗ.	Защита от конфликта интересов и обеспечение принципа независимости адвокатуры.
4	Разрешить помощникам адвоката научную, преподавательскую и творческую деятельность.	Реализовано полностью. Прямо вытекает из Трудового кодекса РФ и отсутствия ограничений в актах ФПА.	Соблюдение общегражданских прав на интеллектуальный труд.
5	Разрешить помощникам адвоката самостоятельно оказывать юридическую помощь под руководством куратора.	Отклонено. П. 10 Положения о помощнике ФПА содержит абсолютный запрет на адвокатскую деятельность.	Помощник – должность технико-аналитическая, расширение его прав размывало бы грань со стажером.
6	Закрепить детальный перечень прав помощника адвоката (беседы, проекты документов, обобщение практики, посещение СИЗО).	Реализовано частично. Отражено на уровне примерного трудового договора, но посещение СИЗО без статуса адвоката отклонено.	Защита режима содержания под стражей и недопустимость подмены квалифицированного защитника техническим персоналом.
7	Закрепить детальный перечень обязанностей помощника адвоката (выполнять поручения, хранить тайну, соблюдать КПЭА).	Реализовано полностью. Установлено в п. 9 Положения о помощнике ФПА.	Корпоративная унификация этических стандартов.

№	Предложение И.Т. Рагулиной (2017)	Отражение в актах ФПА РФ и законодательстве (2020–2026 гг.)	Оценка степени реализации и причины принятого решения
8	Распространить дисциплинарную ответственность по КПЭА на помощников адвоката.	Реализовано частично. П. 9 обязывает соблюдать КПЭА, но мерой ответственности является увольнение по Трудовому кодексу РФ.	Превалирование норм трудового права над чисто корпоративными процедурами (помощник не является членом палаты).
9	Предоставить свидетельский иммунитет помощникам адвокатов.	Отклонено. Изменения в ст. 56 УПК РФ и ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ не вносились.	Приоритет публичных интересов уголовного преследования над тайной лиц, не имеющих статуса адвоката.
10	Обязать региональные палаты вести реестр помощников адвокатов и выдавать им удостоверения.	Отклонено. П. 7 Положения ФПА относит выдачу удостоверений к компетенции самих адвокатских образований.	Недопущение чрезмерного бюрократического давления палат на автономные трудовые отношения адвокатских образований.
11	Отменить незаконную практику сбора палатами вступительных взносов за оформление помощников адвоката.	Реализовано полностью. Акт ФПА не предусматривает подобные взносы в пользу региональных палат.	Устранение регионального протекционизма и необоснованных финансовых барьеров.
12	Установить единые основания для прекращения трудового договора с помощником адвоката.	Реализовано полностью. Трудовые договоры расторгаются по ТК РФ с учетом специфики ст. 27 ФЗ № 63-ФЗ.	Обеспечение стабильности трудовых правоотношений.
13	Законодательно закрепить дефиницию «стажер адвоката» в ст. 28 ФЗ № 63-ФЗ.	Реализовано на корпоративном уровне. Внедрено в п. 1.2 Положения о стажировке ФПА РФ.	Теоретическая концептуализация статуса стажера как обучающегося лица.
14	Законодательно закрепить конкретные цели стажировки.	Реализовано полностью. П. 3.1 Положения о стажировке прямо определяет цели (приобретение навыков, подготовка к экзамену).	Ориентация стажировки на практический результат, а не на формальное течение срока.
15	Ввести обязательную входную аттестацию (собеседование) при приеме в стажеры адвоката.	Отклонено. Зачисление производится на основе документов руководителем адвокатского образования без экзамена (п. 2.1).	Минимизация административных барьеров при допуске к стажировке; фильтрация перенесена на стадию квалификационного экзамена.
16	Ввести региональный ценз оседлости и налогового учета для стажера адвоката.	Отклонено.	Противоречит ст. 27 Конституции РФ (свобода передвижения) и принципу экстерриториальности адвокатской деятельности.
17	Установить вступительный взнос за стажировку, расходующийся на нужды образования и куратора.	Реализовано частично. На федеральном уровне сбор не закреплен, но п. 1.6 Положения дает палатам право регулировать условия.	Соблюдение принципа финансовой автономии региональных палат.
18	Установить срок стажировки 1–2 года, запретить продление свыше двух лет.	Реализовано полностью. П. 1.4 устанавливает срок от 1 до 2 лет. Прекращение договора – по истечении срока (п. 2.3).	Недопущение бессрочной эксплуатации стажеров под видом обучения.
19	Разрешить стажеру адвоката самостоятельно оказывать юридическую помощь под руководством куратора.	Реализовано частично. П. 3.4 разрешает ведение гражданских и арбитражных дел, но запрещает уголовные дела.	Компромисс между развитием практических навыков и конституционным правом граждан на квалифицированную защиту.
20	Закрепить перечень прав стажера адвоката (присутствие при действиях куратора, проекты документов, сбор материалов, СИЗО).	Реализовано частично. П. 3.4 и п. 4 Положения содержат права, но право посещения СИЗО без адвоката отклонено.	Обеспечение режимных требований учреждений ФСИН.
21	Закрепить перечень обязанностей стажера адвоката (теоретический курс, отчет, реферат, дневник).	Реализовано полностью. Отражено в п. 4 Положения и Стандарте профессионального обучения (курс «Введение в профессию» не менее 40 ч).	Переход к системной образовательной модели подготовки кадров.
22	Запретить совмещение стажировки с государственной службой и правоохранительной деятельностью.	Реализовано полностью. Вытекает из п. 1.2 Положения о стажировке и ст. 28 ФЗ № 63-ФЗ.	Предотвращение конфликта публичных и частных интересов.
23	Разрешить стажеру адвоката заниматься научной, преподавательской и творческой деятельностью.	Реализовано полностью. Вытекает из норм ТК РФ и отсутствия запретов в профильном Положении ФПА.	Защита права на научное и педагогическое развитие.
24	Распространить меры дисциплинарной ответственности по КПЭА на стажеров адвоката.	Реализовано полностью. Согласно п. 4, стажер обязан соблюдать КПЭА; увольнение – по ТК РФ.	Этическая интеграция будущих адвокатов в корпоративную среду.
25	Предоставить свидетельский иммунитет стажерам адвоката.	Отклонено. Нормы УПК РФ не претерпели изменений.	Законодатель отказывает в свидетельском иммунитете лицам, не сдавшим экзамен и не принесшим присягу.
26	Установить требования к адвокату - куратору (стаж от 5 лет, отсутствие взысканий).	Реализовано частично. Требование о 5-летнем стаже закреплено в п. 1.2. Отсутствие взысканий отдано на откуп палатам.	Защита института наставничества от некомпетентных действий молодых адвокатов.
27	Конкретизировать обязанности адвоката - куратора (план, условия, контроль, характеристика).	Реализовано полностью. Исчерпывающе закреплено в п. 5 Положения о стажировке.	Повышение личной ответственности наставника за качество подготовки кандидата.
28	Закрепить право адвоката-куратора на материальное вознаграждение за счет взносов стажеров.	Отклонено на уровне ФПА. Вопрос передан на регулирование конкретным адвокатским образованиям по ТК РФ.	Соблюдение свободы договора в рамках трудовых и гражданских отношений адвокатских образований.
29	Обязать региональные палаты вести реестр стажеров адвоката и выдавать им удостоверения.	Реализовано полностью. Раздел 7 и Приложение № 1 к Положению о стажировке ФПА РФ.	Централизация учета кандидатов на статус адвоката со стороны органов самоуправления субъектов РФ.

№	Предложение И.Т. Рагулиной (2017)	Отражение в актах ФПА РФ и законодательстве (2020–2026 гг.)	Оценка степени реализации и причины принятого решения
30	Внести корреспондирующие изменения в ст. 8, 9, 18 ФЗ-63, УПК РФ и КПЭА.	Реализовано частично. ФЗ № 83-ФЗ модернизировал ст. 9, но УПК РФ и ст. 8 ФЗ-63 остались без изменений.	Законодательный консерватизм в вопросах уголовного процесса и свидетельских привилегий.
31	Законодательно закрепить статус «иных лиц» (секретарей, курьеров) в ФЗ № 63-ФЗ с распространением на них режима адвокатской тайны.	Отклонено.	Законодатель счел это избыточным; режим конфиденциальности персонала обеспечивается трудовым договором и ТК РФ.

1.4. Дополнительный анализ ряда предложений

При скрупулезном изучении предложений выявляются важные доктринальные нюансы, которые требуют подробного научно-практического освещения.

Предотвращение необоснованного затягивания сроков стажировки. До принятия Положения о стажировке на практике существовала негативная практика, когда соискатели годами числились стажерами, выполняя вспомогательные функции без реальной перспективы допуска к квалификационному экзамену. Предложение ограничить срок стажировки жесткими рамками (от одного года до двух лет) и признать практику продления договора сверх этого срока незаконной ФПА РФ полностью восприняла (п. 1.4 и п. 2.3 Положения о стажировке), что прекратило практику «вечной стажировки» и заставило кураторов и некоторых стажеров (которых устраивала длительная стажировка в связи тем, что стажерские взносы в адвокатское образование ниже обязательных отчислений адвокатов), ориентироваться на конкретный образовательный результат.

Системное реформирование института кураторства. В диссертации было предложено не просто установить ценз стажа для куратора, но и жестко регламентировать его обязанности (составление индивидуального плана, утверждение дневника стажировки, подготовка итоговой характеристики палате). ФПА имплантировала эти идеи в раздел 5 Положения о стажировке, превратив кураторство формальности в реальную юридическую обязанность. Наставник теперь лично отвечает за качество подготовки стажера, а его согласие на руководство стажировкой представляется в палату в письменном виде.

Проблема финансового регулирования стажировки. Инициатива о законодательном закреплении права куратора на получение денежного вознаграждения за счет взносов стажеров не была поддержана. ФПА рассудила, что установление обязательного размера отчислений на федеральном уровне нарушает автономию адвокатских образований. Согласно ТК РФ, адвокатское образование является самостоятельным работодателем и обязано выплачивать стажеру заработную плату (п. 6 Положения о стажировке), а материальное стимулирование кураторов должно осуществляться на основе локальных смет и гражданско-правовых соглашений с образованием, без императивного вмешательства извне.

2. Эволюция федерального законодательства: Новеллы ФЗ № 83-ФЗ и процессуальные парадоксы

2. Эволюция федерального законодательства: Новеллы ФЗ № 83-ФЗ и процессуальные парадоксы

Если корпоративные акты ФПА обеспечили детальную регламентацию механизмов стажировки, то федеральный законодатель сосредоточился на макросистемных изменениях. Значимым этапом стал Федеральный закон от 22 апреля 2024 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Этот закон существенно изменил порядок допуска к профессии, что напрямую затронуло интересы стажеров и помощников, готовящихся к сдаче квалификационного экзамена, хотя конечно в отношении других его положений этот закон вызвал немало справедливых замечаний [5,6,7].

2.1. Трансформация образовательного ценза: повышение требований

Одним из ключевых направлений изменений 2024 года стало кардинальное повышение требований к уровню образования претендентов на статус адвоката. Ранее для допуска к экзамену было достаточно любого высшего юридического образования (включая бакалавриат). Диссертационное исследование еще в 2017 году косвенно указывало на необходимость повышения квалификационных требований.

Закон № 83-ФЗ установил, что статус адвоката вправе приобрести лишь лицо, имеющее:

- высшее юридическое образование по специальности «Юриспруденция» или «Правоведение» (специалитет);
- либо высшее образование направления «Юриспруденция» квалификации «магистр» при обязательном наличии диплома бакалавра по направлениям «Юриспруденция», «Правоведение» или «Обеспечение законности и правопорядка»;
- либо ученую степень по юридической специальности.

Данная новелла призвана ограничить допуск к профессии лиц, получивших непрофильный бакалавриат (например, технический или педагогический), а затем получающих юридическую магистратуру за два года. Это важный шаг к повышению престижа профессии.

2.2. Парадокс свидетельского иммунитета: непреодолимый барьер

Значимой нерешенной проблемой остается отказ федерального законодателя наделить стажеров и помощников свидетельским иммунитетом. Отсутствие запрета на допрос помощника или стажера об обстоятельствах, ставших им известными в связи с работой, обесценивает институт адвокатской тайны, обязанность хранить которую императивно возложена на них пунктом 3 ст. 27 и пунктом 3 ст. 28 Закона об адвокатуре.

Однако ни закон № 400-ФЗ (в 2019 г.), ни закон № 83-ФЗ (в 2024 г.) не внесли изменений ни в ст. 8 Закона об адвокатуре, ни в ст. 56 УПК РФ касательно стажеров и помощников. Каковы истинные причины столь упорного сопротивления?

Ответ кроется в фундаментальном конфликте отраслевых интересов – публичного (уголовное преследование) и корпоративно-правозащитного. Свидетельский иммунитет адвоката – это *lex specialis derogat legi generali* (специальный закон отменяет общий), исключение из фундаментальной процессуальной обязанности гражданина давать показания, необходимое для реализации права на защиту. Правоохранительные органы, обладающие мощным весом в законотворческом процессе, рассматривают абсолютный иммунитет как процессуальное препятствие. Расширение круга лиц, обладающих таким иммунитетом, на стажеров, помощников, а тем более на «иных лиц» (курьеров, водителей), расценивается следствием как создание легальной инфраструктуры для противодействия расследованию.

Законодатель, балансируя на острие бритвы, предпочел оставить эту коллизию неразрешенной. *De jure* помощник обязан хранить тайну (под угрозой увольнения), *de facto* – следователь имеет право вызвать его на допрос и предупредить об уголовной ответственности по ст. 308 УК РФ (отказ от дачи показаний). Обоснованный вывод заключается в том, что уголовно-процессуальный прагматизм и интересы следствия превалируют над корпоративной логикой адвокатуры. До тех пор, пока лица, содействующие адвокату, не несут публичной дисциплинарной ответственности, сопоставимой с ответственностью адвоката (вплоть до лишения статуса), законодатель не закрепит за ними абсолютный свидетельский иммунитет.

3. Заключение и выводы о причинах правотворческих решений

Проведенное исследование, охватывающее ранее сформулированные доктринальные предложения и массив нормативных актов 2020–2026 годов, позволяет сформировать целостную картину эволюции института лиц, содействующих адвокатской деятельности.

Анализ показывает, что развитие законодательства и корпоративных норм не носит случайного характера. Оно подчинено строгой логике баланса между стремлением адвокатуры к автономии и необходимостью государства контролировать допуск к квалифицированной юридической помощи. На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, органы ФПА продемонстрировали высокий уровень рецепции качественной научной доктрины. Требования о централизованном учете стажеров палатами субъектов РФ, выдаче им легитимных удостоверений установленного образца, жесткой регламентации сроков стажировки (от одного года до двух лет без права бессрочного продления) и предоставлении контролируемой процессуальной самостоятельности в неуголовных делах были полностью восприняты и реализованы в Положениях 2020–2025 годов.

Во-вторых, отказ от централизованного учета помощников палатами субъектов РФ и неприятие инициативы о закреплении статуса «иных лиц» (технического персонала) в профильном законе обусловлены принципами юридической техники. Помощник и технический персонал – это субъекты частноправовых, трудовых правоотношений. В данном случае возобладали принцип экономии правовых средств, а конфиденциальность данных лиц успешно обеспечивается локальными трудовыми договорами и ТК РФ.

В-третьих, новейшие изменения федерального законодательства (ФЗ № 83-ФЗ) свидетельствуют о курсе государства на повышение статуса профессии и повышение квалификации кадрового резерва. Внедрение строгих требований к уровню высшего образования (профильный бакалавриат плюс профильная магистратура, либо специалитет) отвечает давним призывам доктрины к повышению качества кадров. При этом законодатель защитил действующих стажеров от обратной силы закона, признав их договоры достаточным основанием для применения старых, более мягких правил. Это подчеркивает значимость института стажировки и подтверждает его высокий публичный статус.

В-четвертых, отклонение предложений о наде- лении стажеров и помощников абсолютным сви- дельским иммунитетом продиктовано приори- тетом публично-правовых интересов уголовного судопроизводства. Законодатель отказывается распространять процессуальные привилегии на лиц, не прошедших квалификационный фильтр и не принесших присягу адвоката в целях обеспе- чения эффективности расследования. Эта право- вая коллизия между обязанностью хранить тайну и отсутствием иммунитета остается уязвимым местом института содействия адвокатуры, требу- ющей сбалансированного межотраслевого ком- промисса в будущем.

Подводя итог, следует констатировать, что фундаментальные научные исследования, играют роль мощного катализатора. В процессе эксперт- ного обсуждения и адаптации к требованиям процессуального и конституционного права док- тринальные идеи трансформируются в выверен- ные и целесообразные нормы позитивного права.

Список источников

1. Рагулина И.Т. Правовой статус стажера адвоката и помощника адвоката в Российской Федерации (ана- лиз законодательства и практики его применения): ав- тореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. URL: [https:// www.prilib.ru/item/1434066](https://www.prilib.ru/item/1434066).
2. Российское законодательство о правовом ста- тусе стажера и помощника адвоката нуждается в со- вершенствовании! Интервью с адвокатом, кандида- том юридических наук, научным сотрудником центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследователь- ского института проблем права Индиной Тагиров- ной Рагулиной // Евразийская адвокатура. 2018. № 3 (34) [Электронный ресурс]. URL: [https://cyberleninka. ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-o-pravovom- statuse-stazhera-i-pomoschnika-advokata-nuzhdaetsya-v- sovershenstvovanii-intervyu-s-advokatom](https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-o-pravovom-statuse-stazhera-i-pomoschnika-advokata-nuzhdaetsya-v-sovershenstvovanii-intervyu-s-advokatom).
3. Положение о порядке работы помощника адвоката [Электронный ресурс]. URL: [https://fparf. ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/ regulations-on-the-procedure-of-work-of-the-assistant-to- the-lawyer/](https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations-on-the-procedure-of-work-of-the-assistant-to-the-lawyer/).
4. Положение о порядке прохождения стажировки [Электронный ресурс]. URL: [https://fparf.ru/documents/ fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations-on-the- procedure-of-internship/](https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations-on-the-procedure-of-internship/).
5. Заявление о проекте Федерального Закона № 301952-8 «О Внесении Изменений В Федераль- ный Закон «Об адвокатской деятельности и адвока- туре в Российской Федерации» // Евразийская адво- катура. 2024. № 2 (67). [Электронный ресурс]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-proekte- federalnogo-zakona-301952-8-o-vnesenii-izmeneniy- v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i- advokature-v](https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-proekte-federalnogo-zakona-301952-8-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v).

6. Независимое экспертное заключение на про- ект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 301952-8 // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). [Электрон- ный ресурс]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/ nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt- federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy- zakon-ob-advokatskoy](https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy) (дата обращения: 28.05.2026).

7. Заявление Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека в рос- сийской федерации и Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов в от- ношении проекта поправок к закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (№ 301952-8) // Евразийская адвокатура. 2024. № 2 (67). [Электронный ресурс]. URL: [https://cyberleninka. ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon- po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v- rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo](https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo).

References

1. Ragulina I.T. Pravovoj status stazhera advokata i pomoshhnika advokata v Rossijskoj Federacii (analiz zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2017. URL: [https://www. prilib.ru/item/1434066](https://www.prilib.ru/item/1434066).
2. Rossijskoe zakonodatel'stvo o pravovom statuse stazhera i pomoshhnika advokata nuzhdaetsya v sovershenstvovanii! Interv'yu s advokatom, kandidatom juridicheskix nauk, nauchny'm sotrudnikom centra issledovaniya problem organizacii i deyatel'nosti advokatury` Evrazijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta problem prava Indiroi Tagirovnoi Ragulinoj // Evrazijskaya advokatura. 2018. № 3 (34) [E`lektronny`j resurs]. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatel- stvo-o-pravovom-statuse-stazhera-i-pomoschnika-adv- okata-nuzhdaetsya-v-sovershenstvovanii-intervyu-s-adv- okatom](https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-zakonodatelstvo-o-pravovom-statuse-stazhera-i-pomoschnika-advokata-nuzhdaetsya-v-sovershenstvovanii-intervyu-s-advokatom).
3. Polozhenie o poryadke raboty` pomoshhnika advokata [E`lektronny`j resurs]. URL: [https://fparf.ru/docu- ments/fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations- on-the-procedure-of-work-of-the-assistant-to-the-lawyer/](https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations-on-the-procedure-of-work-of-the-assistant-to-the-lawyer/).
4. Polozhenie o poryadke proxozhdeniya stazhirovki [E`lektronny`j resurs]. URL: [https://fparf.ru/documents/ fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations-on-the- procedure-of-internship/](https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/regulations-on-the-procedure-of-internship/).
5. Zayavlenie o proekte Federal'nogo Zakona № 301952-8 «O Vnesenii Izmenenij V Federal'ny`j Zakon «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Ros- sijskoj Federacii» // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 2 (67). [E`lektronny`j resurs]. URL: [https://cyberleninka. ru/article/n/zayavlenie-o-proekte-federalnogo-zakona- 301952-8-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob- advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v](https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-proekte-federalnogo-zakona-301952-8-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v).
6. Nezavisimoe e`kspertnoe zaklyuchenie na proekt Federal'nogo zakona O vnesenii izmenenij v Federal'ny`j zakon Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Ros- sijskoj Federacii № 301952-8 // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 2 (61). [E`lektronny`j resurs]. URL: [https://cyber- leninka.ru/article/n/nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuche](https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuche)

nie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy (data obrashheniya: 28.05.2026).

7. Zayavlenie Special'nogo dokladchika OON po voprosu o polozhenii v oblasti prav cheloveka v rossijskoj federacii i Special'nogo dokladchika OON po voprosu o nezavisimosti sudej i advokatov v otnoshenii proekta pravok k zakonu «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (№ 301952-8) // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 2 (67). [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialno->

go-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoj-federatsii-i-spetsialnogo.

*Статья поступила в редакцию 17.04.26;
одобрена после рецензирования 27.04.26;
принята к публикации 27.04.26.*

*The article was submitted 17.04.26;
approved after reviewing 27.04.26;
accepted for publication 27.04.26.*

Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 42.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):42.

Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката

Научная статья

УДК 347.965

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_42

АНТОЛОГИЯ БЕСПРАВИЯ: КАК СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ СТАТУСА АДВОКАТОВ АЛЕКСЕЯ БАСИСТОВА, ДМИТРИЯ ПРОВОДИНА И ЮЛИЯ ТАЯ ПОМОГАЕТ ПОНЯТЬ СУТЬ ДЕЙСТВИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ ПО НАСАЖДЕНИЮ «АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ»

РАГУЛИН Андрей Викторович

Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируется текущий кризис в российской адвокатуре на фоне беспрецедентного судебного решения о прекращении статуса трех адвокатов (Алексея Басистова, Дмитрия Проводина и Юлия Тая) по иску Министерства юстиции России из-за их выезда за пределы России на срок более одного года. В тексте подробно рассматривается процесс лоббирования законопроекта об «адвокатской монополии» (так называемой профессионализации судебного представительства), который активно продвигается Федеральной палатой адвокатов (ФПА) и Минюстом. Подвергается критике руководство ФПА за конформизм и содействие внедрению механизмов, которые ставят адвокатуру в прямую институциональную зависимость от исполнительной власти (в частности, через положения Федерального закона от 22 апреля 2024 года № 83-ФЗ). Кроме того, в материале широко освещается консолидированное сопротивление данной реформе со стороны адвокатов, частнопрактикующих юристов, бизнеса, правозащитников и даже государственных деятелей, а также обращается внимание на озабоченность ситуацией со стороны специальных докладчиков ООН.

Ключевые слова: адвокатура, «адвокатская монополия», Федеральная палата адвокатов, независимость адвокатуры, судебное представительство, прекращение статуса адвоката

Для цитирования: Рагулин А.В. Антология бесправия: как судебное решение о прекращении статуса адвокатов Алексея Басистова, Дмитрия Проводина и Юлия Тая помогает понять суть действий Федеральной палаты адвокатов по насаждению «адвокатской монополии» // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 42. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_42

Professional Ethics and Disciplinary Responsibility of Advocates

Original article

ANTHOLOGY OF LAWLESSNESS: HOW THE COURT DECISION TO TERMINATE THE ADVOCATE STATUS OF ALEXEY BASISTOV, DMITRY PROVODIN, AND YULIY TAY HELPS TO UNDERSTAND THE ESSENCE OF THE FEDERAL CHAMBER OF ADVOCATES' ACTIONS TO IMPLANT «ADVOCATE MONOPOLY»

RAGULIN Andrey Viktorovich

Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of the Moscow Chamber of Advocates, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina str., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The material analyzes the ongoing crisis within the Russian legal profession against the backdrop of an unprecedented judicial decision to disbar three advocates (Alexey Basistov, Dmitry Provodin, and Julius Tay) following a lawsuit by the Ministry of Justice due to their prolonged absence from the country. The text thoroughly examines the promotion of the «advocate monopoly» bill (referred to as the professionalization of legal representation), which is

actively supported and lobbied by the Federal Chamber of Advocates (FCA) and the Ministry of Justice. The authors strongly criticize the FCA's leadership for conformity and for facilitating mechanisms that place the advocacy in direct institutional dependence on the executive branch (specifically through the provisions of Federal Law No. 83-FZ of April 22, 2024). Furthermore, the material extensively highlights the consolidated resistance to this reform from independent advocates, jurists, the business community, human rights defenders, and public figures, while also noting the concerns raised by UN Special Rapporteurs regarding the situation.

Keywords: advocacy, «advocate monopoly», Federal Chamber of Advocates, independence of the legal profession, legal representation, disbarment

For citation: Ragulin A.V. Anthology of Lawlessness: How the Court Decision to Terminate the Advocate Status of Alexey Basistov, Dmitry Provodin, and Yuliy Tay Helps to Understand the Essence of the Federal Chamber of Advocates' Actions to Implant «Advocate Monopoly» = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):42. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_42

1. А что случилось?

10 апреля 2026 г. в 17.06 на сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА) в сети Интернет опубликовано информационное сообщение, в котором было указано следующее:

«7 октября 2025 г. Главное управление Минюста России по Москве направило в Адвокатскую палату города Москвы представление, в котором просило прекратить статус адвокатам Алексею Басистову, Дмитрию Проводину и Юлию Таю в связи с их выездом на срок более одного года за пределы РФ в отсутствие уважительных причин.

10 декабря 2025 г. Квалификационная комиссия АП города Москвы вынесла заключение о необходимости прекращения данного дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях или бездействии адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА. Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, Совет АП города Москвы в своем решении от 29 января 2026 г. прекратил дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов [1].

1 апреля 2026 г. ГУ Минюста России по Москве подало в суд административное исковое заявление к Адвокатской палате города Москвы, Алексею Басистову, Дмитрию Проводину и Юлию Таю об отмене решения Совета АП города Москвы от 29 января 2026 г. и о прекращении статуса адвокатов. В иске ведомством было заявлено о применении мер предварительной защиты в виде приостановления статуса вышеуказанных адвокатов до окончания рассмотрения дела по существу заявленных требований. Данное ходатайство было удовлетворено.

10 апреля Хамовнический районный суд г. Москвы удовлетворил административный иск Главного управления Минюста России по Москве к Адвокатской палате города Москвы, Алексею Басистову, Дмитрию Проводину и Юлию Таю

об отмене решения Совета АП города Москвы от 29 января 2026 г. и о прекращении статуса адвокатов» [2].

Также в этом информационном сообщении был размещен комментарий президента ФПА Светланы Володиной, в котором она заявила, что «требование о прекращении статуса адвоката судом является конституционно несостоятельным и прямо противоречит ст. 17 Закона об адвокатуре, поскольку данное полномочие закреплено за советом адвокатской палаты как исключительная компетенция органа профессионального самоуправления ... управление Министерства юстиции Российской Федерации не наделено правом обжаловать в суде решения совета адвокатской палаты об отказе в прекращении статуса адвоката, и что такое право законом предоставлено исключительно самому адвокату ... предъявленный иск представляет собой вторжение в конституционно обусловленный принцип независимости адвокатуры и создает недопустимый прецедент подчинения органов профессионального самоуправления воле исполнительной власти. ... Минюст России и его территориальные органы вправе реализовывать только те функции и полномочия, которые им прямо предоставлены законом, при этом полномочие оспаривать в суде решение совета адвокатской палаты об отказе прекратить статус адвоката им законом не предоставлено... адвокатура не согласна с сегодняшним решением суда и, безусловно, будет его обжаловать» [2].

Впоследствии на сайте ФПА была размещена информация о том, как происходило заседание суда [3], и интервью с первым вице-президентом ФПА Михаилом Толчеевым [4]. Само судебное решение адвокат Юлий Тай разместил в социальной сети [5].

2. Общий контекст.

2.1. Формирование нормативной основы для преследования адвокатов, покинувших Российскую Федерацию.

Для оценки вынесенного решения суда и высказываний первого вице-президента Михаила Толчеева, изложенных в опубликованном интервью, необходимо продемонстрировать весь контекст происходящего.

Прежде всего необходимо понять, как могло произойти так, что ситуация с не существовавшим никогда и не существующим в российском праве и ныне институтом прекращения статуса адвоката по решению суда, инициированному Министерством юстиции Российской Федерации (далее – Минюст) вдруг воплотилась в жизнь. И как так произошло, что некий бесплотный и бестелесный, в смысле его существования в законодательной материи, «злой дух» этого института не только появился, но уже и начал уничтожать отдельных представителей адвокатского сообщества посредством воплотившихся на этом «бестелесном нормативном основании» в жизнь в виде вполне реального судебного решения, которое, к тому же, оказалось уже и фактически исполненным.

Для этого далеко ходить не нужно.

Нормативной основой для очередного витка текущего затяжного кризиса в адвокатуре России, который ярко проявил себя во всей красе благодаря делу адвокатов Юлия Тая, Алексея Басистова и Дмитрия Проводина, послужил недавно принятый Федеральный закон от 22 апреля 2024 года № 83-ФЗ, внесший масштабные изменения в Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон).

Этот закон, принятый вопреки общественному возмущению [6-9], внедрил ряд механизмов, поставивших адвокатуру в институциональную зависимость от государства. Среди них определенно выделяются такие на самом деле вредные новации как нормативное закрепление Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР), обладающей всеми признаками инструмента несанкционированного сбора данных, а также введение нормы, позволяющей прекращать статус адвоката при его выезде за пределы России на постоянное место жительства или на срок более одного года (пп. 7 п. 2 ст. 17 Закона) [10-18].

Не менее значимое влияние на ситуацию определенно оказал и еще не принятый законопроект об «адвокатской монополии», активно поддерживаемый и лоббируемый ФПА и лично Михаилом Толчевым [19-21]. Именно в нем, среди прочих опасных предложений, направленных на подавление независимости юридической про-

фессии и адвокатуры в России, содержатся проектируемые нормы, предусматривающие введение полномочий Минюста на «отложенное вето» при допуске в профессию и «ведомственную апелляцию», включающую, в том числе, возможность этого государственного органа обжаловать не устраивающие его должностных лиц решения органов адвокатских палат в ФПА, а решения ФПА – в суд.

Именно этот механизм, не прописанный пока в законе только благодаря общественному возмущению и активным действиям объединенных адвокатов и юристов [22-27] «против адвокатской монополии» и был фактически воплощен в жизнь и применен в деле адвокатов по решению Хамовнического районного суда города Москвы.

2.2. Кто против «адвокатской монополии»?

Противники принятия законопроекта об «адвокатской монополии» – здравомыслящие адвокаты, правозащитники, частнопрактикующие юристы, представители науки и бизнеса – активно и консолидировано выступили против законопроекта [28-30].

Они создали общественное движение «Объединение юристов», сейчас в нем более 4, 2 тыс. участников [23], создали саморегулируемое объединение «Юристов – судебных представителей» [32], направили огромное количество возражений против законопроекта [33] и провели протестное голосование на портале общественного обсуждения, обеспечив достижение 11 000 голосов против законопроекта при менее чем 1000 за него [34], подготовили разборы положений законопроекта [35], собрали и опубликовали критические мнения [36, 37], видеоинтервью [38], видеосюжеты [39] и стримы [40], проводили сами [41-43] и участвовали в проведении многочисленных открытых обсуждений [44], в том числе – в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации [27, 46], организовывали общественные обсуждения в прямом эфире в формате круглосуточного онлайн Интернет-марафона [25, 26], инициировали судебный процесс по иску к Министерству юстиции о незаконном непроведении оценки регулирующего воздействия при подготовке законопроекта и привлекли к нему общественное внимание и более 200 соистцов (в настоящее время производство по делу прекращено судом, что было обжаловано истцами [47-50], но на стадии апелляции – пока безуспешно) [51-70], обращались в прокуратуру с требованием привлечь министра юстиции к административной ответственности за непредставление информации по запросу граждан (ст. 5.39

КоАП РФ) [71, 72], лично посещали сотрудников Минюста на приеме [73–75].

Велась и активная работа по обсуждению вопроса о недопустимости введения «адвокатской монополии» в социальных сетях. Видеозапись [76], подтверждающая доклад министра юстиции Константина Чуйченко президенту России Владимиру Путину, в котором первый заявил, что якобы все заинтересованные органы и правительство поддержали идею «адвокатской монополии» (представленную как «профессионализация судебного представительства»), размещенная в профессиональных группах социальных сетей, всего за пять дней набрала более 300 000 просмотров и более 600 гневных комментариев [77, 78].

В ходе судебного процесса по иску ряда частнопрактикующих юристов к Минюсту выяснилось, что министерство утверждает, что законопроект об «адвокатской монополии» уже был передан в Правительство 31 июля 2025 г. Вместе с тем из 3211 предложений на сайте его общественного обсуждения 1168 до сих пор (по состоянию на 09 ноября 2025 г.) остаются необработанными. Это значит, что в Правительство был направлен законопроект без результатов рассмотрения поступивших предложений, то есть имеет место нарушение п. 20 Правил раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (утв. постановлением Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851). В соответствии с этим пунктом разработчик обязан рассмотреть все предложения, поступившие в установленный срок в электронной или письменной форме по результатам общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, и не позднее дня направления проекта нормативного правового акта на согласование с федеральными органами исполнительной власти разместить на официальном сайте сводку предложений, поступивших в рамках общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, с указанием позиции разработчика. То есть все результаты рассмотрения обращений должны были быть размещены на сайте не позднее 31 июля 2025 г., но их там нет до сих пор. При этом на момент публикации информации, судя по сайту, были обработаны 2043 предложения из поступивших 3211 [79].

В результате продолжающегося и постоянно нарастающего активного сопротивления противников законопроекта об «адвокатской монополии» [80] против его принятия выступили

представители некоммерческого сектора [81–85], предпринимательского сообщества, в том числе представители крупных корпораций [85–86], бизнес-омбудсмены [87–99], представители торгово-промышленных палат [100], общественных палат [101, 102], депутаты Государственной Думы [103–107], в том числе председатель профильного комитета Павел Крашенинников [108, 109], представители Верховного Суда Российской Федерации [110], представители органов власти регионов [111]. Среди причин ими назывались сопротивление юридического сообщества, экономические риски, политические соображения и методологические ошибки при разработке реформы [112]. Не продемонстрировали поддержку идеи «адвокатской монополии» и Председатель Комитета Совета Федерации по Государственному строительству Андрей Клишас [113], а также и Игорь Краснов [114] и Александр Гуцан [115], назначаемые на должности соответственно Председателя Верховного Суда Российской Федерации и Генерального прокурора Российской Федерации [116].

Член Совета Федерации – сенатор Айрат Гибаудинов и депутат Государственной Думы Алексей Куринный даже предложили превентивно защитить конституционное право юристов, у которых нет статуса адвоката, быть представителями потерпевших в рамках гражданского и административного судопроизводства и внесли соответствующий законопроект [117–122], который в 2026 г. был все же отклонен [123, 124].

Не было достигнуто единство мнений по вопросу «адвокатской монополии» и в «Ассоциации юристов России». Комиссия по вопросам правового регулирования некоммерческого сектора Московского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» выступила против законопроекта [125]. В то же время публикуется информация о том, что эта организация планирует предложить себя на роль института, консолидирующего судебных представителей [125–129].

Благодаря голосу независимых организаций адвокатов и юристов [130, 131] на проблемы институционального «захвата» адвокатуры в России обратили внимание специальные докладчики ООН [132].

Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова в своем докладе от 15 сентября 2025 г. А/HRС/60/59 [133] указала: «Сохраняется выраженная в предыдущих докладах обеспокоенность в связи с усилением

преследования адвокатов, ведущих защиту лиц в политически чувствительных делах или делах, связанных с национальной безопасностью, ростом количества закрытых судебных процессов и внесении в июле 2025 г. законопроекта, в котором предлагается усилить полномочия контролируемой государством Федеральной палаты адвокатов путем введения обязательного требования о наличии у всех юристов, представляющих интересы в суде в области гражданского и коммерческого права, статуса адвоката» [134].

29 декабря 2025 г. в адрес Правительства Российской Федерации Специальным докладчиком ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, представителем рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, Специальным докладчиком ООН по вопросу о положении правозащитников, Специальным докладчиком ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специальным докладчиком по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом направлено Письмо с утверждениями о нарушениях по вопросу о состоянии дел в адвокатуре № AL/RUS/13/2025, затрагивающее, в том числе, вопросы «адвокатской монополии» [135, 136].

В письме перед Правительством Российской Федерации были поставлены, в частности, следующие вопросы, непосредственно связанные с законопроектом об «адвокатской монополии»: «3. Пожалуйста, предоставьте обновленную информацию о статусе законопроекта, касающегося реорганизации адвокатуры. Поясните, каким образом его положения обеспечивают самоуправляемый характер, институциональную независимость и способность адвокатов свободно выполнять свои профессиональные обязанности в соответствии с международными стандартами в области прав человека и Основными принципами ООН, касающимися роли юристов. ... Пожалуйста, укажите шаги, предпринимаемые для гарантии того, что адвокатские палаты и другие профессиональные органы остаются независимыми, свободными от политического влияния или административного контроля, чтобы они могли эффективно защищать независимость своих членов и поддерживать целостность системы правосудия». Ответ на данное письмо, по имеющимся на настоящее время данным, его авторами не получен.

По имеющимся в настоящее время данным, законопроект об «адвокатской монополии» на рассмотрение органа законодательной власти (Государственной Думы Федерального Собра-

ния Российской Федерации) не внесен, фактически заморожен [137–141] и даже снят с повестки дня [142], но его дальнейшая судьба остается неопределенной. Однако ФПА, несмотря на заявления о постановке законопроекта «на паузу» [143], продолжает попытки его продвижения, используя для этого примеры лиц, приобретших статус адвоката после объявления о введении «адвокатской монополии» [144]. Министр юстиции также делает заявления о том, что министерство продолжит проработку инициативы [145].

2.3. Минюст «за» «адвокатскую монополию»

Минюст вел активную информационную кампанию по лоббированию законопроекта об «адвокатской монополии» среди юристов, заявляя, в частности, о том, что законопроект поддержал Общественный совет при Минюсте. Одним из членов Общественного совета оказался бенефициар ФПА Владимир Плигин [131], который, выступая как сопредседатель «Ассоциации юристов России» на заседании Общественного Совета «подчеркнул чрезвычайную важность обсуждаемого законопроекта» и «особо указал на то, что положения законопроекта будут способствовать повышению качества представительства интересов граждан и юрлиц в судах и, как следствие, самого судебного процесса» [146].

Министр юстиции Константин Чуйченко для поддержки законопроекта делал заявления в СМИ, в частности, о том, что закон об «адвокатской монополии» призван защитить конституционные права граждан на квалифицированную юридическую помощь, которую способны оказывать лишь «лица, которые подчинены этическим и профессиональным стандартам». Он также подчеркнул, что инициатива обеспечит «достойное» поведение защитников. «Если они таковыми не являются, то государство должно иметь право объявлять их не рукопожатными и не допускать в представительство», – заявил Константин Чуйченко, также указав, что «любое наведение порядка предполагает определенное недовольство». Министр юстиции также отметил, что не согласен с тем, что закон об «адвокатской монополии» сократит поступления в бюджет страны. По его мнению, инициатива лишь отсеет тех представителей профессии, кто вообще не платит налогов [147]. Однако при этом мотивировки своих утверждений Министр не привел, в отличие от экспертов, доказательно утверждающих обратное и указывающих на весьма вероятный значительный вред экономике от введения «адвокатской монополии» [148].

2.4. ФПА за «адвокатскую монополию»

Чтобы показать, что адвокаты поддерживают «адвокатскую монополию», ФПА активно действовала силами своих сотрудников и использовала так называемых «молодых адвокатов» из Союза молодых адвокатов России (далее – СМАР).

С 21 июля по 7 августа 2025 г. СМАР проводил акцию в поддержку законопроекта Минюста, который руководство ФПА предписало называть не иначе как «законопроект о профессионализации судебного представительства». Членов СМАР привлекали к публикации мнений в телеграм-канале и социальных сетях [149, 150]. Для продвижения инициативы был создан специальный сайт [151], на котором развернута публикация отзывов зависимых от ФПА РФ адвокатов, высказывающихся только в пользу законопроекта.

Кроме того, адвокатские палаты некоторых регионов России по указаниям из ФПА размещали на своих информационных ресурсах ссылки на законопроект с текстом в его поддержку и призывами ставить «лайки». Среди таких палат – Калининградская, Нижегородская, Удмуртская. В Адвокатской палате Республики Дагестан просили не только поставить «лайк», но и присылать подтверждающий скриншот [152].

В августе 2025 г. силами ФПА осуществлялось лоббирование законопроекта в Государственной Думе [153].

8 октября 2025 г. СМАР объявил о запуске третьего этапа информационной кампании «За профессионализацию судебного представительства». На этом этапе подготовлены карточки «Как стать адвокатом», которые помогут претендентам пройти путь в профессию шаг за шагом, а также «Как стать стажером адвоката», в которых рассказывается о стажировке в адвокатуре и содержится пошаговый алгоритм для желающих пройти такую стажировку. По словам председателя СМАР Екатерины Худовой, карточки сделают путь в адвокатуру доступным, прозрачным и понятным. Президент ФПА РФ Светлана Володина назвала карточки оптимальным форматом для желающих стать адвокатами [154].

В интернет-опросе ФПА по проблеме «адвокатской монополии» из более чем 80 000 адвокатов приняли участие лишь 4 979 человек, что составляет всего лишь около 6 % от общего числа адвокатов страны. Подавляющее большинство респондентов (77, 4%) поддержало принятие поправок (55, 7% – «полностью поддерживают», 21, 7% – «скорее поддерживают»), 8,1% относятся «нейтрально», 7% – «скорее не поддерживают», 7, 5% – «категорически против» [155]. Однако ФПА

с привлечением крупнейшего государственного СМИ (ТАСС), попыталась представить результаты этого опроса таким образом, будто бы он получил поддержку 77 % от всех представителей адвокатского сообщества [156], в то время как реальные цифры показали обратное: десятки тысяч адвокатов, не участвовавших в опросе, своим пассивным поведением показали, что они не желают принимать участие в действиях ФПА по продвижению законопроекта и вообще в какой-либо деятельности этой организации [157].

15 сентября 2025 г. Минюст и ФПА, делая вид, что учли предложения, поступившие в рамках общественного обсуждения, заявили, что будут скорректированы проектируемые нормы о принесении присяги адвоката, а также о том, что положения законопроекта будут доработаны в части расширения круга лиц, на которых не распространяются его положения: в частности, представителями граждан, за исключением индивидуальных предпринимателей, смогут быть также супруги, родственники по прямой восходящей и нисходящей линии, полнородные и неполнородные братья и сестры при наличии у них высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности. Кроме того, действия, не связанные с оказанием лицу, участвующему в деле, квалифицированной юридической помощи по делу, смогут осуществляться лицами, имеющими выданную лицом, участвующим в деле, доверенность на совершение таких действий независимо от соответствия лиц, имеющих доверенность, требованиям, предъявляемым к представителям граждан и организаций законодательством, а также «предоставляется возможность штатным юристам компаний представлять не только свои фирмы, но и те, которые входят в общую с их работодателем группу» [158].

Кампанию пропаганды «адвокатской монополии» проводили и сами представители ФПА. Причем эта кампания проводилась по правилам «информационных войн», что приводило к фактическому утаиванию не устраивающей руководство ФПА информации от адвокатов. Так, например, в ФПА ожидаемо не сочли нужным освещать в опубликованном на своем сайте материале [159] конструктивные возражения против «адвокатской монополии», прозвучавшие на круглом столе в Государственной Думе [27, 160]. Аналогичным образом ФПА поступила и при освещении второго круглого стола, проведенного там же [161].

ФПА активно применяла агрессивную рекламу законопроекта об «адвокатской монополии», основываясь на нескольких нерелевантных

примерах, заявляя о том, что в России якобы растет число юристов, желающих получить статус адвоката [162].

Другой пример: экс-вице-президент Федеральной палаты адвокатов, а ныне – «руководитель цифровой трансформации» ФПА Елена Авакян пыталась убедить участников Сибирской юридической недели (SibLegalWeek) в том, что «адвокатская монополия» – это «новая реальность», которую даже уже нельзя изменить. По итогам форума она заявила о том, что дискуссии ей якобы удалось «завершить в ее пользу» и раскрыла ряд характеристик примененной ею технологии обмана. Оказывается, она «старалась построить диалог таким образом: объяснить, что адвокатская корпорация не пытается «перетянуть одеяло на себя», как утверждают противники реформы, а, наоборот, в сложной жизненной ситуации подставляет юридическому сообществу плечо, давая возможность объединиться на базе корпорации с более чем 160-летней историей», на что участник мероприятия юрист Евгений Шестаков публично отреагировал комментарием («Реальность была другой. Президиум круглого стола из четырех человек: три адвоката и один юрист (я), за исключением Елены Авакян, выступил против монополии. Зал также не был на стороне Елены. Заметка на сайте ФПА – конечно же, образец постправды») [163], который был поддержан другими участниками и наблюдателями события [164, 165].

Впрочем, в информационной политике ФПА встречались и более явные «проколы». Например – попытка автоматической накрутки позитивных реакций к постам в телеграм-канале [166]. Были и случаи курьезных высказываний. Так, например, Президент Адвокатской палаты Калининградской области Евгений Галактионов в одном из своих выступлений в СМИ заявил, что для адвокатской палаты «количество приходящих всегда должно быть больше количества уходящих», иначе «у нас не будет денег на учебу, на проведение мероприятий, не будет денег на организацию всего нашего адвокатского сообщества» [167], чем фактически подтвердил доводы противников «адвокатской монополии» об экономическом подтексте действий ФПА и адвокатских палат, активно участвующих в продвижении законопроекта об «адвокатской монополии».

Адвокат Генри Резник в рамках мероприятий по продвижению «адвокатской монополии» обвинил ее противников в демагогии и популизме и поблагодарил министра юстиции Константина Чуйченко за подготовку законопроекта, добавив,

что его благодарность «дорогого стоит», ведь исходит от него, от «правозащитника», при этом пытаясь убедить присутствующих, что инициатива исходила не от Минюста: «Первое. Кому нужен этот законопроект? Ошибочно было бы считать, что это продукт творчества Минюста. В последнее время абсолютно неожиданно пришел новый министр и решил: давайте-ка объединим судебное представительство на базе адвокатуры – и ничего подобного. Десять лет разрабатывалась программа юстиции. Десять лет. Менялось руководство Министерства юстиции. Существовала рабочая группа, в которую входили адвокаты. Я, грешный, входил в нее, и Пепеляев, и Буробин». Также он заявил, что документ нужно принять в первом чтении, а поправки, если потребуется, внести потом – «во втором», пытаясь таким образом успокоить сомневающихся. Единственный момент в законопроекте, который вызывает у него недовольство, – это положение, позволяющее Минюсту вмешиваться в работу адвокатских палат, включая возможность отстранения их руководства; он сравнил это с «отделением мух от котлет» [168].

Президент ФПА Светлана Володина в ходе мероприятий по обсуждению законопроекта об «адвокатской монополии» пыталась представить ее не как насильственное вытеснение свободных юристов с рынка, а как некий естественный и желательный процесс вхождения в адвокатуру – условный «брак по любви». По ее логике, речь идет не о запрете профессии для судебных представителей, а о переводе их в более правильную, организованную и этически стандартизированную форму профессиональной деятельности. Она также возражала критикам тем, что адвокатура якобы открыта для вступления, а значит говорить о «лишении профессии» некорректно. Кроме того, в ее позиции содержится мысль о том, что единый профессиональный статус, общие стандарты, дисциплинарный контроль и корпоративная организация должны повысить качество юридической помощи и доверие к судебному представительству. Критика законопроекта подается Светланой Володиной как преувеличенная, эмоциональная и не учитывающая интересы граждан и самой профессии. Между тем, очевидно, что для огромного числа практикующих юристов переход в адвокатуру не будет свободным выбором: если их фактически лишают права профессионально представлять доверителей в судах вне адвокатского статуса, то это уже не «любовь», а принуждение. Формальная возможность вступления в адвокатуру не отменяет существования проблемы,

потому что речь идет не о добровольном расширении возможностей, а о нормативном вытеснении всех иных форм юридической профессии из ключевой части рынка. В этой логике возражение Володиной о том, что «никого не лишают профессии», является словесной подменой: юристу могут не запретить называться юристом, но у него отнимут основную профессиональную функцию – судебное представительство. Сама по себе корпоративизация не доказывает роста качества, зато создает дополнительные риски зависимости, дисциплинарного давления и административного контроля. Иначе говоря, обещание «более высокого уровня профессии» у Светланы Володиной строится на предпосылке, которая не является доказанной: усиление корпоративного фильтра может не улучшить правовую помощь, а лишь сделать профессию менее свободной и более управляемой. Вместо содержательного ответа на ключевые претензии – о конкуренции, свободе профессии, риске дисциплинарного произвола, зависимости адвокатуры от ее руководящих органов – Светланой Володиной используется смягчающая риторика о профессиональном единстве, цивилизованном рынке и заботе о гражданах. Поэтому ее возражения являются не опровержением критики по существу, а лишь попыткой представить принудительную перестройку рынка юридической помощи в более привлекательном и безобидном виде [169, 170].

2.5. Монополистическая телега впереди юридической лошади: кто это начал?

В ноябре 2025 г. ФПА, не дожидаясь принятия законопроекта «об адвокатской монополии», фактически начала имплементационную кампанию для не принятых еще положений предполагаемого закона.

Так, Комиссия по этике и стандартам ФПА разъяснила, как будет учитываться стаж работы по юридической специальности для будущих адвокатов, которые работают как индивидуальные предприниматели или самозанятые. Разъяснение вызвано вопросами о том, можно ли включать в стаж работу помощником адвоката до получения высшего юридического образования и деятельность индивидуальных предпринимателей или самозанятых лиц, основной деятельностью которых является оказание юридических услуг. ФПА решила, что будет требовать от юристов, принудительно инкорпорируемых в адвокатуру, подтвердить, что они вели юридическую практику не менее двух лет, и дополнительно – что эта деятельность велась по собственноручно заранее разработанному и утвержденному регламенту.

Для зачета стажа претендент также должен предоставить подтверждение регистрации деятельности – выписку из ЕГРИП с кодом ОКВЭД 69.10 или справку о постановке на учет как самозанятого; документы, подтверждающие юридическую практику – копии судебных актов, где он выступал в качестве представителя за период не менее двух лет; подтверждение уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование. Юрист Екатерина Гуленкова, которая активно выступает против законопроекта об «адвокатской монополии», в связи с этими требованиями отметила, что они выглядят практически невыполнимыми. По сути, претендент должен заранее «сам себе прописать правила» работы, а затем доказать, что два года строго следовал им. Кроме того, остается непонятным, как требование о пенсионных взносах будет применимо к самозанятым [171] (которые их не уплачивают).

28 октября 2025 г. была опубликована информация о том, что Совет ФПА рекомендовал адвокатским палатам регионов установить вступительный взнос на уровне 8-кратного минимального размера оплаты труда в соответствующем регионе [172]. Сведения о том, сделали ли это палаты, не сообщаются. Судя по всему – нет.

21 ноября 2025 г. появилась информация о том, что «в основе пояснительной записки к обсуждаемому законопроекту Министерства юстиции Российской Федерации о профессионализации судебного представительства на основе адвокатуры лежит исследование качества оказания юридических услуг, проведенное Минюстом России совместно с Роспотребнадзором, прокуратурой и профессиональным сообществом», а также о том, что эта информация была озвучена сотрудниками Минюста. Сведений об опубликовании этого исследования или его конкретных результатах, представленных общественности, обнаружить не до настоящего времени не удалось [173].

Кратко описанные выше информационная и преждевременная имплементационная кампании ФПА привели к формированию у большинства представителей юридического сообщества мнения о том, что заявления отдельных представителей высшего руководства ФПА и адвокатских палат показывают, что они не являются носителями высоких моральных стандартов, поскольку ими поддерживается антиправовая система мер по дискриминации новых потенциальных членов корпорации и внутрикорпоративным репрессиям, а на уровне руководства ФПА и адвокатских палат имеет место глубокое пренебрежение к основам правовой системы страны в целом [174].

Введение «адвокатской монополии» и принудительное установление вступительных взносов для почти полумиллиона свободных юристов создают колоссальный финансовый пул для ФПА и региональных адвокатских палат, исчисляемый десятками миллиардов рублей. И именно этот фискальный мотив обуславливает рентно-ориентированное поведение ФПА и региональных корпоративных элит, представляющих органы управления адвокатскими палатами. Кроме того, в результате проведенных исследований было выявлено, что доступ к правосудию даже без введения «адвокатской монополии» в России остается неравным по причине достаточно высоких ставок адвокатского гонорара, рекомендованных адвокатскими палатами. При доступной средней стоимости консультаций полноценное ведение дела в суде обходится «среднему потребителю» дороже месячного дохода в большинстве регионов, превращая юридическую помощь в фактически недоступную услугу [175, 176].

2 декабря 2025 г. ФПА РФ обнародовала идею о необходимости принудительного введения специализации в адвокатуре России [177–179]. Эта идея противоречит международным стандартам, Конституции РФ и Закону, поскольку подрывает универсальный характер статуса адвоката и ограничивает его профессиональную независимость. В руках ФПА специализация может превратиться в инструмент корпоративного контроля, при котором адвокатов будут фактически делить на «допущенных» и «недопущенных» к определенным категориям дел. Такая модель не расширяет гарантии качества юридической помощи, а наоборот, создает риски дискриминации внутри профессии и ослабления права доверителя свободно выбирать защитника. Эта инициатива связана с более широкой тенденцией усиления административного влияния ФПА на адвокатское сообщество, в связи с чем навязываемая специализация может стать еще одним шагом к ограничению автономии российской адвокатуры [180]. Результаты проведенного ФПА опроса показали, что 69,4 % от общего числа опрошенных высказались против введения специализации в адвокатуре [181], что, однако, не положило конец идеям руководства ФПА о принудительном введении специализации адвокатов.

2.6. Антиадвокатская схема

Судя по всему, сотрудники Минюста настолько переняли у должностных лиц ФПА идеи имплементации еще не принятого закона, что разработали и успешно реализовали прорывной план, который следует поименовать «судебной

схемой произвольного прекращения статуса адвоката» [182].

Как показывают обстоятельства дела, первоначально предложенная в законопроекте об «адвокатской монополии» судебная схема прекращения статуса адвоката в деле адвокатов Алексея Басистова, Дмитрия Проводина и Юлия Тая на практике была применена в упрощенном виде, а именно с исключением из первоначального замысла архитекторов «адвокатской монополии» стадии обжалования Минюстом решения Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации в ФПА.

Судя по обстоятельствам дела, на практике сотрудники Минюста решили просто избавиться от ФПА и ее сотрудников как от ненужных посредников в приводном ремне выстроенного механизма произвольного прекращения статуса адвоката по желанию должностных лиц государственного органа. Поэтому при реализации операции по прекращению статуса адвокатов они лишь несколько упростили изначально предполагаемую трехзвенную схему «адвокатская палата – ФПА – суд» до более удобоваримой двухзвенной: «адвокатская палата – суд».

Расчет сотрудников Минюста был сделан и на скорость реакции, а именно на то, чтобы сотрудники ФПА просто не успели среагировать. Применение не предусмотренного законом механизма прекращения статуса адвоката по решению суда произошло практически молниеносно: с момента принятия искового заявления к рассмотрению до его быстрого рассмотрения судом по существу в одном заседании прошло всего-навсего девять дней, что каждому юристу и адвокату, знакомому с истинной картиной скорости рассмотрения дел в судах г. Москвы покажется, мягко говоря, не просто быстрым, а сказочно быстрым.

Кроме того, в ведущих СМИ в отношении преследуемых адвокатов была организована фактически диффамационная кампания с публикацией множества однообразных информационных сообщений представляющих собой, по сути, копию информационного материала судебной пресс-службы [183–191].

Из обстоятельств дела следует, что расчет сотрудников Минюста оправдался. Против рассмотрения дела судом ФПА и ее представители превентивно не выступили, а первая информация о судебном деле и происходящем процессе была опубликована на сайте принадлежащего ФПА СМИ всего за четыре часа до начала рассмотрения дела по существу [192]. Первая реакция Президента ФПА Светланы Володиной также впервые

была опубликована лишь после процесса [193, 194]. Информация об участии представителей ФПА в процессе не публиковалась.

Против молниеносной атаки на адвокатуру успели выступить против лишь общественные организации адвокатов и юристов [195], сами преследуемые адвокаты [196] и их представители, а также представители адвокатской палаты, принявшие участие в судебном заседании [197, 198].

Не предусмотренную законом «схему» должностным лицам Минюста удалось реализовать при помощи Хамовнического районного суда г. Москвы, уже неоднократно запятнавшего себя в деле подавления независимой адвокатуры [199–200].

Итак, решение суда по делу адвокатов Юлия Тая, Алексея Басистова и Дмитрия Проводина, статус которых был прекращен по теперь уже, безусловно, знаковому решению суда, было принято 10 апреля 2026 года [201–204].

3. Судебное решение по делу трех адвокатов: антология бесправия.

3.1. Неправильное применение норм материального права.

3.1.1. Действие суда за рамками норм материального права, превышение судом своих полномочий и узурпация им исключительной компетенции адвокатской палаты.

Анализ текста судебного решения с учетом описания обстоятельств судебного разбирательства приводит к выводу о том, что оно является незаконным, необоснованным и подлежит отмене, поскольку суд допустил существенные нарушения норм материального и процессуального права.

В материалах опубликованной к настоящему времени судебной практики прослеживается вполне понятная, соответствующая законодательству позиция, согласно которой Закон императивно устанавливает, что статус адвоката прекращается лишь по решению совета адвокатской палаты.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Закона, статус адвоката может быть прекращен исключительно по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии.

Московский городской суд в апелляционном определении от 8 сентября 2015 г. по делу № 33-32354 со ссылками на ст. 16 и 17 Закона, принимая решение по иску гражданина к адвокату, указал, что «законом строго урегулирован порядок прекращения статуса адвоката, при этом решение данного вопроса не отнесено к компетенции

суда» [205, 206].

Шестой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 23 августа 2024 г. по делу № 88-18088/2024, рассматривая дело, в рамках которого решением Совета Адвокатской палаты Ульяновской области от 25 сентября 2023 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката было прекращено, а Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Ульяновской области обратилось в суд, не согласившись с заключением квалификационной комиссии от 4 сентября 2023 г. и решением Совета Адвокатской палаты Ульяновской области от 25 сентября 2023 г., согласился с решением суда первой инстанции, прекратившего производство по делу, с чем согласился и суд апелляционной инстанции.

Кассационный суд указал, что «суд апелляционной инстанции, исходил из того, что Управление Министерства юстиции Российской Федерации по Ульяновской области не вправе оспаривать заключение квалификационной комиссии и решение Совета Адвокатской палаты Ульяновской области. Судья Шестого кассационного суда общей юрисдикции полагает такие выводы судов предыдущих инстанций правомерными, основанными на правильно установленных обстоятельствах, верном толковании норм права». Суд также отметил, что «Пунктом 2 статьи 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) предусмотрено, что решение Совета адвокатской палаты по дисциплинарному производству может быть обжаловано адвокатом, привлеченным к дисциплинарной ответственности, в месячный срок со дня, когда ему стало известно или он должен был узнать о состоявшемся решении. Таким образом, право обжалования решения совета адвокатской палаты по дисциплинарному производству предоставлено законодательством исключительно адвокату, в отношении которого принято такое решение. Ни положения Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ, ни положения Кодекса профессиональной этики адвоката не предусматривают права государственного органа, внесшего представление о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности, на обжалование заключения квалификационной комиссии и решения совета адвокатской палаты о прекращении дисциплинарного производства в судебном порядке». Более того, суд отметил, что «Доводы кассационной жалобы о наличии у Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Ульяновской области права и полномочий на обращение в суд с данным иском, в

том числе со ссылками на обращение в суд в целях защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства, обеспечения верховенства закона, а также суждения заявителя кассационной жалобы о том, что заявленный спор подлежит рассмотрению по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, основаны на неверном, ошибочном толковании норм материального и процессуального права, а потому не влекут отмену обжалуемых судебных постановлений. Более того, указанные выше доводы приводились заявителем ранее, являлись предметом исследования судов предыдущих инстанций, были обоснованно отклонены по мотивам, изложенным в судебных постановлениях, по существу направлены на иное толкование норм материального и процессуального права» [207].

Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции в деле № 8Г-30021/2022, по иску адвоката о восстановлении статуса, указала, что «установление оснований, поводов и порядка привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности прямо отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31 и пункт 7 статьи 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), что вызвано необходимостью соблюдения принципов независимости и самоуправления адвокатуры, а также тем, что предполагается более полное и четкое регулирование вопросов адвокатской деятельности самим адвокатским сообществом», что «установление наличия и характера корпоративного проступка является исключительной компетенцией органов адвокатского сообщества и в этом качестве не подлежит и не может подлежать судебному контролю на предмет соответствия закону», а также что «суд не должен принимать на себя функции уполномоченного законодателем другого органа, в ведении которого находится принятие решения о наличии или об отсутствии в действиях адвоката дисциплинарного проступка. Такой вопрос не может быть разрешен иначе, чем органами адвокатской палаты» [208].

В кассационном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 30 августа 2023 г. № 70-КАД23-2-К7 относительно принадлежности установленных законом полномочий на прекращение статуса адвоката отмечено следующее: «представление территориального органа юстиции в отношении адвоката является основанием для вынесения рас-

поряжения о возбуждении дисциплинарного производства. Однако оценка достаточности доказательств и обоснованности выдвинутых обвинений в отношении адвоката предоставлены квалификационной комиссии и Совету адвокатской палаты, членом которой является адвокат. Окончательное решение по рассмотрению дисциплинарных производств в отношении адвокатов принимает Совет адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, тогда как представление является формой реагирования уполномоченного органа на допущенные, по его мнению, нарушения в деятельности адвоката, которое адресуется органу адвокатского сообщества для принятия решения в пределах его компетенции... Контрольно-надзорные полномочия в сфере адвокатуры реализуются территориальными органами юстиции посредством внесения в адвокатские палаты субъектов Российской Федерации представлений о возбуждении дисциплинарного производства о прекращении статуса адвоката или применении к адвокату иных мер дисциплинарного воздействия за неисполнение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей, а также нарушение правил поведения при осуществлении адвокатской деятельности. Приведенные полномочия территориального органа юстиции закреплены в пунктах 6 и 7 статьи 17 Федерального закона об адвокатской деятельности и адвокатуре и пункте 41 Положения об Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту (субъектам) Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 марта 2014 года № 26 ... Как предписано статьей 18 Кодекса этики адвокатов, меры дисциплинарной ответственности применяются только в рамках дисциплинарного производства в соответствии с процедурами, предусмотренными разделом вторым названного кодекса, определяющим основы дисциплинарного производства. Применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, включая прекращение статуса адвоката, является предметом исключительной компетенции Совета соответствующей адвокатской палаты субъекта Российской Федерации» [209].

Конституционный Суд РФ в Определении от 02 октября 2019 г. № 2658-О указал, что «Органом, уполномоченным рассматривать жалобы на действия (бездействие) адвокатов, является адвокатская палата субъекта Российской Федерации в лице квалификационной комиссии, к полномочиям которой относится дача заключения о наличии или отсутствии в действиях (бездействии)

адвоката нарушений, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей; при этом в порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката, и при наличии допустимого повода президент адвокатской палаты возбуждает дисциплинарное производство (статья 22, подпункт 9 пункта 3 и пункт 7 статьи 31, пункты 1 и 7 статьи 33 Федерального закона ... Установление оснований, поводов и порядка привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности прямо отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31 и пункт 7 статьи 33 Федерального закона... что вызвано необходимостью соблюдения принципов независимости и самоуправления адвокатуры, а также тем, что предполагается более полное и четкое регулирование вопросов адвокатской деятельности самим адвокатским сообществом (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2007 года № 293-О-О и от 13 октября 2009 года № 1302-О-О). Оспариваемые законоположения не препятствуют лицу, статус адвоката которого прекращен, в судебной защите своих прав, нарушенных решением совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката» [210].

Вышеизложенное, а также содержание Закона, приводит к выводу о том, что согласно пункту 2 статьи 17 Закона, прекращение статуса адвоката является исключительной компетенцией совета адвокатской палаты, который принимает такое решение на основании заключения квалификационной комиссии, что, в свою очередь, предполагает возможность принятия такого решения только в рамках дисциплинарного производства.

В деле адвокатов Юлия Тая, Алексея Басистова и Дмитрия Проводина адвокатская палата рассмотрела представление Минюста и вынесла решение, в то время как суд, удовлетворяя исковое заявление, отменил это решение и сам прекратил статус этих адвокатов, приняв решение, полностью противоречащее ранее устоявшейся в практике и соответствующей закону позиции.

Удовлетворяя требование истца о непосредственном прекращении статуса адвокатов, суд первой инстанции грубо нарушил нормы материального права и вышел за пределы своих полномочий.

Хамовнический районный суд г. Москвы обосновывая решение о прекращении статуса адвоката, утверждает, что «право адвокатуры действовать на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности, само по себе не является безусловным и не

может ограничивать возможности Министерства юстиции реагировать на явное злоупотребление правом со стороны профессионального сообщества адвокатов (адвокатских палат, советов и т.д.). При этом праву Минюста России вносить представление о прекращении статуса адвоката в адвокатскую палату, членом которой является адвокат, должно корреспондировать право обжалования принятых по результатам рассмотрения представления решений, прямо противоречащих действующему законодательству. Иное противоречило бы положениям части 1 и 2 статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с частью 1 статьи 19, закрепляющих равенство всех перед законом и судом, указывающих на то, что конституционное право на судебную защиту предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме эффективного восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями».

Хамовнический районный суд г. Москвы в своем решении также указал, что «Задачей реализации органом юстиции такого рода контрольных полномочий в сфере адвокатуры является обеспечение всестороннего рассмотрения действия (бездействия) адвоката, имеющего признаки проступка, влекущего либо способного повлечь в силу закона применение к адвокату мер ответственности вплоть до лишения его статуса адвоката, на предмет соответствия таких признаков фактическим обстоятельствам и применения при наличии оснований соответствующих мер ответственности по решению органов адвокатского сообщества. Между тем, формальное рассмотрение Адвокатской палатой ... представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве без надлежащей оценки представленных доказательств необходимости применения положений подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» лишили административного истца, выступающего в защиту неопределенного круга лиц, а соответственно действующего в интересах публичного порядка, возможности реализовать возложенные на него Указом Президента Российской Федерации от 13 января 2023 года № 10 полномочия по контролю деятельности адвокатуры и предотвращения нарушений конституционных прав на судебную защиту, на квалифицированную юридическую помощь (статьи 46, 48 Конституции Российской Федерации), в связи с чем суд приходит к выводу,

что Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве вправе выносить вопрос о прекращении статуса адвоката на рассмотрение суда, а суд в интересах государства (публичного порядка) принимать решения по существу заявленных требований».

Применяя концепцию защиты «публичного порядка» и ссылаясь на недопустимость «явного злоупотребления правом» со стороны органов адвокатского самоуправления, суд фактически предпринял попытку обойти императивные нормы специального закона с помощью аналогии и общих принципов публично-правового спора. Однако данная логика является порочной с точки зрения теории права. Закон содержит исчерпывающий перечень субъектов, уполномоченных лишать статуса адвоката. Императивные нормы, регулирующие специальные статусные вопросы, не подлежат расширительному толкованию или преодолению через абстрактные категории «публичного интереса». Более того, истинный публичный интерес в правовом государстве заключается именно в строгом соблюдении установленной законом процедуры, гарантирующей независимость института адвокатуры, а не в узурпации судом дискреционных полномочий Совета палаты под предлогом борьбы со злоупотреблениями.

Хамовнический районный суд г. Москвы в своем решении указал, что «Доводы административных ответчиков о том, что право на принятие решения о прекращении статуса адвоката допускается исключительно по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, в связи с чем не может быть предметом рассмотрения суда общей юрисдикции, являются ошибочными. Ценность права на судебную защиту как важнейшей конституционной гарантии всех других прав и свобод обусловлена особым местом судебной власти в системе разделения властей и ее прерогативами по осуществлению правосудия, predeterminedенными статьями 10, 11 (часть 1), 18, 46 (части 1 и 2), 118, 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации. Именно судебная власть, предназначенная к тому по своей природе, играет решающую роль в государственной защите прав и свобод человека и гражданина, и именно суд окончательно разрешает спор о праве, чем predeterminedенно значение судебных решений как правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер. Раскрывая содержание права на судебную защиту как одного из основных неотчуждаемых прав человека и

в то же время как гарантии и средства обеспечения всех других прав и свобод, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что данное право предполагает наличие конкретных институциональных и процессуальных механизмов, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, не нарушая при этом надлежащий баланс между частными и публичными интересами. Суд также считает необходимым отметить, что Адвокатская палата ... при рассмотрении представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 07 октября 2025 года № 77/08-43271/25 и ходатайства от 29 января 2026 года высказала свою четко выраженную позицию по дисциплинарному производству в отношении адвокатов ..., отказав в прекращении их статуса адвоката. Соответственно, в данном случае суд окончательно разрешая возникший спор, считает возможным принять соответствующее решение по существу заявленного требования».

Однако данные выводы суда не основаны на законе и ошибочны, поскольку при отсутствии материально-правовой нормы суд не вправе принимать решение, отнесенное к компетенции другого субъекта права (адвокатской палаты), иначе нарушается принцип разделения функций в механизме правоприменения. В силу действующего законодательства судебный контроль в сфере адвокатуры возможен только за законностью решения совета о прекращении статуса адвоката при несогласии адвоката с прекращением его статуса, но никак не вместо него, причем по требованию государственного органа.

Действительно, независимость адвокатуры не является безусловной. В ходе ранее проведенных исследований установлено, что независимость адвокатуры представляет собой обеспеченное на уровне закона правовое состояние адвокатов, органов корпоративного управления адвокатурой и адвокатских образований, при котором они наделены исключительным правом в решении вопросов самоуправления, саморегуляции и экономической самостоятельности. При этом принцип независимости адвокатуры не означает ее абсолютной независимости, поскольку этот принцип ограничен сущностным содержанием принципа законности. Принцип независимости адвокатуры не имеет нормативного закрепления в законе в части разграничения полномочий по управлению адвокатурой между государством и адвокатурой, что делает возможным произвольное изменение

и (или) применение закона, а также произвольное толкование закона в части содержания этого принципа.

Принципом адвокатуры применительно к адвокату является не «независимость», а профессиональная самостоятельность (автономность). Принцип независимости адвокатуры в законодательстве и практике его применения находит двоякое содержание, состоящее в обеспечении организационно-правовых и экономико-правовых гарантий независимости адвокатских образований и органов корпоративного управления адвокатурой, которые также призваны обеспечивать независимость адвоката. Элементами контроля и надзора за организацией и деятельностью адвокатуры, в силу положений законодательства не нарушающими принцип независимости адвокатуры, является установленная законом деятельность следующих государственных органов: суда, Министерства юстиции Российской Федерации и его территориальных органов, законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (участие представителей в составе КЭС ФПА РФ). Соответствующая требованиям закона деятельность государственных органов (в первую очередь Следственного комитета РФ) в пределах их полномочий, направленная на раскрытие и расследование преступлений, совершаемых адвокатами, в том числе адвокатами, которые являются членами органов корпоративного управления адвокатурой, не может быть признана посягательством на независимость адвокатуры [211].

Однако из верной посылки суд делает неверный вывод, потому что ограничение независимости сущностным содержанием принципа законности не допускает вмешательства суда в правовое положение адвоката в рамках предложенного Минюстом правового механизма. Причина неверного вывода суда – в заложенных в текст решения логических несовместимостях.

В данном случае, согласно резолютивной части судебного решения, прекращающего статус адвоката вместо Совета адвокатской палаты, мы имеем дело не с контролем, а с выходящим за рамки закона замещением компетенции.

Поскольку Хамовнический районный суд г. Москвы удовлетворяя исковое заявление Минюста, действовал в условиях отсутствия материально-правовой нормы, предусматривающей соответствующее его полномочие, то есть фактически

за рамками установленных законом полномочий, присвоив себе отсутствующие у него полномочия органа адвокатского самоуправления и подменяя собой этот единственный установленный Законом орган (Совет Адвокатской палаты г. Москвы), правомочный рассматривать дисциплинарное дело по существу и принимать по нему решение в виде прекращения статуса адвоката, принятое им решение является незаконным.

В силу положений Закона Хамовнический районный суд г. Москвы, рассматривавший и разрешивший административное дело, не наделен полномочиями самостоятельно осуществлять в отношении адвоката дисциплинарное производство, приостанавливать, а тем более прекращать статус адвоката.

В силу положений Закона в компетенции суда относительно решения Совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката имеется единственная задача – проверить законность решения совета адвокатской палаты на основании искового заявления адвоката о прекращении его статуса, но никак не полномочие принять новое решение о прекращении статуса адвоката по существу дисциплинарного дела, возбужденного по административному иску государственного органа в лице Минюста.

3.1.2. Ошибочное толкование судом положений Закона о возможности прекращения статуса адвоката за выезд или длительное пребывание за границей.

Из содержания правовой нормы, изложенной в подпункте 7 пункта 2 статьи 17 Закона, следует, что для применения мер воздействия к адвокату, вопреки выводам суда, требовалось исследовать причины выезда адвоката за пределы РФ, цели выезда, длительность и наличие уважительных причин. Кроме того, само по себе нахождение за границей не является дисциплинарным проступком. Суд же, принимая решение по делу, установил, что формальное наличие критерия пребывания адвокатов за пределами РФ без надлежащего учета иных предусмотренных законом обстоятельств уже является основанием для прекращения статуса.

Суд в своем решении указал, что «поскольку необходимость применения положений подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и прекращения статуса адвоката, была подтверждена представленными административным истцом доказательствами» а «при рассмотрении дисциплинарного производства Адвокатской палатой Москвы не были

учтены все существенные по делу обстоятельства, надлежащая оценка причин нахождения ... за пределами Российской Федерации не дана, требования Министерства юстиции по существу разрешены не были. Учитывая изложенное, решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 29 января 2026 года № 2, принятое по дисциплинарному делу в отношении адвокатов ... является незаконным и подлежит отмене».

В обоснование этого вывода суд указал, что «согласно буквальному толкованию положений подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» выезд адвоката на постоянное место жительства либо на срок более года за пределы Российской Федерации, за исключением такого выезда по уважительным причинам, является самостоятельным основанием для прекращения его статуса безотносительно наличия или отсутствия в его действиях (бездействии) фактов нарушения профессиональных обязанностей или решений органов адвокатского самоуправления. Предусмотренная законодателем дискреция, позволяющая совету адвокатской палаты оценивать уважительность причин выезда адвоката за пределы России, не связана с осуществлением адвокатом своих профессиональных обязанностей».

Суд также отметил, что «обстоятельства выезда и факт нахождения адвокатов ... за пределами Российской Федерации более года без уважительных причин нашли свое подтверждение в ходе рассмотрения дела, что является достаточным основанием в силу положений подпункта 7 пункта 2 статьи 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» для прекращения статуса адвоката, суд считает, что требования административного истца в указанной части также подлежат удовлетворению».

Однако очевидно, что судом неверно истолкован подпункт 7 пункта 2 статьи 17 Закона, поскольку из содержания данной статьи следует, что она предусматривает обязательную оценку обстоятельств, включая оценку наличия уважительных причин для нахождения за пределами Российской Федерации.

Поскольку суд исходил из собственного неверного понимания содержания применяемой для обоснования прекращения статуса адвокатов нормы Закона, им не был осуществлен надлежащий учет фактических обстоятельств дела, которые должны устанавливаться при решении вопроса о прекращении статуса адвоката в соот-

ветствии с положениями Закона. Из текста решения суда следует, что он ограничился данными МВД о пересечении границы, но не исследовал причины проживания адвокатов за границей. В решении суда, кроме того, отсутствует анализ того, почему доводы адвокатов об уважительных причинах выезда не были приняты во внимание.

При этом перечень уважительных причин в Законе является открытым, а в ходе дисциплинарного производства сторона защиты указывала, что выезд обусловлен реальными угрозами жизни, свободе и здоровью, связанными с профессиональной и правозащитной деятельностью адвокатов. С правовой точки зрения, если государство в лице правоохранительных органов не способно обеспечить безопасность адвоката (а нападения на адвокатов, как мы видим, стали системой, и при этом имел место факт нападения на одного партнеров адвокатов в связи с их совместной деятельностью что было документально подтверждено в рамках рассмотрения дисциплинарного дела), то вынужденный отъезд из страны с целью защиты фундаментального права на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ) образует классическое состояние крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Спасение собственной жизни, здоровья и свободы от внесудебных расправ и политически мотивированного преследования априори является «уважительной причиной». Ожидать от адвоката, скрывающегося от насилия, предоставления формальных справок о «лечении или обучении» – значит доводить правовой формализм до абсурда. Однако из решения следует, что суд не дал надлежащей оценки доказательствам, представленным в дисциплинарном производстве, и необоснованно не учел уважительные причины нахождения адвокатов за пределами России.

Следует рассмотреть позицию Министерства юстиции и суда, послужившую формальным поводом для столь радикального решения. Минюст настаивал, а суд согласился с тем, что Совет палаты подошел к рассмотрению представления сугубо формально, проигнорировав объективные данные МВД о длительном нахождении адвокатов за рубежом и немотивированно признав причины выезда уважительными без исследования всех доказательств. Действительно, если Совет палаты уклонился от полного и всестороннего исследования доводов уполномоченного органа, это может свидетельствовать о процедурном нарушении со стороны органа корпоративного управления. Однако, даже если презюмировать факт формального подхода Совета к представлению Минюста,

надлежащим способом судебного реагирования – при условии признания за государственным органом права на иск – стала бы отмена решения Совета с направлением дисциплинарного дела на новое рассмотрение в палату. Суд же, подменив собой квалификационную комиссию и Совет, вышел далеко за пределы устранения возможных формальных нарушений палаты. Что касается оценки «уважительности» причин судом, то она свелась к полному игнорированию доводов защиты о реальных угрозах жизни и здоровью адвокатов, что демонстрирует откровенно антиадвокатский уклон правоприменения.

3.2. Процессуальные нарушения.

Описание процесса рассмотрения административного искового заявления Минюста Хамовническим районным судом г. Москвы, подробно изложенное в ряде опубликованных материалов [212–214], дает весьма детальное представление о наличии в действиях суда грубых процессуальных нарушений.

3.2.1. Нарушение принципа гласности и открытости судебного разбирательства (ст. 11 КАС РФ).

Суд де-факто провел заседание в закрытом режиме, не вынеся об этом мотивированного определения. Недопуск публики под лукавым предлогом «отсутствия мест», отказ пристава впустить желающих слушать дело стоя, избирательный допуск прессы (лишь 3 издания), а также незаконный запрет производить фото- и видеосъемку в коридорах суда грубейшим образом извращают принцип гласности правосудия. Присутствие же в зале приставов в балаклавах, ведущих несанкционированную съемку участников на личный смартфон, создает атмосферу психологического давления и запугивания.

3.2.2. Нарушение права на справедливое судебное разбирательство и ограничение права на защиту (ст. 14 КАС РФ).

Предоставление стороне защиты всего 40 минут на ознакомление с двумя томами дела (включая 80 страниц новых приобщенных материалов) и последующий немотивированный отказ в отложении заседания является форменным издевательством над процессуальными гарантиями. Представители ответчиков были физически лишены возможности подготовить аргументированную правовую позицию по новым документам.

3.2.3. Неправомерное применение мер предварительной защиты (ст. 85 КАС РФ).

Удовлетворение ходатайства Минюста о приостановлении статуса адвокатов в качестве обеспечительной меры до рассмотрения дела по

существу является вопиющим выходом за рамки закона. Вопросы приостановления статуса императивно отнесены к исключительной компетенции органов адвокатского самоуправления (совета палаты) по закрытому перечню оснований (ст. 16 Закона). Суд, применив такую меру, фактически предрешил исход дела и незаконно лишил адвокатов права на осуществление профессиональной деятельности. Статья 85 КАС РФ допускает подобный порядок лишь в случаях, когда до принятия судом решения по административному делу существует опасность нарушения прав, свобод и законных интересов административного истца или неопределенного круга лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано административное исковое заявление, либо если защита прав, свобод и законных интересов административного истца будет невозможна или затруднительна без принятия таких мер. Из решения суда следует, что в данном деле никаких обстоятельств, свидетельствующих о рисках, указанных в ст. 85 КАС, суду представлено не было и в решении суда они не установлены.

Вместе с тем, необходимо рассмотреть гипотетическую возможность применения судом альтернативных правовых конструкций, таких как признание недействительным ненормативного акта (по аналогии со ст. 13 ГК РФ) или оспаривание решений некоммерческих организаций, наделенных публичными полномочиями (ст. 218 КАС РФ). Теоретически, применение главы 22 КАС РФ действительно допускает судебный контроль за актами адвокатских палат по административным искам лиц, чьи права нарушены. Но фундаментальная ошибка кроется в пределах компетенции суда при вынесении решения по таким делам. Процессуальные механизмы признания акта недействительным позволяют суду лишь констатировать незаконность решения и обязать соответствующий орган устранить допущенные нарушения. Ни ст. 13 ГК РФ, ни ст. 227 КАС РФ не наделяют суд правом самостоятельно принимать позитивное решение по существу вопроса, отнесенного материальным законом к исключительной компетенции органа профессионального самоуправления (в данном случае – выносить акт о прекращении статуса адвоката).

3.2.4. Нарушение правил о виде судопроизводства (подмена ГПК РФ при помощи КАС РФ).

Рассмотрение настоящего дела по правилам КАС РФ является ошибочным. Спор о прекращении статуса адвоката, вытекающий из дисциплинарного производства, носит

внутрикорпоративный характер, а не является спором о законности ненормативного правового акта, затрагивающего публичные интересы. Следовательно, дело подлежало рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства. Суд необоснованно отказал в удовлетворении соответствующего ходатайства. Отказ судьи в переходе к рассмотрению дела по правилам гражданского судопроизводства прямо противоречит разъяснениям высшей судебной инстанции. Как совершенно справедливо указывал представитель Адвокатской палаты г. Москвы, согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 27 сентября 2016 г. № 36, внутрикорпоративные споры между адвокатами и адвокатскими палатами (к которым относятся вопросы прекращения членства и статуса) подлежат рассмотрению в исковом (гражданском) порядке, а не по правилам КАС РФ.

3.2.5. Нарушение принципа состязательности и процессуального равноправия сторон и необоснованный отказ в удовлетворении ходатайств.

Введение судом абсурдного регламента «один представитель – один вопрос», а также немотивированное снятие судьей вопросов, имеющих ключевое значение для дела (в частности, о полномочиях Минюста прекращать статус на прямую), свидетельствуют о явной обвинительной предвзятости. *Audiat et altera pars* (да будет выслушана и другая сторона) – этот древнейший постулат правосудия был попран судом при рассмотрении дела.

Кроме того, суд необоснованно отказал в привлечении в качестве заинтересованных лиц ФПА и центрального аппарата Минюста, что лишило дело всестороннего рассмотрения. Между тем ФПА является органом, полномочия которого в вопросах прекращения статуса адвоката прямо предусмотрены в ст. 35–37 Закона, в связи с чем интересы этой организации непосредственно затрагиваются судебным решением по системобразующему прецеденту. Суд, отказав в привлечении ФПА в качестве заинтересованного лица, нарушил ст. 47 КАС РФ, а также создал условия для оспаривания решения со стороны ФПА как лица, чьи права затронуты судебным актом.

Сторона ответчика, основываясь на ст. 15 КАС, также заявляла обоснованное ходатайство о направлении запроса в Конституционный Суд РФ относительно конституционности примененного толкования ст. 218 КАС РФ во взаимосвязи со ст. 17 Закона. Это ходатайство было отклонено без достаточных оснований. Между тем основания для удовлетворения этого ходатайства у суда имелись,

поскольку вопрос о конституционности судебного прекращения статуса адвоката в обход совета палаты непосредственно влияет на реализацию прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ. В свою очередь пп. 7 п. 2 ст. 17 Закона, введенный ФЗ № 83-ФЗ от 22 апреля 2024 г., устанавливает возможность прекращения статуса адвоката в связи с нахождением за пределами России на срок более одного года вводит фактическое ограничение свободы передвижения (ст. 27 Конституции РФ) и права на свободный выбор рода деятельности (ст. 37 Конституции РФ) через угрозу утраты профессионального статуса.

Вопросы о неправомерном характере положений пп. 7 п. 2 ст. 17 Закона поднимали «Инициатива 2018» [215, 216] иные организации адвокатов, а также Специальные докладчики ООН [132].

3.2.6. Использование судом недопустимых доказательств (ст. 61 КАС РФ).

Суд в своем решении указал, что в Главное управление Минюста РФ по Москве поступили сведения из автоматизированных информационных ресурсов МВД России (ИБД-Ф, модуль «Граница») о том, что трое адвокатов выехали за пределы Российской Федерации и не возвращались. Кроме того, как следует из текста решения, 29 января 2026 года Минюст представлял в палату «дополнительные сведения, поступившие в Минюст России из Бюро специальных технических мероприятий МВД России» (БСТМ МВД). Данные сведения были призваны опровергнуть доводы защиты о наличии угрозы жизни и здоровью адвокатов, в частности, о физическом посягательстве на адвоката – партнера, квалифицированно по ст. 116 УК РФ (побой).

В этой связи возникает первый и весьма существенный правовой вопрос: какова природа и законность передачи данных пограничного контроля (модуль «Граница») и данных специальных технических мероприятий в отношении адвокатов в органы юстиции?

Системный анализ показывает, что использование подобных данных свидетельствует о негласном, тотальном контроле за перемещениями адвокатов, что прямо нарушает принцип невмешательства в адвокатскую деятельность, закрепленный в ст. 18 Закона. Кроме того, согласно положениям ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и ст. 450.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ, проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката допускается исключительно на основании предварительного судебного решения и только в рамках уголовного судопроизводства.

Однако судом это не было учтено, и он неправоммерно отклонил ходатайство об исключении данных МВД о пересечении границы из числа доказательств, поскольку административным истцом не было представлено документов, санкционировавших проведение оперативно-розыскных мероприятий (наведение справок) в отношении так называемых «специальных субъектов» – адвокатов. Из этого следует, что доказательства – результаты ОРМ в отношении адвокатов были получены без надлежащего судебного решения, что, соответственно, прямо указывает на нарушения положений законодательства об оперативно-розыскной деятельности и уголовно-процессуального законодательства при их получении и использовании. Представленные административным истцом доказательства, таким образом, поражены пороком незаконности с момента их получения и не могли быть использованы в доказывании по делу.

Административный истец не представил суду, а суд не истребовал судебные постановления, разрешающие проведение оперативно-технических мероприятий в отношении адвокатов.

Доказательства, полученные с нарушением федерального закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, ч. 3 ст. 59 КАС РФ). Суд первой инстанции, закрыв глаза на природу этих сведений, фактически легализовал недопустимые доказательства, что делает выводы суда юридически ничтожными, а решение суда – необоснованным.

Все вышеизложенное приводит к выводу о том, что решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 10 апреля 2026 года по административному делу № 2а-360/26 в силу ч.3 и ч. 4 ст. 310 КАС РФ является вынесенным с нарушением и неправильным применением норм материального права и норм процессуального права, выводы суда первой инстанции, изложенные в решении суда, не соответствуют обстоятельствам административного дела, ряд установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для административного дела является недоказанным, вследствие чего необходимо это решение отменить полностью и принять по делу новое решение, которым в удовлетворении административных исковых требований Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве к Адвокатской палате г. Москвы и адвокатам Басистову, Проводину и Таю об отмене решения Совета палаты и прекращении статуса адвокатов следует отказать в полном объеме.

4. Интервью с Михаилом Толчевым: антология лукавства.

4.1. Ху из мистер Толчев?

Михаил Толчев, как известно, занимает пост первого вице-президента ФПА и одновременно является первым вице-президентом Адвокатской палаты Московской области [217]. Его интервью [218] о деле адвокатов Тая, Басистова и Проводина мы разберем далее, и для начала отметим, что Михаил Толчев на самом деле сделал немало как для достижения того состояния глубочайшего кризиса, к которому пришла сегодня российская адвокатура, так и собственно для спутника этого кризиса: антиадвокатского законотворчества и правоприменения, венцом которого стало продвижение законопроекта об «адвокатской монополии».

Он, например, сделал в своем телеграм-канале репост ругательного поста, в котором один из адвокатов, активно поддерживающих ФПА, назвал всех не поддерживающих инициативу введения «адвокатской монополии» «дегенератами» [219–221].

Еще в 2020 г. Михаилу Толчеву были адресованы конкретные вопросы о злоупотреблениях в региональных палатах [200]. Ответа пришлось ждать пять лет. Когда же он соизволил ответить, то вместо конкретики обвинил вопрошающих в «манипуляции» и «голословных обвинениях». Эта реакция представляет собой позицию управленца, чувствующего себя неподотчетным [222].

Михаил Толчев преуспел и в давней деятельности по активному участию, а позже – и руководству подавлением демократических начал в адвокатуре, в том числе участвовал в преследованиях адвокатов по делу 32-х [199, 200, 223], приложил руку к преследованию ряда адвокатов в Московской областной палате [224–228], и, конечно же, очень преуспел в продвижении «адвокатской монополии» [229].

Одним из способов продвижения стало сравнение частнопрактикующих юристов с киллерами, проститутками, торговцами наркотиками и оружием, которое было зафиксировано в ходе одного из публичных мероприятий [19]. Однако, к счастью, он не преуспел, и очевидно не мог преуспеть в попытках убедить здравомыслящих адвокатов и юристов в том, что контроль Минюста в действительности нужен для устранения «явно незаконных решений» региональных советов, что адвокатура не чувствует давления со стороны Минюста, а адвокатская деятельность – публичная и потому не может быть вне публичного контроля, вследствие чего полномочие Минюста

на обжалование решения ФПА в суд, что предполагается проектом закона об «адвокатской монополии» –это хоть и крайняя, но вполне нормальная мера [19].

На круглом столе в г. Санкт-Петербурге, проведенном в августе 2025 г., Михаил Толчеев утверждал, что нет ничего страшного в расширении полномочий Минюста, ведь итоговое решение принимает суд, а никаких преследований адвокатов от органов юстиции нет, а суд по представлению Минюста, даже при реализации предусмотренного в рамках «адвокатской монополии» законопроекта, получит право отменять решение адвокатской палаты, но точно он будет не вправе прекратить статус адвоката [230].

В еще одном своем знаменитом интервью Михаил Толчеев привел ряд тезисов в защиту законопроекта об «адвокатской монополии» и обвинил несогласных в манипулировании общественным мнением в коммерческих целях. Несмотря на то, что инициатива исходит от Минюста и ФПА, и ими были задействованы административные ресурсы для продвижения этого законопроекта, чиновник от ФПА заявлял, что этот законопроект не нужен ни Минюсту, ни адвокатуре [231].

На одном из многочисленных мероприятий, проводимых ФПА за счет средств, взимаемых с адвокатов обязательных отчислений, Михаил Толчеев продолжая реализовывать PR-кампанию «адвокатской монополии», комментируя мнение судьи Верховного Суда Т.Ю. Вавилычевой, озвученное в Совете Федерации 22 октября 2025 г., о том, что положения предлагаемого законопроекта противоречат Конституции, в уничижительной манере заявил, что в других странах адвокатская монополия действует и «Неужели мы считаем, что мы впереди планеты всей и более конституционны, чем Германия, Франция, Англия и т.д.?».

Продолжая свою деятельность по навязыванию адвокатской монополии, Михаил Толчеев со страниц ведущих СМИ безапелляционно заявлял: «Обсуждение как реальных, так и мнимых проблем адвокатского сообщества вряд ли станет основанием к отказу от реализации законопроекта» [232].

Успевал Михаил Толчеев и защищать коллег от ... других коллег. Так, президент АПМО Алексей Галоганов и Михаил Толчеев отказались возбуждать дисциплинарные дела в отношении адвокатов, которые против воли своего доверителя – преследуемого государством адвоката Тимура Идалова, участвовали в его защите по назначению суда и предпринимали действия против его

интересов в угоду преследующим адвоката правоохранительным органам [233].

Ключевые тезисы, отраженные в интервью Михаила Толчеева, состоят в следующем.

4.2. Тезис 1. Несогласие ФПА с решением суда.

Многие эксперты отмечают, что созданный прецедент затрагивает фундаментальные основы адвокатуры и адвокатской деятельности. Он на сто восемьдесят градусов разворачивает существовавшую судебную практику, вступает в противоречие с прямо высказанными позициями Конституционного Суда РФ и потенциально способен негативно отразиться на независимости адвокатуры и доверии к правосудию как состязательному процессу. При таких обстоятельствах ФПА РФ полагала, что ее мнение в процессе должно было прозвучать и должно учитываться.

Упрекая суд во «вторжении в независимость адвокатуры», господин Толчеев «забывает» упомянуть, что ФПА при его непосредственном участии активно лоббирует принятие закона об «адвокатской монополии», который создаст прочную нормативную основу для аналогичных прецедентов, поскольку он предполагает расширение полномочий Минюста по дисциплинарному преследованию адвокатов при помощи суда и, по сути, подчинение всей юридической профессии государству. Получается, что, выступая против одного прецедента, Михаил Толчеев всей душой ратует за другие, причем в усиленном – нормативно зафиксированным и в массовом масштабе.

ФПА под руководством Михаила Толчеева лоббировала эти нормы, превращая корпоративное самоуправление в вертикаль государственного контроля. Получается, что когда Минюст хочет больше власти через закон, ФПА «за»; когда суд напрямую прекращает статус – ФПА «против». Но это уже не защита независимости адвокатуры, а не что иное, как избирательная и лукавая риторика.

4.3. Тезис 2. Нас не спросили...

ФПА РФ, по словам Михаила Толчеева, полагала, что ее мнение в процессе должно было прозвучать и должно было учитываться.

Михаил Толчеев позволил себе выразить несогласие с отказом суда привлечь ФПА в процесс. Претензия его совершенно справедлива с точки зрения фактов и права, и с этим тезисом, казалось бы, сложно спорить. Но вот незадача: та самая ФПА, интересы которой Михаил Толчеев так красноречиво отстаивает *post factum*, судя по всему предпочла воздержаться от самостоятельного

вступления в дело в качестве заинтересованной стороны, хотя ст. 47 КАС РФ предоставляло ей такую возможность. При этом ФПА не направила своего уполномоченного представителя на судебное заседание с ходатайством о вступлении в дело, зная, что заседание, а, скорее всего и рассмотрение дела по существу состоится в определенном месте и в определенное время, что подтверждается хотя бы тем, что представитель пресс-службы ФПА – Татьяна Стрельчук была замечена в суде [234].

4.4. Тезис 3. О праве обжалования.

Право судебного обжалования закон предоставляет только самому адвокату, статус которого прекращен. Прекращение статуса – это «исключительная корпоративная компетенция», подмена которой судом недопустима.

Здесь господин Толчеев предстает ярым защитником «исключительной компетенции» адвокатских палат. Он, безусловно, прав, когда цитирует позицию Конституционного Суда. Однако он умалчивает о том, что его собственная организация ФПА, как и он сам, активно продвигали антиадвокатский законопроект, принятый в 2024 году, а стало быть – он сам приложил руку к внесению в 2024 году поправок, которые лишили палаты права отказать в возбуждении дела по «представлению» Минюста и внесли в него поправки о прекращении статуса адвоката за выезд за рубеж в текст Закона [235, 236]. То есть еще до того, как суд формально вторгся в компетенцию палаты, Михаил Толчеев и его соратники заботливо открыли туда дверь для Минюста.

Не лишним будет подчеркнуть, что после принятия закона в первом чтении Михаил Толчеев заявил, что «закон имеет существенное значение для развития адвокатуры на современном этапе и в контексте будущих изменений нашего общества, а разработчик поправок – Минюст России – услышал все замечания и предложения Совета ФПА. «Неприемлемые, по мнению Совета ФПА, поправки были исключены, и нам удалось найти компромиссные решения», – сказал он [237].

Законопроект об «адвокатской монополии», который активно лоббирует Толчеев [238, 239], представляет Минюсту еще больше возможностей и прямо предусматривает право Минюста обжаловать решение Совета адвокатской палаты в ФПА, а затем – в суд.

Позиция спикера ФПА, безусловно, выглядит логично на бумаге, но только в отрыве от общего контекста. Всем известны случаи, когда под эгидой ФПА и региональных палат статусы приостанавливались и прекращались по ини-

циативе Минюста, правоохранительных органов и спецслужб, а руководители ФПА и лично Михаил Толчеев молчали или поддерживали это. Теперь, когда Хамовнический суд пошел тем же путем, но уже напрямую, Михаил Толчеев внезапно вспоминает о «балансе» и «состязательности». Получается, что когда «захват» адвокатуры осуществлялся представителями своей же корпорации, это называлось «корпоративной этикой», а теперь, когда в этот процесс начал активно вмешиваться суд – это стало именоваться «вторжение в независимость».

4.5. Тезис 4. КАС – процедурные нормы.

Михаил Толчеев заявляет, что нормы КАС и нормы Закона имеют иной предмет регулирования, причем процедурные нормы не могут служить способом обхода запретов, установленных материальным законом. Отсутствие в профильном материальном законе прямо предоставленного права оспаривания решений совета палаты с точки зрения публичного права равносильно запрету. Решение о прекращении статуса адвоката не является актом, имеющим нормативные свойства, поэтому это решение не может обжаловаться в порядке, предусмотренном КАС. Имеет место толкование процессуальных норм в целях обхода того публичного правопорядка, который установлен материальным законом.

Тут мысль сформулирована почти безупречно по форме и справедлива по содержанию. Процессуальный закон не может служить обходным путем для нарушения запретов материального, причем специальный закон вытесняет общий. Закон, устанавливающий исключительную корпоративную компетенцию совета палаты в вопросах прекращения и приостановления статуса адвоката, является специальным по отношению к общим нормам КАС РФ об оспаривании решений некоммерческих организаций. Увы, суд, в том числе по причине неучастия ФПА, применил прямо противоположную логику, превратив процессуальный инструмент КАС в рычаг для обхода материально-правовых ограничений. Результат – решение, не просто противоречащее закону, но и создающее опасный прецедент, при котором любое неуютное властям корпоративное решение адвокатуры может быть преодолено судебным иском Минюста.

Показное возмущение Михаила Толчеева «недопустимым расширительным толкованием процессуальных норм в целях обхода правопорядка» выглядит гротескно, поскольку именно ФПА и советы палат возвели обход норм закона в ранг корпоративной политики. Для удержания власти ру-

ководители палат десятилетиями использовали правовые лазейки: до отмены в 2019 году запрета на занятие должности президента более двух сроков подряд практиковались фиктивные отставки «на один день» с последующим переизбранием. В 2019 году руководство ФПА приняло Разъяснение № 03/19, фактически запретившее адвокатам обращаться в государственные правоохранительные органы с заявлениями о преступлениях и хищениях в адвокатских палатах (дело «32-х адвокатов»). Этот беспрецедентный акт, прямо нарушающий статью 33 Конституции РФ (право на обращение), был продавлен через расширительное толкование норм этики. Более того, ФПА создала систему «процессуального капкана» в самом КПЭА, когда адвоката лишают статуса в заочной процедуре (например, в КЭС ФПА), лишая его права на справедливое разбирательство. Возмущаться тем, что Минюст нашел процессуальную лазейку в КАС РФ, после того как ФПА годами искривляла закон для защиты коррупционеров в своих рядах (дела Юмадилова, Семеняко), – это яркий пример поведения, противоречащего собственным предыдущим действиям.

4.6. Тезис 5. О публичном интересе.

Прекращение статуса конкретного адвоката не воплощает в себе «публичный интерес». Разногласия между адвокатской палатой и регулятором не должны автоматически рассматриваться как нарушение публичного интереса, требующего судебной защиты. Аргумент о том, что прекращение статуса конкретного адвоката не является публичным интересом, звучит лицемерно. Если это не публичный интерес, то почему тот же законопроект о «профессионализации» предоставлял Минюсту право вмешиваться в решения палат, что обосновывалось ФПА именно публичным интересом?

4.7. Тезис 6. Суд как могильщик состязательности.

Михаил Толчеев озвучил и еще один небезынтересный тезис: «Если решение о прекращении статуса адвоката будет принимать суд, это в значительной мере подорвет доверие к правосудию как механизму справедливого рассуживания по праву. Состязательная модель предполагает конкурентный механизм столкновения мнений. Крайне важно, чтобы каждый из участников высказывал мнения независимо от других, а суд применял право на основе беспристрастной оценки всех, даже самых жестких из возможных позиций. Это невозможно, если участники такого конкурентного взаимодействия будут находиться в зависимости от других участников».

Тут мы видим, что Михаил Толчеев предупреждает: если суд будет лишать статуса, адвокаты окажутся в зависимости, а процесс перестанет быть состязательным. Прекрасные слова! Жаль, но они не звучали, когда ФПА внедряла КИС АР – систему тотального контроля и кибершпионажа, когда палаты использовали дисциплинарные механизмы как «карательную этику» против неудобных. Зависимость от Минюста через законопроект Толчеев называл «профессионализацией». Зависимость от суда – когда «профессионализация» провалилась, стала называться «разрушением».

Михаил Толчеев рисует апокалиптическую картину: если прокуратура или Минюст смогут через суд лишать адвокатов статуса, защитники будут бояться активно оппонировать стороне обвинения, что убьет состязательность. Этот довод объективен и опирается на п. 16 Основных принципов ООН, касающихся роли юристов, которые гласят, что правительства должны обеспечить адвокатам возможность выполнять профессиональные обязанности без запугивания. Но кто, если не сам Толчеев вместе с другими лицами – бенефициарами и руководителями ФПА, активно создали годами эту самую атмосферу страха?

Разрушение состязательности – это не перспектива будущего, а уже свершившийся факт. И катализатором этого разрушения выступили адвокатские палаты и ФПА, превратившиеся из правозащитного института гражданского общества в «придаток государственного аппарата», на что совершенно справедливо указала Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации Мариана Кацарова [133, 136].

4.8. Тезис 7. Об альтернативном механизме.

В законопроекте об «адвокатской монополии» предполагался иной, более деликатный механизм. Минюст мог бы внести представление в Совет ФПА, и только в случае отсутствия компромисса спор мог быть передан в суд для признания решения не соответствующим закону, но не для его отмены.

Данный тезис является семантическим ключом ко всему интервью. Отвечая на вопрос о Минюсте, Михаил Толчеев добровольно и целенаправленно переводит фокус на законопроект об «адвокатской монополии».

Анализ выявляет скрытую механику политического торга между ФПА и Минюстом. Суть «компромисса», судя по всему, заключалась в следующем: государство принимает закон об адвокатской монополии, принудительно загоняя

более 400 000 свободных юристов в рамки ФПА, уничтожая независимый юридический рынок. Взамен ФПА добровольно передает Минюсту рычаги контроля, включая право Минюста требовать через ФПА отмены решений строптивных региональных палат, а в случае отказа – обращаться в суд (схема «ведомственной апелляции»).

Широкая общественная коалиция (правозащитники, бизнес, депутаты Госдумы) консолидированно выступила против этого законопроекта, справедливо указав, что монополия приведет к колоссальному росту стоимости услуг, ограничению доступа к правосудию и тотальному подчинению профессии чиновникам. В результате законопроект был фактически «заморожен».

Скрытый смысл заявления Толчеева читается так: «Минюст повел себя грубо и незаконно (через КАС РФ в Хамовническом суде), потому что наш план монополии сорвался. Если бы государство дало нам монополию, мы бы сами обеспечили Минюсту легальный механизм карать адвокатов через суды (но формально не лишая статуса напрямую, а отменяя решения палат)».

Таким образом, Михаил Толчеев, как один из главных архитекторов и проводников адвокатской монополии, использует кризисную ситуацию вокруг адвокатов Тая, Басистова и Проводина не для защиты их прав, а для возобновления лоббистского давления в пользу провалившегося законопроекта, несущего экзистенциальную угрозу для всей юридической профессии.

Принимая во внимание, что этот законопроект при поддержке ФПА последовательно продвигался именно как инструмент усиления государственного контроля над адвокатурой, риторика Михаила Толчеева о деликатности механизма и независимости адвокатуры приобретает пикантный характер. Теперь, когда законопроект об «адвокатской монополии» заморожен, он использует его как «правильный» пример против «неправильного» суда. Лицемерие чистой воды: когда государство усиливает контроль через ФПА – «цивилизованно»; когда суд делает это напрямую – «180 градусов вспять».

Ссылка на нереализованный законопроект вскрывает истинные мотивы спикера. Интервью является не правозащитным манифестом, а публичным предложением сделки: обмен остатков независимости профессии на монопольный административно-финансовый контроль ФПА над всем рынком юридических услуг.

4.9. Эпилог.

Образ Михаила Толчеева, создаваемый его интервью, – это образ защитника традиций и

корпоративной независимости. Однако реальные факты, о которых мы сказали выше, рисуют другую картину – портрет неизбираемого адвокатами демократическим путем аппаратчика, который готов пожертвовать декларируемыми им же принципами ради укрепления собственной власти и реализации сомнительных реформ. С одной стороны, Михаил Толчеев в данном деле справедливо критикует суд за посягательство на компетенцию адвокатской палаты. С другой – поддерживает наделение Минюста полномочиями, которые делают эту компетенцию фикцией. Он выступает против прецедента, но создавал и создает условия для его появления.

Анализируемые высказывания Михаила Толчеева – это классический пример корпоративной риторики, где независимость адвокатуры защищают лишь тогда, когда угроза исходит не от «своих».

Новый судебный прецедент, безусловно, опасен – но опасность его состоит в первую очередь даже не в самом прецеденте, а в том, что руководство ФПА, призванное защищать адвокатов, стало независимым от адвокатов, и само различными способами годами подрывало независимость адвокатов и адвокатуры. Теперь же мы видим как представитель ФПА возмущается, когда государство использует такие же как и ФПА неправомерные методы.

Михаил Толчеев, казалось бы, выстроил в интервью безупречную конструкцию защиты независимости адвокатуры – но лишь в той ее части, где эта независимость совпадает с интересами ФПА. Когда же речь заходит о дисциплинарных репрессиях, подавлении инакомыслия, продвижении механизмов государственного контроля – сия принципиальность, увы, растворяется...

В итоге отметим, что факты указывают на следующее.

Михаил Толчеев публично поддержал закон, позволяющий лишать статуса адвокатов за нахождение за рубежом, который международные эксперты признали неправомерным. Он предпринял действия по отстранению президента региональной палаты за несогласие с руководством ФПА. Он отказывался защищать адвокатов, преследуемых государством, нарушая тем самым обязанности органа адвокатского самоуправления. Он активно лоббировал законопроект, охарактеризованный независимыми исследователями как инструмент государственного поглощения юридической профессии. Он участвовал в продвижении системы тотальной цифровой слежки за адвокатами, передающей данные государству.

Перед нами руководитель, который знает правильные слова о независимости адвокатуры. Это, безусловно, ценно. Но знание правильных слов и их использование по нужде, вне связи с происходящими событиями, в том числе при собственноручном систематическом совершении противоположных действий – это не защита принципов, а их профанация.

Есть такое латинское выражение *Nemo iudex in causa sua* – никто не может быть судьей в собственном деле, которое явно имеет некое отношение к разбираемому нами случаю. Еще куда более подходящим выглядит другое правило: «тот, кто годами участвовал в подрыве института, не вправе выступать его защитником в тот момент, когда государство заходит несколько дальше, чем было согласовано».

Хамовнический районный суд г. Москвы, принимая решение по делу адвокатов Алексея Басистова, Дмитрия Проводина и Юлия Тая, действительно нарушил закон. Это, вкуче с публикацией интервью, не превращает Михаила Толчеева в борца за независимость адвокатуры. Скорее, перед нами случай, когда один из строителей клетки возмущен тем, что в нее попал не совсем тот, или даже совсем не тот, кого планировалось в нее запереть.

Суд действительно создал опаснейший прецедент, разрушающий основы формальной независимости защиты. Однако трагедия ситуации заключается в том, что этот прецедент стал неизбежным следствием многолетней соглашательской политики самой ФПА.

На протяжении многих лет руководство ФПА последовательно уничтожало внутреннюю демократию, подавляло свободу слова адвокатов, закрывало глаза на физическое насилие и уголовные репрессии против коллег, и, наконец, поддержало Закон, давший Минюсту правовой рычаг давления на адвокатов.

Дело трех адвокатов окончательно дезавуировало принцип профессионального самоуправления, доказав, что исполнительная власть способна в судебном порядке аннулировать статус любого защитника, игнорируя волю адвокатской корпорации и прямое указание закона.

Михаил Толчеев в своем интервью, посвященном «делу трех адвокатов», выступает не в роли защитника прав адвокатов Басистова, Проводина и Тая. Он выступает в роли архитектора провалившейся «адвокатской монополии», который жалуется на то, что государство решило действовать напрямую, грубо и через суд, не дожидаясь, пока ФПА сама преподнесет ему ключи от управления

всей юридической профессией через механизм лоббируемой антинародной контрреформы.

Список источников

1. Реш. САПМ.прекр. ДП №2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/doc/2026.01.29%20Реш.%20САПМ.прекр.%20ДП%20№2.pdf>.
2. Недопустимый прецедент подчинения органов профессионального самоуправления воле исполнительной [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/nedopustimyyu-pretsedent-podchineniya-organov-professionalnogo-samoupravleniya-vole-ispolnitelnoy/>.
3. Вторжение в конституционно обусловленный принцип независимости адвокатуры [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vtorzhenie-v-konstitutsionno-obuslovlennyyu-printsip-nezavisimosti-advokatury/>.
4. Созданный прецедент может развернуть судебную практику на 180 градусов [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/polemic/interview/sozdannyyu-pretsedent-mozhet-razvernuto-sudebnuyu-praktiku-na-180-gradusov/>.
5. Самозарождающиеся полномочия или что не так в решении Хамовнического суда города Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/4/16/samozarozhdayuschiesya_polnomochiya_ili_chno_ne_tak_v_reshenii_hamovnicheskogo_suda_goroda_moskvy_ot.
6. Обращение защитим российскую адвокатуру [Электронный ресурс]. URL: <https://scup.org/obraschenie-zashhitim-rossijskuju-advokaturu-140261859>.
7. Обращение защитим российскую адвокатуру 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-zaschitim-rossijskuyu-advokaturu-2023>.
8. Защитим российскую адвокатуру 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://legalpetition.org/zashhitim-rossijskuyu-advokaturu-2023/>.
9. Видеоматериал 7d30aa221b071cb6e2cb9c2f799ee678 // Rutube [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/7d30aa221b071cb6e2cb9c2f799ee678/>.
10. Заявление о введении возможности прекращения статуса адвоката при выявлении факта его выезда на постоянное место жительства [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrascheniya-statusa-advokata-pri-vyyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mesto-zhitelstva>.
11. Заявление о проекте федерального закона 301952-8 о внесении изменений в федеральный закон об адвокатской деятельности и адвокатуре [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-proekte-federalnogo-zakona-301952-8-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v>.
12. Обращение защитим российскую адвокатуру 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-zaschitim-rossijskuyu-advokaturu-2023>.
13. Независимое экспертное заключение на проект федерального закона о внесении изменений в федеральный закон об адвокатской [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy>.

14. Публикация № 251608 // Право.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/story/251608/>.

15. Балданцэрэн А. Комплексная информационная система адвокатуры России и другие идеи законопроекта № 301952-8: эффективный путь реализации права на квалифицированную юридическую помощь или угроза адвокатской тайне и независимости адвокатуры? // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-informatsionnaya-sistema-advokatury-rossii-i-drugie-idei-zakonoproekta-301952-8-effektivnyy-put-realizatsii-prava-na>.

16. Рагулин А.В. «Правильный путь» или «скользящая дорожка» российской адвокатуры? Ответ на статью экс-президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации Юрия Сергеевича Пилипенко // Евразийская адвокатура. 2023. № 3 (62). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnyy-put-ili-skolzskaya-dorozhka-rossiyskoy-advokatury-otvet-na-statyu-eks-prezidenta-federalnoy-palaty-advokatov-rossiyskoy>.

17. Рецензия на законопроект правительства РФ о внесении изменений в федеральный закон об адвокатской деятельности и адвокатуре [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-zakonoproekt-pravitelstva-rf-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v>.

18. Рагулин А.В. Новый законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: путь к утрате независимости адвокатов // Евразийская адвокатура. 2021. № 5 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-zakonoproekt-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoy-deyatelnosti-i-advokature-v-rossiyskoy-federatsii-put-k>.

19. Рагулин А.В. Страх и ненависть в «Измайлово»: обсуждение «адвокатской монополии» путем дегуманизации частнопрактикующих юристов // Евразийская адвокатура. 2025. № 4 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strah-i-nenavist-v-izmaylovo-obsuzhdenie-advokatskoy-monopolii-putem-degumanizatsii-chastnopraktikuuschih-yuristov>.

20. Рагулин А.В. Круглый стол в Санкт-Петербурге: холодный душ для попирающих нормы адвокатской этики «свидетелей «адвокатской монополии» из Федеральной палаты адвокатов // Евразийская адвокатура. 2025. № 4 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-v-sankt-peterburge-holodnyy-dush-dlya-popirayuschih-normy-advokatskoy-etiki-svideteley-advokatskoy-monopolii-iz>.

21. Заявление Правления межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» о законопроекте [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-o-zakonoproekte-ob>.

22. Telegram-канал «Инициатива 2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018>.

23. Сайт Law Unity [Электронный ресурс]. URL: <https://law-unity.ru/>.

24. Telegram-канал «Lawyer Union» [Электронный ресурс]. URL: https://t.me/Lawyer_Union.

25. Рагулин А.В. 24 часа юридического сопротивления: итоги первого «антимонопольного марафона» Национального профсоюза юристов // Евразийская адвокатура. 2025. № 4 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-itogi-pervogo-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov>.

26. Рагулин А.В. 24 часа юридического сопротивления: продолжение антимонопольного марафона национального профсоюза юристов // Евразийская адвокатура. 2025. № 4 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-prodolzhenie-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov>.

27. Рагулин А.В. «Адвокатская монополия»: разоблачение антинародной контрреформы в стенах парламента // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-monopoliya-razoblachenie-antinarodnoy-kontreformy-v-stenah-parlamenta>.

28. Документ № 7989561 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7989561>.

29. Статья 76079185 // Фонтанка.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/10/20/76079185/>.

30. Ошибочный путь российской адвокатуры: от института гражданского общества к инструменту регулирования рынка юридических услуг. Интервью с адвокатом, доктором юридических наук, профессором Игорем Семеновичем Яртых // Евразийская адвокатура. 2025. № 4 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oshibochnyy-put-rossiyskoy-advokatury-ot-instituta-grazhdanskogo-obschestva-k-instrumentu-regulirovaniya-rynka-yuridicheskikh-uslug>.

31. Сайт Law Unity [Электронный ресурс]. URL: <https://law-unity.ru/>.

32. Публикация № 3290 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3290>.

33. Публикация № 3181 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3181>.

34. Публикация № 3172 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3172>.

35. Разборы // Law Unity [Электронный ресурс]. URL: <https://law-unity.ru/razbory>.

36. Мнения // Law Unity [Электронный ресурс]. URL: <https://law-unity.ru/opinions>.

37. Публикация № 2766 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2766>.

38. Видеоматериал 6c9077bf5bb79f0ee41af4b1dd5121fd // Rutube [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/6c9077bf5bb79f0ee41af4b1dd5121fd/>.

39. Видеоматериал wh2AIM6RzdM // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/wh2AIM6RzdM?si=tzaf1h6D3GeGPAxX>.

40. Публикация № 2764 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2764>.

41. Видеоматериал ZD3ZmqIQX10 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZD3ZmqIQX10&t=8409s>.
42. В Санкт-Петербурге обсудили вопросы профессионализации судебного представительства <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-sankt-peterburge-obsudili-voprosy-professionalizatsii-sudebnogo-predstavitelstva/>.
43. Публикация № 4013 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4013>.
44. Фильтр для неудобных или защита прав людей [Электронный ресурс]. URL: <https://gt-tomsk.ru/spread/filtr-dlya-neugodnyh-ili-zashhita-prav-lyudej/>.
45. Документ № 8101430 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8101430>.
46. Статья 68e7fdea9a794783108279c1 // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/10/2025/68e7fdea9a794783108279c1?>
47. Публикация № 3861 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3861>.
48. Публикация № 3862 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3862>.
49. Публикация № 3870 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3870>.
50. Публикация № 3876 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3876>.
51. Публикация № 4727 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4727>.
52. Публикация № 2791 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2791>.
53. Публикация № 3292 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3292>.
54. Публикация № 3319 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3319>.
55. Публикация № 3423 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3423>.
56. Публикация № 3424 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3424>.
57. Публикация № 3435 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3435>.
58. Публикация № 3516 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3516>.
59. Публикация № 3552 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3552>.
60. Публикация № 3704 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3704>.
61. Публикация № 3708 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3708>.
62. Публикация № 3709 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3709>.
63. Документ № 8196329 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8196329>.
64. Суд в Москве прекратил дело юристов против адвокатской монополии [Электронный ресурс]. URL: <https://peterburg2.ru/news/sud-v-moskve-prekratil-deloyuristov-protiv-advokatskoy-monopolii-205071.html>.
65. Суд прекратил спор юристов с Минюстом о реформе представительства [Электронный ресурс]. URL: <https://myurist.online/news/sud-prekratil-spor-yuristov-s-minyustom-o-reforme-predstavitelstva>.
66. Публикация № 3834 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3834>.
67. Публикация № 3838 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3838>.
68. Публикация № 3839 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3839>.
69. Публикация № 3847 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3847>.
70. Публикация № 3860 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3860>.
71. Запись № 24469 // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-42591457_24469.
72. Публикация № 3479 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3479>.
73. Публикация № 3568 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3568>.
74. Публикация № 3886 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3886>.
75. Публикация № 3956 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3956>.
76. Видеозапись 456239954 // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-42591457_456239954.
77. Публикация № 3216 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3216>.
78. Публикация № 3322 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3322>.
79. Публикация № 3851 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3851>.
80. Законопроект об адвокатской монополии застопорился после критики профсообщества [Электронный ресурс]. URL: <https://probankrotstvo.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoi-monopolii-zastoporilsia-posle-kritiki-profsoobshhestva-9585>.

81. Документ № 8118466 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8118466>.
82. Публикация 573 // Русфонд [Электронный ресурс]. URL: <https://rusfond.ru/society/573>.
83. Публикация 25380115 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25380115>.
84. Влияние адвокатской монополии на общества защиты прав потребителей [Электронный ресурс]. URL: <https://ruzpp.ru/novosti/vliyanie-advokatskoj-monopolii-na-obshchestva-zashchity-prav-potrebiteljev>.
85. Публикация № 3564 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3564>.
86. Публикация № 4070 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4070>.
87. Публикация № 3170 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3170>.
88. Публикация № 3258 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3258>.
89. Публикация № 3281 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3281>.
90. Публикация № 3311 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3311>.
91. Публикация № 3336 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3336>.
92. Публикация № 3375 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3375>.
93. Публикация № 3376 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3376>.
94. Публикация № 3413 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3413>.
95. Публикация № 3415 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3415>.
96. Публикация № 3550 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3550>.
97. Публикация № 3607 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3607>.
98. Публикация № 3621 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3621>.
99. Публикация № 3942 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3942>.
100. Вице-президент ТПП Вадим Чубаров предложил отказаться от адвокатской монополии [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/novost/vice-prezident-tp-p-vadim-chubarov-predlozhit-otkazatsja-ot-advokatskoj-monopolii_1403042.
101. Публикация № 3626 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3626>.
102. Публикация № 3653 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3653>.
103. В Госдуме раскритиковали идею адвокатской монополии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/10/09/v-gosdume-raskritikovali-ideyu-advokatskoj-monopolii-privedet-k-zagnivaniyu.html>.
104. Новость 687201 // Бизнес Online [Электронный ресурс]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/687201>.
105. Публикация № 3274 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3274>.
106. Депутат попросил главу Минюста оценить риски адвокатской монополии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-poprosil-glavuminyusta-ocenit-riski-advokatskoj-monopolii.html>.
107. Публикация № 3644 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3644>.
108. Публикация № 3405 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3405>.
109. Публикация 1052339 // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1052339>.
110. Введение адвокатской монополии тормозится [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/29/1150606-vvedenie-advokatskoj-monopolii-tormozitsya>.
111. Публикация № 3962 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3962>.
112. Адвокатская монополия заморожена дайджест реакций телеграма [Электронный ресурс]. URL: <https://ppt.ru/obzory/advokatskaya-monopoliya-zamorozhena-daydzhest-reaktsiy-telegrama>.
113. Публикация № 3261 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3261>.
114. Публикация № 3262 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3262>.
115. Статья 68d16da09a79476972fee033 // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2025/68d16da09a79476972fee033>.
116. Публикация № 3277 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3277>.
117. Публикация № 3347 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3347>.
118. Видеозапись 456240015 // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-42591457_456240015.
119. Публикация № 3348 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3348>.
120. Право юристов без статуса адвоката на доступ к правосудию предложили защитить [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/social/pravo-yuristov-bez-statusa-advokata-na-dostup-k-pravosudiyu-predlozhili-zashchitit.html>.

121. Документ № 8079537 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8079537>.
122. Публикация № 3959 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3959>.
123. Публикация № 4386 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4386>.
124. Публикация № 4653 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4653>.
125. Публикация № 3359 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3359>.
126. Публикация № 2783 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2783>.
127. Публикация № 4508 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4508>.
128. Публикация № 4506 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4506>.
129. Публикация № 4547 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4547>.
130. Обращение правления межрегиональной общественной организации адвокатов и юристов «Инициатива 2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obschestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii>.
131. Рагулин А.В. «Захват» адвокатуры и преследование адвокатов в Российской Федерации: как вернуть независимость адвокатов и право граждан на защиту: научно-практический доклад // Евразийская адвокатура. 2025. № 3 (74). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokatov-v-rossiyskoy-federatsii-kak-vernuty-nezavisimost-advokatov-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu>.
132. Заявление Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов в отношении проекта поправок к закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (№ 301952-8) // Евразийская адвокатура. 2024. № 2 (67). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo>.
133. List of Reports // OHCHR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/regular-sessions/session60/list-reports>.
134. Документ A/HRC/60/59 // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.un.org/r/A/HRC/60/59>.
135. Communication File 30470 // OHCHR [Электронный ресурс]. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=30470>.
136. Маргарет Саттертуэйт, Мэтью Джиллетт, Мэри Лоулор, Мариана Кацарова, Бен Саул Письмо с утверждениями о нарушениях от Специального докладчика ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям, Специального докладчика ООН по вопросу о положении правозащитников, Специального докладчика ООН по вопросу о положении в области прав человека в Российской Федерации и Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом в адрес правительства Российской Федерации по вопросу о состоянии дел в адвокатуре № AL/RUS/13/2025 от 29 декабря 2025 года // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pismo-s-utverzhdeniyami-o-narusheniyah-ot-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-nezavisimosti-sudey-i-advokatov-rabochey-gruppy-oon-po-proizvolnym-zaderzhaniyam-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-pravozashchitnikov-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-i-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-pooshrenii-i-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh-svobod-v-usloviyah-borby-s-terrorizmom-v-adres-pravitelstva-rossiyskoy-federatsii-po-voprosu-o-sostoyanii-del-v-advokature-no-AL-RUS-13-2025-OT-29-dekabrja-2025-goda> // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pismo-s-utverzhdeniyami-o-narusheniyah-ot-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-nezavisimosti-sudey-i-advokatov-rabochey-gruppy>.
137. Новость 27055580 // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/29/27055580.shtml>.
138. Законопроект об адвокатской монополии застопорился после критики профсообщества [Электронный ресурс]. URL: <https://alrf.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoy-monopolii-zastoporilsya-posle-kritiki-profsoobshchestva/>.
139. Публикация № 3731 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3731>.
140. Публикация № 3798 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3798>.
141. Публикация № 4452 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4452>.
142. Публикация № 4519 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4519>.
143. В первую очередь они адвокаты [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/v-pervuyu-ochered-oni-advokaty/>.
144. Осознанный выбор в пользу более высокого уровня ответственности [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/osoznannyuy-vybor-v-polzu-bolee-vysokogo-urovnya-otvetstvennosti-kompetentnosti-i-eticheskoy-distipl/>.
145. Минюст продолжит прорабатывать инициативу с адвокатской монополией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/04/08/1188670-minyust-prodolzhit-prorabativat-initsiativu-s-advokatskoi-monopoliei>.
146. Публикация № 3231 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3231>.
147. Документ № 8059979 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8059979>.
148. Публикация № 3280 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3280>.
149. Акция завершилась, но работа только начинается [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/aktsiya-zavershilas-no-rabota-tolko-nachinaetsya/>.

150. Публикация № 2831 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2831>.
151. Сайт Адвокаты-за.рф [Электронный ресурс]. URL: <https://адвокаты-за.рф/>.
152. ФПА отчиталась, что инициативу поддерживает 77, 4% адвокатов [Электронный ресурс]. URL: <https://slovo-zashite.org/text/fpa-posle-provedennogo-na-svoikh-resursakh-oprosa-o-podderzhke-advokatskoi-monopolii-otchitalas-chto-initsiativu-podderzhivaet-77-4-advokatov>.
153. Публикация № 2849 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2849>.
154. Составлен пошаговый алгоритм [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sostavlen-poshagovyy-algoritm/>.
155. ФПА РФ обнародовала результаты опроса адвокатского сообщества [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/fpa-rf-obnarodovala-rezultaty-oprosa-advokatskogo-soobshchestva/>.
156. Публикация № 3184 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3184>.
157. Публикация № 3176 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3176>.
158. Ряд предложений и замечаний учтен [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/ryad-predlozheniy-i-zamechaniy-uchten/>.
159. Значительная часть конструктивных предложений и замечаний учтена [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/znachitelnaya-chast-konstruktivnykh-predlozheniy-i-zamechaniy-uchtena/>.
160. Публикация № 3627 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3627>.
161. В адвокатуре действуют отточенные понятные и предсказуемые правила [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/v-advokature-deystvuyut-ottochennye-ponyatnye-i-predskazuemye-pravila/>.
162. Защитная реакция [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/10/20/zashchitnaia-reakciia.html>.
163. Адвокатская монополия – плечо ФПА пропагандистка Авакян маскирует захват [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/7/advokatskaya_monopoliya_-_plecho_federalnoj_palaty_advokatov_propagandistka_avakyan_maskiruet_zahva.
164. Публикация № 3420 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3420>.
165. Публикация № 3421 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3421>.
166. Публикация № 3743 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3743>.
167. Публикация № 3219 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3219>.
168. Публикация № 3661 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3661>.
169. Рагулин А.В. «Брак по любви» или лишение профессии: как президент Федеральной палаты адвокатов отвечает на критику законопроекта об «адвокатской монополии» и продвигает организованную под эгидой Министерства юстиции «пыточную свадьбу» юристов с адвокатскими палатами // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brak-po-lyubvi-ili-lishenie-professii-kak-prezident-federalnoy-palaty-advokatov-otvechaet-na-kritiku-zakonoproekta-ob-advokatskoy>.
170. Брак по любви или лишение профессии: как президент ФПА ответила на критику [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/11/29/brak_po_lyubvi_ili_lishenie_professii_kak_prezident_federalnoj_palaty_advokatov_otvetila_na_kritiku_112709.
171. Публикация № 3887 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3887>.
172. Публикация № 260945 // Право.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.ru/news/260945/>.
173. Публикация № 3996 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/3996>.
174. По следам конференции ФАП: адвокатура, государство, общество 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/26/po_sledam_konferencii_fap_advokatura_gosudarstvo_obschestvo_2025.
175. Как адвокатские палаты регионов сделали юридическую помощь в России недоступной [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/11/14/kak_advokatskie_palaty_regionov_sdelali_yuridicheskuyu_pomosch_v_rossii_nedostupnoj_issledovanie_rek_112418.
176. Рагулин А.В. Как адвокатские палаты регионов сделали юридическую помощь в России недоступной: исследование рекомендуемых ставок гонораров адвоката // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-advokatskie-palaty-regionov-sdelali-yuridicheskuyu-pomosch-v-rossii-nedostupnoy-issledovanie-rekomenduemyh-stavok-gonorarov>.
177. Публикация № 4075 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4075>.
178. Статья 3_9394_lawyers // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-12-04/3_9394_lawyers.html.
179. Инцидент 311476612 // РАПСИ [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20251225/311476612.html.
180. Рагулин А.В. Специализация в адвокатуре: новая специальная операция Федеральной палаты адвокатов против независимости адвокатской профессии в России // Евразийская адвокатура. 2025. № 6 (77). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializatsiya-v-advokature-novaya-spetsialnaya-operatsiya-federalnoj-palaty-advokatov-protiv-nezavisimosti-advokatskoy-professii>.
181. Публикация № 4235 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4235>.
182. Понятие и критерии произвольного лишения прекращения статуса адвоката [Электронный ресурс].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kriterii-proizvolnogo-lisheniya-prekrascheniya-statusa-advokata>.

183. Новость 311760952 // РАПСИ [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260410/311760952.html.

184. Публикация 27069169 // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/27069169>.

185. Публикация 1083263 // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1083263>.

186. Новость 1409824 // Взгляд [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2026/4/10/1409824.html>.

187. Статья 69d8ece29a7947033c885f8a // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/04/2026/69d8ece29a7947033c885f8a>.

188. Суд в Москве лишил статуса трех адвокатов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/sud-v-moskve-lishil-statusa-treh-advokатов-neskolko-let-skrывayushchih-sya-za-rubezhom>.

189. Суд в Москве лишил статусов трех адвокатов [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/moscow_city/56293497-sud-v-moskve-lishil-statusov-treh-advokатов-skrывayushchih-sya-za-rubezhom.

190. В Москве суд аннулировал статус трех адвокатов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mordovmedia.ru/society/v-moskve-sud-annuliroval-status-treh-advokатов.html>.

191. Суд лишил статуса трех покинувших Россию адвокатов [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/2076544/2026-04-10/sud-lishil-statusa-trekh-pokinuvshevik-rossiiu-advokатов>.

192. Публикация № 4803 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4803>.

193. Документ № 8586401 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8586401>.

194. Хамовнический районный суд прекратил статус трех московских адвокатов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/khamovnicheskij-rayonnyy-sud-prekratil-status-trekh-moskovskikh-advokатов/>.

195. Публикация № 4783 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4783>.

196. Публикация № 4837 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4837>.

197. Публикация № 4850 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4850>.

198. Публикация № 4830 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4830>.

199. Рагулин А.В. Решение суда по «секретному иску» адвоката А.Р. Рамалданова к Федеральной палате адвокатов Российской Федерации: «незаконность» и «позитивное содержание» // Евразийская адвокатура. 2020. № 3 (46). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-suda-po-sekretnomu-isku-advokata-a-r-ramaldanova-k-federalnoy-palate-advokатов-rossiyskoy-federatsii-nezakonnost-i>.

200. Рагулин А.В. Судебные споры и социальные модели современной российской адвокатуры: ответы

и вопросы вице-президенту Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2020. № 5 (48). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoy-rossiyskoy-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoy-palaty-advokатов>.

201. Самозарождающиеся полномочия или что не так в решении Хамовнического суда города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/blog/2026/4/16/samozarozhdayuschiesya-polnomochiya-ili-chto-ne-tak-v-reshenii-hamovnicheskogo-suda-goroda-moskvy-ot>.

202. Публикация № 4844 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4844>.

203. Рубрика: Если с другом выйду я, а медведь – без друга [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/4/11/rubrika-esli-s-drugom-vyjdu-ya-a-medved_-bez-druga.

204. Публикация № 4838 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4838>.

205. Документ 137979778 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/137979778/>.

206. Практика обжалования решений совета адвокатской палаты субъекта РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/438-praktika-obzhalovaniya-reshenij-soveta-advokatskoj-palaty-sub-ekta-rf-o-primenenii-k-advokatu-mer-distiplinarnogo-vzyskaniya.html>.

207. Документ 341749853 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/341749853/>.

208. Судебное решение 77RS0030-02-2020-000662-44 [Электронный ресурс]. URL: <https://судебныерешения.рф/uin/77RS0030-02-2020-000662-44>.

209. Документ 407587722 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407587722/>.

210. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2019 N 2658-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102019-n-2658-o/>.

211. Независимость как принцип российской адвокатуры [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-kak-printsip-rossiyskoy-advokatury>.

212. Вторжение в конституционно обусловленный принцип независимости адвокатуры [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vtorzhenie-v-konstitutsionno-obuslovlennyy-printsip-nezavisimosti-advokatury/>.

213. Публикация № 4818 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4818>.

214. Публикация № 4810 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4810>.

215. Заявление о введении возможности прекращения статуса адвоката [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrascheniya-statusa-advokata-pri-vyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mestozhitelstva>.

216. Публикация № 4783 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/4783>.
217. Михаил Николаевич Толчеев [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/media/smi/mikhail-nikolaevich-tolcheev/>.
218. Созданный прецедент может развернуть судебную практику на 180 градусов [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/polemic/interview/sozdannyy-pretседent-mozhet-razvernuto-sudebnuyu-praktiku-na-180-gradusov/>.
219. Публикация № 13 // Telegram-канал «Talkcheev» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/Talkcheev/13>.
220. Публикация № 2538 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2538>.
221. Публикация № 2551 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2551>.
222. Не избираемые адвокатами демократическим путем управленцы из ФПА [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-izbiraemye-advokatami-demokraticeskim-putem-upravlentsy-iz-federalnoy-palaty-pyat-let-na-otvet-bez-otveta>.
223. Я за открытый доступ в адвокатуру [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-za-otkrytyy-dostup-v-advokaturu-intervyu-s-prezidentom-palaty-advokatov-respubliki-altay-aleksandrom-petrovichem-ganzhoj>.
224. Документ № 3579800 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579800>.
225. Статья 57e28c199a79472bdcc3035c // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/09/2016/57e28c199a79472bdcc3035c>.
226. Превратно понятая демократия [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/prevratno-ponyataya-demokratiya/>.
227. Документ № 2906961 // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2906961>.
228. Что происходит в российской адвокатуре [Электронный ресурс]. URL: <https://www.defendersbelarus.org/news/tpost/8bo688had1-chto-proishodit-v-rossiiskoi-advokature>.
229. Кто владеет платформой тот издает правила игры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.apmo.ru/poslednie-novosti/?CODE=kto-vladeet-platformoy-tot-izdaet-pravila-igry-mikhail-tolcheev-intervyu-rapsi>.
230. Видеоматериал ZD3ZmqIQX10 // YouTube [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZD3ZmqIQX10&t=9333s>.
231. Публикация № 2696 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2696>.
232. Статья 3_9369_advocacy // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-10-28/3_9369_advocacy.html.
233. Реплика с упоминанием киногероя легла в основу обвинения [Электронный ресурс]. URL: <https://slovo-zashite.org/text/replika-s-upominaniem-kinogeroia-legla-v-osnovu-obvineniia>.
234. Публикация № 80 // Telegram-канал «uristmsk» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/uristmsk/80>.
235. Публикация № 90 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/90>.
236. Публикация № 89 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/89>.
237. Приняты комплексные поправки в закон об адвокатуре [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/prinyaty-kompleksnye-popravki-v-zakon-ob-advokature/>.
238. Публикация № 1286 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/1286>.
239. Публикация № 2269 // Telegram-канал «initiative2018» [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/initiative2018/2269>.

References

1. Resh. SAPM.prekr. DP № 2 [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://www.advokatymoscow.ru/doc/2026.01.29%20Resh.%20SAPM.prekr.%20DP%20№2.pdf>.
2. Nedopustim`j precedent podchineniya organov professional'nogo samoupravleniya vole ispolnitel'noj [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/nedopustimyy-pretседent-podchineniya-organov-professionalnogo-samoupravleniya-vole-ispolnitelnoy/>.
3. Vtorzhenie v konstitucionno obuslovlenny`j princip nezavisimosti advokatury` [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vtorzhenie-v-konstitutsionno-obuslovlennyy-printsip-nezavisimosti-advokatury/>.
4. Sozdannyy` precedent mozhet razvernuto sudebnuyu praktiku na 180 gradusov [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/polemic/interview/sozdannyy-pretседent-mozhet-razvernuto-sudebnuyu-praktiku-na-180-gradusov/>.
5. Samozarozhdayushhiesya polnomochiya ili chto ne tak v reshenii Hamovnicheskogo suda goroda Moskvy` [E'lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/4/16/samozarozhdayushhiesya_polnomochiya_ili_chto_ne_tak_v_reshenii_hamovnicheskogo_suda_goroda_moskvy_ot.
6. Obrashhenie zashhitim rossijskuyu advokaturu [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://sciup.org/obrashhenie-zashhitim-rossijskuyu-advokaturu-140261859>.
7. Obrashhenie zashhitim rossijskuyu advokaturu 2023 [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-zashhitim-rossijskuyu-advokaturu-2023>.
8. Zashhitim rossijskuyu advokaturu 2023 [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://legalpetition.org/zashhitim-rossijskuyu-advokaturu-2023/>.
9. Videomaterial 7d30aa221b071cb6e2cb9c2f799ee678 // Rutube [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://rutube.ru/video/7d30aa221b071cb6e2cb9c2f799ee678/>.
10. Zayavlenie o vvedenii vozmozhnosti prekrasheniya statusa advokata pri vy`yavlenii fakta ego vy`ezda na postoyannoe mesto zhitel'stva [E'lektronny`j resurs].

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrascheniya-statusa-advokata-pri-vyyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mesto-zhitelstva>.

11. Zayavlenie o proekte federal'nogo zakona 301952-8 o vnesenii izmenenij v federal'nyj zakon ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-proekte-federalnogo-zakona-301952-8-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v>.

12. Obrashhenie zashhitim rossijskuyu advokaturu 2023 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-zashhitim-rossijskuyu-advokaturu-2023>.

13. Nezavisimoe ekspertnoe zaklyuchenie na projekt federal'nogo zakona o vnesenii izmenenij v federal'nyj zakon ob advokatskoj [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimoe-ekspertnoe-zaklyuchenie-na-proekt-federalnogo-zakona-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoj>.

14. Publikaciya № 251608 // Pravo.ru [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://pravo.ru/story/251608/>.

15. Baldancze`re`n A. Kompleksnaya informacionnaya sistema advokatury` Rossii i drugie idei zakonoproekta № 301952-8: effektivnyj put` realizacii prava na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshh` ili ugroza advokatskoj tajne i nezavisimosti advokatury`? // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 2 (61). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-informacionnaya-sistema-advokatury-rossii-i-drugie-idei-zakonoproekta-301952-8-effektivnyy-put-realizatsii-prava-na>.

16. Ragulin A.V. «Pravil'nyj put`» ili «skol'zкая dorozhka» rossijskoj advokatury`? Otvet na stat`yu e`ks-prezidenta Federal'noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii Yuriya Sergeevicha Pilipenko // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 3 (62). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravilnyy-put-ili-skolzкая-dorozhka-rossijskoj-advokatury-otvet-na-statyu-eks-prezidenta-federalnoj-palaty-advokatov-rossijskoj>.

17. Recenziya na zakonoproekt pravitel'stva RF o vnesenii izmenenij v federal'nyj zakon ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/retsenziya-na-zakonoproekt-pravitelstva-rf-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v>.

18. Ragulin A.V. Novyj zakonoproekt O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii: put` k utrate nezavisimosti advokatov // Evrazijskaya advokatura. 2021. № 5 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-zakonoproekt-o-vnesenii-izmeneniy-v-federalnyy-zakon-ob-advokatskoj-deyatelnosti-i-advokature-v-rossijskoj-federatsii-put-k>.

19. Ragulin A.V. Strax i nenavist` v «Izmajlovo»: obsuzhdenie «advokatskoj monopolii» putem degumanizacii chastnopraktikuyushhix yuristov // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 4 (75). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strax-i-nenavist-v-izmaylovo-obsuzhdenie-advokatskoj-monopolii-putem-degumanizatsii-chastnopraktikuyushhix-yuristov>.

20. Ragulin A.V. Kruglyj stol v Sankt-Peterburge: xolodnyj dush dlya popirayushhix normy` advokatskoj

e`tiki «svidetelej «advokatskoj monopolii» iz Federal'noj palaty` advokatov // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 4 (75). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-v-sankt-peterburge-holodnyy-dush-dlya-popirayushhix-normy-advokatskoj-etiki-svidetelej-advokatskoj-monopolii-iz>.

21. Zayavlenie Pravleniya mezhregional'noj obshhestvennoj organizacii advokatov i yuristov «Iniciativa 2018» o zakonoproekte [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obshchestvennoj-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-o-zakonoproekte-ob>.

22. Telegram-kanal «Iniciativa 2018» [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018>.

23. Sajt Law Unity [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://law-unity.ru/>.

24. Telegram-kanal «Lawyer Union» [E'lektronnyj resurs]. URL: https://t.me/Lawyer_Union.

25. Ragulin A.V. 24 chasa yuridicheskogo soprotivleniya: itogi pervogo «antimonopol'nogo marafona» Nacional'nogo profsoyuza yuristov // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 4 (75). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-itogi-pervogo-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov>.

26. Ragulin A.V. 24 chasa yuridicheskogo soprotivleniya: prodolzhenie antimonopol'nogo marafona nacional'nogo profsoyuza yuristov // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 4 (75). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/24-chasa-yuridicheskogo-soprotivleniya-prodolzhenie-antimonopolnogo-marafona-natsionalnogo-profsoyuza-yuristov>.

27. Ragulin A.V. «Advokatskaya monopoliya»: razoblachenie antinarodnoj kontrreformy` v stenax parlamenta // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 5 (76). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokatskaya-monopoliya-razoblachenie-antinarodnoy-kontrreformy-v-stenah-parlamenta>.

28. Dokument № 7989561 // Kommerstant` [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommerstant.ru/doc/7989561>.

29. Stat'ya 76079185 // Fontanka.ru [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://www.fontanka.ru/2025/10/20/76079185/>.

30. Oshibochnyj put` rossijskoj advokatury`: ot instituta grazhdanskogo obshhestva k instrumentu regulirovaniya rynka yuridicheskix uslug. Interv`yu s advokatom, doktorom yuridicheskix nauk, professorom Igorem Semenovichem Yarty`x // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 4 (75). [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oshibochnyy-put-rossijskoj-advokatury-ot-instituta-grazhdanskogo-obshchestva-k-instrumentu-regulirovaniya-rynka-yuridicheskix-uslug>.

31. Sajt Law Unity [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://law-unity.ru/>.

32. Publikaciya № 3290 // Telegram-kanal «initiative2018» [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3290>.

33. Publikaciya № 3181 // Telegram-kanal «initiative2018» [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3181>.

34. Publikaciya № 3172 // Telegram-kanal «initiative2018» [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3172>.

35. Razbory` // Law Unity [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://law-unity.ru/razbory>.
36. Mneniya // Law Unity [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://law-unity.ru/opinions>.
37. Publikaciya № 2766 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2766>.
38. Videomaterial 6c9077bf5bb79f0ee41af4b1dd5121fd // Rutube [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://rutube.ru/video/6c9077bf5bb79f0ee41af4b1dd5121fd/>.
39. Videomaterial wh2AIM6RzdM // YouTube [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://youtu.be/wh2AIM6RzdM?si=tzaf1h6D3GeGPAxX>.
40. Publikaciya № 2764 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2764>.
41. Videomaterial ZD3ZmqIQX10 // YouTube [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZD3ZmqIQX10&t=8409s>.
42. V Sankt-Peterburge obsudili voprosy` professionalizacii sudebnogo predstavitel`stva <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-sankt-peterburge-obsudili-voprosy-professionalizatsii-sudebnogo-predstavitelstva/>.
43. Publikaciya № 4013 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4013>.
44. Fil`tr dlya neugodny`x ili zashhita prav lyudej [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://gt-tomsk.ru/spread/filtr-dlya-neugodnyx-ili-zashhita-prav-lyudej/>.
45. Dokument № 8101430 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8101430>.
46. Stat`ya 68e7fdea9a794783108279c1 // RBK [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/10/2025/68e7fdea9a794783108279c1?>
47. Publikaciya № 3861 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3861>.
48. Publikaciya № 3862 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3862>.
49. Publikaciya № 3870 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3870>.
50. Publikaciya № 3876 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3876>.
51. Publikaciya № 4727 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4727>.
52. Publikaciya № 2791 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2791>.
53. Publikaciya № 3292 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3292>.
54. Publikaciya № 3319 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3319>.
55. Publikaciya № 3423 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3423>.
56. Publikaciya № 3424 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3424>.
57. Publikaciya № 3435 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3435>.
58. Publikaciya № 3516 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3516>.
59. Publikaciya № 3552 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3552>.
60. Publikaciya № 3704 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3704>.
61. Publikaciya № 3708 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3708>.
62. Publikaciya № 3709 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3709>.
63. Dokument № 8196329 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8196329>.
64. Sud v Moskve prekratil delo yuristov protiv advokatskoj monopolii [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://peterburg2.ru/news/sud-v-moskve-prekratil-delo-yuristov-protiv-advokatskoj-monopolii-205071.html>.
65. Sud prekratil spor yuristov s Minyustom o reforme predstavitel`stva [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://myurist.online/news/sud-prekratil-spor-yuristov-s-minyustom-o-reforme-predstavitelstva>.
66. Publikaciya № 3834 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3834>.
67. Publikaciya № 3838 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3838>.
68. Publikaciya № 3839 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3839>.
69. Publikaciya № 3847 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3847>.
70. Publikaciya № 3860 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3860>.
71. Zapis` № 24469 // VKontakte [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vk.com/wall-42591457_24469.
72. Publikaciya № 3479 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3479>.
73. Publikaciya № 3568 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3568>.
74. Publikaciya № 3886 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3886>.
75. Publikaciya № 3956 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3956>.
76. Videozapis` 456239954 // VKontakte [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vk.com/video-42591457_456239954.

77. Publikaciya № 3216 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3216>.
78. Publikaciya № 3322 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3322>.
79. Publikaciya № 3851 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3851>.
80. Zakonoproekt ob advokatskoj monopolii zastoporilsya posle kritiki profsoobshhestva [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://probankrotstvo.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoi-monopolii-zastoporilsya-posle-kritiki-profsoobshhestva-9585>.
81. Dokument №8118466//Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8118466>.
82. Publikaciya 573 // Rusfond [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://rusfond.ru/society/573>.
83. Publikaciya 25380115 // TASS [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/25380115>.
84. Vliyanie advokatskoj monopolii na obshchestva zashchity` prav potrebitelej [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://ruzpp.ru/novosti/vliyanie-advokatskoj-monopolii-na-obshchestva-zashchity-prav-potrebitelej>.
85. Publikaciya № 3564 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3564>.
86. Publikaciya № 4070 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4070>.
87. Publikaciya № 3170 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3170>.
88. Publikaciya № 3258 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3258>.
89. Publikaciya № 3281 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3281>.
90. Publikaciya № 3311 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3311>.
91. Publikaciya № 3336 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3336>.
92. Publikaciya № 3375 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3375>.
93. Publikaciya № 3376 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3376>.
94. Publikaciya № 3413 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3413>.
95. Publikaciya № 3415 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3415>.
96. Publikaciya № 3550 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3550>.
97. Publikaciya № 3607 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3607>.
98. Publikaciya № 3621 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3621>.
99. Publikaciya № 3942 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3942>.
100. Vice-prezident TPP Vadim Chubarov predlozhl otkazat`sya ot advokatskoj monopolii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tsargrad.tv/novost/vice-prezident-tpv-vadim-chubarov-predlozhl-otkazatsya-ot-advokatskoj-monopolii_1403042.
101. Publikaciya № 3626 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3626>.
102. Publikaciya № 3653 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3653>.
103. V Gosdume raskritikovali ideyu advokatskoj monopolii [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.mk.ru/social/2025/10/09/v-gosdume-raskritikovali-ideyu-advokatskoj-monopolii-privedet-k-zagnivaniyu.html>.
104. Novost` 687201 // Biznes Online [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/687201>.
105. Publikaciya № 3274 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3274>.
106. Deputat poprosil glavu Minyusta ocenit` riski advokatskoj monopolii [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.pnp.ru/social/deputat-poprosil-glavu-minyusta-ocenit-riski-advokatskoj-monopolii.html>.
107. Publikaciya № 3644 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3644>.
108. Publikaciya № 3405 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3405>.
109. Publikaciya 1052339 // Interfaks [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1052339>.
110. Vvedenie advokatskoj monopolii tormozitsya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/29/1150606-vvedenie-advokatskoj-monopolii-tormozitsya>.
111. Publikaciya № 3962 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3962>.
112. Advokatskaya monopoliya zamorozhena dajdzhest reakcij telegrama [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://ppt.ru/obzory/advokatskaya-monopoliya-zamorozhena-daydzhest-reaktsiy-telegrama>.
113. Publikaciya № 3261 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3261>.
114. Publikaciya № 3262 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3262>.
115. Stat`ya 68d16da09a79476972fee033 // RBK [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2025/68d16da09a79476972fee033>.
116. Publikaciya № 3277 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3277>.

117. Publikaciya № 3347 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3347>.
118. Videozapis` 456240015 // VKontakte [E`lektronny`j resurs]. URL: https://vk.com/video-42591457_456240015.
119. Publikaciya № 3348 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3348>.
120. Pravo yuristov bez statusa advokata na dostup k pravosudiyu predlozhili zashhitit` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.pnp.ru/social/pravo-yuristov-bez-statusa-advokata-na-dostup-k-pravosudiyu-predlozhili-zashhitit.html>.
121. Dokument № 8079537 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8079537>.
122. Publikaciya № 3959 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3959>.
123. Publikaciya № 4386 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4386>.
124. Publikaciya № 4653 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4653>.
125. Publikaciya № 3359 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3359>.
126. Publikaciya № 2783 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2783>.
127. Publikaciya № 4508 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4508>.
128. Publikaciya № 4506 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4506>.
129. Publikaciya № 4547 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4547>.
130. Obrashhenie pravleniya mezhregional`noj obshchestvennoj organizacii advokатов i yuristov «Iniciativa 2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obshchestvennoj-organizatsii-advokатов-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii>.
131. Ragulin A.V. «Zaxvat» advokatury` i presledovanie advokатов v Rossijskoj Federacii: kak vernut` nezavisimost` advokатов i pravo grazhdan na zashhitu: nauchno-prakticheskij doklad // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 3 (74). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zahvat-advokatury-i-presledovanie-advokатов-v-rossijskoj-federatsii-kak-vernut-nezavisimost-advokатов-i-pravo-grazhdan-na-zaschitu>.
132. Zayavlenie Special`nogo dokladchika OON po voprosu o polozhenii v oblasti prav cheloveka v Rossijskoj Federacii i Special`nogo dokladchika OON po voprosu o nezavisimosti sudej i advokатов v otnoshenii proekta popravok k zakonu «Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii» (№ 301952-8) // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 2 (67). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-polozhenii-v-oblasti-prav-cheloveka-v-rossijskoj-federatsii-i-spetsialnogo>.
133. List of Reports // OHCHR [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ohchr.org/en/hr-bodies/hrc/regular-sessions/session60/list-reports>.
134. Dokument A/HRC/60/59 // OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/60/59>.
135. Communication File 30470 // OHCHR [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=30470>.
136. Margaret Satterthwaite, Me`t`yu Dzhillett, Me`ri Loulor, Mariana Kaczarova, Ben Saul Pis`mo s utverzhdeniyami o narusheniyax ot Special`nogo dokladchika OON po voprosu o nezavisimosti sudej i advokатов, Rabochej gruppy` OON po proizvol`ny`m zaderzhanijam, Special`nogo dokladchika OON po voprosu o polozhenii pravozashhitnikov, Special`nogo dokladchika OON po voprosu o polozhenii v oblasti prav cheloveka v Rossijskoj Federacii i Special`nogo dokladchika OON po voprosu o pooshhrenii i zashhite prav cheloveka i osnovny`x svobod v usloviyax bor`by` s terrorizmom v adres pravitel`stva Rossijskoj Federacii po voprosu o sostoyanii del v advokature № AL RUS 13/2025 OT 29 dekabrya 2025 goda // Evrazijskaya advokatura. 2026. № 1 (78). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pismo-s-utverzhdeniyami-o-narusheniyah-ot-spetsialnogo-dokladchika-oon-po-voprosu-o-nezavisimosti-sudej-i-advokатов-rabochej-gruppy>.
137. Novost` 27055580 // Gazeta.ru [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/10/29/27055580.shtml>.
138. Zakonoproekt ob advokatskoj monopolii zastoporilsya posle kritiki profsoobshchestva [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://alrf.ru/news/zakonoproekt-ob-advokatskoj-monopolii-zastoporilsya-posle-kritiki-profsoobshchestva/>.
139. Publikaciya № 3731 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3731>.
140. Publikaciya № 3798 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3798>.
141. Publikaciya № 4452 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4452>.
142. Publikaciya № 4519 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4519>.
143. V pervuyu ochered` oni advokaty` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/law-chambers/v-pervuyu-ochered-oni-advokaty/>.
144. Osoznanny`j vy`bor v pol`zu bolee vy`sokogo urovnya otvetstvennosti [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/osoznanny-vybor-v-polzu-bolee-vysokogo-urovnya-otvetstvennosti-kompetentnosti-i-eticheskoy-distipl/>.
145. Minyust prodolzhit prorabatyvat` iniciativu s advokatskoj monopoliej [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/04/08/1188670-minyust-prodolzhit-prorabativat-initsiativu-s-advokatskoi-monopoliej>.
146. Publikaciya № 3231 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3231>.
147. Dokument № 8059979 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8059979>.

148. Publikaciya № 3280 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3280>.
149. Akciya zavershilas`, no rabota tol`ko nachinaetsya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/aktsiya-zavershilas-no-rabota-tolko-nachinaetsya/>.
150. Publikaciya № 2831 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2831>.
151. Sajt Advokaty`-za.rf [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://advokaty`-za.rf/>.
152. FPA otchitalas`, chto iniciativu podderzhivaet 77, 4% advokatorov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://slovo-zashite.org/text/fpa-posle-provedennogo-na-svoikh-resursakh-oprosa-o-podderzhke-advokatskoi-monopolii-otchitalas-chto-initsiativu-podderzhivaet-774-advokatorov>.
153. Publikaciya № 2849 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2849>.
154. Sostavlen poshagovy`j algoritm [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sostavlen-poshagovyy-algitm/>.
155. FPA RF obnarodovala rezul`taty` oprosa advokatskogo soobshhestva [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/fpa-rf-obnarodovala-rezultaty-oprosa-advokatskogo-soobshchestva/>.
156. Publikaciya № 3184 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3184>.
157. Publikaciya № 3176 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3176>.
158. Ryad predlozhenij i zamechanij uchten [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/ryad-predlozheniy-i-zamechaniy-uchten/>.
159. Znachitel'naya chast` konstruktivny`x predlozhenij i zamechanij uchtena [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/znachitelnaya-chast-konstruktivnykh-predlozheniy-i-zamechaniy-uchtena/>.
160. Publikaciya № 3627 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3627>.
161. V advokature dejstvuyut ottochennye ponyatny`e i predskazuemy`e pravila [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/v-advokature-dejstvuyut-ottochennye-ponyatnye-i-predskazuemye-pravila/>.
162. Zashhitnaya reakciya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://rg.ru/2025/10/20/zashchitnaia-reakciia.html>.
163. Advokatskaya monopoliya – plecho FPA propagandistka Avakyan maskiruet zavvat [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/7/advokatskaya_monopoliya__-plecho_federalnoj_palaty_advokatorov_propagandistka_avakyan_maskiruet_zahva.
164. Publikaciya № 3420 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3420>.
165. Publikaciya № 3421 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3421>.
166. Publikaciya № 3743 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3743>.
167. Publikaciya № 3219 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3219>.
168. Publikaciya № 3661 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3661>.
169. Ragulin A.V. «Brak po lyubvi» ili lishenie professii: kak prezident Federal'noj palaty` advokatorov otvechaet na kritiku zakonoproekta ob «advokatskoj monopolii» i prodvigaet organizovannuyu pod e`gidoj Ministerstva yusticii «py`tochnuyu svad`bu» yuristov s advokatskimi palatami // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 6 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brak-po-lyubvi-ili-lisheenie-professii-kak-prezident-federalnoj-palaty-advokatorov-otvechaet-na-kritiku-zakonoproekta-ob-advokatskoj>.
170. Brak po lyubvi ili lishenie professii: kak prezident FPA otvetila na kritiku [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/11/29/brak_po_lyubvi_ili_lisheenie_professii_kak_prezident_federalnoj_palaty_advokatorov_otvetila_na_kritiku__112709.
171. Publikaciya № 3887 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3887>.
172. Publikaciya № 260945 // Pravo.ru [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://pravo.ru/news/260945/>.
173. Publikaciya № 3996 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/3996>.
174. Po sledam konferencii FAP: advokatura, gosudarstvo, obshhestvo 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/10/26/po_sledam_konferencii_fap_advokatura_gosudarstvo_obschestvo_2025.
175. Kak advokatskie palaty` regionov sdelali yuridicheskuyu pomoshh` v Rossi nedostupnoj [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2025/11/14/kak_advokatskie_palaty_regionov_sdelali_yuridicheskuyu_pomosch_v_rossii_nedostupnoj_issledovanie_rek_112418.
176. Ragulin A.V. Kak advokatskie palaty` regionov sdelali yuridicheskuyu pomoshh` v Rossii nedostupnoj: issledovanie rekomenduemy`x stavok gonorarov advokata // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 6 (77). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-advokatskie-palaty-regionov-sdelali-yuridicheskuyu-pomosch-v-rossii-nedostupnoy-issledovanie-rekomenduemyh-stavok-gonorarov>.
177. Publikaciya № 4075 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4075>.
178. Stat'ya 3_9394_lawyers // Nezavisimaya gazeta [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-12-04/3_9394_lawyers.html.
179. Incident 311476612 // RAPSI [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20251225/311476612.html.
180. Ragulin A.V. Specializaciya v advokature: novaya special'naya operaciya Federal'noj palaty` advokatorov protiv nezavisimosti advokatskoj professii v Rossii // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 6 (77). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializatsiya-v-advokature-novaya-spetsialnaya-operatsiya-federalnoj-palaty-advokatorov-protiv-nezavisimosti-advokatskoj-professii>.

181. Publikaciya № 4235 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4235>.
182. Ponyatie i kriterii proizvod'nogo lisheniya prekrashheniya statusa advokata [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kriterii-proizvol'nogo-lisheniya-prekrashcheniya-statusa-advokata>.
183. Novost` 311760952 // RAPSI [E`lektronny`j resurs]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20260410/311760952.html.
184. Publikaciya 27069169 // TASS [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/27069169>.
185. Publikaciya 1083263 // Interfaks [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1083263>.
186. Novost` 1409824 // Vzglyad [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://vz.ru/news/2026/4/10/1409824.html>.
187. Stat`ya 69d8ece29a7947033c885f8a // RBK [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/04/2026/69d8ece29a7947033c885f8a>.
188. Sud v Moskve lishil statusa trex advokotov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/sud-v-moskve-lishil-statusa-treh-advokotov-neskolko-let-skryvayushchih-sya-za-rubezhom>.
189. Sud v Moskve lishil statusov trex advokotov [E`lektronny`j resurs]. URL: https://news.rambler.ru/moscow_city/56293497-sud-v-moskve-lishil-statusov-treh-advokotov-skryvayuschih-sya-za-rubezhom.
190. V Moskve sud annulliroval status trex advokotov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.mordovmedia.ru/society/v-moskve-sud-annuliroval-status-treh-advokotov.html>.
191. Sud lishil statusa trex pokinuvshix Rossiyu advokotov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://iz.ru/2076544/2026-04-10/sud-lishil-statusa-trekh-pokinuvshikh-rossiiu-advokotov>.
192. Publikaciya № 4803 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4803>.
193. Dokument № 8586401 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8586401>.
194. Xamovnicheskij rajonny`j sud prekratil status trex moskovskix advokotov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/khamovnicheskij-rayonnyy-sud-prekratil-status-trekh-moskovskikh-advokotov/>.
195. Publikaciya № 4783 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4783>.
196. Publikaciya № 4837 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4837>.
197. Publikaciya № 4850 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4850>.
198. Publikaciya № 4830 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4830>.
199. Ragulin A.V. Reshenie suda po sekretnomu isku advokata A.R. Ramaldanova k Federal`noj palate advokotov Rossijskoj Federacii: nezakonnost` i pozitivnoe sodержanie // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 3 (46). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reshenie-suda-po-sekretnomu-isku-advokata-a-r-ramaldanova-k-federalnoy-palate-advokatov-rossijskoj-federatsii-nezakonnost-i>.
200. Ragulin A.V. Sudebny`e spory` i social`ny`e modeli sovremennoj rossijskoj advokatury`: otvety` i voprosy` vice-prezidentu Federal`noj palaty` advokatov Rossijskoj Federacii // Evrazijskaya advokatura. 2020. № 5 (48). [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnye-spory-i-sotsialnye-modeli-sovremennoj-rossijskoj-advokatury-otvety-i-voprosy-vitse-prezidentu-federalnoj-palaty-advokatov>.
201. Samozarozhdayushhiesya polnomochiya ili chto ne tak v reshenii Xamovnicheskogo suda goroda Moskvy` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/4/16/samozarozhdayuschiesya_polnomochiya_ili_chno_ne_tak_v_reshenii_hamovnicheskogo_suda_goroda_moskvy_ot.
202. Publikaciya № 4844 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4844>.
203. Rubrika: Esli s drugom vy`jdu ya, a medved` – bez druga [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2026/4/11/rubrika_esli_s_drugom_vyjdu_ya_a_medved_-_bez_druga.
204. Publikaciya № 4838 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4838>.
205. Dokument 137979778 // Garant [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://base.garant.ru/137979778/>.
206. Praktika obzhalovaniya reshenij soveta advokatskoj palaty` sub`ekta RF [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/438-praktika-obzhalovaniya-reshenij-soveta-advokatskoj-palaty-sub-ekta-rf-o-primenenii-k-advokatu-mer-distiplinarnogo-vzyskaniya.html>.
207. Dokument 341749853 // Garant [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://base.garant.ru/341749853/>.
208. Sudebnoe reshenie 77RS0030-02-2020-000662-44 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://sudebny`eresheniya.rf/uin/77RS0030-02-2020-000662-44>.
209. Dokument 407587722 // Garant [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407587722/>.
210. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 02.10.2019 N 2658-O [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02102019-n-2658-o/>.
211. Nezavisimost` kak princip rossijskoj advokatury` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezavisimost-kak-printsip-rossijskoj-advokatury>.
212. Vtorzhenie v konstitucionno obuslovlenny`j princip nezavisimosti advokatury` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/vtorzhenie-v-konstitutsionno-obuslovlennyy-printsip-nezavisimosti-advokatury/>.
213. Publikaciya № 4818 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4818>.
214. Publikaciya № 4810 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4810>.

215. Zayavlenie o vvedenii vozmozhnosti prekrasheniya statusa advokata [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zayavlenie-o-vvedenii-vozmozhnosti-prekrasheniya-statusa-advokata-pri-vyyavlenii-fakta-ego-vyezda-na-postoyannoe-mesto-zhitelstva>.

216. Publikaciya № 4783 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/4783>.

217. Mixail Nikolaevich Tolcheev [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/media/smi/mikhail-nikolaevich-tolcheev/>.

218. Sozdanny`j precedent mozhet razvernut` sudebnuyu praktiku na 180 gradusov [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/polemic/interview/sozdannyy-pretседent-mozhet-razvernut-sudebnuyu-praktiku-na-180-gradusov/>.

219. Publikaciya № 13 // Telegram-kanal «Talkcheev» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/Talkcheev/13>.

220. Publikaciya № 2538 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2538>.

221. Publikaciya № 2551 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2551>.

222. Ne izbiraemy`e advokatami demokraticeskim putem upravleniy iz FPA [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ne-izbiraemye-advokatami-demokraticeskim-putem-upravleniy-iz-federalnoy-palaty-pyat-let-na-otvet-bez-otveta>.

223. Ya za otkry`ty`j dostup v advokaturu [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-za-otkrytyy-dostup-v-advokaturu-intervyu-s-prezidentom-palaty-advokatov-respubliki-altay-aleksandrom-petrovichem-ganzhoj>.

224. Dokument № 3579800 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3579800>.

225. Stat`ya 57e28c199a79472bdcc3035c // RBK [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/09/2016/57e28c199a79472bdcc3035c>.

226. Prevratno ponyataya demokratiya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/polemic/opinions/prevratno-ponyataya-demokratiya/>.

227. Dokument № 2906961 // Kommersant` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2906961>.

228. Chto proisxodit v rossijskoj advokature [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.defender-sbelarus.org/news/tpost/8bo688had1-cto-proishodit-v-rossiiskoi-advokature>.

sbearus.org/news/tpost/8bo688had1-cto-proishodit-v-rossiiskoi-advokature.

229. Kto vladeet platformoj tot izdaet pravila igry` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.apmo.ru/poslednie-novosti/?CODE=kto-vladeet-platformoy-tot-izdaet-pravila-igry-mikhail-tolcheev-intervyu-rapsi>.

230. Videomaterial ZD3ZmqIQX10 // YouTube [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZD3ZmqIQX10&t=9333s>.

231. Publikaciya № 2696 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2696>.

232. Stat`ya 3_9369_advocacy // Nezavisimaya gazeta [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.ng.ru/politics/2025-10-28/3_9369_advocacy.html.

233. Replika s upominaniem kinogeroja legla v osnovu obvineniya [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://slovo-zashite.org/text/replika-s-upominaniem-kinogeroia-legla-v-osnovu-obvineniia>.

234. Publikaciya № 80 // Telegram-kanal «uristmsk» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/uristmsk/80>.

235. Publikaciya № 90 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/90>.

236. Publikaciya № 89 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/89>.

237. Prinyaty` kompleksny`e popravki v zakon ob advokature [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/prinyaty-kompleksnye-popravki-v-zakon-ob-advokature/>.

238. Publikaciya № 1286 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/1286>.

239. Publikaciya № 2269 // Telegram-kanal «initiative2018» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://t.me/initiative2018/2269>.

*Статья поступила в редакцию 17.04.26;
одобрена после рецензирования 27.04.26;
принята к публикации 27.04.26.*

*The article was submitted 17.04.26;
approved after reviewing 27.04.26;
accepted for publication 27.04.26.*

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 79.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):79.

Защита профессиональных прав адвоката

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_79

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ АДВОКАТОВ ОТ НАРУШЕНИЙ СО СТОРОНЫ ИХ ДОВЕРИТЕЛЕЙ

ЧЕРДЫНЦЕВА Ксения Сергеевна

Адвокат коллегии адвокатов г. Москвы «Ваша защита», аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности Пятигорского государственного университета
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуются особенности защиты прав адвокатов от неправомерных действий со стороны их доверителей. Актуальность исследования обусловлена ростом случаев нарушения профессиональных прав адвокатов посредством невыполнения договорных обязательств, подачи необоснованных жалоб в дисциплинарные органы, распространения недостоверных сведений о деятельности адвоката. Цель работы – выявление правовых механизмов защиты адвокатов и разработка рекомендаций по совершенствованию законодательства. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой и эмпирический методы. Проанализированы нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката, судебная практика Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также зарубежный опыт. Сформулированы предложения по совершенствованию правовых гарантий защиты адвокатов.

Ключевые слова: адвокат, доверитель, защита прав адвоката, адвокатская тайна, соглашение об оказании юридической помощи, дисциплинарное производство, гонорар адвоката, профессиональная этика, злоупотребление правом, адвокатская деятельность

Для цитирования: Чердынцова К.С. Особенности защиты прав адвокатов от нарушений со стороны их доверителей // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 79. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_79

Protection of the Professional Rights of a Lawyer

Original article

SPECIFICS OF PROTECTION OF LAWYERS' RIGHTS AGAINST VIOLATIONS BY THEIR CLIENTS

CHERDYNTSEVA Ksenia Sergeevna

Advocate of the Collegium of Advocates of the City of Moscow «Vasha Zashchita», Postgraduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines and Forensic Expert Activity of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinina Ave., 9, Russian Federation

Abstract: The article examines the specifics of protecting attorneys' rights against violations by their clients. The relevance of the study is determined by the increasing number of cases involving infringement of attorneys' professional rights through breach of contractual obligations, filing of unfounded complaints with disciplinary bodies, and dissemination of false information about attorneys' activities. The purpose of the study is to identify legal mechanisms for the protection of attorneys and to develop recommendations for improving legislation. Formal-legal, comparative-legal, and empirical methods were applied. The norms of the Federal Law «On Advocacy and the Legal Profession in the Russian Federation», the Code of Professional Ethics of Attorneys, judicial practice of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as foreign experience were analyzed. Proposals for improving legal guarantees for the protection of attorneys were formulated.

Keywords: lawyer; client, protection of lawyer's rights, attorney-client privilege, legal services agreement, disciplinary proceedings, attorney's fee, professional ethics, abuse of rights, legal practice

For citation: Cherdyntseva K.S. Specifics of Protection of Lawyers' Rights Against Violations by Their Clients = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):79. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_79

Вопросы защиты профессиональных прав адвокатов традиционно рассматриваются в контексте их взаимоотношений с правоохранительными органами, судебными инстанциями и иными государственными структурами. Значительное внимание уделяется случаям недопуска адвокатов к доверителям, ограничению их процессуальных полномочий, нарушению адвокатской тайны со стороны должностных лиц. Между тем проблема нарушения прав адвокатов со стороны их доверителей остается недостаточно исследованной, несмотря на ее существенную практическую значимость [9, 112].

Актуальность настоящего исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, рост числа обращений доверителей с жалобами в адвокатские палаты, значительная часть которых носит необоснованный характер, создает угрозу профессиональной деятельности адвокатов и порождает эффект «карательного правоприменения» в дисциплинарной сфере [10, 78]. Во-вторых, распространение практики одностороннего отказа доверителей от оплаты гонорара за фактически выполненную работу адвоката представляет собой серьезную экономическую проблему адвокатского сообщества. В-третьих, случаи распространения доверителями недостоверных сведений о деятельности адвокатов, в том числе в сети «Интернет», приобрели системный характер [11, 56].

Степень научной разработанности проблемы фрагментарна. Общие вопросы адвокатской деятельности и гарантий независимости адвоката исследовались в трудах Ю.И. Стецовского, А.Д. Бойкова, М.Ю. Барщевского, Г.Б. Мирзоева, В.А. Вайпана [7, 34]. Проблематика взаимоотношений адвоката и доверителя затрагивалась в работах Ю.С. Пилипенко, А.В. Рагулина [8, 89]. Вместе с тем комплексных исследований, посвященных защите адвокатов от неправомерных действий доверителей, в отечественной юридической науке не проводилось. В зарубежной литературе эта проблема рассматривалась в работах G. Hazard, M. Henssler [12, 45; 13, 210].

Цель настоящей статьи – комплексный анализ правовых механизмов защиты адвокатов от нарушений их прав со стороны доверителей и разработка предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования в данной сфере. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить типологию нарушений прав адвокатов со стороны доверителей; проанализировать действующие правовые механизмы защиты; исследовать судебную и дисциплинарную практику; провести сравнительно-правовой

анализ зарубежного законодательства; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (анализ, синтез, классификация, обобщение) и частнонаучные методы юридической науки: формально-юридический метод, применявшийся при анализе нормативных правовых актов; сравнительно-правовой метод, использованный для исследования зарубежного опыта; эмпирический метод, включающий изучение судебной практики и статистических данных; метод правового моделирования при формулировании предложений *de lege ferenda*.

Систематизация нарушений прав адвокатов со стороны их доверителей позволяет выделить несколько основных групп противоправных деяний, различающихся по характеру, степени общественной опасности и механизмам правовой защиты. Эта классификация имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку от характера нарушения зависит выбор способа защиты нарушенного права [9, 93; 12, 80].

Первую группу составляют нарушения, связанные с неисполнением договорных обязательств по оплате юридической помощи. Соглашение об оказании юридической помощи, предусмотренное статьей 25 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре), представляет собой гражданско-правовой договор, порождающий взаимные права и обязанности сторон [1]. Неоплата вознаграждения адвоката, уклонение от компенсации расходов, связанных с исполнением поручения, а также односторонний немотивированный пересмотр согласованных условий оплаты являются наиболее распространенными формами нарушений в данной категории. Как справедливо отмечает Ю.С. Пилипенко, запрет отказа от принятой на себя защиты (подп. 6 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре) ставит адвоката в уязвимое положение, поскольку доверитель, осознавая невозможность прекращения защиты, получает возможность злоупотреблять данным обстоятельством [8, 145].

Вторую группу образуют нарушения, связанные с подачей необоснованных жалоб в органы адвокатского самоуправления. Статья 20 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА) устанавливает, что поводами для возбуждения дисциплинарного производства являются, в частности, жалобы доверителей [2]. Практика

деятельности квалификационных комиссий свидетельствует о том, что значительная часть жалоб доверителей не находит подтверждения при рассмотрении по существу [10, 82]. По данным Федеральной палаты адвокатов РФ за 2023 год, около 40–45% жалоб доверителей были признаны необоснованными, а дисциплинарные производства по ним прекращены за отсутствием состава дисциплинарного проступка. Вместе с тем сам факт возбуждения дисциплинарного производства негативно влияет на профессиональную репутацию адвоката.

Третью группу составляют нарушения, связанные с распространением недостоверных сведений о деятельности адвоката, что квалифицируется в рамках гражданского законодательства как посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию (статьи 150, 152 Гражданского кодекса Российской Федерации) [3]. Распространение в сети «Интернет» негативных, зачастую не соответствующих действительности отзывов о деятельности адвоката наносит существенный ущерб его профессиональной репутации и экономическим интересам [11, 58].

Четвертую группу представляют нарушения, связанные с разглашением доверителем конфиденциальной информации, полученной в ходе оказания юридической помощи. Хотя законодательство устанавливает обязанность соблюдения адвокатской тайны именно адвокатом (статья 8 Закона об адвокатуре), на практике доверители нередко передают огласке содержание консультаций, избранную стратегию защиты, что может причинить вред как адвокату, так и третьим лицам. Субъектом профессиональной тайны является только адвокат, но не доверитель, что создает асимметрию в правовом регулировании данных отношений [8, 189].

Российское законодательство предоставляет адвокатам определенный набор правовых средств защиты от неправомерных действий доверителей, однако их эффективность существенно различается в зависимости от характера нарушения. Анализ нормативных правовых актов позволяет выделить гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые механизмы защиты [3; 7, 56].

Основным гражданско-правовым механизмом защиты является судебный порядок взыскания задолженности по соглашению об оказании юридической помощи. Соглашение, заключенное в соответствии со статьей 25 Закона об адвокатуре, является гражданско-правовым договором, к которому применяются общие положения

Гражданского кодекса РФ об обязательствах и договорах [1; 3]. Адвокат вправе обратиться в суд с иском о взыскании задолженности по договору, процентов за пользование чужими денежными средствами (статья 395 ГК РФ), а также убытков, причиненных ненадлежащим исполнением обязательств доверителем.

Вместе с тем реализация этого механизма сопряжена с рядом практических затруднений. Во-первых, обращение адвоката в суд с иском к доверителю неизбежно влечет раскрытие сведений, составляющих адвокатскую тайну, что порождает коллизию между правом на судебную защиту и обязанностью сохранения конфиденциальности [8, 198]. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 10 ноября 2022 г. № 49-П указал, что адвокатская тайна является необходимым условием реализации конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, однако в определенных случаях допускается ограничение этого принципа в целях защиты прав и законных интересов самого адвоката [4].

Во-вторых, существенную проблему представляет определение размера гонорара при отсутствии четкой детализации выполненных работ в соглашении. Судебная практика свидетельствует о том, что адвокаты, не озаботившиеся надлежащим документированием объема оказанной юридической помощи (составлением актов выполненных работ, ведением хронометража и т.п.), зачастую оказываются в затруднительном положении при доказывании обоснованности своих требований.

Защита деловой репутации адвоката от недостоверных сведений, распространяемых доверителями, осуществляется в порядке статьи 152 ГК РФ [3]. Адвокат вправе требовать опровержения порочащих сведений, не соответствующих действительности, удаления соответствующей информации, а также компенсации морального вреда. Однако практика применения данного механизма в отношении «отзывов» в сети «Интернет» характеризуется сложностью идентификации автора, трудностями разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах, а также длительностью судебного процесса [11, 61].

В зарубежных правовых системах сформированы более развитые механизмы защиты адвокатов от неправомерных действий клиентов. В частности, в системе общего права (Англия, США, Австралия) существует институт *retaining lien* – право адвоката удерживать документы клиента до полного погашения задолженности по

гонорару [12, 82]. Правило 1.16(d) Модельных правил профессионального поведения Американской ассоциации адвокатов (ABA Model Rules of Professional Conduct) прямо предусматривает право адвоката на обеспечение оплаты через удержание. В российском праве подобный механизм отсутствует, более того, Кодекс профессиональной этики адвоката запрещает принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение гонорара [2; 6].

Исследование судебной практики по спорам между адвокатами и доверителями позволяет выявить устойчивые тенденции правоприменения. Основным предметом судебных разбирательств являются споры о взыскании вознаграждения адвоката и споры о возврате гонорара по требованию доверителя. Анализ решений судов общей юрисдикции за 2020–2025 гг. свидетельствует о следующих закономерностях.

В спорах о взыскании вознаграждения суды, как правило, удовлетворяют требования адвокатов при наличии надлежащим образом оформленного соглашения и документов, подтверждающих факт оказания юридической помощи. При этом суды исходят из того, что результат оказания юридической помощи не может рассматриваться в качестве критерия надлежащего исполнения обязательств адвокатом, поскольку соглашение об оказании юридической помощи по своей правовой природе является договором возмездного оказания услуг, а не подряда [1; 3]. Эта позиция последовательно подтверждается Верховным Судом Российской Федерации.

В контексте дисциплинарной практики значительный интерес представляет проблема необоснованных жалоб доверителей. Анализ материалов квалификационных комиссий адвокатских палат субъектов Российской Федерации показывает, что наиболее распространенными основаниями жалоб являются: неудовлетворенность результатом рассмотрения дела (около 35% жалоб), несогласие с размером гонорара (около 25%), претензии к качеству юридической помощи (около 20%) и прочие основания (около 20%) [10, 85].

Особого внимания заслуживает практика так называемых «шантажных жалоб», когда доверитель использует угрозу подачи жалобы в адвокатскую палату как средство давления на адвоката с целью снижения размера гонорара или получения иных неправомерных преимуществ. Подобные действия представляют собой злоупотребление правом в смысле статьи 10 ГК РФ, однако действующее законодательство не содержит эффективных механизмов противодействия это-

му явлению. В зарубежной практике, в частности в праве Германии (§ 226 BGB), установлена ответственность за шикану (Schikane) – осуществление права исключительно с целью причинения вреда другому лицу, что может быть применимо к рассматриваемым случаям [13, 234].

Практика Конституционного Суда Российской Федерации также содержит ряд значимых правовых позиций. В Определении от 6 июля 2000 г. № 128-О Конституционный Суд указал, что адвокатская тайна является гарантией конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи [5]. В Постановлении от 10 ноября 2022 г. № 49-П Конституционный Суд подтвердил, что в определенных случаях адвокат вправе раскрыть сведения, составляющие адвокатскую тайну, для защиты своих законных интересов, в частности при рассмотрении гражданского спора с доверителем [4].

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на совершенствование правовых механизмов защиты адвокатов от неправомерных действий доверителей. Данные предложения основываются на выявленных пробелах в правовом регулировании, анализе судебной и дисциплинарной практики, а также на изучении зарубежного опыта.

Во-первых, целесообразно закрепить в Законе об адвокатуре права адвоката на отказ от исполнения поручения при существенном нарушении доверителем условий соглашения об оплате юридической помощи [1]. Редакция подпункта 6 пункта 4 статьи 6 Закона об адвокатуре содержит безусловный запрет отказа от принятой на себя защиты, что, как было показано выше, создает предпосылки для злоупотреблений со стороны доверителей. Введение обусловленного права на отказ по аналогии с пунктом 2 статьи 328 ГК РФ (встречное исполнение обязательств) позволило бы обеспечить баланс интересов сторон соглашения [3].

Во-вторых, необходимо ввести в КПЭА нормы, предусматривающей ответственность доверителя за подачу заведомо ложной жалобы [2]. Эта норма могла бы включать механизм компенсации адвокату расходов, понесенных в связи с участием в дисциплинарном производстве, а также установление временного запрета на повторное обращение с жалобой по аналогичным основаниям. Подобный механизм существует в ряде зарубежных юрисдикций, в частности в Великобритании и США, где дисциплинарные органы вправе отклонить явно необоснованные жалобы на ранней стадии и применить санкции к заявителю [12, 215].

В-третьих, целесообразна разработка типового соглашения об оказании юридической помощи, утверждаемого Советом Федеральной палаты адвокатов, содержащего детальные положения об обязанностях доверителя, основаниях и порядке расторжения соглашения, а также механизмах обеспечения исполнения обязательств по оплате гонорара. Принятое 18 июня 2024 г. решением Совета Федеральной палаты адвокатов «Положение о порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов» является важным шагом в данном направлении, однако оно не содержит норм, непосредственно регулирующих защиту адвокатов от действий доверителей [6].

В-четвертых, необходимо совершенствование механизма защиты деловой репутации адвоката в сети «Интернет». Предлагается установить в Законе об адвокатуре ряд специальных положений о защите профессиональной репутации адвоката, предусматривающих упрощенный порядок удаления не соответствующих действительности сведений с интернет-ресурсов, а также повышенный размер компенсации за распространение заведомо ложных сведений о профессиональной деятельности адвоката [11, 62].

Наконец, заслуживает внимания вопрос о введении института обязательного страхования профессиональной ответственности адвоката, который, с одной стороны, обеспечит защиту интересов доверителей, а с другой – снизит финансовые риски адвокатов, связанные с необоснованными претензиями клиентов. Подобный институт успешно функционирует в Германии (обязательное страхование в соответствии с § 51 BRAO), Франции (обязательное страхование гражданской ответственности адвокатов) и ряде других европейских государств [13, 238].

Заключение

Исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Защита прав адвокатов от неправомерных действий доверителей представляет собой комплексную проблему, затрагивающую сферы гражданского, уголовного и процессуального права, а также нормы профессиональной этики. Выявленная типология нарушений включает неисполнение договорных обязательств по оплате, подачу необоснованных жалоб в дисциплинарные органы, распространение недостоверных сведений о деятельности адвоката и разглашение конфиденциальной информации.

Анализ законодательства и правоприменительной практики показывает недостаточную эффективность существующих механизмов защиты.

Безусловный запрет отказа адвоката от принятой на себя защиты, отсутствие механизма противодействия необоснованным жалобам, сложности защиты деловой репутации в цифровой среде, а также отсутствие права удержания документов клиента до оплаты гонорара создают объективные предпосылки для злоупотреблений со стороны недобросовестных доверителей.

Сравнительно-правовой анализ показал, что в зарубежных правовых системах (Англии, США, Германии, Франции) сформированы более сбалансированные системы правовой защиты адвокатов, включающие институты удержания, обязательного страхования профессиональной ответственности и механизмы оперативного пресечения злоупотреблений клиентов. Заимствование отдельных элементов данных систем с учетом особенностей российского правового порядка представляется обоснованным и целесообразным.

Практическая значимость результатов исследования состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства: введении обусловленного права адвоката на отказ от поручения при существенном нарушении обязательств доверителем; установлении ответственности за подачу заведомо ложных жалоб; разработке типового соглашения; совершенствовании механизмов защиты репутации в цифровой среде; введении института обязательного страхования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом дисциплинарной практики адвокатских палат субъектов Российской Федерации по рассмотрению жалоб доверителей, эмпирическим исследованием масштабов и характера нарушений прав адвокатов, а также разработкой модельных нормативных актов, направленных на обеспечение баланса интересов адвокатов и их доверителей в условиях цифровой трансформации юридической деятельности.

Список источников

1. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.
2. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2022 № 49-П «По делу о проверке

конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431176/.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28055/.

6. Положение «О порядке осуществления защиты профессиональных прав адвокатов» (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 18.06.2024, протокол № 14) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478987/.

7. Вайпан В.А. Настольная книга адвоката: постатейный комментарий к Федеральному закону об адвокатской деятельности и адвокатуре, нормативно-методические материалы. М.: Юстицинформ, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/103806>.

8. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003486955/.

9. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005567449/.

10. Володина С.И. Наука об адвокатуре: практические выводы и предложения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-ob-advokature-prakticheskie-vyvody-i-predlozheniya>.

11. Мельниченко Р.Г. Три тенденции адвокатского нормотворчества в поправках 2017 г. // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-tendentsii-advokatskogo-normotvorchestva-v-popravkah-2017-g>.

12. Hazard G.C., Hodes W.W., Jarvis P.R. The Law and Ethics of Lawyering. New York: Aspen Publishers, 2019.

13. Henssler M., Prütting H. Anwaltliches Berufsrecht: Handbuch. München: C.H. Beck, 2020.

4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10.11.2022 № 49-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca vtorogo punkta 3 stat'i 17 Federal'nogo zakona Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina S.G. Shalavina» [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431176/.

5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.07.2000 № 128-O «Po zhalobe grazhdanina Parshutkina Viktora Vasil'evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav i svobod punktom 1 chasti vtoroj stat'i 72 UPK RSFSR i stat'yami 15 i 16 Polozheniya ob advokature RSFSR» [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28055/.

6. Polozhenie «O poryadke osushhestvleniya zashhity` professional'ny`x prav advokatov» (utv. Resheniem Soveta Federal'noj palaty` advokatov ot 18.06.2024, protokol № 14) [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478987/.

7. Vajpan V.A. Nastol'naya kniga advokata: postatejny`j kommentarij k Federal'nomu zakonu ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature, normativno-metodicheskie materialy`. M.: Yusticininform, 2006. [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/103806>.

8. Pilipenko Yu.S. Advokatskaya tajna: teoriya i praktika realizacii: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2009. [E'lektronny`j resurs]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003486955/.

9. Ragulin A.V. Professional'ny`e prava advokata-zashhitnika v Rossijskoj Federacii: voprosy` teorii i praktiki: avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2015. [E'lektronny`j resurs]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005567449/.

10. Volodina S.I. Nauka ob advokature: prakticheskie vyvody` i predlozheniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2014. № 1 [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-ob-advokature-prakticheskie-vyvody-i-predlozheniya>.

11. Mel'nichenko R.G. Tri tendencii advokatskogo normotvorchestva v popravkax 2017 g. // Evrazijskaya advokatura. 2017. № 5 (30) [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-tendentsii-advokatskogo-normotvorchestva-v-popravkah-2017-g>.

12. Hazard G.C., Hodes W.W., Jarvis P.R. The Law and Ethics of Lawyering. New York: Aspen Publishers, 2019.

13. Henssler M., Prütting H. Anwaltliches Berufsrecht: Handbuch. München: C.H. Beck, 2020.

References

1. Federal'ny`j zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatel'nosti i advokature v Rossijskoj Federacii» [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/.

2. Kodeks professional'noj e'tiki advokata (prinyat I Vserossijskim s`ezdom advokatov 31.01.2003) [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44841/.

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii [E'lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

*Статья поступила в редакцию 16.04.26;
одобрена после рецензирования 20.04.26;
принята к публикации 20.04.26.*

*The article was submitted 16.04.26;
approved after reviewing 20.04.26;
accepted for publication 20.04.26.*

Научная статья
УДК 347.965
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_85

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РИСКА И СПЕЦИФИКА ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АБРАМКИНА Ксения Сергеевна

Аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируются основные подходы к пониманию риска в юридической деятельности, на основании чего делается вывод о недостаточности традиционного вероятностного понимания риска. Риск в юридической деятельности предлагается рассматривать как интегративную категорию, включающую объективную неопределенность, субъективное восприятие профессионала и вероятностный характер последствий. Автором предлагается модель анализа риска через соотношение трех элементов: угроз, уязвимости и возможностей, позволяющая комплексно исследовать условия формирования риска и создавать механизмы его минимизации в адвокатской деятельности.

Ключевые слова: правовая природа риска, риск в юридической деятельности, риск в адвокатской деятельности, профессиональный риск адвоката

Для цитирования: Абрамкина К.С. Правовая природа риска и специфика его проявления в адвокатской деятельности // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 85. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_85

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

THE LEGAL NATURE OF RISK AND THE SPECIFIC FEATURES OF ITS MANIFESTATION IN ADVOCACY

ABRAMKINA Ksenia Sergeevna

Postgraduate Student of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law of the Moscow State Law University
123001, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the main approaches to understanding risk in legal practice, on the basis of which it concludes that the traditional probabilistic understanding of risk is insufficient. Risk in legal practice is proposed to be considered as an integrative category that includes objective uncertainty, the subjective perception of the professional, and the probabilistic nature of consequences. The author proposes a model for risk analysis through the correlation of three elements: threats, vulnerability, and opportunities, which allows for a comprehensive study of the conditions for risk formation and the creation of mechanisms for its minimization in advocacy.

Keywords: legal nature of risk, risk in legal practice, risk in advocacy, professional risk of a lawyer

For citation: Abramkina K.S. The Legal Nature of Risk and the Specific Features of its Manifestation in Advocacy = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):85. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_85

В современных условиях проблема риска в праве приобретает особую актуальность, что обусловлено усложнением общественных отношений, а также изменением характера правоприменительной деятельности. Указанные процессы требуют более детального теоретического осмысления риска как междисциплинарного феномена.

Риск является неотъемлемым элементом любой профессиональной деятельности, осуществляемой в условиях неопределенности.

В юридической сфере это проявляется наиболее отчетливо, поскольку принимаемые решения непосредственно затрагивают права и законные интересы граждан, а также иных участников правоотношений. Правоприменение осуществляется в условиях многообразия обстоятельств и неоднозначности их правовой оценки, что предопределяет вероятность наступления различных последствий, в том числе неблагоприятных и трудно прогнозируемых.

Специфика юридической деятельности также обуславливает и особенности проявления риска. Он выражается не только в возможности наступления неблагоприятного результата, но и в необходимости выбора между несколькими вариантами поведения в условиях ограниченности информации. В связи с этим риск может рассматриваться как форма проявления неопределенности в праве, отражающая сложность процесса соотношения правовой нормы с конкретной жизненной ситуацией.

При этом риск в юридической сфере определяется не только воздействием внешних факторов, но и в значительной степени зависит от особенностей деятельности субъекта правоприменения. Так, оценка фактических обстоятельств дела, толкование правовых норм и выбор правовой позиции неизбежно связаны с вероятностным характером возможного результата.

Понятие риска носит междисциплинарный характер: оно активно используется в социологии, экономике, управлении, юриспруденции, медицине, биологии и других науках. Каждая из указанных дисциплин формулирует собственное представление о риске, опираясь на специфику своего предмета исследования. В то же время необходимо учитывать, что данное многообразие подходов затрудняет выработку единого понятия, универсального для всех отраслей знания и практики. Это, в свою очередь, порождает трудности в правовом закреплении понятия риска и его разновидностей. Формирование междисциплинарного подхода к риску является результатом длительного исторического развития научного знания, в ходе которого происходило постепенное усложнение представлений о данном явлении и расширение сфер его применения.

В общей теории права единое представление о риске как об общеправовом институте не сформировалось. При этом в научной литературе широко используется подход, согласно которому риск в правовом значении понимается как вероятность наступления события либо совершения действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и способных причинить ущерб регулируемой сфере [5, 16].

В этой связи представляется целесообразным обратиться к анализу научных подходов к пониманию риска в юридической деятельности, а также рассмотреть особенности его реализации в сфере правоприменения.

Ряд работ в современной литературе посвящен исследованию рисков, возникающих в процессе осуществления юридической деятельности.

Например, в своих работах В.В. Мамчун делает вывод о том, что «риск в юридической деятельности выступает способом снятия неопределенности, трансформации ее в определенность» [6, 248].

Автор рассматривает управление рисками через их выявление, анализ, ранжирование факторов риска, определение главных факторов, роль которых является решающей для разрешения ситуаций риска, делая вывод о том, что управление риском представляет собой воздействие на факторы риска.

В научной литературе преобладает позиция, согласно которой риск в юридической практике представляет собой отражение юридического статуса субъектов, обусловленное влиянием факторов, создающих риски. Этот риск носит вероятностный характер: он возникает в процессе сопоставления запланированных целей с фактически достигнутыми результатами профессиональной деятельности юриста. При этом риск может привести к юридически значимым последствиям либо остаться на уровне потенциальной угрозы, не реализовавшись в конкретной форме.

Проблематика риска в юридической деятельности наиболее последовательно рассматривается в уголовно-правовой литературе. Несмотря на это, единого подхода к определению риска в научной литературе нет. Одни авторы считают, что предметом регулирования уголовно-правовых норм должен стать только профессиональный риск (А.А. Пионтковский, М.Д. Шаргородский, В.В. Бабурин), другие придерживаются позиции, согласно которой право на риск имеет каждый (М.С. Гринберг, В.Н. Кудрявцев, Г.В. Овчинникова) [4, 31].

Проблема риска изучалась также и в криминалистической науке, следственной практике, сквозь призму криминалистического риска. Так, Р.С. Белкин определяет тактический риск как «возможность наступления отрицательного результата или отрицательных последствий при производстве следственных действий» и отмечает, что «риск должен учитываться при принятии тактического решения» [3, 132].

С правовой точки зрения риск характеризуется как форма человеческой деятельности, связанная с объективно существующей, поддающейся в определенных пределах оценке и волевому регулированию вероятностью наступления негативных последствий для субъектов правоотношений. Указанные последствия обусловлены реализацией неблагоприятных событий, возникновение которых закономерно связано с совокупностью предшествующих условий – факторами риска.

Примером комплексного подхода к пониманию риска могут служить работы Д. Карлсона и Э. Бейна, в которых рассматриваются особенности профессиональной деятельности юристов, врачей и социальных работников. Авторы предлагают рассматривать риск как явление, включающее в себя три взаимосвязанных элемента: вероятность наступления события, тяжесть возможных последствий и степень неопределенности. Последняя, по их мнению, обусловлена отсутствием или недостаточностью ресурсов, необходимых для анализа рисков, включая дефицит информации, ограниченность времени и иные обстоятельства, препятствующие полноценному прогнозированию [7, 50].

Особую значимость данным исследованиям придает предпринятая авторами попытка включить в традиционную модель оценки вероятности наступления риска дополнительную переменную, отражающую уровень ресурсного обеспечения специалиста. Речь идет о признании того факта, что способность профессионала управлять рисками во многом определяется его доступом к необходимым инструментам – информационным, временным, организационным и иным.

В то же время следует отметить и ограниченность предложенного подхода, поскольку индивид трактуется как рационально мыслящий субъект, находящийся в зависимости от экспертного знания и действующий исключительно в соответствии с установленными нормами. Такой подход недостаточно учитывает влияние субъективных факторов, эмоционального состояния, особенностей профессиональной среды и иных обстоятельств, способных влиять на поведение специалиста в условиях риска.

В отличие от уголовно-правовой и криминалистической наук, где проблематика риска получила детальную разработку, в частноправовой сфере этот вопрос исследован в значительно меньшей степени. Это обусловлено как особенностями предмета правового регулирования, так и спецификой частноправовых отношений, основанных на автономии воли субъектов и диспозитивном характере правового регулирования.

В частноправовой сфере риск выступает как элемент поведения участников гражданского оборота, связанный с принятием решений в условиях неопределенности и направленный на достижение определенного правового и экономического результата. При этом характерной особенностью частноправового риска является его тесная связь с категорией интереса, поскольку выбор варианта поведения субъектом обусловлен стремлением к

получению определенной выгоды либо предотвращению неблагоприятных последствий.

В научной литературе высказывается позиция, согласно которой риск в частноправовых отношениях может рассматриваться как правовое состояние субъекта, возникающее в условиях неопределенности и связанное с вероятностью наступления неблагоприятных последствий в результате реализации выбранной модели поведения [1, С. 78]. Такое состояние зависит от объективных условий деятельности, а также от субъективных факторов: например, уровня осведомленности или профессиональной подготовки.

В гражданском праве риск может проявляться в различных формах, например, как риск случайной гибели имущества, риск наступления неблагоприятных последствий вследствие ненадлежащего исполнения обязательств, или как риск, связанный с осуществлением предпринимательской деятельности. При этом риск не всегда носит негативный характер, а является лишь необходимым условием осуществления деятельности, направленной на получение желаемого результата.

Ряд научных исследований посвящен существующим профессиональным рискам непосредственно в адвокатской деятельности. Например, М.О. Баев проводит анализ различных рисков в деятельности адвоката-защитника по уголовным делам, делая вывод о том, что риск является неизбежным элементом деятельности адвоката. По мнению автора, избежать необходимости принятия рискованных решений при осуществлении профессиональной защиты невозможно. Учитывая, что адвокатская деятельность практически всегда осуществляется в условиях противодействия со стороны лиц и организаций, противостоящих защитнику при реализации им своей профессиональной функции, можно сделать вывод: чем острее конфликтность интересов процессуальных противников, тем выше риск. Определить понятие риска, возникающего при осуществлении профессиональной защиты от уголовного преследования, возможно лишь путем анализа причин и оснований его возникновения, общих условий и конкретных ситуаций его существования, а также путей его преодоления или минимизации [2, С. 219].

М.О. Баев приходит к выводу о необходимости применения принципа минимизации тактического риска при принятии тактически значимых решений и совершении соответствующих действий в целях обеспечения максимально гарантированного объективно и (или) субъективно выгодного результата защитной деятельности.

Проведенный анализ существующих в научной литературе подходов к пониманию риска позволяет сделать вывод о том, что риск является неотъемлемым элементом юридической деятельности и обусловлен ее осуществлением в условиях неопределенности, многообразием фактических обстоятельств и необходимостью принятия решений, способных повлечь юридически значимые последствия.

В юридической науке риск рассматривается в рамках различных подходов к его пониманию. В зависимости от исследовательской позиции риск рассматривается либо как вероятность наступления неблагоприятных последствий, либо как характеристика поведения субъекта, осуществляющего выбор в условиях неопределенности. Наряду с этим в научной литературе представлен и комплексный подход, в рамках которого риск понимается как явление, сочетающее объективные условия и субъективные решения участников правоотношений.

Важно отметить, что категория риска в юридической деятельности в настоящее время существует не только как научная концепция, но и находит свое отражение в законодательстве.

Законодатель достаточно активно использует категорию риска в качестве самостоятельной правовой конструкции применительно к различным сферам правового регулирования. Так, в гражданском законодательстве закреплены положения о риске случайной гибели имущества, предпринимательском риске, а также о распределении рисков между участниками обязательственных правоотношений. Помимо гражданско-правовой сферы, категория риска используется в налоговом и бюджетном законодательстве, где применяются такие понятия, как «риск-ориентированный подход», «профессиональный риск», «налоговые риски».

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в современном праве риск рассматривается как инструмент, позволяющий учитывать неопределенность, распределять неблагоприятные последствия и определять пределы ответственности участников правоотношений.

Категория риска закреплена и непосредственно в законодательстве об адвокатской деятельности. Статья 19 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает страхование риска профессиональной имущественной ответственности адвоката. Несмотря на то, что обязательность страхования в настоящее время приостановлена, сам факт использования

законодателем конструкции «риск профессиональной ответственности адвоката» подтверждает, что риск признается неотъемлемым элементом адвокатской деятельности.

Представляется, что риск в юридической сфере не может быть сведен исключительно к вероятности наступления неблагоприятных последствий либо к характеристике поведения субъекта. Он представляет собой сложную категорию, формирующуюся в условиях неопределенности и отражающую как объективные условия осуществления деятельности, так и субъективные решения участников правоотношений. В связи с этим риск следует рассматривать как неотъемлемый элемент юридической деятельности, результат которой зависит от множества факторов, выходящих за рамки формального правового регулирования.

С учетом вышеизложенного, риск в юридической деятельности целесообразно рассматривать как интегративную категорию, включающую в себя три взаимосвязанных компонента: объективную неопределенность правовой ситуации; субъективное восприятие этой неопределенности профессионалом, а также вероятностный характер наступления юридически значимых последствий. Такой подход позволяет не только сохранить связь с традиционным вероятностным пониманием риска, но и учесть личностный и ситуативный аспекты.

Наиболее отчетливо указанные составляющие проявляются в адвокатской деятельности, осуществляемой в условиях конфликта интересов, процессуального противодействия и повышенной профессиональной ответственности. Именно эти обстоятельства позволяют рассматривать адвокатскую деятельность как самостоятельную сферу проявления риска.

В этой связи представляется необходимым обратиться к анализу элементов, определяющих механизм формирования и реализации риска в адвокатской деятельности. К числу таких элементов можно отнести угрозы, уязвимость и возможности, совокупность которых позволяет оценить степень подверженности адвоката неблагоприятным последствиям при осуществлении профессиональной деятельности.

Под угрозами понимается совокупность внешних воздействий, указывающих на вероятность причинения вреда. Следует отметить, что угроза не тождественна риску. Она представляет собой предпосылку, сигнал опасности, в то время как риск – это потенциальный вред, который может быть причинен при реализации соответствующей угрозы.

Уязвимость представляет собой наличие факторов, усиливающих восприимчивость адвоката к воздействию угроз. Такая восприимчивость может быть обусловлена как внешними обстоятельствами, например, недостаточной поддержкой со стороны адвокатского сообщества, правовой неопределенностью, так и субъективными характеристиками адвоката, такими как отсутствие опыта или психологическое выгорание. Уязвимость носит динамический характер и варьируется в зависимости от личности адвоката, специфики выполняемых им поручений, а также особенностей социального и политического контекста.

Под возможностями понимается совокупность доступных ресурсов, стратегий и механизмов, позволяющих минимизировать влияние угроз и компенсировать уязвимость адвоката. К числу таких ресурсов можно отнести участие в профессиональных объединениях, наличие нормативно закрепленных гарантий адвокатской деятельности, страхование профессиональной ответственности, уровень профессиональной подготовки и имеющийся опыт.

Соотношение указанных элементов позволяет сделать вывод о том, что степень риска в адвокатской деятельности определяется совокупностью взаимосвязанных обстоятельств. При этом интенсивность и характер существующих угроз, уровень уязвимости адвоката, а также объем доступных ему механизмов защиты находятся в постоянной взаимосвязи и оказывают непосредственное влияние на вероятность наступления неблагоприятных последствий.

Увеличение количества угроз и факторов уязвимости адвоката при недостаточности возможностей для предотвращения негативных последствий приводит к возрастанию степени риска в адвокатской деятельности. Напротив, наличие у адвоката достаточного уровня профессиональной подготовки, а также гарантий осуществления адвокатской деятельности в целом позволит снизить его подверженность неблагоприятным последствиям.

Таким образом, риск в адвокатской деятельности можно рассматривать как динамическую категорию, уровень которой определяется соотношением угроз, уязвимостей и возможностей для их предотвращения. Перечисленные элементы находятся между собой в неразрывной взаимосвязи и влияют на вероятность наступления неблагоприятных последствий в процессе осуществления адвокатской деятельности.

Предложенный подход позволяет перейти от абстрактного понимания риска как вероятности

наступления негативного результата к его комплексному анализу. Представляется, что рассмотрение риска через соотношение угроз, уязвимости и возможностей более полно раскрывает его специфику в юридической деятельности.

Список источников

1. Аламова С.М., Гайнутдинова А.Р. Правовые риски в современной правоприменительной деятельности: общетеоретические проблемы // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 77–81.
2. Баев М.О. Риск в деятельности защитника в уголовном судопроизводстве // Вестник ВГУ. 2019. № 4. С. 212–219.
3. Белкин Р.С. Тактическое решение // Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 104–136.
4. Дятлова Е.Ю. Основные подходы к понятию профессионального риска в праве: исторический аспект // Аграрное и земельное право. 2020. № 11. С. 30–32.
5. Зайцев В.В. Управление рисками в адвокатском образовании: монография. М., 2025. 175 с.
6. Мамчун В.В. Риск в юридической деятельности: сущность и детерминация // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 243–248.
7. Соломин М.С. Профессиональный риск: от реализма к конструктивизму // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 44–54.

References

1. Alamova S.M., Gajnutdinova A.R. Pravovy`e riski v sovremennoj pravoprimeritel`noj deyatel`nosti: obshheteoreticheskie problemy` // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. 2020. № 4. S. 77–81.
2. Baev M.O. Risk v deyatel`nosti zashhitnika v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik VGU. 2019. № 4. S. 212–219.
3. Belkin R.S. Takticheskoe reshenie // Kriminalistika: problemy`, tendencii, perspektivy`. Ot teorii – k praktike. M., 1988. S. 104–136.
4. Dyatlova E.Yu. Osnovny`e podxody` k ponyatiyu professional`nogo riska v prave: istoricheskij aspekt // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2020. № 11. S. 30–32.
5. Zajcev V.V. Upravlenie riskami v advokatskom obrazovanii: monografiya. M., 2025. 175 s.
6. Mamchun V.V. Risk v yuridicheskoy deyatel`nosti: sushhnost` i determinaciya // Yuridicheskaya texnika. 2019. № 13. S. 243–248.
7. Solomin M.S. Professional`ny`j risk: ot realizma k konstruktivizmu // Sociologicheskie issledovaniya. 2019. № 5. S. 44–54.

*Статья поступила в редакцию 17.05.26;
одобрена после рецензирования 22.05.26;
принята к публикации 22.05.26.*

*The article was submitted 17.05.26;
approved after reviewing 22.05.26;
accepted for publication 22.05.26.*

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 90.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):90.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья

УДК 343.14

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_90

ИНФОРМАЦИЯ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЛИ СВЕДЕНИЯ

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич

Доктор юридических наук, профессор, профессор Института права Уфимского университета науки и технологий, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева
450076, г. Уфа, ул. З. Валиди, д. 32, Российская Федерация
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируется понятие информации по уголовному делу. Дается классификация информации, содержащейся в материалах уголовного дела. Особое внимание уделено информации стороны защиты, которая имеет равноправное значение с другими видами информации. Сравниваются понятия информации и понятие доказательств, когда общее понятие информации носит доминирующее значение как вытекающее из природы отражения материального и социального мира.

Ключевые слова: адвокат, доказательства, доказывание, информация, оценка доказательств, следствие, уголовное дело

Для цитирования: Халиков А.Н. Информация стороны защиты по уголовному делу: доказательства или сведения // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 90. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_90

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

INFORMATION FROM THE DEFENSE IN A CRIMINAL CASE: EVIDENCE OR INFORMATION

KHALIKOV Aslam Nailevich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
450076, Ufa, Z. Validi str., 32, Russian Federation
125080, Moscow, Vrubel str., 12, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the concept of information on a criminal case. The classification of the information contained in the materials of the criminal case is given. Special attention is paid to information from the side of the defense, which has equal importance with other types of information. The concept of information and the concept of evidence are compared, when the general concept of information has a dominant meaning as arising from the nature of the reflection of the material and social world.

Keywords: lawyer, evidence, information, evaluation of evidence, investigator, criminal case

For citation: Khalikov A.N. Information from the Defense in a Criminal Case: Evidence or Information = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):90. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_90

Содержание уголовного дела является информацией. Причем мы берем понятие информации в самом широком смысле, как оно сформулировано в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления». Однако процессуальные особенности информации в уголовном судопроизводстве, что практически означает в уголовном

деле, требуют ее классификации на несколько видов. Это, во-первых, доказательственная информация; во-вторых, оперативно-розыскная информация; в-третьих, это общеизвестная информация из справочников, нормативных актов, средств массовой информации и т.д. И, наконец, четвертый вид информации – это все иные сведения, имеющиеся в уголовном деле. Все перечисленные четыре вида информации формируются по инициативе следователя с целью уголовного

преследования обвиняемого и доказывания его вины.

Из этого следует, что в изложенной классификации информации, имеющейся в уголовном деле, каждый ее вид направлен на формирование доказательств против подозреваемого или обвиняемого. Если детально разбирать каждый вид информации, то мы видим следующее:

1) информация в виде доказательств исходит из их перечня, регламентированного ч. 2 ст. 74 УПК РФ, где форма и содержание каждого доказательства системно формируют доказывание обвинения в отношении лица, привлекаемого в качестве обвиняемого по уголовному делу;

2) информация в виде результатов оперативно-розыскной деятельности, представленная в надлежащем порядке органам расследования, в силу ст. 89 УПК РФ также в большинстве случаев трансформируется непосредственно или опосредованно в доказательства наравне с процессуальными доказательствами;

3) общеизвестные сведения в виде доступной и достоверной информации также укрепляют доказательственную базу или систему доказывания, формируемую следователем из различных источников с тем, чтобы эти сведения не противоречили другим доказательствам по уголовному делу;

4) иные сведения, в отличие от трех предыдущих видов информации, вообще не регламентированы законом и иными нормативными актами, и их приобщение к уголовному делу зависит только от следователя. Понятно, что следователь только в том случае воспользуется любой другой информацией, если она также будет оптимально находиться в общей системе доказывания виновности лица по уголовному делу.

Из данного перечня следует, что информация по уголовному делу формируется по инициативе следователя и все перечисленные четыре вида информации стремятся к трансформированию в статус доказательств, причем только в направлении обвинения. Одним из главных условий наличия перечисленных видов информации в качестве доказательств будет признание обвиняемым своей вины в совершении преступления, что также является доказательством, или, как его называют «царицей доказательств». В таком ракурсе и другие доказательства, и все сведения в системе уголовного дела ложатся в одну канву доказывания виновности лица, которое своим признанием фактически уже все доказало по всем обстоятельствам расследуемого преступления.

Однако представленная схема системы доказательств в уголовном деле, если не будет при-

знания обвиняемого в совершении преступления или будут другие препятствия по доказыванию его виновности, по сути, исключает еще один вид или пятую группу информации – это информацию стороны защиты. То есть информацию, которая в определенной части или полностью может противоречить всем четырем изложенным видам доказывания стороны обвинения.

Разумеется, в стандартной ситуации предъявленного обвинения по уголовному делу ни один следователь не желает иметь пятый вид информации, который особо не рассматривают в статусе доказательств стороны защиты, а больше стараются называть сведениями, «полученными данными» и т.д. В то же время это в первую очередь информация, которая существует наравне с другими видами информации по уголовному делу. И положения уголовного процесса в силу их публичности, законности и состязательности, предполагают, что в уголовном деле должна находиться информация, направленная на защиту обвиняемого в самых различных формах. И, как правило, инициатором ввода такой информации в уголовное дело, ее дальнейшего приобщения и проверки является в основном только адвокат.

И как бы не мешала данная информация следователю или прокурору, а иногда даже суду, однако подобная информация стороны защиты по уголовному делу основывается на совокупности уголовно-процессуальных норм, которые органы предварительного расследования обязаны исполнять. В первую очередь информация стороны защиты регламентирована принципом состязательности и равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ), что относится к уголовному процессу в целом, а не только к стадии судебного производства. И, следовательно, адвокат, в соотношении с органами следствия, должен иметь равные возможности по предоставлению в уголовное дело информации защиты, начиная со стадии досудебного производства.

Далее адвокат, в силу ч. ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ, вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций.

На основе собранных адвокатом доказательств и в силу ст. 159 УПК РФ адвокату, как и другим участникам процесса, на стадии досудебного производства не может быть отказано в допросе

свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых ходатайствует сторона защиты, имеют значение для данного уголовного дела. Скажем прямо, вряд ли адвокат будет требовать приобщения к материалам уголовного дела материалов, не имеющих значения или не относимых к расследуемому делу. Скорее речь идет о материалах, не имеющих значения или противоречащих обвинению лица в совершении преступления, когда следователи в большинстве случаев отказывают адвокатам в приобщении таких материалов на основании весьма широкого ими толкования ст. 159 УПК РФ. Иными словами следователю невыгодно иметь контрдоказательства обвинения, и он под любым предлогом, как правило, старается отказать в таком ходатайстве.

В это смысле следует признать неудачной конструкцию ст. 159 УПК РФ, которая позволяет следователю под различными предлогами отказать в удовлетворении ходатайства о приобщении к уголовному делу информации или доказательств стороны защиты. На наш взгляд, было бы уместным иметь процессуальный порядок обязательного приобщения следователем в уголовное дело всех документов и иных доказательств защиты в силу реализации принципа состязательности. В то же время, если следователь не будет согласен с доводами адвоката о приобщении материалов защиты к уголовному делу, то следовало бы именно следователю предоставить возможность обжалования в суд действий адвоката с целью отказать последнему в приобщении предоставляемых материалов в уголовное дело. Такой порядок «в обратную сторону» создал бы реальное равноправие действий стороны обвинения и действий стороны защиты по равноправному сборанию и приобщению всесторонней информации по уголовному делу.

Еще одной из серьезнейших проблем теории уголовно-процессуального доказывания является коллизия по правовой интерпретации информации по уголовному делу, представляемой адвокатом в ее различных формах: формах: результатах опросов, документах, заключениях специалистов, предоставляемых предметах и др. Спрашивается, при сборании перечисленных и иных материалов в качестве информации они будут сведениями или доказательствами по уголовному делу?

Исходя из названия ст. 86 УПК РФ как «Собирание доказательств», адвокат своими вышеуказанными действиями ищет и собирает именно

доказательства для предоставления их в материалы уголовного дела. И далее законодатель в тексте ч. 3 ст. 86 УПК РФ определяет: «Защитник вправе собирать доказательства...». То есть в данном случае уголовно-процессуальный закон без каких-либо условий и интерпретаций, устанавливает, что информация, собираемая адвокатом и предоставляемая следователю, имеет статус доказательств. Причем здесь заметим, что даже результаты оперативно-розыскной деятельности в ст. 89 УПК РФ, не имеют полного регламентирования в качестве доказательств и, более того, запрещены для использования в качестве доказательств, если они не отвечают требованиям УПК РФ. В отношении доказательств, собираемых адвокатом, такого правила, устанавливаемого ст. 89 УПК РФ, нет. В этом случае сведения, собранные адвокатом и представленные в надлежащем порядке органам предварительного расследования имеют уровень процессуальных доказательств со стороны защиты как первая стадия доказывания в виде собирания доказательств с необходимостью их дальнейшей проверки и оценки следователем и судом.

Отсюда, на наш взгляд, ст. 159 УПК РФ, которая предполагает возможность, а в следственной практике – будем прямо говорить, – необходимость, частого неприобщения доказательств защиты в уголовное дело. Но из этого следует, что информация стороны защиты в уголовное дело должна входить беспрекословно, без ходатайств, спорных моментов и иных препятствий.

В этом отношении одним из философских определений понятия информации означает, что «информация – есть выбор одного (или нескольких) сигналов, параметров, вариантов, альтернатив и т.п., из многих возможных, и этот выбор должен быть запомнен... С теоретико-информационной точки зрения – это некое идеальное сообщение, уменьшающее или полностью исключающее неопределенность в выборе одной из нескольких возможных альтернатив» [1]. Иными словами, информация есть выбор лица, получающего ее, а следовательно администратор информационного поля, то есть в данном случае следователь, может сделать выбор получения или не получения указанной информации, а значит исключения или не исключения ее из материалов уголовного дела.

Анализируя взаимоотношение информации и доказательств А.В. Смолин описывает поэтапный процесс преобразование следов в информацию, а затем в доказательство, утверждая, что «рождение» доказательств следует рассматривать как результат преобразования информации. Оно

не происходит исключительно на этапе соби- рания, а включает его проверку и оценку. С содер- жательной стороны создание доказательства не ограничивается только помещением информа- ции в уголовно-процессуальную оболочку, а на- оборот, на первое место выходит познавательная деятельность субъектов доказывания, интерпре- тация доказательственной информации в соот- ветствии с элементами предмета доказывания. Созданием доказательства процесс преображе- ния информации не останавливается [2]. В то же время А.В. Смолин допускает, что сторона защи- ты может формировать свои защитные версии, тем самым предоставляя свой альтернативный доказательственный факт [3].

А.Г. Русаков пишет о концепции унифика- ции доказательств в российском судопроизвод- стве, куда он относит систему унифицированных (универсальных) судебных доказательств с их общими свойствами: объективность, познавае- мость, проверяемость и детерминизм (т.е. связь с основой, преемственность) [4]. В.М. Козел также пишет о системе доказывания в суде, предлагая расширить полномочия судов апелляционной и кассационной инстанций по сбору доказательств [5]. Однако оба автора, рассматривая понятие информации в широком значении, в ее универ- сальности, не включают доказательства защиты в систему унификации как на следствии, так и на судебной стадии, что противоречит системному пониманию как информации, так и доказательств в уголовном процессе. Причем, многие другие авторы, анализируя понятие информации и до- казательств в уголовном процессе также не берут во внимание информацию стороны защиты. На- пример, А.Н. Григорьев, рассуждая о проблеме получения информации при расследовании уго- ловного дела из других источников, не говорит об информации со стороны представителей защиты [6].

В этом отношении весьма популярен термин «криминалистически значимая информация», что относится к информации исключительно стороны обвинения [7]. При этом мы забываем, что криминалистика – это общая наука, которую нельзя монополизировать только интересами следственных и правоохранительных органов. А следовательно понятие криминалистически зна- чимой информации может относиться и к ин- формации, предоставляемых адвокатами.

В.А. Новицкий, анализируя понятие дока- зательственной информации пишет о судебных аргументах участников процесса (представителей стороны, прокурора, других представителей), в

которых аргумент – «суждение(я), посредством которого обосновывается истинность другого суждения, основание, приводимое в подтвержде- ние (доказательство) другого утверждения [8].

Переходя к определенным выводам наших суждений, отметим, что понятие информации носит в социальной среде наиболее общий харак- тер, а следовательно любая информация имеет значение для субъекта, получающего информа- цию. Отсюда иное понятие – доказательствен- ная информация или доказательства, принятые в юридической сфере, в нашем случае в уголовном процессе, носят несколько искусственный харак- тер, то есть созданный конструкциями самого че- ловека. Более того, понятие доказательств может полностью зависеть от заинтересованной государ- ственной сферы, где существуют 99% обвинитель- ных приговоров и где конституционные правила презумпции невиновности могут быть не реали- зованы в других законах и практической деятель- ности следственных органов. Соответственно, в первую очередь для лица имеет значение кате- гория информации как объективное отражение материального и социального мира, а уже затем оформление этой информации по правилам го- сударственных структур, что в нашем случае но- сит название доказательств.

Из этого следует, что информация стороны защиты, предоставленная органам следствия, должна изначально быть в статусе доказательств, но которая требует такой же процессуальной проверки и оценки, как и иные доказательства или информация, имеющаяся в уголовном деле. В определенной степени в данном случае мы уравниваем статусы информации, предоставляемой как результат оперативно-розыскной деятельно- сти и результат адвокатской деятельности, что в обоих случаях требует проверки и оценки уголов- но-процессуальным путем для рассмотрения та- кой информации в качестве доказательств. Пред- видя мнения о возможности злоупотреблений со стороны отдельных представителей защиты, от- метим, что во-первых, статус адвоката позволяет нести юридическую ответственность за процес- суальные действия [9]; во-вторых, окончательную оценку материалам или доказательствам, предо- ставляемым адвокатами, дают органы следствия и суд, что является достаточной гарантией закон- ности выносимых решений.

Список источников

1. Меркулов И.П. Информация // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.

2. Смолин А.В. Вертикаль уголовно-процессуального преобразования информации // Алтайский юридический вестник. 2021. № 4 (36).

3. Смолин А.В. Тактика и технология преобразования доказательственной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России: науч.-практ. журн. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. № 4.

4. Русаков А.Г. Криминалистически значимая информация в контексте концепции унификации доказательств // Актуальные вопросы российского уголовного судопроизводства: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Красноярск, 2026.

5. Козел В.М. О доказательственном значении информации в ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела в судебных инстанциях // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2024. Том 14. № 3.

6. Григорьев А.Н. Использование в раскрытии и расследовании преступлений информации, полученной из открытых источников // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права: сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки. М., 2019.

7. Ефремов Д.А., Финогенов Н.А. О корреляции криминалистически значимой информации с диагностикой и управлением ситуациями в следственной // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 3.

8. Новицкий В.А. Средства судебного доказывания: новый подход // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательства в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 16 окт. 2015 г. / под общ. ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб.: Петрополис, 2015.

9. Конвенция Совета Европы по защите профессии адвоката // Евразийская адвокатура. 2025. № 2 (73).

3. Smolin A.V. Taktika i tehnologiya preobrazovaniya dokazatel'svennoj informacii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii: nauch.-prakt. zhurn. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2024. № 4.

4. Rusakov A.G. Kriminalisticheski znachimaya informaciya v kontekste koncepcii unifikacii dokazatel'stv // Aktual'ny'e voprosy` rossijskogo ugovnogo sudoproizvodstva: materialy` mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnoyarsk, 2026.

5. Kozel V.M. O dokazatel'svennom znachenii informacii v xode sudebnogo razbiratel'stva pri rassmotrenii ugovnogo dela v sudebny`x instanciyax // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly`. Seriya 4. Pravovedenie. 2024. Tom 14. № 3.

6. Grigor`ev A.N. Ispol'zovanie v raskry'tii i rassledovanii prestuplenij informacii, poluchenoj iz otkry'ty`x istochnikov // Nauka i novaciya: sovremenny`e problemy` teorii i praktiki prava: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v ramkax IV Mezhdunarodnogo Festivalya nauki. M., 2019.

7. Efremov D.A., Finogenov N.A. O korrelyacii kriminalisticheski znachimoj informacii s diagnostikoj i upravleniem situacijami v sledstvennoj // Pravovaya politika i pravovaya zhizn`. 2017. № 3.

8. Noviczkiy V.A. Sredstva sudebnogo dokazy`vaniya: novy`j podxod // Problemy` realizacii norm, reguliruyushhix dokazy`vanie i dokazatel'stva v grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom sudoproizvodstve: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 16 okt. 2015 g. / pod obshh. red. L.V. Vojtovich, V.I. Kajnova. SPb.: Petropolis, 2015.

9. Konvenciya Soveta Evropy` po zashhite professii advokata // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 2 (73).

*Статья поступила в редакцию 26.05.26;
одобрена после рецензирования 29.05.26;
принята к публикации 29.05.26.*

*The article was submitted 26.05.26;
approved after reviewing 29.05.26;
accepted for publication 29.05.26.*

References

1. Merkulov I.P. Informaciya // E`nciklopediya e`pistemologii i filosofii nauki. M., 2009.

2. Smolin A.V. Vertikal` ugovno-processual'nogo preobrazovaniya informacii // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 4 (36).

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_95

ПРОВЕРОЧНЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ

ДЕМКОВА Наталья Валерьевна

Аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной деятельности Пятигорского государственного университета

357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется правовая природа проверочных действий, осуществляемых на стадии возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 144 УПК РФ. Актуальность темы определяется расширением перечня допустимых процессуальных действий на данной стадии и отсутствием единообразного понимания их доказательственного значения. Цель исследования – определение пределов допустимости проверочных действий и их соотношения со следственными действиями. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой и эмпирический методы. Проанализированы нормы уголовно-процессуального законодательства, позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, а также зарубежный опыт. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела и повышению доказательственного значения материалов доследственной проверки.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доследственная проверка, проверочные действия, следственные действия, допустимость доказательств, осмотр места происшествия, объяснения, судебная экспертиза, права участников

Для цитирования: Демкова Н.В. Проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела: правовая природа и пределы допустимости // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 95. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_95

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

VERIFICATION ACTIONS AT THE STAGE OF INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS: LEGAL NATURE AND LIMITS OF ADMISSIBILITY

DEMKOVA Natalya Valeryevna

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law Disciplines and Forensic Activities of Pyatigorsk State University
357532, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9, Russian Federation

Abstract: The article examines the legal nature of verification actions carried out at the stage of initiating criminal proceedings in accordance with Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The relevance of the topic is determined by the expansion of permissible procedural actions at this stage and the lack of a uniform understanding of their evidentiary significance. The purpose of the study is to determine the limits of admissibility of verification actions and their relationship with investigative actions. Formal-legal, comparative-legal, and empirical methods were applied. The norms of criminal procedure legislation, positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation, as well as foreign experience were analyzed. Proposals for improving the legal regulation of the stage of initiating criminal proceedings and enhancing the evidentiary value of pre-investigation materials were formulated.

Keywords: initiation of criminal proceedings, pre-investigation verification, verification actions, investigative actions, admissibility of evidence, crime scene examination, explanations, forensic examination, rights of participants

For citation: Demkova N.V. Verification Actions at the Stage of Initiating Criminal Proceedings: Legal Nature and Limits of Admissibility = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):95. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_95

Введение

Стадия возбуждения уголовного дела занимает особое место в системе уголовного судопроизводства Российской Федерации, выполняя функцию процессуального фильтра, отделяющего криминальные события от некриминальных и определяющего основание для начала предварительного расследования. Центральным элементом данной стадии является проверка сообщения о преступлении, предусмотренная статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в рамках которой осуществляется комплекс проверочных действий, направленных на установление наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела [1, 45; 3, 112].

Актуальность исследования обусловлена существенными изменениями, внесенными в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которые значительно расширили перечень процессуальных действий, допускаемых на стадии возбуждения уголовного дела. Законодатель дополнил данную стадию правом назначения судебной экспертизы, производства осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, а также получения образцов для сравнительного исследования. Эти нововведения породили ряд теоретических и практических проблем, связанных с определением правовой природы проверочных действий, их соотношением со следственными действиями и доказательственным значением получаемых результатов [4, 78; 6, 156].

Степень научной разработанности проблемы характеризуется значительным количеством работ, посвященных стадии возбуждения уголовного дела в целом. Общетеоретические вопросы данной стадии исследовались в трудах Н.В. Жогина, Ф.Н. Фаткуллина, В.М. Быкова, А.П. Рыжакова, Б.Т. Безлепкина. Проблемы, порожденные реформой 2013 года, анализировались А.В. Смирновым, К.Б. Калиновским, Л.В. Головкин, С.А. Шейфером. Вместе с тем ряд аспектов, связанных с пределами допустимости проверочных действий и обеспечением прав участников на данной стадии, требует дальнейшего исследования.

Цель настоящей статьи – комплексный анализ правовой природы проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела, определение пределов их допустимости и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования. Задачами исследования являются: анализ нормативного содержания ст. 144 УПК РФ; определение правовой природы отдельных проверочных действий; исследование проблемы

обеспечения прав участников; изучение судебной практики и зарубежного опыта.

Методологическую основу составляют общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы: формально-юридический, применявшийся при толковании норм УПК РФ; сравнительно-правовой, использованный для анализа зарубежного опыта; эмпирический, включающий изучение судебной практики и статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Правовая природа проверочных действий в контексте реформы 2013 года

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ существенно трансформировал содержание стадии возбуждения уголовного дела, фактически стерев грань между проверочными и следственными действиями. До принятия данного закона перечень допустимых действий на стадии проверки сообщения о преступлении был ограничен осмотром места происшествия (ч. 2 ст. 176 УПК РФ), осмотром трупа (ч. 4 ст. 178 УПК РФ) и освидетельствованием (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Все иные сведения могли быть получены лишь путем истребования документов, получения объяснений и производства оперативно-розыскных мероприятий [1, 48; 9, 134].

Действующая редакция части 1 статьи 144 УПК РФ предусматривает право дознавателя, органа дознания, следователя и руководителя следственного органа при проверке сообщения о преступлении: получать объяснения и образцы для сравнительного исследования; истребовать документы и предметы, изымать их в установленном порядке; назначать судебную экспертизу и участвовать в ее производстве; производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов; требовать производства документальных проверок и ревизий; привлекать к участию в них специалистов; давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий [10, 12].

Правовая природа данных действий является предметом научной дискуссии. Одни авторы (А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский) квалифицируют их как «квазиследственные действия», указывая на то, что по своему содержанию и направленности они фактически тождественны следственным действиям, производимым после возбуждения уголовного дела [7, 205]. Другие исследователи (Л.В. Головкин) рассматривают проверочные действия как самостоятельный процессуальный институт, обладающий собственной правовой

природой, отличной от следственных действий [3, 118]. Третья позиция (С.А. Шейфер) состоит в том, что проверочные действия представляют собой «усеченные» следственные действия, производство которых допускается в ограниченном объеме и с определенными процессуальными особенностями [8, 72].

Представляется обоснованной позиция, согласно которой проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела образуют самостоятельную процессуальную категорию, характеризующуюся следующими признаками: производство до возбуждения уголовного дела; ограниченный перечень допустимых действий; специфический процессуальный режим обеспечения прав участников; особый доказательственный статус полученных результатов. Данная категория занимает промежуточное положение между непроцессуальной проверочной деятельностью (истребование документов, получение объяснений) и полноценными следственными действиями [4, 82; 11, 45].

Отдельные виды проверочных действий: содержание и пределы допустимости

Осмотр места происшествия является единственным следственным действием, которое исторически было допустимо до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176 УПК РФ). Его производство на стадии проверки сообщения о преступлении обусловлено неотложным характером: промедление может повлечь утрату следов преступления, изменение обстановки или уничтожение вещественных доказательств. Процессуальный режим осмотра места происшествия на данной стадии в целом соответствует режиму, установленному для стадии предварительного расследования (статьи 176–177 УПК РФ), что обеспечивает допустимость полученных результатов в качестве доказательств [1, 52; 6, 160].

Назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела представляет собой наиболее дискуссионное нововведение реформы 2013 года. Статья 144 УПК РФ предусматривает право назначения судебной экспертизы при проверке сообщения о преступлении, однако не содержит специальных норм, регламентирующих порядок ее производства на данной стадии. Это порождает ряд проблем. Во-первых, глава 27 УПК РФ (статьи 195–207) регулирует назначение и производство экспертизы в контексте предварительного расследования, предполагая наличие уголовного дела и процессуального статуса участников. Во-вторых, статья 198 УПК РФ устанавливает права подозреваемого, обвиняемого, потерпев-

шего и свидетеля при назначении и производстве экспертизы, однако на стадии проверки указанные лица формально не обладают данным процессуальным статусом [7, 208; 8, 75].

Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений подтвердил допустимость назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. В Определении от 29 мая 2018 г. № 1259-О Конституционный Суд указал, что часть 1 статьи 144 УПК РФ не нарушает конституционные права граждан, поскольку лицам, в отношении которых производятся проверочные действия, обеспечиваются права, предусмотренные частью 1.1 статьи 144 УПК РФ, включая право пользоваться услугами адвоката, не свидетельствовать против себя и своих близких, а также приносить жалобы на действия и решения должностных лиц. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что обеспечение данных прав нередко носит формальный характер [9, 140; 12, 34].

Получение объяснений представляет собой традиционное средство проверки сообщения о преступлении, существовавшее в российском уголовном процессе задолго до реформы 2013 года. Правовая природа объяснений принципиально отличается от допроса: получение объяснений не является следственным действием, лицо, дающее объяснения, не несет уголовной ответственности за заведомо ложные показания (статья 307 УК РФ), а также за отказ от дачи показаний (статья 308 УК РФ). Вместе с тем часть 1.2 статьи 144 УПК РФ устанавливает, что полученные в ходе проверки сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ [2, 42; 5, 95].

Данная норма порождает проблему так называемой «трансформации» объяснений в доказательство. Объяснение, полученное в ходе доследственной проверки, по своей процессуальной форме не является ни одним из видов доказательств, перечисленных в части 2 статьи 74 УПК РФ. Оно не является показаниями свидетеля (статья 79 УПК РФ), поскольку получено вне процедуры допроса и без предупреждения об уголовной ответственности. Не является оно и «иным документом» (статья 84 УПК РФ) в строгом смысле, поскольку фиксирует не сведения, изложенные по собственной инициативе лица, а результат целенаправленного процессуального действия. Подобная неопределенность процессуального статуса объяснений создает основания для оспаривания их допустимости в качестве доказательств стороной защиты [4, 88; 13, 156].

Получение образцов для сравнительного исследования на стадии проверки сообщения о преступлении также требует специального анализа. Статья 202 УПК РФ регламентирует данное действие применительно к стадии предварительного расследования, устанавливая, в частности, запрет на применение методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающих его честь и достоинство. Однако механизм обеспечения согласия лица на получение образцов в рамках доследственной проверки законодательно не урегулирован, что создает риск произвольного ограничения конституционных прав граждан [6, 164; 14, 78].

Проблема обеспечения прав участников проверочных действий

Одним из ключевых вопросов, порождаемых расширением перечня проверочных действий, является проблема обеспечения прав лиц, вовлеченных в процессуальную деятельность на стадии проверки сообщения о преступлении. Часть 1.1 статьи 144 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, устанавливает перечень прав, предоставляемых участникам проверки: право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников (статья 51 Конституции РФ); право пользоваться услугами адвоката; право приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ [10, 15; 12, 38].

Вместе с тем данный перечень прав является существенно более узким по сравнению с правами подозреваемого (статья 46 УПК РФ) или обвиняемого (статья 47 УПК РФ). Лицо, в отношении которого производятся проверочные действия, не имеет формального процессуального статуса, что ограничивает его возможности по защите своих прав и законных интересов. Как справедливо отмечает С.А. Шейфер, возникает парадоксальная ситуация: лицо фактически подвергается мерам процессуального принуждения (изъятие предметов и документов, получение образцов для сравнительного исследования), однако не обладает процессуальным статусом, позволяющим ему полноценно реализовать право на защиту [8, 78; 11, 50].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно обращался к данной проблеме. В Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П Конституционный Суд сформулировал правовую позицию, согласно которой право на помощь ад-

воката возникает у лица не с момента приобретения им формального процессуального статуса, а с момента фактического ограничения его прав и свобод. Данная позиция была подтверждена и развита в Постановлении от 11 ноября 2014 г. № 28-П, в котором Суд указал, что конституционные гарантии распространяются на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство на любой его стадии, включая стадию проверки сообщения о преступлении [9, 145; 12, 40].

Зарубежный опыт свидетельствует о разнообразии подходов к решению данной проблемы. В правовых системах, не предусматривающих стадии возбуждения уголовного дела (Германия, Франция, Англия, США), проверочная деятельность осуществляется в рамках единого досудебного производства, а лица, вовлеченные в процессуальную деятельность, с самого начала наделяются определенным процессуальным статусом. Так, в германском уголовном процессе (§ 160–163 StPO) предварительное расследование начинается с момента получения прокуратурой информации о возможном совершении преступления, а подозреваемый (*Beschuldigter*) приобретает право на защиту с момента начала расследования [13, 160; 14, 82].

Во французском уголовном процессе предварительное дознание (*enquête préliminaire*) регулируется статьями 75–78 Уголовно-процессуального кодекса Франции и предполагает право лица на помощь адвоката с момента задержания. В английском праве подозреваемому обеспечивается право на юридическую помощь уже на стадии полицейского расследования в соответствии с *Police and Criminal Evidence Act 1984 (PACE)*. Данный опыт свидетельствует о возможности обеспечения прав участников процессуальной деятельности без формального деления досудебного производства на стадии [13, 163; 14, 85].

Доказательственное значение результатов проверочных действий: анализ судебной практики

Часть 1.2 статьи 144 УПК РФ устанавливает, что полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. Данная норма, по существу, легализовала практику использования материалов доследственной проверки в качестве доказательств, однако не разрешила всех проблем, связанных с определением их допустимости [1, 55; 7, 212].

Анализ судебной практики за 2020–2025 гг. свидетельствует о неоднозначном подходе судов к

оценке доказательственного значения материалов доследственной проверки. Верховный Суд Российской Федерации в ряде решений подтвердил допустимость использования заключений экспертов, назначенных до возбуждения уголовного дела, в качестве доказательств. В Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 марта 2021 г. № 5-УД21-23-К2 суд указал, что заключение эксперта, полученное на стадии проверки сообщения о преступлении, является допустимым доказательством, если при его получении были соблюдены требования уголовно-процессуального закона [9, 148].

Вместе с тем в практике нижестоящих судов встречаются случаи признания недопустимыми доказательств, полученных на стадии проверки, при нарушении процессуальных гарантий. Так, суды неоднократно исключали из числа доказательств заключения экспертиз, назначенных до возбуждения уголовного дела, при установлении фактов ненадлежащего уведомления лица о назначении экспертизы или необеспечения его права на постановку дополнительных вопросов эксперту. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году 12,7% ходатайств об исключении доказательств были связаны именно с нарушениями, допущенными на стадии проверки сообщения о преступлении [6, 168; 10, 18].

Особого внимания заслуживает проблема повторного производства действий, ранее осуществленных в рамках доследственной проверки. Практика показывает, что следователи нередко после возбуждения уголовного дела назначают повторные экспертизы по тем же вопросам, по которым экспертиза уже была проведена на стадии проверки, либо допрашивают лиц, ранее давших объяснения. Подобная практика, с одной стороны, обеспечивает «процессуальную чистоту» доказательственной базы, но с другой – свидетельствует о недоверии правоприменителей к доказательственному значению материалов доследственной проверки и приводит к неоправданному затягиванию сроков расследования [2, 48; 5, 100; 11, 55].

Представляется, что решение данной проблемы требует законодательного закрепления четких критериев допустимости результатов проверочных действий. Предлагается дополнить статью 144 УПК РФ нормой, устанавливающей, что результаты проверочных действий, произведенных с соблюдением требований уголовно-процессуального закона, имеют такое же доказательственное значение, как и результаты соответствующих следственных действий, и не

требуют дублирования после возбуждения уголовного дела. Данное предложение согласуется с общей тенденцией к процессуальной экономии и находит подтверждение в зарубежном опыте, где результаты досудебной проверочной деятельности полиции и прокуратуры, как правило, имеют полноценное доказательственное значение [3, 125; 13, 168; 14, 90].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела образуют самостоятельную процессуальную категорию, занимающую промежуточное положение между непроцессуальной проверочной деятельностью и полноценными следственными действиями. Реформа 2013 года существенно расширила перечень допустимых действий, фактически сблизив содержание стадии проверки с начальным этапом предварительного расследования, однако не обеспечила надлежащего правового регулирования процессуального режима производства данных действий.

Основные проблемы, выявленные в ходе исследования, связаны с неопределенностью процессуального статуса лиц, вовлеченных в проверочные действия; отсутствием специальных норм, регламентирующих порядок назначения и производства судебной экспертизы на стадии проверки; неясностью доказательственного статуса объяснений; практикой дублирования проверочных действий после возбуждения уголовного дела.

Для решения данных проблем предлагается: дополнить ст. 144 УПК РФ нормой о равном доказательственном значении результатов проверочных и следственных действий; установить в законе четкий механизм обеспечения права лица на защиту на стадии проверки, включая обязательное уведомление о назначении экспертизы и право постановки дополнительных вопросов; закрепить процессуальный статус лица, в отношении которого производятся проверочные действия; рассмотреть вопрос о введении объяснения в перечень доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) с установлением надлежащих процессуальных гарантий.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности их использования при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства, в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования и судов, а также в учебном процессе.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим анализом практики назначения судебных экспертиз на стадии проверки, изучением влияния расширения проверочных действий на сроки досудебного производства, а также с разработкой модельного законодательного акта, регулирующего стадию возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 640 с.
2. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 38–52.
3. Головкин Л.В. Курс уголовного процесса. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. 1328 с.
4. Калиновский К.Б. Проверочные действия на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования // Уголовное судопроизводство. 2022. № 2. С. 76–94.
5. Рыжаков А.П. Возбуждение уголовного дела: практическое пособие. М.: Дело и Сервис, 2020. 288 с.
6. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник; под ред. А.В. Смирнова. 8-е изд. М.: Норма, 2023. 784 с.
7. Смирнов А.В. Назначение судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела: проблемы и перспективы // Российский следователь. 2022. № 4. С. 198–215.
8. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2020. 320 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
10. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2014 № 28-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 47. Ст. 6632.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.06.2000 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 27. Ст. 2882.
13. Thaman S.C. Comparative Criminal Procedure: A Casebook Approach. 3rd ed. Durham: Carolina Academic Press, 2020. 720 p.

14. Vogler R. A World View of Criminal Justice. Aldershot: Ashgate Publishing, 2019. 450 p.

References

1. Bezlepkin B.T. Kommentarij k Ugolovno-procesual`nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j). 16-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2023. 640 s.
2. By`kov V.M. Problemy` stadii vobzuzhdeniya ugovnogo dela // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 7. S. 38–52.
3. Golovko L.V. Kurs ugovnogo processa. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Statut, 2021. 1328 s.
4. Kalinovskij K.B. Proverochny`e dejstviya na stadii vobzuzhdeniya ugovnogo dela: problemy` pravovogo regulirovaniya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2022. № 2. S. 76–94.
5. Ry`zhakov A.P. Vobzuzhdenie ugovnogo dela: prakticheskoe posobie. M.: Delo i Servis, 2020. 288 s.
6. Smirnov A.V., Kalinovskij K.B. Ugolovny`j process : uchebnik; pod red. A.V. Smirnova. 8-e izd. M.: Norma, 2023. 784 s.
7. Smirnov A.V. Naznachenie sudebnoj e`kspertizy` do vobzuzhdeniya ugovnogo dela: problemy` i perspektivy` // Rossijskij sledovatel`. 2022. № 4. S. 198–215.
8. Shejfer S.A. Dokazatel`stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy` teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma, 2020. 320 s.
9. Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (s izm. i dop.) // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
10. Federal`ny`j zakon ot 04.03.2013 № 23-FZ «O vnesenii izmenenij v stat`i 62 i 303 Ugovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2013. № 9. St. 875.
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 11.11.2014 № 28-P // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 47. St. 6632.
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.06.2000 № 11-P // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2000. № 27. St. 2882.
13. Thaman S.C. Comparative Criminal Procedure: A Casebook Approach. 3rd ed. Durham: Carolina Academic Press, 2020. 720 p.
14. Vogler R. A World View of Criminal Justice. Aldershot: Ashgate Publishing, 2019. 450 p.

*Статья поступила в редакцию 16.04.26;
одобрена после рецензирования 20.04.26;
принята к публикации 20.04.26.*

*The article was submitted 16.04.26;
approved after reviewing 20.04.26;
accepted for publication 20.04.26.*

Научная статья
УДК 347
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_101

ПРОБЛЕМА СОГЛАСИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА, СОВЕРШЕННОГО С ПОРОКАМИ ВОЛИ

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович

Аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется проблема согласия потерпевшего на причинение вреда, данного при наличии пороков воли в российском гражданском праве. Констатируется отсутствие специального регулирования недействительности такого согласия и обосновывается презумпция применения общих норм о недействительности сделок. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому анализу немецкого подхода. Автор обосновывает необходимость дифференцированного подхода к оценке пороков воли в зависимости от характера охраняемого блага и предлагает рассматривать недобровольное согласие на причинение вреда личному неимущественному праву как ничтожное в силу противоречия существу законодательного регулирования.

Ключевые слова: согласие потерпевшего, пороки воли, недействительность сделки, личные неимущественные права

Для цитирования: Сунагатуллин С.Р. Проблема согласия потерпевшего на причинение вреда, совершенного с пороками воли // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 101. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_101

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

THE PROBLEM OF THE VICTIM'S CONSENT TO THE INFLICTION OF HARM GIVEN UNDER DEFECTS OF WILL

SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich

Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: The article examines the issue of the validity of the victim's consent to the infliction of harm in the presence of defects of will in Russian civil law. It notes the absence of special regulation governing the invalidity of such consent and substantiates the presumption of applying general rules on the invalidity of transactions. Particular attention is paid to a comparative legal analysis of the German approach. The author argues for the necessity of a differentiated approach to assessing defects of will depending on the nature of the protected legal interest and proposes treating involuntary consent to the infliction of harm upon personal non-property rights as void due to its contradiction with the essence of legislative regulation.

Keywords: victim's consent, defects of will, invalidity of transactions, personal non-property rights

For citation: Sunagatullin S.R. The Problem of the Victim's Consent to the Infliction of Harm Given Under Defects of Will = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):101. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_101

В российском гражданском праве проблема пороков воли применительно к согласию на причинение вреда является неразрешенной. Гражданский кодекс РФ не предусматривает специальных оснований недействительности согласия, кроме содержащегося в абз. 2 п. 3 ст. 1064 Граж-

данского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) ограничения согласия потерпевшего на действия, нарушающие нравственные принципы общества. Это ограничение очевидно не решает проблему пороков воли потерпевшего и, как справедливо отмечается в учебной литературе, лишь уточня-

ет состав недействительности, предусмотренный ст. 169 ГК РФ [6, С. 546].

Между тем, согласие потерпевшего является необходимым предварительным условием правомерности медицинского вмешательства (в виде информированного добровольного согласия пациента). Российский законодатель прямо устанавливает требования о согласии на обработку персональных данных, согласии в отношении права на имя и изображение (ст.ст. 19, 152.1 ГК РФ). Однако возможность применения составов недействительности сделок к согласию на причинение вреда не получила должной законодательной и доктринальной проработки.

В объяснениях к проекту Гражданского уложения Российской Империи указывалось, что для своего эффекта согласие должно быть дано лицом свободно и серьезно. Основа для такого требования к согласию лежит в само собой разумеющихся общих началах права [7, С. 458–461]. Е.А. Флейшиц рассуждала о согласии на причинение вреда в том числе в контексте договоров (например, указывала, что договор о праве временного пользования имуществом устраняет противоправность умаления соответствующего блага) [9, С. 49], а потому можно предположить, что такие согласия могут быть признаны недействительными по общим правилам о сделках. В основном же в литературе утверждается, что согласие должно быть выражено добровольно, но при этом не конкретизируются последствия такой недобровольности [10], либо этот вопрос вообще не обсуждается. Встречается также указание на применимость к согласию составов недействительности, предусмотренных гл. 9 ГК РФ [6, С. 546].

Не является единообразным подход к порокам воли согласия и в немецком праве. В то время как многие сторонники сделочного подхода полностью поддерживают применимость составов недействительности, предусмотренных Германским Гражданским Уложением (ГГУ), подробно не исследуя целесообразность применения этих положений к конкретным ситуациям, часть судебной практики и литературы полностью отошла от положений о сделках, не предложив при этом альтернативной концепции. В литературе чаще всего ограничиваются указанием на то, что согласие должно быть дано добровольно, тогда как угроза или обман делают его недействительным [2, С. 127].

В немецком праве такой подход объясняется отходом от традиционного понимания согласия на причинение вреда как к сделке. Одно из дел, в которых встал вопрос влияния ошибки на согла-

сие на причинение вреда с точки зрения гражданского права, дошло до Федерального верховного суда Германии. В этом деле истец болела туберкулезом и попыталась покончить с собой. После попытки самоубийства истца без судебного решения, но якобы по ее согласию поместили в закрытое отделение психиатрической клиники с предупреждением о том, что если она самовольно покинет клинику, то к ней могут быть применены более строгие меры. Вскоре истец была ненадолго освобождена из клиники и обратилась с требованием о компенсации за незаконное лишение свободы.

Апелляционный суд частично удовлетворил иск, посчитав согласие недействительным. Истец могла покинуть клинику в любое время, но врач не проинформировал ее об этом должным образом. Но Федеральный верховный суд Германии рассмотрел эту ситуацию не через призму нарушения информационной обязанности, а исходя из ошибки истца, отметив, что согласие, вызванное насилием, принуждением, незаконной угрозой или обманом, не является добровольным и, следовательно, недействительно. Здесь, однако, суд провел разграничение, выявив «обычную ошибку» («einfacher Irrtum») потерпевшего: «согласие, затронутое ошибкой, в принципе еще добровольно, а значит, юридически устойчиво, тем более что возможность оспаривания не применяется, поскольку это согласие не является волеизъявлением. Тем не менее недостатки воли не лишаются своего значения полностью, решающим при ошибочном согласии является то, в какой мере и каким образом воля нарушена, чтобы решение считалось результатом истинного внутреннего изъявления субъекта» [3, С. 1177].

В этом решении, как считают немецкие исследователи, вопросов больше, чем ответов. Вопрос связи между нарушением информационной обязанности и вызванной этим ошибкой остался открытым, также как и значение понятия «обычная ошибка» [1, С. 139–140], а кроме того, исследователей удивляет, что Федеральный верховный суд Германии квалифицировал ситуацию как незначительную ошибку, в то время как поведение врача в данном конкретном деле граничило с незаконной угрозой [2, С. 361]. Для российского права решение представляет интерес в первую очередь тем, что показывает, насколько неожиданным может быть реализация несделочного подхода к согласию на практике: Федеральный верховный суд Германии, столкнувшись с вопросом пороков воли, вынужден был решать его через придумываемую им же

категорию «обычной ошибки», неизвестной законодательству.

Другой проблемной областью, в том числе для сторонников сделочного подхода к согласию на причинение вреда, является вопрос о применимости к нему сроков на оспаривание (которые в немецком праве, поскольку право на оспаривание являются вторичными, считаются пресекательными, а не сроками исковой давности) [5]. Многим немецким авторам представляется уместным по-разному решать вопрос погашения права на оспаривание истечением срока в зависимости от того, в какой мере потерпевший коммерциализирует свое право: для «изолированного» согласия, т.е. одностороннего, не обусловленного встречным предоставлением, что применимо прежде всего к согласиям на причинение вреда здоровью, сроки оспаривания представляют особую проблему. В рамках меновых сделок (например, когда имя или изображение гражданина используется в рекламе в обмен на вознаграждение) адресат согласия заинтересован в максимально скором устранении «подвешенного» состояния сделки, тогда как в случае безвозмездного согласия этим интересом можно пренебречь.

Эта проблематика привела немецкую доктрину к необходимости поиска решения, устраняющего срок на оспаривание применительно к односторонним согласиям. Так, предлагается корректировать применение этого срока со ссылкой на принцип добросовестности или указывается на необходимость телеологической редукции норм, устанавливающих сроки на оспаривание, предлагая признавать их в целом неприменимыми к подобным согласиям [2, С. 371].

Нам представляется, что подход к согласию как к сделке позволяет исходить из презумпции применимости норм о сделках к согласию, однако в конкретных случаях согласия эти нормы могут требовать телеологического ограничения, при этом та сторона, которая желает от них отступить, несет бремя аргументации. Такая презумпция будет практически непроверяемой в случаях распоряжения имуществом правом посредством согласия. В отношении личных неимущественных прав (особенно когда согласие связано с сугубо личными, некоммерческими целями) общие составы недействительности вряд ли можно считать пригодными, прежде всего потому, что они устанавливают во всех случаях пороков воли оспориимость сделки и сокращенный срок исковой давности для такого оспаривания.

Аргументом в пользу неприменимости норм об оспориимости сделок в случаях пороков воли

служит ст. 208 ГК РФ, исключая из-под действия исковой давности требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, а также требования о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина. В пользу такого распространительного толкования можно привести подход, которого придерживается Верховный Суд РФ и согласно которому исковая давность не распространяется на требования о сносе или приведении в соответствие с установленными требованиями самовольной постройки, создающей угрозу жизни и здоровью граждан (абз. 4 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке»). Хотя ВС РФ ни прямо, ни по аналогии не ссылается на ст. 208 ГК РФ, он очевидно считает верным исключить применение давности исходя из повышенной значимости этих благ.

К этому же выводу может привести и историческое толкование: если пытаться реконструировать подход законодателя, едва ли он имел в виду, что потерпевший, давший согласие, например, на медицинское вмешательство в результате заблуждения или под принуждением, может рассчитывать на деликтную защиту – которая предполагает оспаривание согласия – лишь в течение одного года, тогда как потерпевший, которого прооперировали вообще без его согласия, защищается бессрочно.

В такой ситуации нам представляется допустимым признавать согласия в очерченной выше сфере недействительными на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ, исходя из того, что существом законодательного регулирования предусмотрено признание только добровольных согласий (п. 74 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Список источников

1. Kohte W. Die rechtfertigende Einwilligung // Archiv für die civilistische Praxis. 1985. Bd. 185. H. 2.
2. Ohly A. „Volenti non fit iniuria“. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.
3. Urteil des Bundesgerichtshofes vom 2. Dezember 1963 III ZR 222/62 // Neue Juristische Wochenschrift. München: C.H. Beck Verlag, 1964. Vol. 17.
4. Асосков А.В. Пресекательные сроки и их соотношение с другими видами гражданско-правовых сроков // Вестник гражданского права. 2018. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Гражданское право: учебник в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 1.

6. Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том пятый. Ст. 937-1106. С объяснениями. СПб., 1899.

7. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951.

8. Шевченко А.С., Шевченко Г.Н. Указ. соч.; Болтанова Е.С., Кратенко М.В. Деликтное право: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2022 // СПС «Гарант».

5. Grazhdanskoe pravo: uchebnik v 4 t. / otv. red. E.A. Suxanov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2023. T. 1.

6. Grazhdanskoe ulozhenie. Kniga pyataya. Obyazatel'stva. Proekt Vy'sochajshe uchrezhdennoj Redakcionnoj Komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo Ulozheniya. Tom pyaty`j. St. 937-1106. S ob`yasneniyami. SPb., 1899.

7. Flejshicz E.A. Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i neosnovatel'nogo obogashheniya. M., 1951.

8. Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. Ukaz. soch.; Boltanova E.S., Kratenko M.V. Deliktное pravo: uchebное posobie. M.: Yusticinforр, 2022 // SPS «Garant».

References

1. Kohte W. Die rechtfertigende Einwilligung // Archiv für die civilistische Praxis. 1985. Bd. 185. H. 2.

2. Ohly A. „Volenti non fit iniuria“. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.

3. Urteil des Bundesgerichtshofes vom 2. Dezember 1963 III ZR 222/62 // Neue Juristische Wochenschrift. München: C.H. Beck Verlag, 1964. Vol. 17.

4. Asoskov A.V. Presekatel'ny'e sroki i ix sootnoshenie s drugimi vidami grazhdansko-pravovy`x srokov // Vestnik grazhdanskogo prava. 2018. № 4 // SPS «Konsul'tantPlyus».

Статья поступила в редакцию 12.05.26;

одобрена после рецензирования 20.05.26;

принята к публикации 20.05.26.

The article was submitted 12.05.26;

approved after reviewing 20.05.26;

accepted for publication 20.05.26.

Научная статья

УДК 347

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_105

СООТНОШЕНИЕ ВИНДИКАЦИИ И РЕСТИТУЦИИ ПРИ НИЧТОЖНОЙ СДЕЛКЕ: АКТУАЛЬНЫЕ РАЗЪЯСНЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

БРЕХОВА Кристина Юрьевна

Магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу соотношения виндикации и реституции при недействительности сделок, а также проблеме конкуренции указанных исков в судебной практике. В работе исследуются доктринальные подходы к разграничению данных способов защиты гражданских прав. Были обобщены актуальные разъяснения Верховного Суда РФ, в том числе содержащиеся в Обзоре судебной практики № 2 (2025), и проанализирована эволюция подходов к защите прав добросовестного приобретателя. Определены условия возникновения права собственности у добросовестного приобретателя, а также критерии выбытия имущества из владения собственника помимо его воли. В заключение формулируется вывод о недопустимости использования реституции для обхода ограничений виндикации и о приоритете виндикационного иска в спорах с участием добросовестного приобретателя.

Ключевые слова: виндикация, реституция, добросовестный приобретатель, ничтожная сделка, выбытие имущества помимо воли, конкуренция исков

Для цитирования: Брехова К.Ю. Соотношение виндикации и реституции при ничтожной сделке: актуальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 105. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_105

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

THE CORRELATION OF VINDICATION AND RESTITUTION IN CASE OF A VOID TRANSACTION: CURRENT CLARIFICATIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

BREKHOVA Kristina Yurievna

Master's Student of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie gory, 1, p. 13, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of the correlation between vindication and restitution in the event of invalidity of transactions, as well as the problem of competition between these claims in judicial practice. The study examines doctrinal approaches to distinguishing these methods of protecting civil rights. The current clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, including those contained in the Review of Judicial Practice No. 2 (2025), are summarized. The conditions for the emergence of ownership rights of a bona fide purchaser, as well as the criteria for the disposal of property from the possession of the owner against his will, are determined. The conclusion formulates the inadmissibility of using restitution to circumvent the restrictions of vindication and the priority of the vindication claim in disputes involving a bona fide purchaser.

Keywords: vindication, restitution, bona fide purchaser, void transaction, disposal of property against the will, competition of claims

For citation: Brekhova K.Y. The Correlation of Vindication and Restitution in Case of a Void Transaction: Current Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):105. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_105

Введение

Классическая частноправовая проблема заключается в следующем: если первая сделка по отчуждению имущества является ничтожной (например, совершена лицом, не имевшим полномочий, либо под влиянием обмана), то к каким последствиям это приводит. Согласно ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), недействительная сделка не влечет юридических последствий, и каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное (двусторонняя реституция). Однако если вещь уже выбыла от первой стороны ко второй, а затем к третьему лицу – добросовестному приобретателю, применить реституцию напрямую к этому третьему лицу невозможно, поскольку оно стороной недействительной сделки не являлось. В такой ситуации возникает конкуренция двух исков: реституционного требования к первой стороне (ст. 167 ГК РФ) и виндикационного требования к фактическому владельцу (ст. 301–302 ГК РФ) [6, С. 19, 177–178].

Как отмечает С.В. Моргунов, виндикация и реституция имеют различную правовую природу: первая направлена на восстановление владения как элемента права собственности, вторая – на устранение последствий недействительности сделки [6, С. 19, 177–178]. Сходную позицию занимает Д.В. Мурзин, который подчеркивает, что реституция является универсальным способом защиты, подлежащим применению при любом предоставлении, не имеющем правового основания. В отличие от нее, виндикация представляет собой специальный (субсидиарный) случай реституции, характеризующийся тремя признаками: особым субъектным составом (истцом выступает собственник), ограниченным объектом (индивидуально-определенная вещь) и невозможностью замены исполнения в натуре денежной компенсацией. Поскольку виндикация является специальной нормой по отношению к общей норме о реституции, именно она подлежит приоритетному применению в предусмотренных законом пределах, включая ограничения, установленные статьей 302 ГК РФ (добросовестность приобретателя) [7, С. 120–122].

Д.О. Тузов указывает на внутреннее противоречие представления о реституции как об особой охранительной мере: если бы реституция была самостоятельным институтом, пришлось бы признать, что ничтожная сделка служит правовым основанием для передачи имущества, что противоречит понятию ничтожности [10, С. 238–239].

А.Г. Карапетов видит ключевое различие между реституцией и виндикацией в том, что

при реституции имущество перешло по сделке (пусть и недействительной), а при виндикации имеет место незаконное завладение. Когда вещь оказывается у третьего лица, собственник может одновременно использовать оба способа защиты: виндикацию от третьего лица и компенсационную реституцию от контрагента. Судебная практика допускает удовлетворение обоих исков, но если собственник уже получил компенсацию стоимости вещи (реституция), виндикация становится невозможной, и наоборот. Одновременное использование обоих средств привело бы к неосновательному обогащению, что запрещено принципом «bis de eadem re ne sit actio» (нельзя дважды искать об одном и том же) [8, С. 241–245].

Реституция ограничена сферой недействительных сделок и применяется, когда основание передачи имущества отпало. Виндикация связана с истребованием вещи из чужого незаконного владения независимо от наличия сделки. В российском праве действует негативная регистрационная система, для исправления записей в ЕГРН используются оба способа, но реституция не всегда может заменить виндикацию, особенно при защите прав на недвижимость от добросовестного приобретателя [5, С. 80]. Д.В. Лоренц указывает, что, если объект не является индивидуально-определенной вещью (часть здания без оформленного помещения), виндикация невозможна, требуется аналогия закона. Правила виндикации и кондикции не связаны со ст. 304 ГК РФ [5, С. 82–84]. Судебная практика позволяет собственникам помещений заявлять виндикационный иск, если право на общее помещение зарегистрировано за одним лицом, лишаящим других доступа [5, С. 86].

Признание тождественности между виндикацией и реституцией владения приводит к необходимости учета интересов третьего лица – приобретателя по недействительной сделке. Добросовестность приобретателя имеет различные правовые последствия: если приобретатель добросовестен и имеются иные элементы фактического состава по ст. 302 ГК РФ, он получает право собственности на имущество, что является основанием для отказа в удовлетворении любых притязаний со стороны третьих лиц. Если добросовестность есть, но отсутствует хотя бы один из элементов ст. 302 ГК РФ, право собственности не возникает, что влечет удовлетворение требований, а добросовестность учитывается при определении размера возмещения по ст. 303 ГК РФ. Если приобретатель недобросовестен, право не возникает, и виндикационные и реституционные требования удовлетворяются [2, С. 67].

При конкуренции виндикации и реституции владения единство целей (восстановление утраченного владения) породило проблему: добросовестность позволяла приобретателю защититься от виндикационного иска, но не учитывалась при применении реституции. Механизм реституции, безразличный к добросовестности, использовался для обхода ограничений ст. 302 ГК РФ [2, С. 67]. В.В. Витрянский указывал, что фигура добросовестного приобретателя появляется лишь при виндикационном иске, а нормы о недействительности сделок не ставят реституцию в зависимость от добросовестности сторон [3, С. 808]. Реституция владения и виндикация являются тождественными внедоговорными требованиями об изъятии вещи из чужого незаконного владения в пользу лица, считающего себя собственником, поэтому конкуренции исков между ними не существует [2, С. 83].

Представляется, что реституция и виндикация не подлежат рассмотрению в качестве конкурирующих либо взаимозаменяемых способов защиты гражданских прав. Реституция, выступая общим правовым последствием недействительности сделки, подлежит применению исключительно в отношениях между ее сторонами и не учитывает такого субъективного элемента, как добросовестность приобретателя. Виндикация, напротив, представляет собой специальный вещно-правовой способ защиты, направленный на истребование индивидуально-определенной вещи из чужого незаконного владения. Именно виндикационный иск, а не реституционное требование, подлежит применению в спорах, затрагивающих права и законные интересы добросовестного приобретателя.

Условия возникновения права собственности у добросовестного приобретателя вопреки ничтожности предшествующих сделок

Ключевым условием для удовлетворения виндикационного иска является выбытие имущества из владения собственника помимо его воли (абз. 2 п. 1 ст. 302 ГК РФ). Если имущество выбыло по воле собственника (например, в аренду или на хранение), оно не может быть истребовано у добросовестного приобретателя, поскольку собственник, добровольно избирая контрагента, несет риск неблагоприятных последствий. Если же имущество выбыло помимо воли, виндикация допустима, так как собственник чаще всего не располагает средствами для компенсации утраты [4, С. 510]. В основе такого разграничения лежит объективная невозможность для участников оборота достоверно распознать истинный объем

правомочий контрагента, особенно в условиях, когда имущественные связи приобретают обезличенный характер. Доверившись внешней, видимой стороне положения лица, они постоянно подвергаются риску заблуждения относительно действительного содержания прав, которые по своей сути остаются незримыми. Выход из этой коллизии видится в трех различных подходах: переложить все негативные последствия на собственника, возложить их на приобретателя либо сделать все субъективные права полностью прозрачными посредством развитой системы учета и регистрации. Однако абсолютизация любого из этих вариантов способна привести к параличу гражданского оборота [9, С. 99].

Отсутствие законодательных критериев выбытия помимо воли порождает трудности: ст. 302 ГК РФ приводит лишь примерный перечень (утрата, хищение), а разъяснения судов ограничиваются воспроизведением текста закона [4, С. 511]. На практике неясно, считать ли выбывшим помимо воли имущество, отчужденное без согласия органов опеки или по поддельному завещанию; отдельные суды не признают такие ситуации выбытием помимо воли [4, С. 510]. Особую сложность представляет квалификация выбытия помимо воли для недвижимости: поскольку запись в реестре легитимирует управомоченное лицо, утрата против воли должна охватывать любую ситуацию, когда запись о праве была прекращена без добровольного волеизъявления правообладателя, прежде всего вследствие подлога [1, С. 466].

Установленные ст. 302 ГК РФ ограничения виндикации породили на практике проблему обхода закона: бывший собственник, заведомо не имеющий перспектив удовлетворения виндикационного требования к добросовестному приобретателю, вместо этого предъявлял иск о признании недействительной первой сделки (либо цепочки сделок) по отчуждению имущества, совершенной лицом, которому вещь была передана лишь во временное владение, с последующим требованием о применении последовательной реституции ко всем участникам сделок. Анализ судебной практики показывает противоречивость подходов к разрешению данной проблемы. В 1998 году Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении № 8 от 25 февраля 1998 г. разъяснил, что, если собственником заявлен иск о признании недействительной сделки купли-продажи и возврате имущества, переданного покупателю, и при разрешении данного спора будет установлено, что покупатель отвечает требованиям, предъявляемым к добросовестному

приобретателю (ст. 302 ГК РФ), в удовлетворении исковых требований о возврате имущества должно быть отказано. Конституционный Суд РФ в Постановлении № 6-П от 21.04.2003 поддержал эту позицию, указав, что на сделку, совершенную с нарушением закона, не распространяются общие положения о последствиях недействительности сделки, если сам закон предусматривает «иные последствия нарушения». Поскольку добросовестное приобретение возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника, последствием такой сделки является не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения.

Весьма показательным в этом отношении определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) от 9 октября 2017 г. № 308-ЭС15-6280. В рамках дела о банкротстве холдинговой компании ее конкурсный управляющий оспорил ничтожную сделку, совершенную в ущерб кредиторам. Суд первой инстанции ограничился применением реституции: с первого приобретателя была взыскана стоимость имущества, которое к тому моменту уже оказалось у третьего лица – ООО. В удовлетворении виндикационного требования к этому обществу было отказано, поскольку последнее было признано добросовестным приобретателем. Апелляционная инстанция, напротив, сочла возможным удовлетворить виндикационный иск, однако окружной суд вновь отказал в его удовлетворении, указав, что использование механизмов ст. 167 ГК РФ в отношении первого приобретателя исключает возможность одновременного применения ст. 302 ГК РФ к конечному покупателю. Судебная коллегия ВС РФ не согласилась с такой логикой, разъяснив, что действующее законодательство допускает защиту конкурсной массы как путем предъявления иска о признании недействительной первой сделки и взыскания стоимости имущества с первого приобретателя (ст. 61.1, 61.6 Закона о банкротстве), так и путем предъявления виндикационного иска к конечному приобретателю (ст. 301, 302 ГК РФ). Принципиально важным является то, что выбор одного из способов защиты не исключает возможности использования другого, поскольку они направлены на достижение одной цели – возврата имущества в конкурсную массу, но с разных субъектов.

Иной подход был сформулирован ВС РФ в п. 1 Обзора № 2 (2025), утвержденного Президиумом 18 июня 2025 года. В этом деле финансовый управляющий гражданки П. просил истребовать нежилые помещения у последующего приобрета-

теля И., ссылаясь на недействительность первоначальных договоров купли-продажи между П. и М. Суды трех инстанций удовлетворили иск, посчитав И. недобросовестным исключительно по причине несоответствия указанной в договоре цены кадастровой стоимости объектов. Однако Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ признала такой подход ошибочным, подчеркнув, что одна лишь недействительность сделки не свидетельствует о выбытии имущества из владения собственника помимо его воли. Суды обязаны выяснять, была ли воля собственника на передачу владения иному лицу. Кроме того, сама по себе направленность действий продавца на вывод имущества из конкурсной массы не может служить безусловным доказательством недобросовестности последующего приобретателя, если последний не знал и не мог знать о банкротстве отчуждателя. ВС РФ также сослался на положения п. 6 ст. 8.1 ГК РФ, в силу которых приобретатель недвижимости, добросовестно полагающийся на данные ЕГРН, признается добросовестным, пока не доказано иное. В рассматриваемом случае на момент покупки И. в реестре отсутствовали какие-либо отметки о судебных спорах, а сам И. узнал о продаже через публичный интернет-сервис, ранее с продавцом знаком не был. Следовательно, вопрос о его добросовестности нельзя было разрешать, ограничившись формальным несоответствием цены; требовалось исследовать всю совокупность обстоятельств приобретения.

Новый подход, сформулированный в Обзоре № 2 (2025), представляет собой качественно иную правовую конструкцию. Недействительность первоначальной сделки более не рассматривается как обстоятельство, автоматически свидетельствующее о выбытии имущества помимо воли собственника. Добросовестность последующего приобретателя презюмируется, и бремя ее опровержения целиком возлагается на истца. Применительно к недвижимому имуществу приобретатель, полагающийся на данные ЕГРН, признается добросовестным до тех пор, пока в установленном порядке не будет доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение у продавца.

Таким образом, соотношение ничтожности первой сделки и добросовестности последующего приобретателя должно решаться в пользу последнего при условии, что имущество выбыло из владения собственника по его воле, а приобретатель, полагаясь на данные публичного реестра и не имея оснований знать о правовых пороках предшествующих сделок, проявил разумную осмотрительность. Иное означало бы подрыв стабильности

гражданского оборота и принципа публичной достоверности реестра.

Выбытие имущества помимо воли собственника: соотношение ничтожности первой сделки и добросовестности последующего приобретателя

Для того чтобы добросовестный приобретатель приобрел право собственности на имущество (либо получил защиту от виндикационного иска, что влечет тот же результат), необходимо наличие трех основных условий, предусмотренных ст. 223 и 302 ГК РФ. Первым и необходимым условием является возмездный характер приобретения имущества. Согласно п. 2 ст. 223 ГК РФ, право собственности у добросовестного приобретателя на недвижимое имущество возникает с момента государственной регистрации, если имущество приобретено возмездно. Если имущество получено безвозмездно, добросовестность приобретателя не имеет правового значения: собственник вправе истребовать такое имущество в любом случае, поскольку безвозмездный приобретатель не несет имущественных потерь при возврате вещи, тогда как возмездный приобретатель, уплативший деньги, нуждается в повышенной правовой защите.

Вторым условием является добросовестность приобретателя. Легальное определение содержится в п. 1 ст. 302 ГК РФ: добросовестным признается лицо, которое не знало и не могло знать о том, что лицо, отчуждающее имущество, не имело права на его отчуждение. Как разъяснил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 22 июня 2017 г. № 16-П, добросовестным является приобретатель недвижимого имущества, если только из установленных судом обстоятельств дела с очевидностью не следует, что это лицо знало об отсутствии у отчуждателя права распоряжаться данным имуществом или, исходя из конкретных обстоятельств дела, не проявило должной разумной осторожности и осмотрительности, при которых можно было бы узнать об отсутствии у отчуждателя такого права.

Третьим и наиболее важным условием для защиты добросовестного приобретателя является выбытие имущества из владения собственника по его воле. Абзац второй п. 1 ст. 302 ГК РФ устанавливает, что, если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, собственник вправе истребовать это имущество от приобретателя в случае, когда имущество утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из владения иным путем помимо

их воли. Таким образом, законодатель установил презумпцию защиты добросовестного приобретателя в случаях, когда имущество выбыло по воле собственника. Напротив, при выбытии имущества помимо воли собственника добросовестный приобретатель защиты не получает, даже если он не знал и не мог знать о пороках сделки.

Для недвижимого имущества действует дополнительное условие, связанное с презумпцией добросовестности. С 1 января 2020 года в абзаце третьем п. 6 ст. 8.1 ГК РФ закреплена презумпция добросовестности приобретателя недвижимости, полагавшегося на данные Единого государственного реестра недвижимости (далее – ЕГРН). Согласно данной норме, приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным, пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него. Данное нововведение принципиально изменило распределение бремени доказывания. До 2020 года приобретатель должен был самостоятельно доказывать свою добросовестность. После 2020 года ответчику достаточно сослаться на то, что при покупке недвижимости он получил выписку из ЕГРН и полагался на содержащиеся в ней сведения. В таком случае бремя доказывания недобросовестности приобретателя полностью возлагается на истца.

Следовательно, для возникновения права собственности у добросовестного приобретателя необходимо одновременное наличие трех условий: возмездность приобретения, добросовестность приобретателя и выбытие имущества из владения собственника по его воле. Для недвижимого имущества дополнительно действует презумпция добросовестности при доверии данным ЕГРН, что переносит бремя доказывания недобросовестности на истца. При отсутствии хотя бы одного из указанных условий добросовестный приобретатель не приобретает право собственности, и имущество подлежит возврату собственнику в порядке виндикации.

Таким образом, реституция и виндикация не являются конкурирующими способами защиты: реституция действует только между сторонами недействительной сделки, а виндикация – это специальный вещно-правовой способ защиты прав собственника.

Как разъяснил ВС РФ в Обзоре № 2 (2025), недействительность первой сделки сама по себе не означает выбытия имущества помимо воли

собственника, а добросовестность приобретателя презюмируется, что обеспечивает баланс интересов участников оборота.

Список источников

1. Бевзенко Р.С. Введение в российское право недвижимости. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2022. 406 с.
2. Богачева Т.М. Признание добросовестного владения как способ защиты гражданских прав: на примере виндикации и реституции: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 178 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2001. Кн. 1: Общие положения. 840 с.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: постатейный / [В.Г. Анцева и др.]. 2-е изд. М.: РИОР, 2007. 735 с.
5. Лоренц Д.В. Внедоговорная защита регистрируемого имущества в России и Германии: монография. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. Иммануила Канта, 2023. 274 с.
6. Моргунов С.В. Виндикация в гражданском праве: Теория. Проблемы. Практика. М.: Статут, 2006. 298 с.
7. Мурзин Д.В. Виндикационная модель защиты абсолютных имущественных прав: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 357 с.
8. Недействительность сделки: комментарий к статьям 166–181 Гражданского кодекса Российской Федерации / Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, А.А. Громов [и др.]; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2025. 995 с.
9. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: учеб.-практ. пособие. 2-е изд. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации; Дело, 2000. 510 с.
10. Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 600 с.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 6.
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 25 февраля 1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Вестник ВАС РФ. 1998. № 5.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 27. Ст. 4069.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 июня 2025 г. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508032/
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 9 октября 2017 г. № 308-ЭС15-6280 по делу № А32-29459/2012 // [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09102017-n-308-es15-6280-po-delu-n-a32-294592012/>.

References

1. Bevzenko R.S. Vvedenie v rossijskoe pravo nedvizhimosti. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Statut, 2022. 406 s.
2. Bogacheva T.M. Priznanie dobrosovestnogo vladeniya kak sposob zashhity` grazhdanskix prav: na primere vindikacii i restitucii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. 178 s.
3. Braginskij M.I., Vitryanskij V.V. Dogovornoe pravo. 3-e izd., ster. M.: Statut, 2001. Kn. 1: Obshhie polozheniya. 840 s.
4. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast` pervaya: postatejny`j / [V.G. Anceva i dr.]. 2-e izd. M.: RIOR, 2007. 735 s.
5. Lorencz D.V. Vnedogovornaya zashhita registriruемого imushhestva v Rossii i Germanii: monografiya. Kaliningrad: Izd-vo Baltijskogo federal'nogo un-ta im. Immanuila Kanta, 2023. 274 s.
6. Morgunov S.V. Vindikaciya v grazhdanskom prave: Teoriya. Problemy`. Praktika. M.: Statut, 2006. 298 s.
7. Murzin D.V. Vindikacionnaya model` zashhity` absoljutny`x imushhestvenny`x prav: monografiya. M.: Yurilitinform, 2023. 357 s.
8. Nedejstvitel`nost` sdelki: kommentarij k stat`yam 166–181 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / R.S. Bevzenko, S.L. Budy`lin, A.A. Gromov [i dr.]; отв. red. A.G. Karapetov. M.: Statut, 2025. 995 s.
9. Sklovskij K.I. Sobstvennost` v grazhdanskom prave: ucheb.-prakt. posobie. 2-e izd. M.: Akad. nar. hoz-va pri Pravitel`stve Ros. Federacii; Delo, 2000. 510 s.
10. Tuzov D.O. Teoriya nedejstvitel`nosti sdelok: opyt` rossijskogo prava v kontekste evropejskoj pravovoj tradicii. M.: Statut, 2007. 600 s.
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21 aprelya 2003 g. № 6-P «Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij punktov 1 i 2 stat`i 167 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS RF. 2003. № 6.
12. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 25 fevralya 1998 g. № 8 «O nekotory`x voprosax praktiki razresheniya sporov, svyazanny`x s zashhitoy prava sobstvennosti i drugix veshny`x prav» // Vestnik VAS RF. 1998. № 5.
13. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 22 iyunya 2017 g. № 16-P «Po delu o provere konstitucionnosti polozheniya punkta 1 stat`i 302 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina A.N. Dubovca» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2017. № 27. St. 4069.
14. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda RF № 2 (2025), utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 18 iyunya 2025 g. // [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_508032/.
15. Opredelenie Sudebnoj kollegii po e`konomicheskim sporam Verhovnogo Suda RF ot 9 oktyabrya 2017 g. № 308-E`S15-6280 po delu № A32-29459/2012 // [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09102017-n-308-es15-6280-po-delu-n-a32-294592012/>.

*Статья поступила в редакцию 26.05.26;
одобрена после рецензирования 29.05.26;
принята к публикации 29.05.26.*

*The article was submitted 26.05.26;
approved after reviewing 29.05.26;
accepted for publication 29.05.26.*

Научная статья

УДК 347.77

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_111

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КУМУЛЯТИВНОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ЕГО ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САПРЫКИН Михаил Иванович

Генеральный директор ООО «АКГ», аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Российская Федерация

Аннотация: Работа посвящена исследованию кумулятивной охраны интеллектуальной собственности в зарубежных правовых системах и возможностям ее имплементации в российское право. Установлено, что в развитых юрисдикциях доминируют модели, допускающие параллельную защиту одного результата интеллектуальной деятельности несколькими правовыми режимами. Определено, что французская теория «единства искусства» представляет наиболее продвинутую форму кумулятивности, обеспечивая неразрывную консолидацию исключительных прав у единого субъекта. Автор приходит к выводу, что заимствование элементов французского подхода позволило бы устранить фрагментацию титулов, в связи с чем предлагается дополнить статью 1235 ГК РФ положением об обязательном заявлении лицензиара по каждому возможному правовому режиму на передаваемый объект.

Ключевые слова: кумулятивная охрана, пересечение прав интеллектуальной собственности, теория единства искусства, промышленный образец, товарный знак

Для цитирования: Сапрыкин М.И. Зарубежный опыт кумулятивной охраны интеллектуальной собственности и его имплементация в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 111. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_111

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

FOREIGN EXPERIENCE OF CUMULATIVE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY AND ITS IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

SAPRYKIN Mikhail Ivanovich

CEO of LLC «AKG», Postgraduate Student of Lomonosov Moscow State University

119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: The work is devoted to the study of cumulative (dual) protection of intellectual property in foreign legal orders and the possibilities of its implementation into Russian law. It has been established that models allowing parallel protection of one intellectual property asset by several legal regimes dominate in developed jurisdictions. It has been determined that the French theory of the «unity of art» represents the most advanced form of cumulativeness, ensuring the inseparable consolidation of exclusive rights with a single entity. The author concludes that borrowing elements of the French approach would eliminate the fragmentation of titles; in this connection, it is proposed to supplement Article 1235 of the Civil Code of the Russian Federation with a provision on the licensor's mandatory statement regarding every possible legal regime for the transferred object.

Keywords: cumulative protection, overlapping intellectual property rights, theory of the unity of art, industrial design, trademark

For citation: Saprykin M.I. Foreign Experience of Cumulative Protection of Intellectual Property and Its Implementation in the Russian Federation = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):111. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_111

В научной литературе термин «кумулятивная (или «двойная») охрана» обозначает явление, при котором один результат интеллектуальной деятельности подпадает под охрану одновременно нескольких правовых режимов [5, С. 24]. В доктрине термин «кумулятивная охрана» нередко заменяется синонимичным обозначением – «пересечение режимов интеллектуальных прав» или «наслоение правовых режимов» [2, С. 45]. Характерно использование и почти идентичного понятия «пересечение прав интеллектуальной собственности», что является прямым переводом термина из американской правовой доктрины, в которой подобное явление называется «overlapping intellectual property rights» [13].

И.С. Блинов заключает, что пересечение прав интеллектуальной собственности представляет собой правовую ситуацию, предопределенную особенностями конкретного объекта и обусловленную способностью одновременно применять к нему два или более самостоятельных правовых режима охраны [1, С. 32].

В XIX веке идея о возможности пересечения различных прав была закреплена положениями Бернской конвенции. Статья 2(7) конвенции устанавливает, что, если в стране происхождения произведения охраняются только как образцы и модели, в других странах-участницах они могут получать только соответствующую специальную защиту. Однако в случае отсутствия такой специализированной охраны эти произведения становятся объектами защиты как художественные произведения.

По мнению А.С. Ворожевича, в настоящее время большинство развитых правовых систем (ЕС, Япония, Австралия и др.) допускает пересечение правовых режимов [2, С. 50].

Возможность кумулятивной охраны в праве Европейского Союза (далее – ЕС) следует из определений товарного знака и промышленного образца: ст. 4 Регламента ЕС 2017/1001 и ст. 3 Регламента № 6/2002 допускают пересечение этих режимов, в частности, в отношении формы товаров и упаковки. При таком толковании довольно существенен потенциал пересечения правовой охраны товарных знаков с авторско-правовой охраной, а также между правовой охраной товарных знаков и промышленными образцами.

Под влиянием актов ЕС претерпевает изменения и национальное регулирование. В Италии изначально кумулятивная охрана была исключена из-за правила делимости (итал. «regola di scindibilità del carattere artistico»), согласно которому объекты могли претендовать на автор-

ско-правовую охрану лишь при возможности выделения их эстетической составляющей из промышленных свойств. После принятия Директивы ЕС об охране дизайна, в частности, ее ст. 17, Италия скорректировала национальное регулирование, законодательно разрешив кумулятивную охрану [3, С. 37].

Необходимо отдельно отметить подход Франции, сформировавшей теорию «единства искусства» (фр. *Théorie de l'unité de l'art*), согласно которой данной юрисдикции не свойственно разграничение искусства и промышленности при охране творческих работ, что обеспечивает возможность полной кумулятивной охраны. Непрерывной чертой данной теории является невозможность передачи одного исключительного права без другого, вследствие чего права в рамках обоих режимов всегда остаются вместе у одного лица [7, С. 117].

Заимствование в российское право французской теории «единства искусства» в части, обеспечивающей полную кумулятивность прав с их неразрывной консолидацией у единого субъекта, способствовало бы большей правовой определенности. Имплементация современного французского подхода сократила бы количество ситуаций, при которых реализация прав на кумулятивно охраняемые объекты блокируется или усложняется ввиду множественности правообладателей. Так, консолидация исключительных прав разрешила бы существующую правовую проблему, поскольку единый комплексный договор охватывал бы все правовые режимы охраны, устраняя фрагментацию (необходимость оформления отдельных лицензий для каждого режима) и связанные с ней риски ответственности.

В качестве одной из возможных мер реализации автор видит целесообразным закрепить в ст. 1235 Гражданского кодекса Российской Федерации императивное требование к лицензионным договорам включать стандартное заверение правообладателя: «Лицензиар заверяет и гарантирует, что предоставляет Лицензиату право использования объекта по каждому возможному правовому режиму (включая авторское право, патентное право, товарный знак и иные), принадлежащее Лицензиару на данный объект интеллектуальной собственности в совокупности, без дополнительных обременений или иных правообладателей с его стороны, в пределах объема, срока, территории и способов, указанных в настоящем лицензионном договоре». Такое требование можно приравнять к установлению дополнительного существенного условия либо обязательного

элемента формы договора, аналогично уже существующим нормам ст. 1235 ГК РФ.

Возвращаясь к рассмотрению зарубежных подходов, стоит отметить, что в ранней судебной доктрине США господствовала позиция, согласно которой создатель интеллектуального продукта обязан был выбрать единственный режим правовой охраны [7, С. 119]. А.И. Минакова приводит в пример дело *De Jonge Co. v. Breuker Kessler Co.*, при рассмотрении которого суд указал, что «автор не может испрашивать правовую охрану дизайнерского решения одновременно по авторскому и по патентному праву – он должен сделать выбор» [6, С. 31]. К середине XX столетия обозначился постепенный отказ от прежней позиции, что иллюстрирует прецедент *Mazer v. Stein* (1954), в котором Верховный суд США указал, что патентоспособность функционального изделия не препятствует его охране авторским правом в качестве произведения искусства.

Как отмечает А.И. Минакова, прецедентное право США в настоящий момент придерживается подхода, согласно которому при обладании единым объектом признаками охраноспособности по нормам авторского и патентного права, его создатель освобождается от необходимости выбирать между режимами [6, С. 31]. Вместе с тем значительная часть споров о правомерности совмещения режимов остается на усмотрение суда, а попытки использовать товарный знак для продления истекшего патента получили в доктрине наименование «backdoor patent».

Кардинально отличного подхода придерживается правовая система Великобритании: истец вправе осуществить защиту только одного приоритетного права по своему выбору [10]. Подобная система существует и в Австралии, правовая система которой не предусматривает пересечения режимов охраны. А.И. Минакова акцентирует внимание на том, что австралийское законодательство об авторском праве (ст. 75, п. 2 ст. 77 Закона об авторском праве Австралии) исключает из сферы нарушений авторских прав на художественное произведение его воплощение в изделии промышленного производства [6, С. 32].

В Китае же законодательство не содержит норм, прямо указывающих на возможность кумулятивной охраны, но и прямо не запрещает ее – напротив, определения объектов отдельных правовых режимов сформулированы так, что допускают пересечения. Статья 2 Закона КНР «О патентах» определяет объекты патентной охраны: изобретения, полезные модели и промышленные образцы. В таком виде регулирова-

ние не исключает кумулятивную охрану: например, промышленный образец может совпадать с объектом авторского права, а товарный знак – с полезной моделью (формой/упаковкой). Так, в 2014 году в Китае было признано нарушением исключительного права на изобразительный товарный знак в виде дизайна бутылки его воплощение в реальном товаре [14]. Суд постановил, что с учетом внешнего сходства сопоставимых объектов и репутации истца вероятно, что потребитель может предположить наличие связи между спорным товаром и истцом [5, С. 86].

Аналогичным образом строится регулирование и с использованием Закона КНР «О товарных знаках». В соответствии со ст. 8 данного Закона товарный знак может включать «слова, графические изображения, буквы алфавита, числительные, трехмерные изображения, комбинации цветов». Данное положение создает основу для кумулятивной охраны, поскольку трехмерные знаки могут совпадать с объектами промышленного образца или произведениями изобразительного искусства. Н.И. Капырина указывает, что в 2021 году Верховный суд Китая официально закрепил правовую охрану объектов прикладного искусства наравне с художественными произведениями [4, С. 76], тем самым косвенно подтвердив допустимость кумулятивной охраны в КНР.

В Японии кумулятивная охрана не только возможна, но и активно стимулируется: Тэцую Фусе отмечает, что в последние годы правообладатели все чаще прибегают к более широкой кумулятивной охране, обращаясь, в частности, к защите одновременно и авторским правом, и товарным знаком [8]. На практике дизайн, определяемый правами на внешний вид объектов, координируется с патентным режимом для продуктов, где технологические инновации проявляются визуально [8].

Таким образом, в аспекте признания возможности кумулятивной охраны зарубежные правовые порядки демонстрируют несколько типологических подходов. Нами выделены: подход полного признания кумулятивности (Европейский Союз, Франция, Италия, современные США, Япония и др.), характеризующийся отсутствием законодательных запретов на одновременную защиту одного объекта несколькими правовыми режимами; взаимоисключающий подход (Великобритания, Австралия), предполагающий жесткое демаркационное разграничение правовых режимов; переходный подход (Китай), опирающийся на отсутствие прямых запретов при пересекающихся законодательных дефинициях с косвенным

признанием кумулятивной охраны в судебной практике.

Проведенное исследование зарубежного опыта регулирования кумулятивной охраны интеллектуальной собственности свидетельствует о доминировании моделей полного признания параллельной защиты одного объекта несколькими правовыми режимами в большинстве развитых юрисдикций. Французская теория «единства искусства», по мнению автора, представляет наиболее развитую форму кумулятивности, обеспечивая неразрывную консолидацию исключительных прав у единого субъекта. Имплементация элементов французского подхода в российское право позволила бы устранить фрагментацию титулов и связанные с ней риски множественного лицензирования. Для реализации данной меры предлагается, среди прочего, дополнить статью 1235 ГК РФ положением, предусматривающим обязательное заявление лицензиара по каждому режиму на данный объект.

Список источников

1. Блинов И.С. Эволюция правового регулирования интеллектуальной собственности: ретроспектива и зарождение проблемы пересечения прав интеллектуальной собственности // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 30–34.
2. Ворожевич А.С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2017. № 18. С. 45–57.
3. Дорофеева А.М. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности в легкой промышленности: дис. ... канд. юрид. наук; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2023.
4. Капырина Н.И. Охрана зарубежного дизайна: нужна ли нам взаимность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. Декабрь. № 4 (46). С. 60–79.
5. Королева А.Г. Исключительные права на объекты промышленного дизайна: дис. ... канд. юрид. наук; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2023.
6. Минакова А.И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Сентябрь. Вып. 3 (41). С. 25–38.
7. Derclaye E., Leistner M. Intellectual Property Overlaps: A European Perspective. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2011.
8. Fuse T. Collaboration of Intellectual Property // APAA e-Newsletter. 2022. Issue No. 27 [Электронный ресурс]. URL: <https://apaaonline.org/article/collaboration-of-intellectual-property/>.
9. Magliocca G. Ornamental Design and Incremental Innovation // Marquette Law Review. 2003. Vol. 86. № 5. P. 845–855.

10. Mimler M. Copyright, trade marks, patents and designs. WIPO/BCC course. London, 11 September 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.britishcopyright.org/wp-content/uploads/Day-8_M_Mimler_Overlaps-2019-.pdf.

11. Moffat V.R. Mutant copyrights and backdoor patents: the problem of overlapping intellectual property protection // Berkeley Technology Law Journal. 2004. Vol. 19. № 4. P. 1473–1532 [Электронный ресурс]. URL: https://btj.org/data/articles2015/vol19/19_4/19-berkeley-tech-l-j-1473-1532.pdf.

12. Strasser M. The Rational Basis of Trademark Protection Revisited: Putting the Dilution Doctrine Into Context // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. 2000. Vol. 10. № 2. P. 375–428.

13. Wilkof N., Basheer Sh. Overlapping intellectual property rights (2nd edn). Oxford University Press, 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://api.pageplace.de/preview/DT0400.9780192658715_A46966975/preview-9780192658715_A46966975.pdf.

14. Yan Z., Yan S. Two-dimensional trademark helps to protect three-dimensional bottle shape [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ab3b4d8f-0a62-4f9d-8452-8c932b2b414b>.

References

1. Blinov I.S. E`volyuciya pravovogo regulirovaniya intellektual`noj sobstvennosti: retrospektiva i zarozhdenie problemy` peresecheniya prav intellektual`noj sobstvennosti // Yuridicheskaya nauka. 2022. № 6. S. 30–34.
2. Vorozhevich A.S. Peresechenie prav na tovarny`e znaki, proizvedeniya i promy`shlenny`e obrazcy // Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam. 2017. № 18. S. 45–57.
3. Dorofeeva A.M. Pravovaya oxrana rezul'tatov intellektual`noj deyatel`nosti v legkoj promy`shlennosti: dis. ... kand. yurid. nauk; Moskovskij gos. yurid. un-t im. O.E. Kutafina (MGYuA). Moskva, 2023.
4. Kapyrina N.I. Oхрана zarubezhnogo dizajna: nuzhna li nam vzaimnost`? // Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam. 2024. Dekabr`. № 4 (46). С. 60–79.
5. Koroleva A.G. Isklyuchitelnye prava na ob`ekty promy`shlennogo dizajna: dis. ... kand. yurid. nauk; Moskovskij gos. yurid. un-t im. O. E. Kutafina (MGYuA). Moskva, 2023.
6. Minakova A.I. Voprosy` peresecheniya pravovy`x rezhimov proizvedeniya dizajna i promy`shlennogo obrazca // Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam. 2023. Sentyabr`. Vy`p. 3 (41). S. 25–38.
7. Derclaye E., Leistner M. Intellectual Property Overlaps: A European Perspective. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2011.
8. Fuse T. Collaboration of Intellectual Property // APAA e-Newsletter. 2022. Issue No. 27 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://apaaonline.org/article/collaboration-of-intellectual-property/>.
9. Magliocca G. Ornamental Design and Incremental Innovation // Marquette Law Review. 2003. Vol. 86. № 5. P. 845–855.
10. Mimler M. Copyright, trade marks, patents and designs. WIPO/BCC course. London, 11 September 2019

[E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.britishcopyright.org/wp-content/uploads/Day-8_M_Mimler_Overlaps-2019-.pdf.

11. Moffat V.R. Mutant copyrights and backdoor patents: the problem of overlapping intellectual property protection // Berkeley Technology Law Journal. 2004. Vol. 19. № 4. P. 1473–1532 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://btlj.org/data/articles2015/vol19/19_4/19-berkeley-tech-lj-1473-1532.pdf.

12. Strasser M. The Rational Basis of Trademark Protection Revisited: Putting the Dilution Doctrine Into Context // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. 2000. Vol. 10. № 2. P. 375–428.

13. Wilkof N., Basheer Sh. Overlapping intellectual property rights (2nd edn). Oxford University Press, 2012 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://api.pageplace>.

[de/preview/DT0400.9780192658715_A46966975/preview-9780192658715_A46966975.pdf](https://www.britishcopyright.org/wp-content/uploads/Day-8_M_Mimler_Overlaps-2019-.pdf).

14. Yan Z., Yan S. Two-dimensional trademark helps to protect three-dimensional bottle shape [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=ab3b4d8f-0a62-4f9d-8452-8c932b2b414b>.

*Статья поступила в редакцию 26.05.26;
одобрена после рецензирования 29.05.26;
принята к публикации 29.05.26.*

*The article was submitted 26.05.26;
approved after reviewing 29.05.26;
accepted for publication 29.05.26.*

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 116.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):116.

Права человека в Евразийском пространстве

Научная статья
УДК 342.7:614.253.84
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_116

«ЦИФРОВАЯ ДОСТУПНОСТЬ» МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КАК ЭЛЕМЕНТ СТАТЬИ 41 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОТ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ К УДАЛЕННОМУ МОНИТОРИНГУ

ГУЛАЙ Олег Николаевич

Аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу «цифровой доступности» медицинской помощи как дополнительного элемента реализации статьи 41 Конституции РФ в условиях цифровой трансформации здравоохранения. Цель статьи состоит в определении параметров публично-правового регулирования, обеспечивающих недискриминационный и безопасный характер получения медицинской помощи в условиях цифровой трансформации. Достижению цели исследования способствовало использование как общенаучных методов познания, таких как синтез и анализ, так и формально-юридического и сравнительно-правового методов. Показано, как электронные медицинские карты, телемедицина, инфраструктура информационно-медицинских систем и мобильные приложения формируют самостоятельный канал доступа к медицинской помощи, меняя модель оказания помощи. При этом меняются не только условия доступа к здравоохранению, но и юридическая квалификация действий врача и медицинской организации. Кроме того, выявлена необходимость установления требований к связи, устройствам, цифровой грамотности и безопасности информационного обмена, а также обоснована потребность в минимальных стандартах качества и сохранении офлайн-альтернативы для групп риска цифрового исключения.

Ключевые слова: цифровая доступность, право на охрану здоровья, медицинская помощь, телемедицина, дистанционное медицинское наблюдение, удаленный мониторинг, персональные медицинские помощники

Для цитирования: Гулай О.Н. «Цифровая доступность» медицинской помощи как элемент статьи 41 Конституции Российской Федерации: от телемедицины к удаленному мониторингу // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 116. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_116

Human Rights in the Eurasian Space

Original article

«DIGITAL ACCESSIBILITY» OF MEDICAL CARE AS AN ELEMENT OF ARTICLE 41 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION: FROM TELEMEDICINE TO REMOTE MONITORING

GULAY Oleg Nikolaevich

Postgraduate Student of the Department of Constitutional Law and Constitutional Procedure of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
117198, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 6, Russian Federation

Abstract: This article examines the «digital accessibility» of medical care as an additional dimension of the implementation of Article 41 of the Constitution of the Russian Federation in the context of the digital transformation of healthcare. The article aims to identify the parameters of public-law regulation necessary to ensure that access to medical care in a digitally transformed healthcare system remains both non-discriminatory and safe. To achieve this objective, the study employs general scientific methods, including analysis and synthesis, alongside formal legal and comparative legal methods. The article demonstrates how electronic health records, telemedicine, information infrastructure in healthcare, and mobile applications are forming an independent channel of access to medical care, thereby transforming the model of healthcare delivery. At the same time, digital transformation alters not only the conditions of access to healthcare, but also the legal characterization of the actions of physicians and medical organizations. In addition, the study identifies the need to establish requirements relating to connectivity, devices, digital literacy, and the security of

information exchange, and substantiates the need for minimum quality standards and the preservation of offline alternatives for groups at risk of digital exclusion.

Keywords: digital accessibility, right to health, medical care, telemedicine, remote medical observation, remote patient monitoring, personal medical assistants

For citation: Gulay O.N. «Digital Accessibility» of Medical Care as an Element of Article 41 of the Constitution of the Russian Federation: from Telemedicine to Remote Monitoring = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):116. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_116

Гарантированное статьей 41 Конституции Российской Федерации право на охрану здоровья и медицинскую помощь раскрывается посредством доступности и качества медицинской помощи, а также через финансовые механизмы гарантий бесплатной медицины. При этом в современных условиях сама по себе доступность здравоохранения обеспечивается уже не только классической телемедициной, но и мобильными приложениями, а также комплексными цифровыми системами, которые позволяют как получить медицинскую консультацию, так и записаться на прием к врачу и вести мониторинг состояния здоровья в дистанционном режиме. Однако цифровизация здравоохранения формирует не только расширение доступа к медицинской помощи, но и новый массив правовых рисков, прежде всего в области мобильных приложений, платформенного контроля и защиты персональных данных [1]. В этой связи нельзя забывать, что цифровое обеспечение здравоохранения не является нейтральным дополнением к медицине, как может показаться на первый взгляд, ведь оно меняет условия и параметры оказания помощи, распределение рисков, а также юридическую составляющую действий врача, пациента и медицинского учреждения.

В России телемедицинские технологии нормативно были закреплены посредством введения Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ в базовый отраслевой Федеральный закон № 323-ФЗ статьи 36.2. Такая законодательная конструкция в целом сбалансировала расширение доступа к медицинской помощи и требования клинической безопасности, например: первичная постановка диагноза и назначение лечения, как правило, допускаются только после очного приема, а уже после очного установления диагноза возможна коррекция терапии с помощью телемедицинских технологий, которая осуществляется на основании данных, получаемых от медицинских изделий, а также информации из Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) или региональных систем.

Российская модель регулирования телемедицины продемонстрировала, что формальное

признание дистанционной медицины еще не означает действительной цифровой доступности помощи, несмотря на то, что законодательная легализация телемедицины стала важным шагом к формированию системы публично-правового регулирования цифрового здравоохранения. Однако созданная модель регулирования оказалась во многом неполной, излишне осторожной и ограничивающей практическое развитие телемедицинских услуг [6]. Институционализация телемедицинского контура сформировалась с принятием Приказа Минздрава России от 11 апреля 2025 г. № 193н, который закрепил дистанционное медицинское наблюдение в качестве формы дистанционного взаимодействия, а также нормативно допустил использование систем поддержки врачебных решений на базе искусственного интеллекта. Если на первоначальном этапе телемедицина была ориентирована преимущественно на дистанционное консультирование и обмен медицинской информацией, то действующее регулирование уже закрепляет более широкий функционал цифрового взаимодействия, в связи с чем, с точки зрения современного правового регулирования телемедицина перестает быть моделью единичного удаленного контакта и постепенно переходит в институциональную основу для постоянного цифрового сопровождения пациента. В этом смысле представляется, что трансформация телемедицины в удаленный мониторинг становится не только одной из важнейших составляющих дистанционного оказания медицинской помощи, но и отражает качественное изменение самой модели цифровой доступности медицинской помощи в контексте статьи 41 Конституции Российской Федерации.

В отличие от телемедицины удаленный мониторинг строится на непрерывном измерении показателей и потоке данных. В этой связи О.В. Романовская и Г.Б. Романовский отметили: «Телемедицина в настоящее время не утратила свое значение, заметно расширив свои возможности благодаря различным методам обмена информацией в режиме реального времени, став электронным помощником, позволяющим по-новому раскрыть принцип доступности

медицинской помощи» [5, С. 568]. Данный вектор технологического развития нормативно поддерживается как общим режимом, установленным ст. 36.2 базового отраслевого закона, так и экспериментальным режимом, установленным Постановлением Правительства РФ от 09 декабря 2022 г. № 2276. Поэтому дальнейшее развитие цифровой доступности медицинской помощи связано не только с признанием телемедицинских технологий как части такой доступности, но и с последовательным пересмотром тех регулятивных ограничений, которые препятствуют полноценному использованию удаленного консультирования и наблюдения за пациентом [4]. Представляется, что с точки зрения статьи 41 Конституции Российской Федерации экспериментальные правовые режимы в здравоохранении можно рассматривать как особый юридический механизм адаптации конституционной гарантии права на охрану здоровья и медицинскую помощь к условиям цифровой трансформации, а не как отступление от этой гарантии. Экспериментальные правовые режимы (ЭПР) позволяют ускорить внедрение новейших медицинских технологий, что подчеркивается научными исследованиями в области права, но результаты таких режимов требуют внесения изменений в базовый закон об охране здоровья. М.Л. Давыдова отметила: «Модель экспериментального правового режима (регулятивной песочницы) возникла именно для того, чтобы преодолеть консерватизм правового регулирования и дать возможность апробировать новые перспективные технологии, для которых пока не существует нормативно-правовой базы» [2, стр. 578]. Практика последних лет показывает, что дальнейшее развитие российских ЭПР в здравоохранении движется по пути перехода от телемедицинских консультаций к более сложным цифровым формам сопровождения пациента. В этом смысле заслуживает отдельного внимания эксперимент «Персональные медицинские помощники», установленный постановлением Правительства РФ от 9 декабря 2022 г. № 2276, который стал пилотным проектом по реализации цифровой экосистемы сбора и обработки информации о здоровье. При этом проект «Персональные медицинские помощники» был тесно сопряжен с пилотным проектом по дистанционному наблюдению пациентов с артериальной гипертензией и сахарным диабетом на 2023–2024 гг. Так, уже в апреле 2024 г., по данным Минэкономразвития России, в нем участвовало более 19 тысяч пациентов [7]. Кроме того, по данным Минздрава России, только за 2024 год в стране проведено 16 миллионов телеме-

дицинских консультаций [8]. Сведения Минэкономразвития о становлении экспериментального режима указывают на расширение сценариев удаленного мониторинга. Теперь они включают дистанционное наблюдение беременных и использование бесплатно выдаваемых устройств с дистанционной передачей данных, таких как глюкометры и тонометры [9], что позволяет своевременно выявлять патологию и снижать число «лишних» очных визитов к врачу. Таким образом, удаленный мониторинг уже сейчас следует расценивать не как дополнение к телемедицине, а как следующий этап развития цифровой доступности медицинской помощи. При этом расширение цифровой доступности медицинской помощи предполагает дистанционный формат взаимодействия, который требует достоверного подтверждения личности, в том числе с помощью биометрических данных, которые, в свою очередь, требуют наличия надежных механизмов удаленной идентификации пациента [3]. Кроме вопросов с идентификацией и аутентификацией в системах удаленного мониторинга, существуют также проблемы технологического характера, связанные с интеграцией устройств мониторинга в уже существующие цифровые системы. Также одним из препятствий широкого внедрения удаленного мониторинга остается довольно распространенный скептицизм в отношении цифровых технологий вообще и дистанционных технологий в частности. Представляется, что дальнейшее развитие технологий удаленного мониторинга, в том числе в рамках проекта «Персональные медицинские помощники», способствует реализации конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь, в особенности жителям отдаленных регионов, маломобильным гражданам, поможет снизить нагрузку и оптимизировать труд врачей, что в конечном итоге приведет к снижению заболеваемости и росту продолжительности жизни.

Кроме того, в свете реализации положений Распоряжения Правительства РФ от 17 апреля 2024 г. № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» системы удаленного мониторинга с персональными медицинскими помощниками становятся важнейшей составляющей технологии цифрового двойника, которая позволит вывести реализацию конституционных положений о здоровье на совершенно новый уровень – уровень технологий медицины будущего.

В Конституции Российской Федерации не прописаны конкретные формы и способы

медицинской помощи. В этом смысле законодатель обладает дискрецией в выборе механизмов реализации положений статьи 41 Конституции. Представляется, что в таких условиях цифровизация медицины вполне допустима как способ реализации конституционных гарантий на охрану здоровья и медицинскую помощь, но цифровая трансформация не должна снижать реальную доступность здравоохранения и безальтернативно заменять действующую систему учреждений здравоохранения. При этом сам по себе доступ к медицине посредством цифровой среды означает необходимость учета дополнительных элементов по сравнению с классической доступностью, таких как обязательное наличие связи и устройства доступа, цифровая грамотность пациента, качество связи, обеспечивающее непрерывность данных, технологическая безопасность информационного обмена.

Таким образом, представляется, что с целью реализации дополнительных гарантий положений статьи 41 Конституции Российской Федерации в условиях доступа к медицинской помощи посредством цифровых платформ, целесообразно, прежде всего, обеспечить доверие к системам удаленного доступа, таким как приложения для мобильных устройств, электронные базы данных, каналы связи, а именно обеспечить защиту цифрового контура от несанкционированного доступа третьих лиц и утечки персональных данных. Без доверия к цифровым медицинским системам и в условиях скептического отношения к эффективности дистанционных технологий как со стороны пациентов, так и со стороны медицинских работников трудно говорить о том, какую пользу могут принести системы удаленного мониторинга в медицине. В этом смысле многократно возрастает роль государства как регулятора и гаранта незыблемости конституционных положений. Кроме того, представляется необходимым обеспечение права пациента на телемедицину и дистанционное наблюдение при медицинской допустимости, а также конкретизация минимальных стандартов качества удаленного мониторинга, в то же время необходимо обеспечить альтернативу удаленному мониторингу группам с высоким риском цифрового исключения. Трансформация реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь в рамках цифрового контура меняет традиционное представление о способах диагностики и лечения, осуществляемых исключительно при непосредственном визите к врачу, на возможность непрерывного медицинского контроля с помощью телемедицины и дистанци-

онного наблюдения, которые становятся институциональной частью системы здравоохранения. В таких условиях публично-правовое регулирование в целях реализации положений статьи 41 Конституции Российской Федерации призвано обеспечить не только финансовую и организационную доступность здравоохранения, но и недискриминационный и безопасный цифровой характер получения медицинской помощи при обязательном сохранении классической офлайн-альтернативы.

Список источников

1. Гаджиева А.О., Трубина В.А., Соловьева-Опошнянская А.Ю. Мобильные приложения и экосистемы в сфере здравоохранения: правовые аспекты // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2025. Т. 18. № 4. С. 267–291.
2. Давыдова М.Л. Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2023. Т. 27. № 3. С. 564–582.
3. Запорожцев Д.С. Биометрические данные как средство удаленной идентификации человека // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2025. Т. 29. № 4. С. 981–994.
4. Макаров В.О. Правовое регулирование телемедицины в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2025. Т. 29. № 2. С. 562–581.
5. Романовская О.В., Романовский Г.Б. Право и цифровизация современного здравоохранения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2024. Т. 28. № 3. С. 565–583.
6. Смирнова Е.А., Шишанова А.А. Телемедицина в новых правовых реалиях // *Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения*. 2018. № 3. С. 91–97.
7. Минэкономразвития считает успешными итоги эксперимента по персональным медицинским помощникам // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_schitaet_ushpeshnymi_itogi_eksperimenta_po_personalnym_medicinskim_pomoshchnikam.html.
8. Михаил Мурашко выступил на круглом столе «Цифровая трансформация здравоохранения в государствах-членах ЕАЭС: стратегические приоритеты» // Министерство здравоохранения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2025/12/25/29392-mihail-murashko-vystupil-na-kruglom-stole-tsifrovaya-transformatsiya-zdravoohraneniya-v-gosudarstvah-chlenah-eaes-strategicheskie-prioritety>.
9. «Персональные медицинские помощники» дополнены новыми системами мониторинга // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/news/ministerstvo-ekonomicheskogo-razvitiya-dopolneny-novymi-sistemami-monitoringa>.

Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/personalnye_medicinskie_pomoshchniki_dopolneny_novymi_sistemami_monitoringa.html.

References

1. Gadzhieva A.O., Trubina V.A., Solov`eva-Oposhnyanskaya A.Yu. Mobil`ny`e prilozheniya i e`kosistemy` v sfere zdavooxraneniya: pravovy`e aspekty` // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2025. T. 18. № 4. S. 267–291.

2. Davy`dova M.L. Telemedicina i e`ksperimental`ny`e pravovy`e rezhimy` v oblasti zdavooxraneniya: problemy` i perspektivy` vnedreniya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2023. T. 27. № 3. С. 564–582.

3. Zaporozhcev D.S. Biometricheskie dannye` kak sredstvo udalenoj identifikacii cheloveka // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2025. T. 29. № 4. С. 981–994.

4. Makarov V.O. Pravovoe regulirovanie telemediciny` v Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2025. T. 29. № 2. С. 562–581.

5. Romanovskaya O.V., Romanovskij G.B. Pravo i cifrovizaciya sovremennoego zdavooxraneniya // Vestnik Rossijskogo universiteta družby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. T. 28. № 3. С. 565–583.

6. Smirnova E.A., Shishanova A.A. Telemedicina v novy`x pravovy`x realiyax // Rossijskij zhurnal telemediciny` i e`lektronnoego zdavooxraneniya. 2018. № 3. S. 91–97.

7. Mine`konomrazvitiya schitaet uspešny`mi itogi e`ksperimenta po personal`ny`m medicinskim pomoshhnikam // Ministerstvo e`konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_schitaet_uspešnymi_itogi_eksperimenta_po_personalnym_medicinskim_pomoshhnikam.html.

8. Mixail Murashko vy`stupil na kruglom stole «Cifrovaya transformaciya zdavooxraneniya v gosudarstvax–chlenax EAE`S: strategicheskie priority`» // Ministerstvo zdavooxraneniya Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2025/12/25/29392-mihail-murashko-vystupil-na-kruglom-stole-tsifrovaya-transformatsiya-zdavooxraneniya-v-gosudarstvax-chlenah-eaes-strategicheskie-priority>.

9. «Personal`ny`e medicinskie pomoshhniki» dopolneny` novy`mi sistemami monitoringa // Ministerstvo e`konomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/personalnye_medicinskie_pomoshchniki_dopolneny_novymi_sistemami_monitoringa.html.

*Статья поступила в редакцию 16.05.26;
одобрена после рецензирования 20.05.26;
принята к публикации 20.05.26.*

*The article was submitted 16.05.26;
approved after reviewing 20.05.26;
accepted for publication 20.05.26.*

Правосудие и правоохранительная деятельность в Евразийском пространстве

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 121.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):121.

Правосудие и правоохранительная деятельность в Евразийском пространстве

Научная статья
УДК 347.9:004.8

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_121

MACHINA ADIUVAT, HOMO IUDICAT: СИСТЕМНЫЕ ПОРОКИ ИНСТРУМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ЕСЬКОВ Александр Александрович

Судебный эксперт, сотрудник ООО «Кадастровая оценка и экспертиза»
628601, г. Нижневартовск, ул. Ханты-Мансийская, д. 2, стр. 1, оф. 213, Российская Федерация

Аннотация: На основе сценарного анализа диспозиции участников процесса (включая внесудебное правоприменение) впервые систематизированы и классифицированы 16 базовых пороков автоматизации, в том числе: цифровое неравенство, дефицит прозрачности, уязвимость к атакам на модель, алгоритмическая предвзятость, разрыв ответственности, ИИ-обструкция, когнитивная атрофия и тиражирование некорректных правовых позиций. Сформулированы шесть нормативных условий интеграции ИИ в правосудие, включая этапный стандарт человеческого контроля, запрет полной автоматизации, введение процессуальных противовесов злоупотреблениям, императивное раскрытие факта использования ИИ, персонифицированную юридическую ответственность и обеспечение технологического суверенитета. Ключевой принцип допустимости: *machina adiuvat, homo iudicat* – машина помогает, судит человек.

Ключевые слова: искусственный интеллект в судопроизводстве, большие языковые модели (LLM), принцип достаточного основания, юридическая техника, допустимость доказательств, цифровое неравенство, дефицит прозрачности, алгоритмическая предвзятость, разрыв ответственности, злонамеренные атаки на ИИ, ИИ-обструкция, когнитивная атрофия, аудит алгоритмов, технологический суверенитет, человеческий контроль

Для цитирования: Еськов А.А. *Machina adiuvat, homo iudicat: системные пороки инструментов искусственного интеллекта и критерии допустимости в судопроизводстве* // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 121. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_121

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

MACHINA ADIUVAT, HOMO IUDICAT: SYSTEMIC FLAWS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS AND ADMISSIBILITY CRITERIA IN JUDICIAL PROCEEDINGS

ESKOV Aleksandr Aleksandrovich

Forensic Expert, Employee of LLC «Cadastral Valuation and Expertise»
628601, Nizhnevartovsk, Khanty-Mansiyskaya St., 2, building 1, office 213, Russian Federation

Abstract: Drawing on a scenario analysis of the disposition of participants in a process (including extrajudicial law enforcement), 16 fundamental flaws of automation are systematically classified for the first time. These include: digital divide, transparency of reasoning deficit, vulnerability to adversarial attacks, algorithmic bias, responsibility gap, AI-driven filibustering, cognitive atrophy, and low-quality legal aid proliferation. Six normative conditions for the integration of AI into justice are formulated, comprising a graduated standard of human control, prohibition of full automation, procedural countermeasures against abuse, a mandatory duty to disclose AI usage, personalized legal liability, and guarantees of technological sovereignty. The guiding maxim of admissibility: *machina adiuvat, homo iudicat* – the machine assists, the human judges.

Keywords: artificial intelligence in judicial proceedings, large language models (LLM), principle of sufficient reason, legal technique, admissibility of evidence, digital divide, transparency of reasoning deficit, algorithmic bias, responsibility gap, adversarial attacks on AI, AI-driven filibustering, cognitive atrophy, algorithmic auditability, technological sovereignty, human-in-the-loop

For citation: Eskov A.A. *Machina Adiuvat, Homo Iudicat: Systemic Flaws of Artificial Intelligence Tools and Admissibility Criteria in Judicial Proceedings* 2026; 2 (79):121. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_121

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ), и в особенности большие языковые модели (LLM), перешли из разряда экспериментальных разработок в категорию инструментов повседневной профессиональной деятельности. Юридическое сообщество не осталось в стороне: по данным исследований Anthropic (2025) [47, 37], юристы входят в число наиболее активных пользователей систем генеративного ИИ – практикующие юристы описывают опыт формирования процессуальной позиции с использованием LLM-систем при обработке текстовых материалов объемом до 150 листов. Проникновение генеративного ИИ в судебную практику ставит вопрос о легитимности такого применения: первые прецеденты уже зафиксированы [1, 3], а соответствующий профессиональный и институциональный дискурс приобретает все более выраженный характер – в том числе непосредственно в судебных актах.

Тем не менее, интенсивность внедрения ИИ в практику опережает ее системное правовое осмысление. Отсутствие четких нормативных критериев допустимости применения LLM в судопроизводстве создает риски, несовместимые с конституционными гарантиями справедливого разбирательства. Настоящая статья ставит целью исследовать системные подходы к сопряжению правовых алгоритмов с технологиями ИИ, выявить риски, присущие неподготовленному внедрению LLM в судопроизводство, и сформулировать критерии нормативного регулирования данной сферы. Эмпирическая основа исследования базируется на анализе практики и актов; ее задача – исследовать системные подходы к сопряжению правовых техник с технологиями ИИ.

Обзор развития применения ИИ в юридической области

Сторонники применения технологий ИИ в юридической практике, как правило, апеллируют к двум ключевым преимуществам: сокращению трудозатрат и повышению качества юридических документов. Данный тезис требует дифференцированного подхода: если сокращение трудозатрат фиксируется в практической деятельности, то утверждение о повышении качества нуждается в самостоятельной эмпирической проверке с учетом возможных рисков. Примером этому служит позиция Суда по интеллектуальным правам (СИП), выраженная в постановлении по делу № А60-39444/2024: суд указал, что анализ, проведенный с использованием языковой модели DeepSeek V3 и представленный стороной в качестве дополнительного материала, является анализом доказа-

тельств, что является прерогативой суда, в связи с этим не опровергает выводы, сделанные судами первой и апелляционной инстанций. [15] Данная правовая позиция свидетельствует о том, что суды допускают вспомогательную функцию ИИ-инструментов, но при этом процессуально значимую деятельность по оценке доказательств оставляют исключительно за собой. Данный пример свидетельствует о том, что полезный эффект от применения ИИ в юридической деятельности возможен лишь при неукоснительном соблюдении процессуальных требований и в строгих пределах, очерченных судебной практикой.

Между тем интенсивность продвижения идеи о внедрении ИИ в судопроизводство нередко опережает ее критическое правовое осмысление. Подобный подход входит в противоречие с одним из фундаментальных принципов рационального познания – принципом достаточного основания, сформулированным Г.В. Лейбницем [13], которое в интерпретации Хр. Вольфа звучит так: «... поскольку невозможно, чтобы из ничто могло возникнуть нечто, все, что существует, должно иметь достаточное основание, почему оно существует, то есть всегда должно быть нечто, из чего можно понять, почему оно может стать действительным» [4]. Анализируя позицию сторонников ускоренного введения ИИ в российское правосудие мы приходим к выводу, что эти сторонники из высказывания Хр. Вольфа игнорируют вторую его часть: «то есть всегда должно быть нечто, из чего можно понять, почему оно может стать действительным». Их позиция по внедрению ИИ в правосудие строится на том, что уже сам факт существования и технической доступности технологии считается достаточным основанием для ее применения в судебном процессе. При этом вторая часть указанного принципа – необходимость понять, почему нечто «может стать действительным», – остается без внимания. Такое игнорирование подменяет системное правовое регулирование произвольными технологическими решениями и создает риски, несовместимые с конституционными гарантиями справедливого правосудия, превращая критический анализ в технологический энтузиазм. Сторонниками быстрого внедрения ИИ игнорируется необходимость устойчивой совокупности условий: процессуальной допустимости, соответствия принципам правового государства, верифицируемости результата и возможности установления юридической ответственности за принятые решения, что несовместимо с гарантиями ст. 19, 46 и 123 Конституции РФ.

Правовая система не может игнорировать объективный масштаб распространения ИИ-технологий. По данным международных исследований, уровень их использования населением демонстрирует устойчивый рост как в отдельных странах (рисунок 1) [35], так и в глобальном измерении (рисунок 2) [27]. Данная тенденция подтверждает факт того, что правовая система не может игнорировать существующую технологическую реальность, – однако это не предопределяет автоматического переноса практик массового использования ИИ в сферу отправления правосудия. Напротив, оно актуализирует необ-

ходимость выработки четких правовых критериев допустимого применения.

Показательные данные о характере законодательной активности в сфере ИИ представлены в ежегодном докладе «Artificial Intelligence Index Report 2025», подготовленном Стэнфордским институтом HAI (Institute for Human-Centered AI) [28]. В докладе проанализированы два показателя: (1, вертикальная ось) число нормативно-правовых актов (НПА), регулирующих ИИ, и (2, горизонтальная ось) частота упоминаний ИИ в парламентских дебатах. Для наглядной классификации стран по соотношению этих показа-

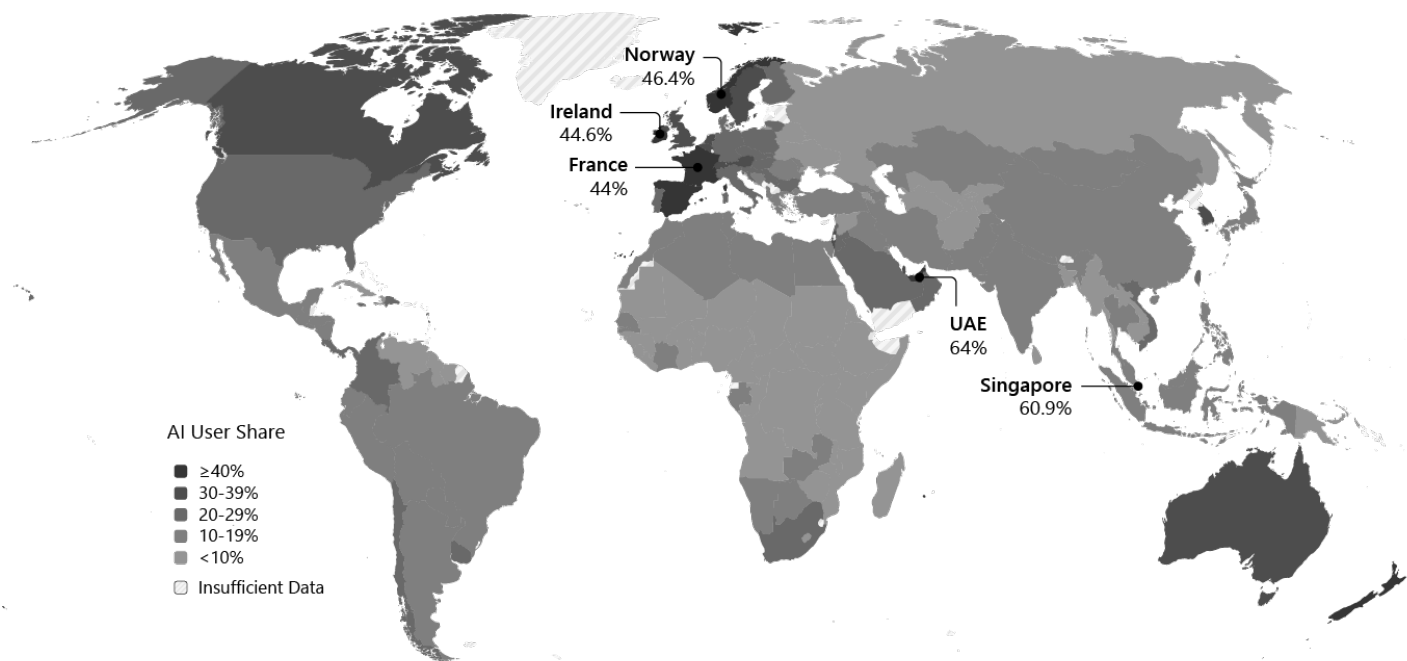

Рис. 1. Уровень использования населением стран ИИ (в долях населения страны) [35]

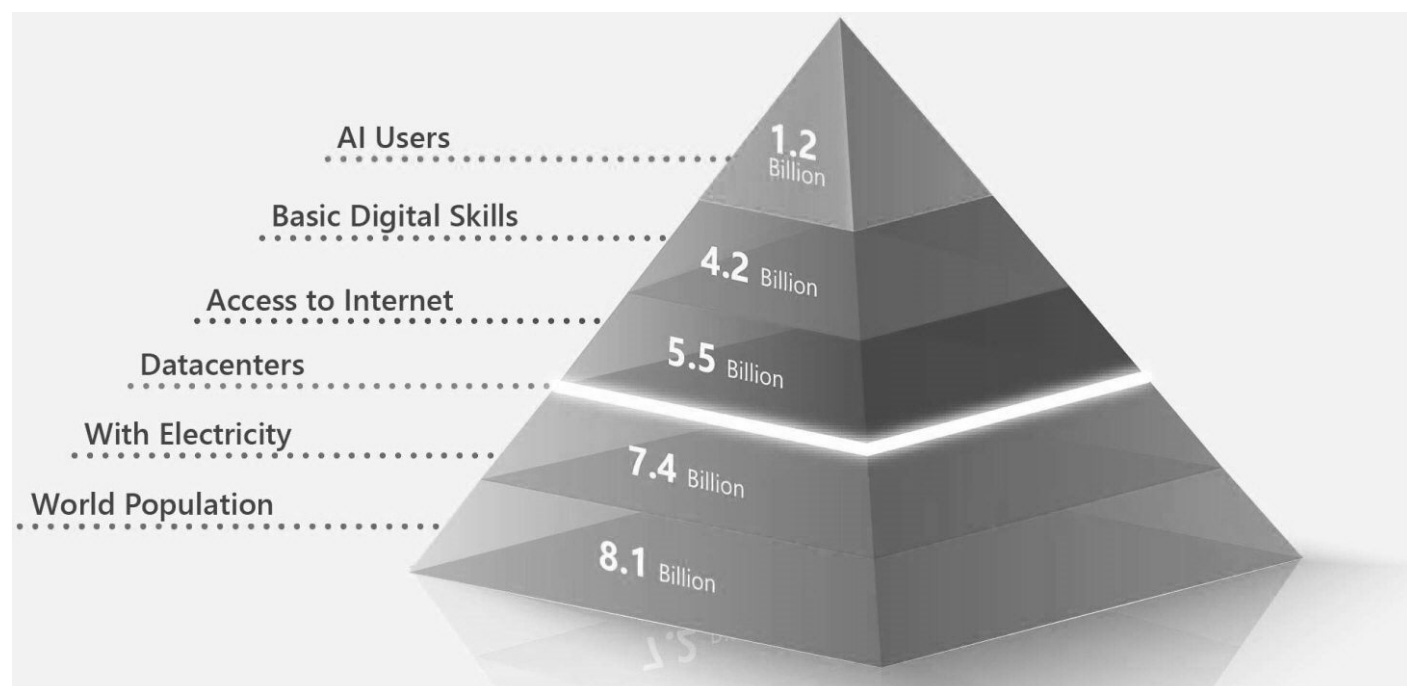

Рис. 2. Общий уровень проникновения ИИ в мире [27]

телей диаграмма разбита на четыре квадранта, по склонности людей обращаться к начальным частям источников, определяемая законом Бенфорда. Такое разделение позволяет определить группы государств с различными моделями нормотворческой активности (рисунок 3). Россия оказалась в квадранте «Мало говорят – много делают»: при относительно невысоком уровне публичных парламентских дискуссий по тематике ИИ она демонстрирует один из наиболее высоких показателей принятых законодательных норм. Данное обстоятельство заслуживает отдельного осмысления: интенсивное нормотворчество без сопровождающего его публичного дискурса создает риск недостаточной проработанности принимаемых решений. Применительно к правовому регулированию, затрагивающему конституционные основы судопроизводства, подобная модель особенно уязвима – право как система, регулирующая всю совокупность общественных отношений, нередко порождает последствия, которые не являются очевидными ни для законодателя, ни для участников правоотношений на момент принятия нормы. Это подтверждается позицией, высказанной в рамках Конференции «Адвокатура и правосудие в эпоху ИИ» [11]: участники обоснованно указали на риск формирования дифференцированной модели правосудия, при которой доступ к правосудию с участием судьи-человека будет обусловлен имущественным положением стороны, тогда как

для остальных категорий участников процесса правосудие будет осуществляться посредством информационных систем, что является реальной этической и правовой угрозой. Подобная дифференциация несовместима с принципами равенства всех перед законом и судом, права на судебную защиту и гласности судопроизводства.

Для оценки того, насколько выявленная диспропорция между нормотворческой активностью и публичным дискурсом отражает реальный уровень готовности государства к внедрению ИИ, показательным является Government AI Readiness Index (2025) Oxford Insights [36]. Индекс охватывает шесть ключевых измерений: политический потенциал (Policy Capacity), качество управления (Governance), ИИ-инфраструктуру (AI Infrastructure), развитие и диффузию технологий (Development & Diffusion), устойчивость систем (Resilience) и внедрение ИИ в государственном секторе (Public Sector Adoption), – последовательное укрепление которых, согласно методологии индекса, обеспечивает переход (рисунок 4) от технологической готовности к реальным общественным выгодам. Сопоставление этих данных с высокой законодательной активностью России (рисунок 3) обнаруживает центральный вопрос настоящего исследования: достаточно ли определено оснований, по Лейбницу [13, 4], для обеспечения правомерного, верифицируемого и конституционно обоснованного применения ИИ в сфере отправления правосудия, или

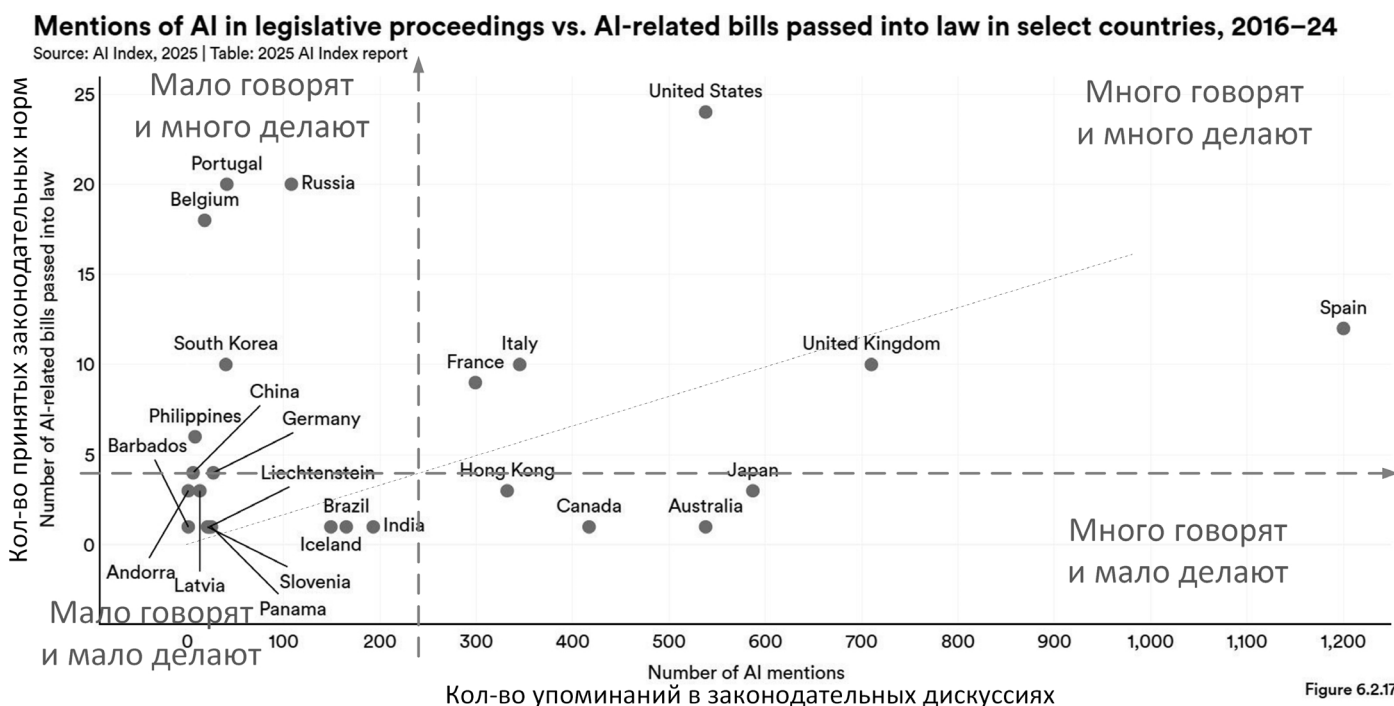

Рис. 3. Диаграмма национальных параметров количество НПА в области ИИ, и количество упоминаний ИИ законодателем [28]

необходима системная выработка критериев допустимости?

Системный анализ нормативной среды, формирующейся вокруг применения ИИ, требует обращения к опыту международных институтов. «Организация экономического сотрудничества и развития» (ОЭСР) [44] сформировала обширный массив публикаций о применении ИИ в сфере публичного управления [42, 40, 43], включая документы, непосредственно исследующие его роль в отправлении правосудия [30, 45, 41, 29]. Ключевым

концептуальным выводом этих материалов является признание устойчивого противоречия: с одной стороны – общественный запрос на развитие отношений в области ИИ, с другой – риск формирования диспропорций в уровне грамотности пользователей в использовании LLM и, как следствие, дискриминационных эффектов по технологическому признаку. Именно это противоречие образует нормативную рамку, в которой должно выстраиваться правовое регулирование ИИ в публичной сфере, включая судопроизводство.

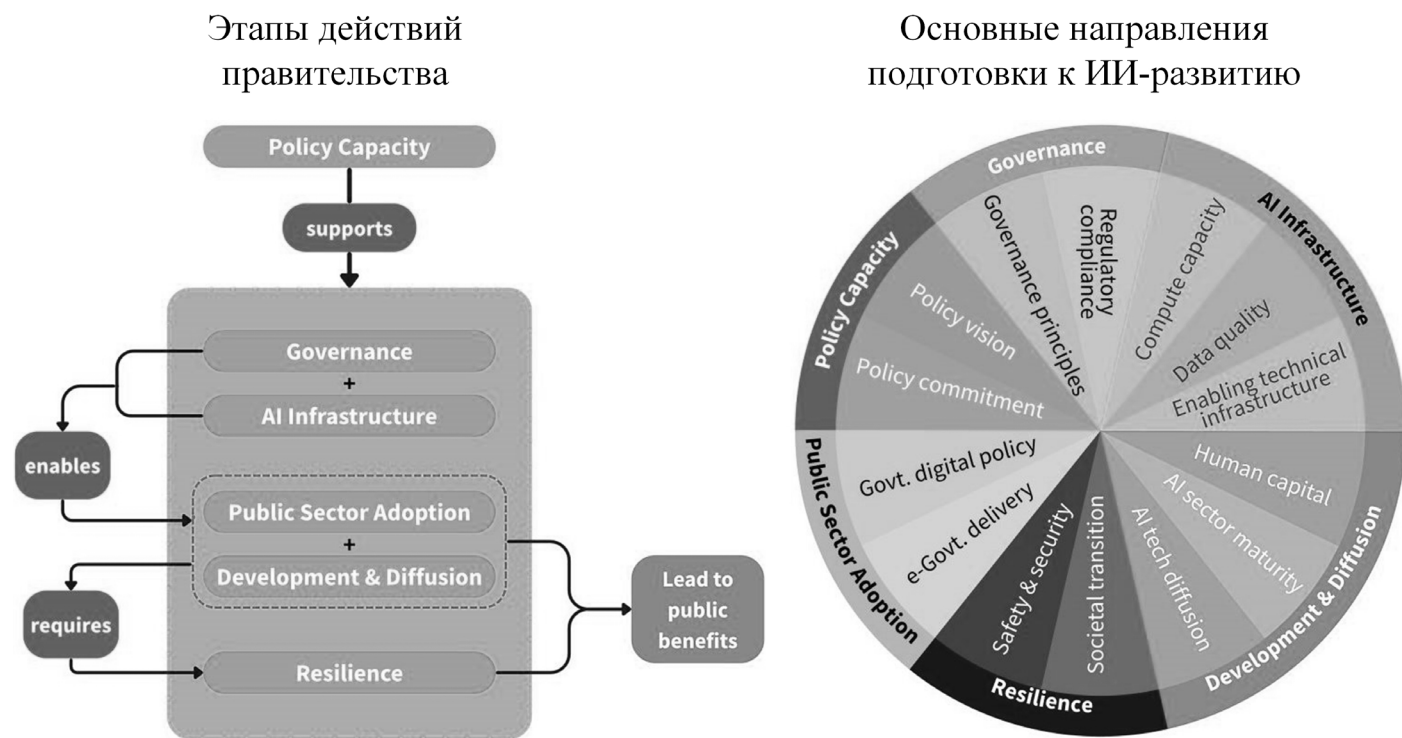

Рис. 4. Government AI Readiness Index 2025: методологии перехода от технологической готовности к реальным общественным выгодам интеграции ИИ [36]

Российские законодатели избрали путь интенсивного нормотворчества: в рамках исполнения Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [20] частично вносились изменения в НК РФ [14], приняты Федеральные законы 38-ФЗ [22], 123-ФЗ [23], 152-ФЗ [24], 230-ФЗ [21], принята «Концепция развития технологий машиночитаемого права» [12] и опубликовано Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р об утверждении Концепции регулирования ИИ и робототехники до 2024 года [16]. Введено более 60 ГОСТов и ПНСТ, регулирующих аспекты применения ИИ и машинного обучения. Параллельно Государственная Дума РФ рассматривает законопроекты, направленные на расширение

использования ИИ в конкретных сферах правоотношений [7, 8, 9].

Данная нормативная активность носит преимущественно отраслевой, фрагментарный характер, что препятствует формированию единого подхода к регулированию ИИ в судопроизводстве. Восполнить этот пробел призван законопроект Минцифры России «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [6], главная цель которого – формирование единого правового пространства для субъектов, разрабатывающих и использующих системы ИИ. Сопряженная разрозненность действующего регулирования, зафиксированная на диаграмме (рисунок 3), подтверждает тезис о том, что интенсивность нормотворчества сама по себе не свидетельствует о системной готовности к конституционно обоснованному внедрению ИИ в судопроизводство.

Все изложенное обуславливает цель настоящего исследования: сформулировать системные критерии допустимого применения ИИ и LLM в судопроизводстве, выявить риски неподготовленного внедрения и предложить нормативные ориентиры, соответствующие конституционным принципам. Такие критерии могут быть определены на стыке юридической техники и технологий больших языковых моделей.

Аналитическая часть

Положение России в вопросе регулирования отношений в области ИИ, охарактеризованное ранее, не является аномальным на фоне иных юрисдикций: темпы и фрагментарность нормотворчества воспроизводят общемировую тенденцию. Это обстоятельство делает уместным обращение к двум методологическим положениям Рудольфа фон Иеринга, определяющим дальнейший ход анализа.

Первое относится к темпу правовой эволюции: «Аналогическое распространение – везде плод медленного созревания мысли; пока его время не пришло, пока не признана повсюду необходимость в нем, попытка к тому, сделанная отдельным лицом, не даст никаких результатов. Это будет повторяться всегда, и в этом заключается лучшая гарантия от всякой чрезмерной поспешности» [17, С. 45].

Второе – к методу правового познания: «... путем логического изложения совершается в пределах права разграничение его составных частей таким образом, что общие мысли, появляющиеся в истории сперва в соединении с конкретным и специальным, мало по малу освобождаются от этой связи и приобретают подобающую им абстрактную форму. Те правоположения, которые остаются после того, как общие мысли уже выделились из этой связи, принадлежат уже исключительно этому специальному правоотношению» [17, С. 45].

Приведенные положения образуют двойную методологическую рамку настоящего исследования. Первое положение предостерегает от нормативного форсирования внедрения ИИ в отсутствие «созревшей» потребности правопорядка; второе – задает операционную процедуру – выделение общих правовых начал из их связи с конкретной технологической формой, то есть абстрагирование предметных пороков и эффектов ИИ от изменчивой технической оболочки. Обе установки согласуются с применяемым в §18 принципом достаточного основания Г.В. Лейбница (*principium rationis sufficientis*): нормативное решение о допустимости ИИ не может опираться

ни на инерцию темпа, ни на смешение общих и специальных положений. В связи с этим текущий этап можно охарактеризовать как период «аналогического распространения», когда LLM-инструменты еще не выработали устойчивых правовых форм в процессе.

В доктрине отсутствует единство относительно соотношения понятий «юридическая технология» и «юридическая техника». В российской школе сложились три позиции: (I) – юридическая технология включает юридическую технику (В.Н. Карташов, А.Н. Миронов, В.П. Уманская); (II) – обратное соотношение – техника включает технологию (С.С. Алексеев и др.); (III) – это автономные предметы. В западной доктрине преобладает концепт *legal technology* как самостоятельной дисциплины.

Применяя метод абстрагирования Иеринга, общее для всех трех позиций российской школы состоит в квалификации юридической технологии и технологии ИИ как объектов одного инструментального уровня, направленных на обработку юридически значимой информации; специальное – в различиях по источнику, субъекту применения и способу верификации результата. Общая часть задает предметную рамку исследования; специальная часть – источники пороков, классифицируемых в выводах этой публикации.

На основании такого разграничения ИИ квалифицируется не как субъект правоприменения и не как источник доказательства, а как инструмент познания и юридической техники, условия правомерного использования которого подлежат специальной нормативной разработке. Такое понимание соответствует итоговой формуле настоящего исследования – *machina adiuvat, homo iudicat* – и, в отличие от идеи «комплексного инструмента», не связывает общие правовые начала с существующей технологической формой, чего Иеринг предостерегает избегать. Поэтому гипотеза о возможности создания комплексного инструмента на стыке зрелой юридической технологии и незрелой технологии ИИ требует обратной логики: не право должно подстраиваться под алгоритмическую реальность, а технология, чтобы быть допущенной в сферу правосудия, обязана доказать соответствие критериям, выработанным юридической технологией за тысячелетия ее существования.

Теоретическая допустимость применения ИИ не тождественна ее реализуемости при текущем уровне развития технологий и права. Переходим от общих соображений к специальным и рассмотрим два типовых случая применения

ИИ в юриспруденции [26]: (I) – состязательный судебный процесс и (II) – внесудебное правоприменение и юридическое консультирование.

Случай I. Диспозиция участников судебного процесса.

На рис. 5 представлены пять базовых сценариев, различающихся по составу субъектов, обладающих доступом к аналитическим инструментам ИИ. Сценарии с большим числом участников сводимы к указанным пяти и самостоятельно не рассматриваются – это и есть операционное приложение принципа Иеринга «освобождения общего от специального».

Для целей анализа принимается рабочая презумпция, эмпирически подтверждаемая в сопоставимых состязательных средах: актер, использующий продвинутое ИИ-поддержку, при прочих равных, обладает существенным аналитическим преимуществом над актором, ее лишенным. Эта презумпция соответствует доктринальному конструкту цифрового неравенства (digital divide) и применяется далее как эквивалент порока 2(A) по классификации, представленной в выводах.

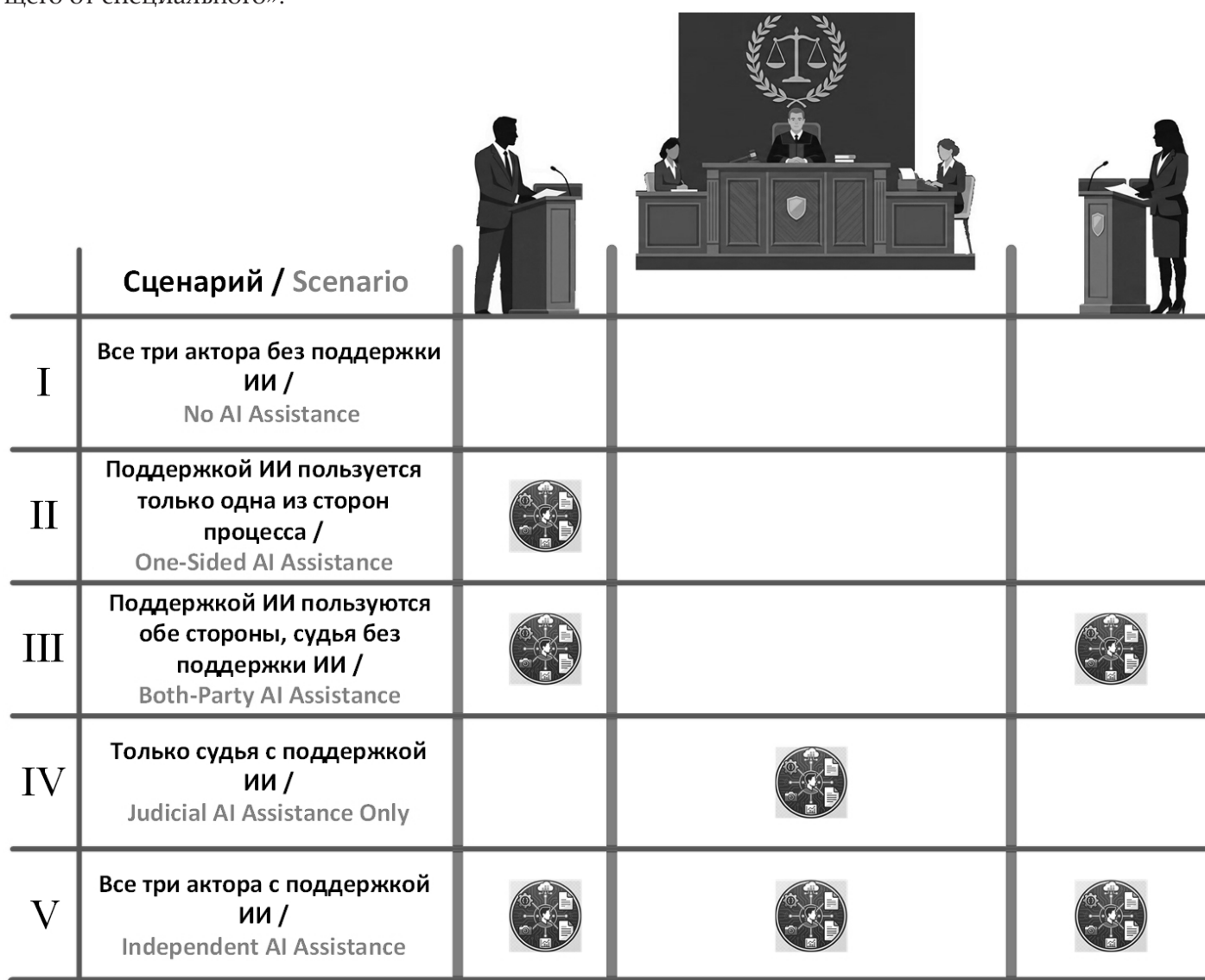

Рис. 5. Сценарии диспозиции участников судебного процесса в случае различного доступа каждого из участников к аналитическим возможностям ИИ.

Сценарий	Название	Пороки (часть «Выводы»), актуализируемые в сценарии
I	Все акторы без ИИ / No AI Assistance	Базовая линия
II	Только одна сторона с ИИ / One-Sided AI Assistance	2(A), 2(B), 2(Ж)
III	Обе стороны с ИИ, судья без ИИ / Both-Party AI Assistance	2(Ж), 2(К)
IV	Только судья с ИИ / Judicial AI Assistance Only	2(Б), 2(Г), 2(Д), 2(Е), 2(З), 2(Л), 2(М), 2(Н), 2(П)
V	Все акторы с ИИ / Independent AI Assistance	Совокупно II и IV + 2(О), 2(И)

Сценарий I: «Все без ИИ».

Воспроизводит сложившуюся систему. По мере распространения ИИ-инструментов частота реализации этого сценария будет убывать; самостоятельных новых пороков он не порождает.

Сценарий II: «Односторонняя ИИ-поддержка».

Одна из сторон использует LLM-инструменты в открытой или скрытой форме. Последствия:

А) дисбаланс процессуальных возможностей – нарушение принципа равенства перед законом и судом (2(A) – digital divide);

Б) снижение управляемости процесса за счет искусственного увеличения объема процессуальных документов (2(Ж) – AI-driven filibustering), уже эмпирически фиксируемого в текущей практике;

В) риск введения в заблуждение посредством сгенерированных материалов, в том числе с признаками злонамеренного искажения (2(B) – adversarial attacks).

Сценарий III: «Обе стороны с ИИ, судья без ИИ».

Паритет сторон сохраняется, но эффекты 2(Ж) усиливаются. Судья, лишенный сопоставимых аналитических средств, сталкивается с ситуацией процессуальной неопределенности при оценке объемных и технически насыщенных позиций (2(K) – non liquet), что порождает риск формального (минималистического) разрешения дела.

Сценарий IV: «ИИ-поддержка только у судьи».

Данный сценарий порождает наибольшую концентрацию пороков:

– мотивы решения не могут быть воспроизведены и проверены сторонами (2(B) – transparency of reasoning; 2(П) – auditability gap);

– оценка доказательств опосредуется генеративной моделью, что нарушает принцип непосредственности судопроизводства (2(З));

– утрачивается персонифицированный субъект ответственности за содержание акта (2(E) – responsibility gap);

– проявляется риск алгоритмической предвзятости (2(Д)) и деперсонализации правосудия (2(Н));

– сведения о ходе принятия решения могут утекать через внешние программные средства (2(Л) – confidentiality);

– результат зависит от прав доступа оператора (2(Г)) и поставщика инфраструктуры (2(М) – technological sovereignty);

– функциональная нагрузка вышестоящих инстанций как средства устранения судебной

ошибки снижается, поскольку проверка алгоритмически обусловленного решения оказывается невозможной (2(O) – lock-in) [19].

Сценарий V: «Все акторы с ИИ».

Этот сценарий реализуем только при совокупности условий: архитектура судейского ИИ должна быть открытой (в случае нейросетевых моделей – с публикацией весов и обучающих данных), а процедура использования – документированной (disclosure duty). На сегодняшнем уровне техники материальные составляющие ИИ-систем доступны широкому кругу субъектов, что делает возможными эксперименты по поиску уязвимостей официально утвержденного ИИ; пример такого эксперимента приведен в работе А. и Б. Колбеинссонов [38]. Эмпирически подтверждается, что практика обхода защит LLM нарастает и в значимой доле случаев успешна [2]. Это означает, что сценарий V структурно редуцируется к сценарию II (возникает асимметрия между добросовестным пользователем и тем, кто эксплуатирует уязвимости), и дополнительно воспроизводит пороки сценария IV. Длительная эксплуатация этой архитектуры ведет к когнитивной атрофии профессионального сообщества (2(И) – cognitive atrophy) и закрепляет институциональную необратимость (2(O)).

Случай II. Внесудебное правоприменение и юридическое консультирование.

За пределами судебного процесса ИИ выступает в качестве канала массовой юридической помощи. При отсутствии гарантий качества источника и отслеживаемой правовой позиции возникает инверсия функции доступа к правосудию: расширение охвата сопровождается тиражированием некорректных правовых позиций и системных ошибок (2(P) – low-quality legal aid proliferation). В этом случае пороки 2(Д), 2(Е) и 2(П) реализуются без процессуальных фильтров, а потому требуют самостоятельных нормативных противовесов – режима раскрытия факта использования ИИ и персонифицированной ответственности провайдера услуги.

Промежуточный итог

Применение метода абстрагирования Иеринга к двум случаям использования ИИ показывает, что ни один из сценариев, кроме исходного (I), не нейтрализует пороки средствами самой технологии. Одновременно справедливо и предостережение Иеринга о темпе: нормативное решение, принятое до «созревания» общих начал регулирования, не даст устойчивых результатов. Оба соображения вместе обосновывают переход к «Выводам»: допустимость применения ИИ в

правосудии не может быть установлена презумптивно и требует нормативно закрепленных критериев с градуированным стандартом человеческого контроля (*human-in-the-loop / on-the-loop / in-command*) в зависимости от категории дела и степени риска (*proportionality test*).

Выводы

Проведенный анализ и сопутствующие результаты позволяют констатировать, что коллизия между развитием технологий искусственного интеллекта и действующим правовым порядком носит структурный, а не ситуативный характер: она затрагивает не отдельные нормы, а системообразующие принципы судопроизводства (равенство, непосредственность, состязательность, персональная ответственность). Описанные общественные, правовые и технологические сдвиги свидетельствуют, что развитие отношений в области ИИ будет происходить эволюционным либо революционным путем независимо от воли законодателя; а также одновременно инструментарий информационных технологий не обеспечит институциональных репутаций (*due process guarantees*), выработанных юриспруденцией за тысячелетия. Совокупный объем релевантных аспектов не может быть раскрыт в формате статьи исчерпывающе, однако требование всесторонности и научной добросовестности (*plenitudo investigationis*) не допускает их игнорирования. Для обеспечения аргументационной связности с итоговой оценкой по принципу достаточного основания Г. В. Лейбница (*principium rationis sufficientis*) применяется краткое категорирование. Каждый аспект излагается по единой схеме: формулировка – латинский аналог (с указанием источника при наличии) – русский перевод – англоязычный доктринальный термин.

Технологии ИИ предлагают инструменты, которые дают революционные возможности по развитию понимания предмета юридического спора:

1(А). Ускорение интеллектуальных процессов и сокращение временных издержек на совершение процессуальных действий в юридической сфере, что обеспечивает оперативность рассмотрения дел и минимизирует период ожидания итогового правоприменительного акта, реализуя принцип процессуальной экономии и доктрину недопустимости отказа в правосудии вследствие его промедления (*iustitia dilata est iustitia denegata*).

1(Б). Расширение эмпирико-информационной базы, учитываемой при выработке юридически значимых решений, что обеспечивает полно-

ту доказательственного материала (*evidentiary completeness*) и способствует повышению обоснованности, мотивированности и качества правоприменительных актов в соответствии с принципом, согласно которому полнота сведений есть служанка истины (*plenitudo informationis ancilla veritatis*).

1(В). Обеспечение углубленной структуризации и категоризации правовой информации высокой степени сложности, реализуемое посредством архитектуры правовой информации (*legal information architecture*), что позволяет выявлять закономерности нормативного массива, упрощает применение юридических норм и способствует точной квалификации фактических обстоятельств в соответствии с максимальной *ubi ordo, ibi ius*.

1(Г). Выявление латентных связей и неявных закономерностей в нормативно-правовом массиве и совокупности фактических обстоятельств дела (*latent pattern discovery*), что способствует более глубокому пониманию сущности спорных правоотношений и установлению причинно-следственных связей, сокрытых от поверхностного анализа (*causa latet, vis est notissima*).

1(Д). Моделирование и прогнозирование последствий юридического спора во внешнем микроконтексте – в отношении непосредственных участников процесса и их ближайшего социального окружения (*micro-impact modelling*), что позволяет предвидеть косвенные эффекты правоприменительного акта и учитывать принцип *ex facto ius oritur* при оценке фактической стороны дела.

1(Е). Прогнозирование влияния принимаемых юридических решений на общественные отношения в целом (*societal impact projection*), включая оценку долгосрочных социальных трансформаций и отдаленных последствий для социума в соответствии с максимальной *roena ad paucos, metus ad omnes perveniat*.

Отрицательной стороной сегодняшней ситуации является то, что механизмы информационных технологий не предоставляют качеств, достаточных для интеграции их в юридические процессы, ввиду следующих не устраненных пороков:

2(А). Нарушение принципа процессуального равенства сторон вследствие асимметричного доступа к интеллектуальным технологическим инструментам, обусловленного цифровым неравенством (*digital divide*), что порождает риск формирования дифференцированной модели правосудия, зависимой от имущественного и образовательного положения участника процесса.

2(Б). Дефицит прозрачности логических оснований и алгоритмических процессов (*transparency*

of reasoning), используемых при формировании правоприменительного решения, препятствующий эффективному судебному контролю и верификации выводов, что противоречит принципу *occulta non praesumuntur*.

2(В). Широкая доступность инструментов злонамеренного искажения (*adversarial attacks*) результатов работы систем искусственного интеллекта, создающая угрозу фальсификации доказательственной информации и введения правоприменителя в заблуждение и нарушающая презумпцию достоверности автоматизировано сформированных данных в соответствии с положением *falsum est quod pro vero adulteratur*.

2(Г). Зависимость результатов функционирования информационной системы от уровня прав доступа ее оператора (*operator-dependent information asymmetry*), что не обеспечивает надлежащего отражения воли правоприменителя и противоречит принципам *nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse habet* и недопустимости постановки правового распоряжения в зависимость от воли третьего лица.

2(Д). Систематическая алгоритмическая предвзятость (*algorithmic bias*), обусловленная нерепрезентативностью обучающих выборок и воспроизводящая дискриминационные паттерны по признакам, не имеющим юридической релевантности, что нарушает принцип беспристрастности правосудия и порождает несправедливость вследствие порочного применения нормы (*ex prava applicatione iuris nascitur iniuria*).

2(Е). Отсутствие четко персонифицированного субъекта юридической ответственности (*responsibility gap*) за вред, причиненный решениями, принятыми с использованием систем искусственного интеллекта, что подрывает конституционную гарантию права на возмещение вреда и принцип персональной ответственности судьи (*imputatio iuris personam sequitur*).

2(Ж). Риск парализации судопроизводства вследствие искусственного увеличения объема процессуальных документов (*AI-driven filibustering*) с помощью больших языковых моделей (LLM), создающий условия для злоупотребления процессуальными правами и требующий введения специальных правовых противовесов, в соответствии с максимой *abusus non tollit usum, sed usum abusivum lex reprimit*.

2(З). Передача функций оценки доказательств системе искусственного интеллекта, в том числе во вспомогательном режиме, влечет подмену непосредственного судебного восприятия обстоятельств дела опосредованным машинным анали-

зом, что нарушает принципы непосредственности и устности судопроизводства: судья фактически взаимодействует с генеративной моделью («стохастическим попугаем», *stochastic parrot*), а не с первичными доказательствами, которые в отсутствие сознательного субъекта не могут рассматриваться как свидетельство.

2(И). Риск когнитивной атрофии и декалфикации (*cognitive atrophy, de-skilling*) представителей юридической профессии вследствие систематического делегирования аналитико-мыслительных задач автоматизированным системам, что ведет к ослаблению способности самостоятельно аргументировать, толковать и применять нормы права [39, 32, 31, 34] в соответствии с максимой *quod non exercetur, deperit*.

2(К). Ситуация процессуальной неопределенности (*non liquet*), при которой правоприменитель оказывается неспособным сформулировать окончательное и определенное решение вследствие недостаточности, противоречивости или неverifiedируемости данных, генерируемых ИИ-системой.

2(Л). Угроза нарушения конфиденциальности и тайны совещательной комнаты (*confidentiality, data leakage*) вследствие применения внешних программных средств искусственного интеллекта, что создает риск разглашения закрытых сведений о процессе выработки судебного акта и подрывает гарантии неприкосновенности процесса принятия правоприменительных решений в соответствии с принципом *secretum iudicii sacrum est*.

2(М). Дефицит цифрового суверенитета, проявляющийся в зависимости правоприменительной деятельности от иностранных моделей искусственного интеллекта и вычислительных инфраструктур (*technological sovereignty, vendor lock-in*), что создает системную уязвимость отправления правосудия и ограничивает автономию государства в соответствии с максимой *qui alienis armis utitur, alieno arbitrio subicitur*.

2(Н). Деперсонализация правосудия, выражающаяся в утрате судебского усмотрения и вытеснении индивидуальной оценки фактических обстоятельств формализованным алгоритмическим правоприменением (*loss of judicial discretion, mechanical jurisprudence*), что приводит к механическому применению норм без учета уникальности конкретной ситуации и нарушает принцип справедливости, отраженный в максиме *summum ius summa iniuria*.

2(О). Необратимость технологического внедрения и институциональная инерция правовой системы (*lock-in, path dependence*), выражающиеся в

практической невозможности возврата к прежним формам осуществления юридической деятельности после интеграции автоматизированных процедур и в сопротивляемости институциональной структуры последующим изменениям в соответствии с положением *consuetudo altera natura*.

2(П). Ретроспективная неверифицируемость решений, принятых с использованием систем искусственного интеллекта (*auditability gap*), обусловленная отсутствием воспроизводимых следов алгоритмических рассуждений, что делает невозможной последующую проверку обоснованности вынесенных актов и подрывает доверие к результатам правоприменения в соответствии с принципом *quod non est in actis, non est in mundo*.

2(Р). Инверсия функции расширения доступа к квалифицированной юридической помощи: при отсутствии гарантий качества массовое распространение автоматизированных правовых консультаций трансформируется в тиражирование некорректных правовых позиций и ошибок (*low-quality legal aid proliferation*), что приводит к умножению правового ущерба в соответствии с максимой *auxilium quod nocet, non est auxilium*.

Резюмирующий тезис

Перечисленные положительные эффекты (1(А)–1(Е)) не образуют достаточного основания (*principium rationis sufficientis* по Г.В. Лейбницу) для интеграции ИИ в правосудие без предварительного нормативного устранения либо существенной минимизации пороков (2(А)–2(Р)). Текущее состояние правового регулирования – фрагментарное, отраслевое, лишенное единой концепции – не обеспечивает конституционно приемлемых гарантий в свете ст. 2, 19, 46, 47, 49, 53, 118, 120, 123 Конституции РФ.

Требуется системная выработка критериев допустимости применения ИИ в судопроизводстве, включающая, как минимум:

1. Этапный стандарт человеческого контроля – от *human-in-the-loop* (санкционирование каждого решения) через *human-on-the-loop* (мониторинг с возможностью вмешательства) к *human-in-command* (стратегическая ответственность), с выбором стандарта в зависимости от категории дела и степени риска (*proportionality test*);

2. Запрет полной автоматизации актов правосудия, затрагивающих конституционные права (ср. ст. 22 GDPR [46], ст. 5–6 EU AI Act [33]);

3. Процессуальные противовесы против злоупотреблений, порождаемых 2(Ж), 2(Л), 2(М);

4. Режим обязательного раскрытия факта использования ИИ сторонами и судом (*disclosure duty*), обеспечивающий реализацию 2(Б) и 2(С);

5. Институт юридической ответственности оператора, разработчика и правоприменителя за вред, причиненный решениями с использованием ИИ (устранение 2(Е));

6. Обеспечение технологического суверенитета и конфиденциальности судебных материалов (2(Н), 2(О)).

Иными словами, правопорядок должен воспринимать ИИ не как субъекта и не как доказательство, а как инструмент познания, допустимый лишь в пределах, при которых сохраняется персональная ответственность человеческого правоприменителя и полнота конституционных гарантий участников процесса: *machina adiuvat, homo iudicat* – машина помогает, судит человек.

Список источников

1. Адвокат выявил признаки использования ИИ при составлении обвинительного приговора // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora/>.

2. Багинский В.Д. Правовая природа и специфика реализации искусственного интеллекта в российской судебной системе // Правовая информатика. 2026. № 1. С. 00–16. DOI: 10.24412/1994-1404-2026-1-00-16.

3. В кубанских приговорах появился интеллект // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8120207>.

4. Вольф Хр. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще, сообщенные любителям истины Христианом Вольфом // Христиан Вольф и философия в России / под ред. В.А. Жучкова. СПб., 2001.

5. Гун Нань. Судебное применение и ограничения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. № 1. С. 230–251. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.117>.

6. Законопроект «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Минцифры России [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/>.

7. Законопроект № 1069302-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части обязательной маркировки видеоматериалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8>.

8. Законопроект № 467977-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части использования технологий искусственного интеллекта в период избирательных кампаний) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8>.

9. Законопроект № 993193-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О выборах депутатов Госу-

дарственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (о применении технологий искусственного интеллекта при изготовлении агитационных материалов) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993193-8>.

10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

11. Конференция «Адвокатура и правосудие в эпоху ИИ» 11.04.2026 г. // Центр конституционного правосудия [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutional-center.ru/product/advokatura-i-pravosudie-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-konstitucionnye-riski-i-sposoby-zashhity/>.

12. Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31).

13. Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи / пер. с фр. и лат. К. Истомина и Ф. Смирнова; примеч. В. Соколова; вступит. ст. А. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018. 496 с.

14. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ.

15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.05.2025 № А60-39444/2024, С01-284/2025.

16. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года».

17. Иеринг Р. фон. Юридическая техника / пер. с нем. Ф.С. Шендорфа. СПб., 1905.

18. Свиридова П.М. О законе достаточного основания: Лейбниц, Кант, Шопенгауэр // Общество: философия, история, культура. 2022. № 6. С. 65–71. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.10>.

19. Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27.

20. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).

21. Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

22. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе».

23. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных

и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

24. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

25. Фетисова В.Е. Закон достаточности основания в немецкой философии эпохи просвещения // МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 2013. DOI: 10.5922/0207-6918-2013-4-5.

26. Фролов А.А. Искусственный интеллект в судебной системе: между эффективностью и справедливостью // Российский судья. 2026. № 3. С. 56–60. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.

27. AI Diffusion Report: Where AI is most used, Developed, And built // Microsoft AI Economy Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2025/10/Microsoft-AI-Diffusion-Report.pdf>.

28. Artificial Intelligence Index Report 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2504.07139>.

29. Reiling A.D. Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 8. URL: <https://doi.org/10.36745/ijca.343>.

30. European ethical charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // CEPEJ. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.

31. Conley A.C. Legal Education's Role in Combating Automation Bias and Complacency with Generative AI in the Practice of Law // Kilaw Journal. 2024.

32. Conley A.C. Understanding the Duty of Competence for Attorneys Using Generative AI // North Carolina Journal of Law & Technology. 2025. Vol. 27. Iss. 1. P. 65.

33. EU AI Act [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689>.

34. Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15. Iss. 1. P. 6. DOI: 10.3390/soc15010006.

35. Global AI Adoption in 2025 – A Widening Digital Divide // Microsoft AI Economy Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/group/aiei/ai-diffusion/>.

36. Government AI Readiness Index 2025 // Oxford Insights [Электронный ресурс]. URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/government-ai-readiness-index-2025/>.

37. Tomlinson K., Jaffe S., Wang W., Counts S., Suri S. Working with AI: Measuring the Applicability of Generative AI to Occupations [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2507.07935>.

38. Kolbeinsson A., Kolbeinsson B. Adversarial negotiation dynamics in generative language models // NeurIPS 2024 Workshop on Red Teaming GenAI [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.org/abs/2501.00069>.

39. McConnell V., Odegard L. The Impact of Artificial Intelligence on Critical Thinking (White Paper). Thomson Reuters, 2025.

40. The OECD Digital Government Policy Framework: Six dimensions of a Digital Government // OECD Public Governance Policy Papers. No. 2. Paris: OECD Publishing, 2020. URL: <https://doi.org/10.1787/f64fed2a-en>.

41. Recommendation of the Council on Access to Justice and People-Centred Justice Systems // OECD. 2023 [Элек-

тронный ресурс]. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0498>.

42. Governing with Artificial Intelligence: Are governments ready? // OECD Artificial Intelligence Papers. No. 20. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: <https://doi.org/10.1787/26324bc2-en>.

43. Governing with Artificial Intelligence: The State of Play and Way Forward in Core Government Functions. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: <https://doi.org/10.1787/795de142-en>.

44. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/artificial-intelligence.html>.

45. Redden J., O'Donovan Dix M. Artificial intelligence in the criminal justice system: Demystifying artificial intelligence, its applications, and potential risks. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/artificial-intelligence-criminal-justice-system-demystifying>.

46. The EU general data protection regulation (GDPR) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/data-protection-regulation/>.

47. Which Economic Tasks are Performed with AI? Evidence from Millions of Claude Conversations // The Anthropic Economic Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.anthropic.com/news/the-anthropic-economic-index>.

References

1. Advokat vy'yavil priznaki ispol'zovaniya II pri sostavlenii obvinitel'nogo prigovora // Advokatskaya gazeta [Elektronny'j resurs]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitel'nogo-prigovora-/>.
2. Baginskij V.D. Pravovaya priroda i specifika realizacii iskusstvennogo intellekta v rossijskoj sudebnoj sisteme // Pravovaya informatika. 2026. № 1. S. 00–16. DOI: 10.24412/1994-1404-2026-1-00-16.
3. V kubanskix prigovorax poyavilsya intellekt // Kommersant` [Elektronny'j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8120207>.
4. Vol'f Xr. Razumny'e my'sli o Boge, mire i dushe cheloveka, a takzhe o vsex veshhax voobshhe, soobshhenny'e lyubitelyam istiny` Xristianom Vol'fom // Xristian Vol'f i filosofiya v Rossii / pod red. V.A. Zhuchkova. SPb., 2001.
5. Gun Nan`. Sudebnoe primenenie i ogranicheniya iskusstvennogo intellekta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2025. № 1. S. 230–251. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.117>.
6. Zakonoproekt «Ob osnovax gosudarstvennogo regulirovaniya sfer primeneniya texnologij iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // Mincifry` Rossii [Elektronny'j resurs]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/>.
7. Zakonoproekt № 1069302-8 «O vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon «Ob informacii, informacionny'x texnologiyax i o zashhite informacii» (v chasti obyazatel'noj markirovki videomaterialov, sozdanny'x s ispol'zovaniem texnologij iskusstvennogo intellekta) [Elektronny'j resurs]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8>.
8. Zakonoproekt № 467977-8 «O vnesenii izmenenij v otdel'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii» (v chasti ispol'zovaniya texnologij iskusstvennogo intellekta v period izbiratel'ny'x kampanij) [Elektronny'j resurs]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/467977-8>.
9. Zakonoproekt № 993193-8 «O vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon «O vy`borax deputatov Gosudarstvennoj Dumy` Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» (o primenenii texnologij iskusstvennogo intellekta pri izgotovlenii agitacionny'x materialov) [Elektronny'j resurs]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/993193-8>.
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).
11. Konferenciya «Advokatura i pravosudie v e`poxu II» 11.04.2026 g. // Centr konstitucionnogo pravosudiya [Elektronny'j resurs]. URL: <https://constitutional-center.ru/product/advokatura-i-pravosudie-v-epoxu-iskusstvennogo-intellekta-konstitucionnye-riski-i-sposoby-zashhity/>.
12. Koncepciya razvitiya texnologij mashinochitaemogo prava (utv. Pravitel'svennoj komissiej po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionny'x texnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti, protokol ot 15.09.2021 № 31).
13. Lejbnic G.V. Opy'ty` teodicej / per. s fr. i lat. K. Istomina i F. Smirnova; primech. V. Sokolova; vstupit. st. A. Markova. M.: RIPOL klassik, 2018. 496 s.
14. Nalogovy'j kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ.
15. Postanovlenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 12.05.2025 № A60-39444/2024, S01-284/2025.
16. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19.08.2020 № 2129-r «Ob utverzhdenii Koncepcii razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere texnologij iskusstvennogo intellekta i robototexniki do 2024 goda».
17. Iering R. fon. Yuridicheskaya texnika / per. s nem. F.S. Shendorfa. SPb., 1905.
18. Sviridova P.M. O zakone dostatochnogo osnovaniya: Lejbnic, Kant, Shopengaue'r // Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2022. № 6. S. 65–71. URL: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.6.10>.
19. Talapina E.V. Prozrachnost` algoritmov iskusstvennogo intellekta // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2025. T. 18. № 3. S. 4–27. DOI: 10.17323/2072-8166.2025.3.4.27.
20. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 «O razvitiu iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacional'noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda»).
21. Federal'ny'j zakon ot 03.07.2016 № 230-FZ «O zashhite prav i zakonny'x interesov fizicheskix licz pri osushhestvlenii deyatel'nosti po vozvratu prosrochennoj zadolzhennosti i o vnesenii izmenenij v Federal'ny'j zakon «O mikrofinansovoj deyatel'nosti i mikrofinansovy'x organizacijax».
22. Federal'ny'j zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ «O reklame».
23. Federal'ny'j zakon ot 24.04.2020 № 123-FZ «O provedenii e`ksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyax sozdaniya neobxodimy'x uslovij dlya razrabotki i vnedreniya texnologij iskusstvennogo intellekta v sub`ekte Rossijskoj Federacii – gorode federal'nogo znacheniya Moskve, ob osobennostyax obrabotki personal'ny'x danny'x pri formirovanii regional'ny'x sostavov danny'x i predostavleniya dostupa k regional'ny'm

sostavam danny`x i vnesenii izmenenij v stat`i 6 i 10 Federal'nogo zakona «O personal`ny`x danny`x».

24. Federal`ny`j zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal`ny`x danny`x».

25. Fetisova V.E. Zakon dostatochnosti osnovaniya v nemeczkoj filosofii e`poxi prosveshheniya // MGU im. M.V. Lomonosova, filosofskij fakul`tet. 2013. DOI: 10.5922/0207-6918-2013-4-5.

26. Frolov A.A. Iskusstvenny`j intellekt v sudebnoj sisteme: mezhdru e`ffektivnost`yu i spravedlivost`yu // Rossijskij sud`ya. 2026. № 3. S. 56–60. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-56-60.

27. AI Diffusion Report: Where AI is most used, Developed, And built // Microsoft AI Economy Institute [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/wp-content/uploads/2025/10/Microsoft-AI-Diffusion-Report.pdf>.

28. Artificial Intelligence Index Report 2025 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://arxiv.org/abs/2504.07139>.

29. Reiling A.D. Courts and Artificial Intelligence // International Journal for Court Administration. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 8. URL: <https://doi.org/10.36745/ijca.343>.

30. European ethical charter on the use of artificial intelligence in judicial systems and their environment // CEPEJ. 2018 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://rm.coe.int/ethical-charter-en-for-publication-4-december-2018/16808f699c>.

31. Conley A.C. Legal Educations Role in Combating Automation Bias and Complacency with Generative AI in the Practice of Law // Kilaw Journal. 2024.

32. Conley A.C. Understanding the Duty of Competence for Attorneys Using Generative AI // North Carolina Journal of Law & Technology. 2025. Vol. 27. Iss. 1. P. 65.

33. EUAIAct [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1689>.

34. Gerlich M. AI Tools in Society: Impacts on Cognitive Offloading and the Future of Critical Thinking // Societies. 2025. Vol. 15. Iss. 1. P. 6. DOI: 10.3390/soc15010006.

35. Global AI Adoption in 2025 – A Widening Digital Divide // Microsoft AI Economy Institute [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.microsoft.com/en-us/research/group/aiei/ai-diffusion/>.

36. Government AI Readiness Index 2025 // Oxford Insights [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://oxfordinsights.com/ai-readiness/government-ai-readiness-index-2025/>.

37. Tomlinson K., Jaffe S., Wang W., Counts S., Suri S. Working with AI: Measuring the Applicability of Generative AI to Occupations [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://arxiv.org/abs/2507.07935>.

38. Kolbeinsson A., Kolbeinsson B. Adversarial negotiation dynamics in generative language models // NeurIPS 2024 Workshop on Red Teaming GenAI [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://arxiv.org/abs/2501.00069>.

39. McConnell V., Odegard L. The Impact of Artificial Intelligence on Critical Thinking (White Paper). Thomson Reuters, 2025.

40. The OECD Digital Government Policy Framework: Six dimensions of a Digital Government // OECD Public Governance Policy Papers. No. 2. Paris: OECD Publishing, 2020. URL: <https://doi.org/10.1787/f64fed2a-en>.

41. Recommendation of the Council on Access to Justice and People-Centred Justice Systems // OECD. 2023 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0498>.

42. Governing with Artificial Intelligence: Are governments ready? // OECD Artificial Intelligence Papers. No. 20. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: <https://doi.org/10.1787/26324bc2-en>.

43. Governing with Artificial Intelligence: The State of Play and Way Forward in Core Government Functions. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: <https://doi.org/10.1787/795de142-en>.

44. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/artificial-intelligence.html>.

45. Redden J., O'Donovan Dix M. Artificial intelligence in the criminal justice system: Demystifying artificial intelligence, its applications, and potential risks. 2020 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/artificial-intelligence-criminal-justice-system-demystifying>.

46. The EU general data protection regulation (GDPR) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/data-protection-regulation/>.

47. Which Economic Tasks are Performed with AI? Evidence from Millions of Claude Conversations // The Anthropropic Economic Index [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.anthropropic.com/news/the-anthropropic-economic-index>.

*Статья поступила в редакцию 26.05.26;
одобрена после рецензирования 29.05.26;
принята к публикации 29.05.26.*

*The article was submitted 26.05.26;
approved after reviewing 29.05.26;
accepted for publication 29.05.26.*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕГО: ТАКТИКА ДОПРОСА ПРИ ПОДОЗРЕНИИ НА ВНЕШНЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

АХМЕТГАЛЕЕВ Вадим Ралифович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

450103, г. Уфа, ул. Муksiнова, д. 2, Российская Федерация

Аннотация: В статье систематизирована трехстадийная модель допроса потерпевшего при потенциальном негативном воздействии со стороны причастных к преступлению лиц. Разработаны тактические приемы для каждой стадии допроса, критерии оценки рисков искажения показаний, методы сбора сведений о каналах влияния. Сформулированы правила фиксации доказательственной информации, обоснована необходимость взаимодействия следствия и оперативных подразделений, даны рекомендации по применению мер безопасности в рамках УПК РФ и Федерального закона № 119-ФЗ.

Ключевые слова: допрос, потерпевший, негативное воздействие, тактика допроса, следственные действия, меры безопасности, криминалистическая тактика, меры пресечения, защита участников судопроизводства

Для цитирования: Ахметгалеев В.Р. Обеспечение достоверности показаний потерпевшего: тактика допроса при подозрении на внешнее воздействие // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 135. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_135

ENSURING THE RELIABILITY OF THE VICTIM'S TESTIMONY: INTERROGATION TACTICS IN CASE OF SUSPECTED EXTERNAL INFLUENCE

AKHMETGALEEV Vadim Ralifovich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

450103, Ufa, Muksinova str., 2, Russian Federation

Abstract: The article systematizes a three-stage model of interrogation of a victim with potential negative impact from those involved in the crime. Tactical techniques have been developed for each stage of the interrogation, criteria for assessing the risks of distortion of testimony, and methods for collecting information about channels of influence. The rules for recording evidentiary information are formulated, the need for interaction between the investigation and operational units is substantiated, and recommendations are given on the application of security measures within the framework of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Federal Law No. 119-FZ.

Keywords: interrogation, victim, negative impact, interrogation tactics, investigative actions, security measures, criminalistic tactics, preventive measures, protection of participants in legal proceedings

For citation: Akhmetgaleev V.R. Ensuring the Reliability of the Victim's Testimony: Interrogation Tactics in Case of Suspected External Influence = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):135. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_135

В системе следственных действий допрос занимает особое место как эффективный механизм получения процессуально значимых сведений, необходимых для всестороннего и объективного разрешения уголовного дела. Закономерность

его неоднократного использования при расследовании одного преступления объясняется многоаспектностью выясняемых обстоятельств и необходимостью уточнения ранее полученных данных [1, С. 80]. В этом смысле допрос можно

справедливо назвать одним из основных источников получения значимой криминалистической информации.

Вместе с тем в следственной практике, особенно при расследовании резонансных, многоэпизодных тяжких или особо тяжких преступлений, даже опытные следователи могут столкнуться с таким явлением, когда потерпевшие, на стадии проверки материала, заявившие о причастности определенного лица к совершенному преступлению, неожиданно начинают давать в процессе расследования неполные показания [2, С. 41] либо вообще ставят под сомнение причастность подследственного к совершенному преступлению [3, С. 58].

Несмотря на относительно небольшую долю таких случаев, учитывая степень тяжести совершенного преступления и его общественный резонанс, такого рода обстоятельства могут привести не только к затягиванию процесса расследования, но и, в итоге – к невозможности направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением.

Указанные явления будучи результатом негативного воздействия на потерпевшего со стороны не только подозреваемого (обвиняемого), но и содействующих последнему лиц [4, С. 177], требуют от следователя своевременного принятия тактических мер, направленных не только на пресечение и нейтрализацию отрицательных факторов, но и на способствование получению и фиксации полных и достоверных показаний потерпевших. Вместе с тем реализация данных направлений деятельности, особенно для недостаточно опытных следователей, может быть сопряжена с определенными трудностями. Данное обстоятельство указывает на необходимость раскрытия тактических основ допроса потерпевшего при наличии подозрения о факте негативного на него воздействия.

Эволюция уголовно-процессуальных норм обуславливает необходимость постоянного теоретического осмысления и уточнения содержания понятия «допрос» в современной криминалистике.

В концепции Р.С. Белкина допрос рассматривается как регламентированное уголовно-процессуальным законодательством действие, направленное на получение показаний от лица, владеющего сведениями, имеющими ключевое значение для установления истины по уголовному делу [5, С. 55]. Автор акцентирует внимание на двух существенных характеристиках допроса: его доминирующей роли в системе следственных действий по критерию частоты применения и вы-

сокой степени сложности реализации. Последняя определяется комплексным характером мероприятия и значительными временными затратами на его подготовку, требующую от следователя не только глубокого знания правовых норм и материалов дела, но и владения навыками психологической диагностики и коммуникации.

Согласно позиции М.И. Еникеева и Э.А. Черных, допрос выступает в качестве следственного действия с выраженной психологической составляющей: его эффективность напрямую зависит от личностных характеристик как допрашиваемого лица, так и лица, осуществляющего допрос, а также от специфики складывающегося между ними психического взаимодействия [6, С. 5].

В.А. Образцов характеризует допрос как процессуальный инструмент сбора и верификации сведений, обладающих доказательственным значением и служащих ориентиром для установления объективной истины по уголовному делу [7, С. 24]. Ученый подчеркивает, что в ходе допроса информация может быть получена не только вербальным путем, но и посредством фиксации невербальных сигналов, в частности, мимики и жестов. Такой подход расширяет трактовку допроса в коммуникативном аспекте, где итоговые сведения приобретают двойственную функцию: выступают одновременно в качестве доказательств и ориентирующей информации для дальнейшего расследования.

В концепции Н.И. Порубова понятие наполненности допроса раскрывается через совокупность информации, добытой от допрашиваемого с применением криминалистических методов, прошедших практическую апробацию в деятельности следственных и судебных органов. Ученый определяет допрос как регламентированное Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) следственное действие, в рамках которого уполномоченный субъект получает от допрашиваемого сведения об обстоятельствах преступного деяния [8, С. 32]. Существенным элементом данной теоретической позиции является акцент на результативности процедуры, достигаемой посредством грамотного применения тактических приемов – это выступает неотъемлемым компонентом сущности допроса и определяет его эффективность в системе доказывания.

Таким образом, качество допроса потерпевшего, в том числе при наличии предположения о возможном негативном на него воздействии, неразрывно связано не только со степенью развития компетенций следователя в области

психологической диагностики и коммуникативного взаимодействия, с особенностями формирующегося между ним и потерпевшим психологического контакта, но и с наличием нацеленности следователя на эффективность процедуры, обеспечиваемой умелым применением тактических методов [9, С. 103]. Кроме того, зафиксированные в протоколе допроса сведения служат важным элементом формирования доказательственной базы, направленной на установление фактических обстоятельств преступления, но и являются базой в доказывании наличия оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ.

Проведение качественного допроса потерпевшего, в отношении которого применено негативное воздействие, включает в себя три основные стадии:

- 1) подготовительную;
- 2) непосредственного допроса;
- 3) последующую.

Для категории потерпевших, рассматриваемой в данной статье, действия на каждой из вышеуказанных стадий имеют свою специфику.

Важно понимать, что негативное воздействие может быть оказано различными субъектами. Ими могут являться непосредственно подозреваемый или обвиняемый, его адвокат, друзья, знакомые, подчиненные, должники, соучастники преступления, общие знакомые и т.д. [10, с. 181]. Кроме того, необходимо учитывать, что негативное воздействие может быть оказано путем совершения следующих действий: 1) причинения телесных повреждений потерпевшему или близким ему лицам; 2) угроз применения такого насилия в отношении указанных субъектов [11, С. 37]; 3) подкупа потерпевшего [12, С. 106]; 4) покрытия имеющихся у пострадавшего задолженностей; 5) приобретения какого-либо имущества для потерпевшего либо близких ему лиц; 6) оплаты дорогостоящего лечения потерпевшего или его родственников; 7) выделения пострадавшему доли в бизнесе; 8) оплаты дорогостоящих путевок на отдых и т.д. Как мы видим, спектр действий, имеющих негативные последствия для процесса расследования, достаточно широк.

С учетом вышеизложенного под негативным воздействием на потерпевшего следует понимать целенаправленные действия подозреваемого, обвиняемого или лиц, оказывающих им содействие, реализуемые в любой форме и ориентированные на модификацию показаний, предоставляемых потерпевшим в ходе допроса, и/или информации, сообщаемой пострадавшим при проведении иных следственных и процессуальных действий,

преследующие цель исключить либо затруднить привлечение к уголовной ответственности лица, причастного к совершению преступления.

В этой связи, учитывая разносторонность совершаемых действий и необходимость их своевременного выявления, уже на подготовительной стадии рекомендуется привлечение сотрудников оперативных подразделений. Своевременность данного действия с вынесением соответствующего поручения в адрес оперативного аппарата предоставит возможность получить следующие сведения: а) данные о личности потерпевшего, его психологической направленности на содействие процессу расследования, его «психологических слабостях», состоянии здоровья, финансовых задолженностях; б) данные о личностях близких лиц пострадавшего, их психологической направленности на содействие процессу расследования, их «психологических слабостях», состоянии здоровья, финансовых задолженностях, степени влияния на потерпевшего; в) данные о круге общения пострадавшего, его связей с подозреваемым (обвиняемым), наличии общих знакомых, степени влияния на пострадавшего подследственного либо его общих знакомых; г) данные о лицах, с которыми контактирует подозреваемый (обвиняемый), и направленность их действий; д) сведения о лицах, которые контактируют с потерпевшим, склоняя его к предоставлению недостоверных показаний; е) задокументированные факты попыток или реального оказания негативного воздействия на потерпевшего и т.д.

Оперативное подключение подразделений, осуществляющих сопровождение расследования, на начальном этапе производства по уголовному делу позволяет в непроцессуальном порядке установить доверительные отношения с потерпевшим, сопроводив их детальным разъяснением положений Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Подобный подход способствует формированию устойчивой мотивации пострадавшего к конструктивному взаимодействию с органами предварительного расследования, а также создает предпосылки для получения от него релевантных сведений относительно любых попыток либо фактически имевших место случаев оказания на него противоправного воздействия, включая угрозы, давление или иные формы влияния, способные воспрепятствовать объективному установлению обстоятельств совершенного преступления.

Получение вышеуказанных сведений позволит следователю не только выяснить все данные о личности потерпевшего, круге его общения, психологической направленности пострадавшего на сотрудничество со следствием, а также его «уязвимых точках», на которые может быть оказано негативное влияние, но и спланировать процесс проведения допроса. Кроме того, владение указанными сведениями, в зависимости от механизма попыток или реализации негативного воздействия, с целью пресечения и нейтрализации попыток или фактов негативного воздействия на него, предупредит возможность заблаговременного планирования применения в отношении пострадавшего определенных мер безопасности, предусмотренных статьей 6 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также планирования применения или изменения определенных мер пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого.

Следующей, не менее важной стадией является этап непосредственного допроса потерпевшего. На рассматриваемом этапе производства по уголовному делу для обеспечения всесторонней и объективной проверки установленных обстоятельств представляется целесообразным в первую очередь сформировать доверительные отношения с потерпевшим и детально разъяснить ему закрепленные в законодательстве гарантии безопасности, а также доступные меры защиты от противоправного влияния со стороны лица, причастного к совершению преступления. В процессе последующего допроса следует получить от участника процесса сведения о состоянии его физического и психического здоровья, в том числе подтвердить отсутствие либо зафиксировать наличие каких-либо заболеваний и расстройств, а также оценить уровень владения русским языком. Помимо этого, требуется зафиксировать развернутое и детализированное изложение всех обстоятельств совершенного противоправного деяния, выяснить специфику взаимоотношений допрашиваемого лица с последственным, а при отсутствии подобных контактов, запросить исчерпывающее и максимально точное описание внешности лица (либо лиц), которое предпринимало попытки оказать негативное воздействие на потерпевшего либо фактически его осуществило, с отражением всех значимых идентификационных признаков, имеющих значение для расследования [13, С. 123].

В случае подтверждения факта знакомства допрашиваемого с лицом, совершившим пре-

ступление, необходимо обеспечить сбор всесторонних и детализированных данных о личности последнего, включая информацию о характере сложившихся между ними взаимоотношений либо степени родственной связи, базовых демографических характеристиках (таких как возраст и семейное положение), особенностях социально-личностного портрета, наличии либо отсутствии сведений о предшествующих судимостях и имеющихся заболеваниях, месте осуществления трудовой деятельности и специфике профессиональной занятости. Кроме того, требуется установить наличие у последственного криминальных связей, а также фактов взаимодействия с должностными лицами в структурах правоохранительных органов и иных государственных учреждениях. Следует также получить сведения об имущественном статусе указанного лица, охватывающие данные о принадлежащей ему недвижимости, транспортных средствах, банковских счетах и уровне доходов, уточнить местонахождение его родственников, в том числе проживающих за пределами Российской Федерации либо в иных субъектах страны и выяснить информацию о любых установленных фактах причастности к противоправным действиям или участию в преступной деятельности, имеющих потенциальное значение для всестороннего установления обстоятельств расследуемого преступления.

В дополнение к изложенному необходимо установить, не вынашивает ли лицо, причастное к совершению преступления, намерений покинуть территорию, в пределах которой ведется предварительное расследование, а также выявить фактические данные о наличии, способах реализации и мотивационно-целевой направленности коммуникативных контактов между подозреваемым, обвиняемым либо лицами, оказывающими ему содействие, и допрашиваемым субъектом. Требуется уточнить информацию на предмет наличия подтвержденных фактов противоправного воздействия, как прямого, так и опосредованного, в отношении самого допрашиваемого лица, его близких родственников либо принадлежащего им имущества со стороны последственного или аффилированных с ним субъектов. Наряду с этим надлежит выяснить сведения о вероятном деструктивном влиянии преступника либо содействующих ему лиц на иных участников процесса, располагающих информацией, имеющей существенное значение для установления обстоятельств уголовного дела (с обязательным указанием их персональных идентификационных данных и актуального местонахождения), а также на

объекты материального мира и документальные носители, обладающие доказательственным потенциалом (с фиксацией их наименования, индивидуальных признаков и точного места хранения либо нахождения), что позволит комплексно оценить масштабы противодействия расследованию и принять соответствующие процессуальные меры реагирования.

В ходе осуществления допроса потерпевшего, проводимого в строгом соответствии с нормативными предписаниями пунктов 5, 18, 22 части 2 статьи 42 УПК РФ и с опорой на правовые позиции, сформулированные в пункте 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», критически важно узнать мнение потерпевшего о целесообразности применения конкретной меры пресечения к лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, прежде всего в контексте расследования преступлений, сопряженных с применением насилия. Сбор соответствующих данных позволяет сформировать комплексную и обоснованную оценку правомерности и необходимости избрания той или иной меры пресечения в отношении подозреваемого либо обвиняемого, а также способствует выработке согласованной и аргументированной позиции стороны обвинения при представлении и обосновании выбранного варианта ограничения прав подсудимого на этапе судебного рассмотрения вопроса о применении меры пресечения. Такой подход не только укрепляет доказательственную базу, лежащую в основе процессуального решения, но и повышает уровень его правовой обоснованности и прозрачности, что, в конечном счете, содействует реализации принципов справедливости и законности в рамках уголовного судопроизводства, обеспечивая баланс между необходимостью обеспечения надлежащего хода расследования и соблюдением гарантированных законом прав и свобод участников процесса.

В заключительной части допроса потерпевшего необходимо инициировать выяснение вопроса о наличии объективных оснований для реализации в отношении данного участника уголовного судопроизводства комплекса мер безопасности, закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ [14, С. 41], с целью оценки степени потенциальной угрозы его личной безопасности, сохранности имущества либо безопасности его близких родственников, обусловленной участием в уголовном процес-

се, и принятия на этой основе мотивированного процессуального решения о целесообразности применения соответствующих защитных механизмов, предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством.

В последующем следователь должен максимально полно зафиксировать в протоколе все сведения, которые сообщил ему потерпевший.

Сбор обозначенных сведений на последующей стадии наделяет следвателя широким спектром процессуальных полномочий, позволяющих не только аргументированно обосновать необходимость избрания меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении противоправного деяния, а также мер безопасности в отношении потерпевшего, но и эффективно спланировать дальнейшие следственные и процессуальные мероприятия с направлением соответствующего поручения в оперативные подразделения.

Содержание поручения, предусматривающее проверку и верификацию сведений, добытых в рамках следственных и иных процессуальных мероприятий, задает целевую установку деятельности оперативных подразделений, концентрируя их ресурсы на реализации следующих приоритетных задач: фиксации сведений, раскрывающих личностные характеристики подозреваемого или обвиняемого; документальном оформлении фактов, подтверждающих противоправную деятельность подсудимого; выявлении ранее не установленных эпизодов преступной активности; выявлении лиц, причастных к совершению преступления в качестве соучастников, а также оказывающих содействие подозреваемому или обвиняемому; установлении полных идентификационных сведений о лицах, располагающих данными, обладающими криминалистической значимостью, и получении от них соответствующих разъяснений; фиксации фактов противоправного воздействия на субъектов, владеющих релевантной информацией, подлежащей документированию.

Результаты оперативно-розыскной деятельности, надлежащим образом оформленные в соответствии с регламентированными требованиями и легализованные в качестве доказательств посредством проведения последующих следственных и процессуальных действий, формируют необходимую доказательственную базу. Она позволяет не только установить местонахождение значимых объектов, документов и лиц, обладающих релевантной информацией, но и выявить факты целенаправленного деструктивного воздействия

на них со стороны лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, а также содействующих ему лиц. В совокупности нейтрализация всех негативных факторов обеспечивает формирование целостной и убедительной доказательственной базы по уголовному делу, способствующей всестороннему, полному и объективному установлению обстоятельств совершенного преступления в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства.

Проанализировав проблематику допроса потерпевших в условиях потенциального негативного воздействия со стороны подозреваемых, обвиняемых или аффилированных с ними лиц, следует констатировать, что данное следственное действие приобретает особую процессуальную и тактико-психологическую сложность. Результаты проведенного исследования позволяют утверждать: эффективность допроса в подобных ситуациях обусловлена не столько формальным соблюдением процессуальных норм, сколько комплексным применением следователем всего спектра профессиональных компетенций, от глубокого понимания уголовно-процессуального законодательства и криминалистической тактики до владения методами психологической диагностики и установления доверительного контакта с допрашиваемым.

Систематизация этапов допроса позволила выделить логически взаимосвязанные стадии, каждая из которых имеет четкую целевую направленность и требует специфического набора действий, включая различного рода процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Учитывая, что уровень качества допроса пострадавшего напрямую взаимосвязан с совместно спланированной деятельностью лица, осуществляющего предварительное расследование, и оперативных подразделений, то данное обстоятельство предопределяет возможность рассмотрения допроса потерпевшего в ситуации предполагаемого негативного воздействия на него со стороны подозреваемого или обвиняемого либо содействующих ему лиц как одноименную тактическую операцию.

Список источников

1. Жижина М.В., Завьялова Д.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации в Российской Федерации и зарубежных странах: монография. М.: Проспект, 2023.
2. Козырева И.Е. Психологические особенности выявления и преодоления ложных показаний свидетелей и потерпевших на предварительном следствии //

Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. № 4.

3. Фадеев П.В. Правовая помощь участникам уголовного процесса в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2020.

4. Мишин А.В. Типичная криминалистическая характеристика посткриминального противоправного воздействия как компонент частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // ВЭПС. 2024. № 1.

5. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.

6. Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология допроса: учебное пособие. М., 1994.

7. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М., 2010.

8. Порубов Н.И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. М., 2013.

9. Сибилькова А.В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61).

10. Поляков В.В. Криминалистическая классификация субъектов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 2 (147).

11. Тыдыкова Н.В. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // Юрислингвистика. 2023. № 28 (39).

12. Кашин О.В. Об уголовной ответственности за подкуп свидетеля, потерпевшего, истца, эксперта, специалиста или переводчика // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92).

13. Ахметгалеев В.Р. Тактико-криминалистические особенности применения мер пресечения в процессе предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2024.

References

1. Zhizhina M.V., Zav`yalova D.V. Rassledovanie prestuplenij v sfere komp`yuternoj informacii v Rossijskoj Federacii i zarubezhny`x stranax: monografiya. M.: Prospekt, 2023.

2. Kozy`reva I.E. Psixologicheskie osobennosti vy`avleniya i preodoleniya lozhny`x pokazanij svidetelej i poterpevshix na predvaritel`nom sledstvii // Izvestiya TulGU. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2023. № 4.

3. Fadeev P.V. Pravovaya pomoshh` uchastnikam ugovovnogo processa v dosudebnom proizvodstve: monografiya. M.: Yurlitinform, 2020.

4. Mishin A.V. Tipichnaya kriminalisticheskaya xarakteristika postkriminal`nogo protivopravnogo vozdejstviya kak komponent chastnoj kriminalisticheskoy teorii obespecheniya bezopasnosti uchastnikov ugovovnogo sudoproizvodstva // VE`PS. 2024. № 1.

5. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya e`nciklopediya. M., 2000.

6. Enikeev M.I., Cherny`x E`.A. Psixologiya doprosa: uchebnoe posobie. M., 1994.

7. Obrazczov V.A., Bogomolova S.N. Kriminalisticheskaya psixologiya. M., 2010.

8. Porubov N.I. Dopros: processual'ny'e i kriminalisticheskie aspekty': monografiya. M., 2013.

9. Sibil'kova A.V. Psixologicheskie aspekty` taktiki doprosa v paradigme razvitiya kriminalistiki // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2022. № 1 (61).

10. Polyakov V.V. Kriminalisticheskaya klassifikaciya sub`ektov protivodejstviya rassledovaniyu vy`sokotekhnologichny`x prestuplenij // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. № 2 (147).

11. Ty`dy`kova N.V. O problemax ponimaniya priznakov sostava ugrozy` ubijstvom // Yurislingvistika. 2023. № 28 (39).

12. Kashin O.V. Ob ugolovnoj otvetstvennosti za podkup svidetelya, poterpevshego, istcza, e`ksperta, specialista ili perevodchika // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2016. № 1 (92).

13. Axmetgaleev V.R. Taktiko-kriminalisticheskie osobnosti primeneniya mer presecheniya v processe predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Ufa, 2024.

*Статья поступила в редакцию 16.04.26;
одобрена после рецензирования 27.04.26;
принята к публикации 27.04.26.*

*The article was submitted 16.04.26;
approved after reviewing 27.04.26;
accepted for publication 27.04.26.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ: КРИТЕРИИ, ПОКАЗАТЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ (ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ)

ЗАГУМЕННЫЙ Кирилл Ильич

Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности филиала Волгоградской академии Министерства внутренних дел России
400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

Аннотация: В статье предпринят теоретико-прикладной анализ эффективности административных наказаний как ключевого института административно-деликтного права. Обосновывается, что эффективность административных наказаний не может быть сведена к формальным статистическим показателям (количество составленных протоколов, сумма наложенных штрафов), а представляет собой комплексную характеристику, отражающую достижение целей, установленных ст. 3.1 КоАП РФ, при минимальных издержках правоприменения. Выделены четыре критерия эффективности административных наказаний: превентивный, реализуемости, экономический и социально-правовой.

Ключевые слова: административное наказание, эффективность, критерии эффективности, превенция, исполнимость, экономическая эффективность, социальная справедливость

Для цитирования: Загуменный К.И. Эффективность административных наказаний: критерии, показатели и методология оценки (теоретико-прикладной анализ) // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 142. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_142

EFFECTIVENESS OF ADMINISTRATIVE PENALTIES: CRITERIA, INDICATORS, AND METHODOLOGY OF ASSESSMENT (THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS)

ZAGUMENNY Kirill Ilyich

Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
400075, Volgograd, Istoricheskaya str., 130, Russian Federation

Abstract: The article provides a theoretical and applied analysis of the effectiveness of administrative penalties as a key institution of administrative tort law. It is argued that the effectiveness of administrative penalties cannot be reduced to formal statistical indicators (such as the number of protocols issued and the amount of fines imposed), but rather represents a comprehensive characteristic that reflects the achievement of the goals set out in Article 3.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, while minimizing the costs of law enforcement. There are four criteria for the effectiveness of administrative penalties: preventive, feasibility, economic, and socio-legal.

Keywords: administrative punishment, efficiency, efficiency criteria, prevention, enforceability, economic efficiency, social justice

For citation: Zagumenny K.I. Effectiveness of Administrative Penalties: Criteria, Indicators, and Methodology of Assessment (Theoretical and Applied Analysis) = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):142. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_142

Актуальность обращения к проблеме эффективности административных наказаний определяется совокупностью факторов, лежащих в плоскости правотворчества, правоприменения и научного осмысления административно-деликтного регулирования. В правотворческом аспекте актуальность обусловлена продолжающейся реформой административного законодательства и

подготовкой нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

За более чем двадцатилетний период действия КоАП РФ в систему наказаний неоднократно вносились изменения: вводились новые виды (обязательные работы, административный запрет на посещение спортивных соревнований), исключались не применявшиеся (возмездное изъятие). Однако введение каждой новеллы осуществлялось без предварительной оценки ее потенциальной эффективности, без прогнозирования издержек правоприменения и без четких критериев, позволяющих впоследствии оценить достигнутые результаты. Отсутствие в законодательном процессе требований к обоснованию эффективности вводимых мер приводит к тому, что некоторые виды наказаний оказываются неработающими или малоэффективными, а их наличие в законе лишь создает иллюзию полноты правового регулирования.

В правоприменительном аспекте актуальность определяется тем, что должностные лица, уполномоченные назначать административные наказания, руководствуются субъективными представлениями о том, какое наказание будет наиболее действенным в конкретном случае. Отсутствие объективных критериев эффективности не позволяет оценить, насколько правоприменительные решения соответствуют целям, поставленным законодателем, и какие факторы влияют на достижение этих целей. При этом данные судебной статистики (количество рассмотренных дел, сумма наложенных штрафов, доля назначенных наказаний) дают лишь формальное представление о деятельности правоприменительных органов, но не отвечают на вопрос о том, достигают ли наказания своих целей. В теоретическом аспекте актуальность обусловлена недостаточной разработанностью в науке административного права методологии оценки эффективности административных наказаний, поскольку в связи с тенденцией гуманизации административной ответственности и расширением практики применения альтернативных (не связанных с изоляцией от общества) видов наказаний особое значение приобретает вопрос о том, насколько такие наказания способны обеспечить достижение целей общей и частной превенции, не уступая по своей эффективности более строгим мерам.

Исследование эффективности административных наказаний относится к числу традиционных направлений отечественной административно-правовой науки, разрабатываемых на

протяжении нескольких десятилетий как в теоретическом, так и в прикладном аспектах. Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли Д.Н. Бахрах, И.И. Веремеенко, Л.В. Коваль, Л.Л. Попов, чьи научные труды составили концептуальную базу для последующих изысканий в области оценки результативности мер административного принуждения.

В науке административного права сформировались два взаимодополняющих подхода к пониманию эффективности административных наказаний: одни исследователи (И.И. Веремеенко, А.С. Пашков, Л.С. Явич) акцентируют внимание на достижении поставленной законодателем цели и соотношении результата с затратами, рассматривая эффективность как меру реализации социальной ценности права [1; 4]. Другие ученые (Н.Н. Цуканов, О.С. Рогачева) делают акцент на множественности факторов, определяющих эффективность, подчеркивая, что качество закона само по себе не гарантирует результата, а успешность правового воздействия зависит от правоприменительной деятельности, правовой культуры, правосознания и организационно-технических возможностей [5; 7].

Разделяя во многом взгляды указанных исследователей, отметим, что эффективность административных наказаний может быть определена как степень достижения целей, установленных ст. 3.1 КоАП РФ (предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами), при минимальных издержках правоприменения и соблюдении принципов справедливости и соразмерности.

Важным методологическим положением является разграничение понятий «критерий» и «показатель» эффективности. Критерий эффективности является качественной характеристикой, отражающей определенную сторону, аспект эффективности, на основании которой производится оценка. Показатель эффективности – количественная (или качественно-количественная) характеристика, позволяющая измерить степень достижения критерия.

Для выделения критериев эффективности административных наказаний нами предложено четыре группы оснований.

Первое основание связано с целями, которые законодатель прямо закрепил в ст. 3.1 КоАП РФ. Поскольку административное наказание преследует цель предупреждения совершения новых правонарушений (как самим правонарушителем, так и иными лицами), постольку одним из ключевых критериев выступает превентивная

эффективность, позволяющая оценить, в какой степени наказание достигает этой цели. В соответствии со ст. 3.1 КоАП РФ административное наказание преследует две превентивные цели: частную превенцию (предупреждение совершения новых правонарушений самим правонарушителем) и общую превенцию (предупреждение совершения новых правонарушений иными лицами).

Показателями частной превенции являются: уровень рецидива (доля лиц, вновь совершивших административное правонарушение после применения к ним наказания, в общем количестве лиц, подвергнутых наказанию); динамика правонарушений, совершенных лицами, ранее подвергавшимися наказанию (изменение количества правонарушений, совершенных данной категорией лиц, в сравнении с предыдущими периодами); средний срок до совершения повторного правонарушения (чем больше временной интервал между применением наказания и совершением нового правонарушения, тем выше превентивный эффект). Например, Мардиева Э.Р. и Яхина Р.Р. отмечают, что констатация низкой результативности норм, обеспечивающих общественный порядок в ходе официальных спортивных мероприятий, послужила основанием для разработки МВД России проекта федерального закона о внесении изменений в ст. 20.25 и 20.31 КоАП РФ. Размещенный для общественного обсуждения законопроект, как свидетельствует его пояснительная записка, призван восполнить недостаточность превентивного потенциала действующих санкций [3, с. 34].

К показателям общей превенции можно отнести: динамику правонарушений соответствующего вида (снижение количества выявленных правонарушений после введения нового наказания или после ужесточения существующего может свидетельствовать о наличии общего превентивного эффекта); структуру правонарушений (изменение соотношения различных видов правонарушений может отражать смещение акцентов в правоприменительной практике и превентивном воздействии); данные социологических опросов (уровень информированности населения о существующих наказаниях и оценка готовности воздержаться от совершения правонарушения под страхом применения наказания).

Второе основание обусловлено практической природой наказания как меры государственного принуждения, подлежащей реальному исполнению. Наказание, которое не может быть приведено в исполнение в силу организационных,

материально-технических или правовых причин, утрачивает свою сущность и не достигает целей, поставленных законодателем. Это обстоятельство выводит на первый план критерий реализуемости (исполнимости) наказания. Проблема реализуемости административных наказаний приобретает особую остроту в связи с тем, что законодатель, вводя новые виды наказаний (например, обязательные работы), не всегда предварительно создает необходимую инфраструктуру для их исполнения. В результате формально существующее в законе наказание оказывается неработающим, а его применение – затруднительным или вовсе невозможным.

Приведем показатели реализуемости наказания: доля исполненных наказаний (отношение количества наказаний, реально исполненных (отбытых), к общему количеству назначенных); сроки исполнения (средняя продолжительность периода с момента вступления постановления по делу об административном правонарушении в законную силу до момента фактического исполнения наказания, поскольку разрыв во времени между совершением правонарушения и реальным наступлением неблагоприятных последствий ослабляет карательное и воспитательное воздействие); доля наказаний, по которым производство прекращено в связи с истечением сроков давности исполнения; наличие инфраструктуры для исполнения (отражает обеспеченность соответствующими учреждениями, техническими средствами, кадровым составом, необходимыми для исполнения конкретного вида наказания); доля наказаний, замененных иными видами в связи с невозможностью исполнения (высокий процент такой замены может свидетельствовать о том, что первоначально назначенное наказание было не реализуемым).

Третье основание связано с необходимостью учета ресурсных ограничений, в условиях которых функционирует система административной юрисдикции. Применение любого наказания сопряжено с определенными затратами – временными, материальными, кадровыми. Экономическая эффективность позволяет оценить, насколько оправданы эти затраты с точки зрения достигнутого результата.

Экономическая эффективность, безусловно, отражает соотношение затрат на применение наказания с достигнутым результатом [6, с. 263]. В условиях ограниченности бюджетных средств и необходимости оптимизации государственного управления данный критерий приобретает особое значение.

Показатели экономической эффективности: затраты на производство по делу, затраты на исполнение наказания, сумма взысканных штрафов, соотношение затрат на применение наказания и суммы взысканных штрафов.

Четвертое основание вытекает из социальной природы правового регулирования. Эффективность наказания не может оцениваться исключительно по формальным показателям, без учета его восприятия обществом. Наказание, не признаваемое справедливым и соразмерным, подрывает авторитет государственной власти и не способствует формированию уважения к праву. Социально-правовая эффективность призвана отразить эту сторону воздействия наказания.

Социально-правовая эффективность отражает восприятие наказания обществом как справедливого и соразмерного, а также степень доверия к институту административной ответственности. Согласимся с Гусевым В.А. и Дерюгой А.Н. в том, что «...склонность к дальнейшему совершению административных правонарушений нередко формируется в результате чрезмерно мягких административных наказаний или невозможности их применить. В частности, привлечение к административной ответственности граждан, имеющих высокий уровень дохода, и применение к ним небольших по размеру административных штрафов формирует у них пренебрежительное отношение к закону» [2, с. 21]. Наказание, которое не признается обществом справедливым, может не достигать целей общей превенции, а в долгосрочной перспективе – подрывать авторитет государственной власти.

Показатели социально-правовой эффективности: данные социологических опросов, демонстрирующие уровень доверия граждан к системе административной ответственности, оценка справедливости отдельных видов наказаний, готовность подчиняться правовым предписаниям; количество обжалований постановлений о назначении наказания; доля постановлений, отмененных вышестоящими судами; общественный резонанс по отдельным делам в тех случаях, когда широкая общественная дискуссия о конкретных случаях назначения наказаний может свидетельствовать о нарушении принципа соразмерности.

Считаем, что предложенные критерии и показатели не являются изолированными и между ними существуют сложные системообразующие взаимосвязи. Например, высокая превентивная эффективность может достигаться ценой высоких экономических затрат (административный

арест требует значительных расходов на содержание спецприемников), однако высокая экономическая эффективность (значительные поступления от штрафов) может сочетаться с низкой превентивной эффективностью (если штрафы не оказывают сдерживающего воздействия). Низкая реализуемость (исполнимость) наказания сводит на нет превентивный потенциал наказания, при этом низкая социально-правовая эффективность может подрывать общую превенцию независимо от формальной строгости наказания.

Таким образом, система критериев эффективности административных наказаний представляет собой единство четырех взаимосвязанных элементов: превентивной эффективности, отражающей способность наказания предотвращать правонарушения; реализуемости, характеризующей практическую осуществимость назначенной меры; экономической эффективности, показывающей соотношение затрат и результатов; социально-правовой эффективности, выражающей восприятие наказания обществом.

Подводя итоги исследованию, отметим, что предложенная система критериев и показателей эффективности административных наказаний может быть использована в следующих целях: обоснование целесообразности введения новых видов наказаний; оценка эффективности действующих видов наказаний для принятия решений об их сохранении, оптимизации или исключении; мониторинг правоприменительной практики с точки зрения достижения целей наказания; совершенствование законодательной техники при конструировании санкций.

Внедрение методики оценки эффективности в правотворческий процесс позволит преодолеть сложившуюся практику введения новых видов наказаний без предварительного анализа их потенциальной результативности и возможных издержек правоприменения, что является необходимым условием повышения качества административно-деликтного регулирования.

Список источников

1. Веремеенко И.И. Административно-правовые санкции. М., 1975.
2. Гусев В.А., Дерюга А.Н. Причины снижения эффективности административного наказания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 20–25.
3. Мардиева Э.Р., Яхина Р.Р. Об эффективности административных наказаний // Альманах мировой науки. 2016. № 4–3 (7). С. 30–34.

4. Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3.

5. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2012.

6. Соловьева С.В. Эффективность правоприменения административных наказаний // Актуальные проблемы административного и финансового права. Сборник статей конференции. Краснодар, 2025. С. 259–267.

7. Цуканов Н.Н. Теория и практика производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011.

4. Pashkov A.S., Yavich L.S. E`ffektivnost` deystviya pravovoy normy` (k metodologii i metodike sociologicheskogo issledovaniya) // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1970. № 3.

5. Rogacheva O.S. E`ffektivnost` norm administrativno-deliktnogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Voronezh, 2012.

6. Solov`eva S.V. E`ffektivnost` pravoprimeneniya administrativny`x nakazaniy // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i finansovogo prava. Sbornik statej konferencii. Krasnodar, 2025. S. 259–267.

7. Czukanov N.N. Teoriya i praktika proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax, osushhestvlyаемого v organax vnutrennix del: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Chelyabinsk, 2011.

References

1. Veremeenko I.I. Administrativno-pravovye sankcii. M., 1975.

2. Gusev V.A., Deryuga A.N. Prichiny` snizheniya e`ffektivnosti administrativnogo nakazaniya // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel`naya praktika. 2021. № 4 (58). S. 20–25.

3. Mardieva E`.R., Yaxina R.R. Ob e`ffektivnosti administrativny`x nakazaniy // Al`manax mirovoj nauki. 2016. № 4–3 (7). S. 30–34.

*Статья поступила в редакцию 26.03.26;
одобрена после рецензирования 20.04.26;
принята к публикации 20.04.26.*

*The article was submitted 26.03.26;
approved after reviewing 20.04.26;
accepted for publication 20.04.26.*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии

140074, г. Люберцы, Комсомольский пр-кт, д. 4, Российская Федерация

МИХАЙЛОВ Петр Игоревич

Соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской таможенной академии

140074, г. Люберцы, Комсомольский пр-кт, д. 4, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные аспекты организационного обеспечения предварительного расследования в нестандартной обстановке, обосновывается целесообразность применения групповой формы расследования и выдвигается предложение о формировании специализированных следственных групп, сформулировано определение специализированной следственной группы. Необходимость применения групповой формы расследования в чрезвычайных ситуациях предопределяется, прежде всего, сложностью расследования ввиду наличия множества негативных факторов, в том числе влекущих постоянное наличие опасности для жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства, а также неэффективностью «традиционных» правовых и организационных механизмов обеспечения расследования. Дестабилизация деятельности местных органов государства, не только следственных органов, но и других задействованных в расследовании, в свою очередь, предопределяет потребность привлечения к расследованию сотрудников правоохранительных органов с «непроблемных» территорий, что обуславливает межведомственный характер работы такой группы и необходимость включения в ее состав помимо следователей, других должностных и иных лиц, обеспечивающих расследование. Авторами предлагается наделить специализированную следственную группу полномочиями по расследованию всех преступлений, совершенных на «проблемной» территории, а не только непосредственно связанных с возникновением чрезвычайной ситуации. Для решения обозначенных задач и повышения эффективности групповой формы расследования выдвигается ряд предложений о реформировании действующего уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: следственная группа, специализированная следственная группа, следственно-оперативная группа, расследование в исключительной ситуации, предварительное расследование в чрезвычайной ситуации, организационное обеспечение расследования, исключительная ситуация, чрезвычайная ситуация, чрезвычайные обстоятельства

Для цитирования: Цопанова И.Г., Михайлов П.И. Некоторые аспекты организационного обеспечения предварительного расследования в чрезвычайных ситуациях // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 147. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_147

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

SOME ASPECTS OF ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR PRELIMINARY INVESTIGATION IN EMERGENCY SITUATIONS

TSOPANOVA Indira Georgievna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian Customs Academy

140074, Lyubertsy, Komsomolsky Prospect, 4, Russian Federation

MIKHAILOV Petr Igorevich

Applicant for the Department of Criminal Law Disciplines of the Russian Customs Academy

140074, Lyubertsy, Komsomolsky Prospect, 4, Russian Federation

Abstract: The article examines problematic aspects of organizational support for preliminary investigation in non-standard settings, substantiates the expediency of using a group form of investigation, and puts forward a proposal for the formation of specialized investigative teams, with a definition of a specialized investigative team being formulated. The necessity of using a group form of investigation in emergency situations is predetermined, first of all, by the complexity of the investigation due to the presence of many negative factors, including those entailing a constant presence of danger to the life and health of participants in criminal proceedings, as well as the ineffectiveness of «traditional» legal and organizational mechanisms for ensuring the investigation. The destabilization of the activities of local state bodies, not only investigative bodies, but also others involved in the investigation, in turn, predetermines the need to involve law enforcement officers from «non-problematic» territories in the investigation, which determines the interdepartmental nature of such a team's work and the need to include, in addition to investigators, other officials and other persons providing the investigation. The authors propose to endow a specialized investigative team with the authority to investigate all crimes committed in a «problematic» territory, and not just those directly related to the occurrence of an emergency situation. To solve the designated tasks and increase the effectiveness of the group form of investigation, a number of proposals are put forward on reforming the current criminal procedure law.

Keywords: investigative team, specialized investigative team, investigative-operational group, investigation in an exceptional situation, preliminary investigation in an emergency situation, organizational support of the investigation, exceptional situation, emergency situation, emergency circumstances

For citation: Tsopanova I.G., Mikhailov P.I. Some Aspects of Organizational Support for Preliminary Investigation in Emergency Situations = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):147. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_147

Различные чрезвычайные ситуации и порождаемые ими негативные факторы оказывают существенное влияние на сферу уголовного судопроизводства и парализуют традиционные правовые и организационные механизмы его реализации.

Под чрезвычайными ситуациями в предлагаемом контексте понимаются любые «кризисные» явления природного, техногенного и социального генезиса, порождающие реальные угрозы для жизни и здоровья человека, при которых уполномоченными должностными лицами в целях преодоления и минимизации таких ситуаций путем принятия соответствующих нормативных актов вводятся определенные запреты и ограничения, существенно затрагивающие порядок жизнедеятельности человека, нередко значительно ограничивающие его права и в том числе влекущие неэффективность «обычного» порядка уголовного судопроизводства, в связи с чем, очевидно, в настоящее время возникла острая необходимость в разработке и реализации комплексной концепции расследования преступлений в чрезвычайных ситуациях.

Неотъемлемым элементом комплексной концепции предварительного расследования в чрезвычайных ситуациях, без которого невозможно эффективное расследование преступлений, является его организационное обеспечение.

Для уяснения сущности и наиболее полного формулирования понятия «организационное обеспечение» применительно к стадии предварительного расследования в чрезвычайных ситуаци-

ях предлагаем обратиться к нормативным правовым актам, регламентирующим анализируемую общность в различных отраслях деятельности государства и его органов.

Например, под организационным обеспечением деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей понимаются мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия [1, 2].

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации перечислены органы государственной власти, составляющие организационную основу системы обеспечения информационной безопасности [3], то есть такая основа в данном документе стратегического планирования представлена иерархической структурой действующих в реализации доктрины органов государства.

Применительно к судебной-экспертной деятельности, как полагают некоторые авторы, под организационным обеспечением подразумевается принятие нормативных и ненормативных правовых актов, регламентирующих общие подходы при проведении экспертизы, а также порядок взаимодействия в рамках ведомственной системы судебной-экспертных учреждений [4].

Все предложенные определения, на наш взгляд, верны, но при этом содержат лишь некоторые элементы системы организационного обеспечения какой-либо деятельности и не отражают ее целостную сущность.

В связи с изложенным считаем необходимым сформулировать авторское определение анализируемого понятия для целей предварительного расследования в чрезвычайных ситуациях.

Под организационным обеспечением расследования в чрезвычайных ситуациях предлагаем понимать систему кадрового, материально-технического, информационного, экспертного, специального обеспечения, обеспечения комплексной безопасности и межведомственного взаимодействия органов государственной власти, задействованных в производстве предварительного расследования в зоне чрезвычайной ситуации, формирующую иерархическую структуру указанных органов, а также разрешающую вопросы их создания и функционирования.

Центральным звеном предложенной системы, несомненно, является государственный орган, непосредственно осуществляющий предварительное расследование, вопросы функционирования которого в таких условиях и представляются первоочередными для разрешения в рамках рассматриваемой проблематики.

В.Н. Григорьев, исследовавший проблемные аспекты расследования преступлений в чрезвычайных условиях, говоря о его организационной модели, отмечает высокую вероятность «неработоспособности» местных органов расследования (к юрисдикции которых относится проблемная территория) и предлагает организовывать его либо силами сотрудников центральных аппаратов уполномоченных государственных органов, либо путем создания специальных подразделений [5, С. 160].

Такая форма организации расследования помимо теоретического обоснования, также имела и практическое применение на различных исторических этапах, где в целом показала высокую эффективность, о чем упоминается в юридической науке (например, 1988 год – расследование массовых беспорядков в Нагорно-Карабахской автономной области; 1999 год – расследование в рамках операции «Вихрь-Антитеррор» на территории Республики Дагестан и иные) [6, С. 120].

Разделяем мнение о необходимости формирования при расследовании в исключительной ситуации специально создаваемых для этих целей следственных подразделений, при этом наиболее оптимальной, по нашему мнению, представляется форма их создания не как обособленного федерального органа исполнительной власти, а в виде специализированных следственных групп, включающих в свой состав сотрудников уже имеющих различных органов государства, что требует

определенного реформирования законодательства и включения в уголовно-процессуальный закон норм, регламентирующих правовое положение таких групп и предусматривающих широкий круг прав для их членов, позволяющих эффективно производить предварительное расследование на «проблемной» территории.

Как следует из положений уголовно-процессуального закона, производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе [7].

В развитие изложенного законодательного положения проводивший исследование вопроса групповой формы расследования преступлений М.С. Лубягин отмечает, что в современных условиях сформировались новые угрозы национальной безопасности, совершаемые преступления приобретают все более сложный и объемный характер, «совершенствуются» различные аспекты преступной деятельности, что, в свою очередь, исключает единоличную форму расследования и требует групповой формы его организации [8, С. 78–79].

Приведенное мнение об усложнении характера совершаемых сегодня преступлений, в определенной степени, подтверждают актуальные данные правовой статистики МВД России, согласно которым, например, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений от общего числа зарегистрированных в 2025 году возрос до 35, 5%, тогда как за аналогичный период прошлого года составлял 32, 3%, то есть в 2025 году выявлено 628 776 тяжких и особо тяжких преступлений [9], очевидно, представляющих сложность в расследовании, которая предопределяет необходимость применения групповой формы расследования.

Более того, чрезвычайные ситуации различного вида и генезиса уже сами по себе представляются обстоятельством, обуславливающим сложность расследования и требующим применения наиболее эффективных, «специальных» методов его организации.

При этом предусмотренная действующим уголовно-процессуальным законом групповая форма не в полной мере соответствует специфике деятельности органов предварительного расследования в «критических» ситуациях и не способна разрешить значительное количество вопросов правоприменительной деятельности.

В частности, закон не регламентирует создания межведомственных следственно-оперативных групп, предусматривает возможность создания следственных групп для расследования только

лишь конкретного уголовного дела, а не всей массы уголовных дел о преступлениях, совершенных на территории со сложной обстановкой (какой-либо иной общности уголовных дел), не предполагает групповой работы в ходе рассмотрения сообщений о преступлениях и не разрешает многие другие вопросы.

Как обоснованно указывается в юридической литературе, качественное производство предварительного расследования по наиболее сложным, трудоемким уголовным делам и оперативность в принятии решений предопределяют создание именно следственно-оперативных групп [9, С. 119], то есть включение в их состав помимо следователей, иных сотрудников различных государственных органов.

При этом необходимо особо отметить – наделение функциями следователя члена специализированной следственной группы, не обладающего данным правовым статусом в силу своего постоянного должностного положения, недопустимо.

Вместе с тем включение в состав следственной группы иных лиц в чрезвычайных условиях, очевидно, будет способствовать существенному повышению оперативности выполнения различных не процессуальных, сопутствующих расследованию мероприятий (например, охраны мест происшествия, конвоирования задержанных и других аспектов), а также, прежде всего, обеспечению физической безопасности членов следственной группы в основном собственными силами.

Закрепление такого положения в законе необходимо и ввиду того, что в исключительных условиях, с высокой долей вероятности, деятельность местных органов власти (не только предварительного расследования) может быть дестабилизирована, в связи с чем привлекать для расследования будет необходимо сотрудников центральных аппаратов различных правоохранительных органов, а также сотрудников их региональных подразделений с иных, «непроблемных» территорий, за счет командирования которых и предполагается формировать предлагаемые к созданию специализированные следственные группы.

Стоит подчеркнуть, что дестабилизация деятельности местных правоохранительных органов может быть вызвана не только их уничтожением или сложностью обстановки на конкретной территории, но и, например, противодействием расследованию со стороны самих этих органов, обусловленным желанием скрыть следы каких-либо преступлений, боязнью привлечения к ответственности за халатность и другое преступное бездействие, религиозными и национальными

разногласиями, а также иными факторами.

Более того, межведомственный характер специализированных следственных групп призван существенно повысить их профессиональный уровень, так как в состав таких групп могут быть привлечены сотрудники из всех органов, наделенных правом предварительного расследования, то есть обладающие опытом расследования уголовных дел о любых преступлениях.

Еще одним немаловажным проблемным аспектом, как указано выше, является отсутствие в законе положений о возможности расследования следственной группой не одного конкретного уголовного дела, а, например, всех преступлений, совершенных в зоне чрезвычайной ситуации, что, на наш взгляд, в таких условиях является необходимым и позволит существенно оптимизировать деятельность органа, осуществляющего предварительное расследование, а в случае необходимости полностью заменить им всю местную структуру правоохранительных органов, задействованных в расследовании.

Также следует отметить, что подходить к вопросу создания специализированных следственных групп необходимо системно и комплексно, заблаговременно, в условиях «мирного времени», дабы к моменту наступления чрезвычайных ситуаций уже иметь эффективную систему расследования преступлений в такой обстановке, а не ограничиваться лишь «новыми» методическими указаниями в рамках уже существующей системы.

Высказываясь в поддержку межведомственного характера формирования следственных групп в чрезвычайных условиях, И.А. Попов, помимо прочего, обоснованно указывает, что их эффективность напрямую зависит от качественной специальной и профессиональной подготовки, что возможно реализовать путем проведения различных учебно-методических сборов и занятий с сотрудниками всех ведомств, которые могут быть задействованы в создании таких специализированных следственных групп [6, С. 124], с чем авторы согласны и что в определенной степени подтверждает целесообразность формирования групп из числа работников уже существующих органов государства, которые имеют возможность проходить такую подготовку в ходе работы на «непроблемной» территории в обычное время, а также имеют необходимый профессиональный опыт в силу своего постоянного должностного положения.

Для преодоления всех обозначенных проблемных аспектов и надлежащей организации

расследования в исключительных ситуациях необходимо принять ряд законодательных новаций и дополнить уголовно-процессуальный закон.

Предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законе положение, в соответствии с которым производство предварительного следствия по всем уголовным делам, а также рассмотрение сообщений о преступлениях и проведение по ним процессуальных проверок на территории исключительной ситуации, где в соответствии с законодательством Российской Федерации введен соответствующий специальный правовой режим (либо принят нормативный правовой акт, регламентирующий порядок жизнедеятельности), ограничивающий права и свободы человека и гражданина и не позволяющий достичь целей уголовного судопроизводства обычными средствами, может быть поручено специализированной, в том числе межведомственной, следственной группе.

Учитывая межведомственный характер специализированной следственной группы, а также привлечение в ее состав сотрудников различных государственных органов и учреждений, по нашему мнению, целесообразно наделить правом ее создания Генерального прокурора Российской Федерации как должностного лица, осуществляющего координацию деятельности всех правоохранительных органов в сфере борьбы с преступностью.

Кроме того, учитывая, что, как правило, складывающиеся чрезвычайные ситуации имеют значительный масштаб (по временному и территориальному признакам; негативным последствиям и пр.), считаем целесообразным приравнять правовой статус руководителя специализированной следственной группы – к правовому статусу руководителя федерального органа исполнительной власти, наделенного правом производства предварительного следствия, а правовой статус специализированной следственной группы – к правовому статусу федерального органа исполнительной власти, уполномоченного производить предварительное следствие, что существенно снизит бюрократическую нагрузку на деятельность такой группы.

Таким образом, считаем необходимым сформулировать авторское определение специализированной следственной группы, под которой следует понимать временное специализированное подразделение, обладающее правовым статусом федерального органа исполнительной власти, формируемое в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона на основании

решения Генерального прокурора Российской Федерации, объединяющее следователей органов предварительного следствия разного уровня (федерального, субъекта, районного), а также других должностных и иных лиц, обеспечивающих деятельность специализированной следственной группы, которой производится расследование всей массы уголовных дел на территории чрезвычайной ситуации.

Надеемся, что вышеприведенные новации окажут положительное влияние и в совокупности с предложениями авторов об иных аспектах обеспечения предварительного расследования в чрезвычайных обстоятельствах, выдвинутыми в других научных работах, позволят существенно повысить эффективность предварительного расследования в указанных условиях, что в конечном итоге, прежде всего, обеспечит надлежащие гарантии и защиту прав и законных интересов человека и гражданина в любых, даже «критических», нестандартных обстоятельствах, а также позволит реализовать все цели и задачи уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», статья 37 // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/.
2. Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О мировых судьях в Российской Федерации», статья 10 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», пункт 33 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/.
4. Аверина К. Н., Подкатилина М. Л., Шамаев Г. П. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (постатейный) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=18722&dst=102225&demo=1>.
5. Григорьев В. Н. Расследование преступлений в чрезвычайных условиях: правовое обеспечение, организация, методика: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 1993. 564 с.
6. Попов И. А. Следственная группа как одна из форм коллективного метода расследования преступле-

ний: современное состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennaya-gruppa-kak-odna-iz-form-kollektivnogo-metoda-rassledovaniya-prestupleniy-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.06.2025), статья 163 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

8. Лубягин М. С. Следственные группы в российском уголовном судопроизводстве: теоретические основы, порядок формирования и деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Иркутск, 2024. 272 с.

9. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/>.

10. Ларичев В. Д., Кучкина В. Г. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 1. С. 118–124.

References

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 07.02.2011 № 1-FKZ (red. ot 31.07.2023) «O sudax obshhej yurisdikcii v Rossijskoj Federacii», stat'ya 37 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110271/.

2. Federal'nyj zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ (red. ot 01.07.2021) «O mirovyx sud'yax v Rossijskoj Federacii», stat'ya 10 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/.

3. Doktrina informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utverzhennaya Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informacionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii», punkt 33 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/.

4. Averina K.N., Podkatilina M.L., Shamaev G.P. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CM&n=18722&dst=102225&demo=1>.

5. Grigor'ev V.N. Rassledovanie prestuplenij v chrezvy'chajny'x usloviyax: pravovoe obespechenie, organizaciya, metodika: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. M., 1993. 564 s.

6. Popov I. A. Sledstvennaya gruppa kak odna iz form kollektivnogo metoda rassledovaniya prestuplenij: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 3 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sledstvennaya-gruppa-kak-odna-iz-form-kollektivnogo-metoda-rassledovaniya-prestupleniy-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya>.

7. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 07.06.2025), stat'ya 163 // Spravochno-pravovaya sistema «Konsul'tantPlyus» [E'lektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

8. Lubyagin M.S. Sledstvenny'e gruppy v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: teoreticheskie osnovy, porjadok formirovaniya i deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. Irkutsk, 2024. 272 s.

9. Kраткая характеристика состояния преступности в Rossijskoj Federacii za yanvar' – dekabr' 2025 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/>.

10. Larichev V.D., Kuchkina V.G. Ponyatie i sushhnost' sledstvennoj i sledstvenno-operativnoj grupp // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 1. S. 118–124.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.26; одобрена после рецензирования 18.05.26; принята к публикации 18.05.26.

The article was submitted 10.05.26; approved after reviewing 18.05.26; accepted for publication 18.05.26.

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 153.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):153.

Актуальные проблемы юридической науки и практики

Научная статья
УДК 343.2
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_153

УЧЕНИЕ О ВИНЕ В НОВЕЙШИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ПОРАЙКО Василий Вячеславович

Адвокат, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) 680021, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31, Российская Федерация

Аннотация: Учение о вине остается одним из наиболее динамично развивающихся направлений уголовно-правовой науки, что подтверждается активными диссертационными исследованиями последних десятилетий. Интерес к проблематике обусловлен необходимостью адаптации классических доктринальных представлений к вызовам цифровизации, ростом числа преступлений в экономической и экологической сферах, а также усилением влияния международных стандартов на понимание субъективной стороны преступления. В современных диссертациях прослеживается несколько ключевых направлений: уточнение содержания умысла и неосторожности, исследование смешанных форм вины, разработка критериев дифференциации ответственности с учетом мотивационной сферы личности (С.В. Скляр), концептуализация вины как системного элемента состава преступления (А.И. Плотноков), анализ проблем квалификации вины и форм неосторожности (С.Ю. Кораблева), акцент на ценностно-мотивационном уровне умысла и необходимости унификации судебной практики (В.В. Найбойченко), выявление специфики субъективной стороны в формальных составах (А.Ю. Ширяев), исследование принципа субъективного вменения применительно к преступлениям с двумя формами вины (Т.С. Коваленко), обоснование «специальной невиновности» по психофизиологическим основаниям (И.В. Телицкий), а также разработка формализованной модели причинной связи в медицинских преступлениях, совершаемых по неосторожности (Е.О. Игонина).

Анализ этих исследований показывает, что в научной дискуссии складывается тенденция к расширению методологической базы учения о вине за счет интеграции психологических, криминологических и сравнительно-правовых подходов. Перспективными направлениями видятся: формализация критериев разграничения форм вины, разработка вероятностных моделей причинности, учет психофизиологических особенностей субъекта при квалификации, адаптация категорий вины к цифровой среде и внедрение междисциплинарных методов в судебно-экспертную практику.

Ключевые слова: вина, умысел, неосторожность, субъективная сторона преступления, смешанные формы вины, казус, принцип субъективного вменения, невиновное причинение вреда, медицинская ошибка, причинная связь

Для цитирования: Порайко В.В. Учение о вине в новейших уголовно-правовых диссертационных исследованиях // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 153. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_153

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

THE DOCTRINE OF GUILT IN CONTEMPORARY CRIMINAL LAW DISSERTATION RESEARCH

PORAİKO Vasily Vyacheslavovich

Advocate, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) 680021, Khabarovsk, Gerasimova street, 31, Russian Federation

Abstract: The doctrine of guilt remains one of the most dynamically developing areas of criminal law scholarship, as evidenced by numerous dissertation studies over the past decades. Scholarly interest in this subject is driven by the need to adapt classical doctrinal approaches to contemporary challenges such as digitalization, the growth of crimes in the economic and environmental spheres, and the increasing influence of international legal standards on the interpretation of guilt and the presumption of innocence.

Modern dissertations reveal several key directions of development: clarification of the content of intent and negligence; examination of mixed forms of guilt; elaboration of criteria for differentiating liability with consideration of the motivational sphere of the individual (S.V. Sklyarov); conceptualization of guilt as a systemic element of the corpus delicti (A.I. Plotnikov); analysis of the problems of qualification of guilt and forms of negligence (S.Yu. Korableva); emphasis on the value-motivational level of intent and the necessity of unifying judicial practice (V.V. Naiboychenko); identification of the specificity of the subjective element in formal offences (A.Yu. Shiryaev); examination of the principle of subjective imputation in crimes with two forms of guilt (T.S. Kovalenko); justification of «special innocence» on psychophysiological grounds (I.V. Teslitsky); and the development of a formalized model of causality in negligent medical crimes (E.O. Igonina). The analysis of these studies demonstrates a clear trend toward the expansion of the methodological basis of the doctrine of guilt through the integration of psychological, criminological, and comparative-legal approaches. Promising avenues of research include: the formalization of criteria for distinguishing forms of guilt, the development of probabilistic models of causality, the consideration of psychophysiological characteristics of the perpetrator in qualification, the adaptation of categories of guilt to the digital environment, and the introduction of interdisciplinary methods into judicial and expert practice.

Keywords: guilt, intent, negligence, subjective element of crime, mixed forms of guilt, casus, principle of subjective imputation, blameless harm, medical error, causality

For citation: Poraiko V.V. The Doctrine of Guilt in Contemporary Criminal Law Dissertation Research = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):153. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_153

Учение о вине остается заметным предметом уголовно-правовых диссертационных исследований. Это связано с усилением внимания к вопросам субъективной стороны преступления, необходимостью адаптировать классические доктринальные подходы к новым криминальным угрозам (в сфере кибербезопасности, в сфере экономической деятельности, экологическим преступлениям и др.), а также воздействием международно-правовых стандартов на трактовку вины и презумпцию невиновности.

В числе основных направлений современных диссертационных исследований, развивающих учение о вине, можно выделить несколько тематических блоков:

1. Уголовно-правовая сущность и формы вины:

– уточнение понятий умысла и неосторожности;

– взаимосвязь вины с факультативными признаками субъективной стороны преступления;

– роль признаков субъективной стороны преступления в дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности;

– соотношение прямого и косвенного умысла, легкомыслия и небрежности;

– анализ смешанных форм вины.

2. Невиновное причинение вреда:

– детализация и перспективы расширения предусмотренных ст. 28 УК РФ оснований невиновного причинения вреда;

– специфика уголовно-правовой оценки ситуаций невиновного причинения вреда в сферах медицинской деятельности, транспорта, информационно-технической, промышленной и строительной безопасности.

В рамках научной статьи вряд ли возможно дать исчерпывающий анализ всего спектра диссертационных исследований, защищенных в нашей стране в последние два с половиной десятилетия по обозначенной проблематике. В этой связи представляется необходимым уделить внимание тем работам, которые наглядным образом иллюстрируют ход академической дискуссии и, самое главное, позволяют выделить дальнейшие перспективы научного поиска.

Заметной вехой развития учения о вине в отечественной уголовно-правовой доктрине стала защищенная в 2004 году докторская диссертация С.В. Склярова [1]. В диссертации анализируется связь между виной и мотивами преступного поведения как основа для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Ученый предложил довольно оригинальную типологию мотивов, разбив их на три уровня (фактический, психологический, ценностный) и обосновав, что сочетание уровня мотивации и формы вины (умысел/неосторожность) должно определять степень ответственности и меру наказания. Методологически работа опирается на глубокое изучение теории субъективной стороны преступления, в том числе проблем законодательной регламентации форм вины. В диссертации С.В. Склярова, в частности, можно увидеть немалое влияние оценочной теории С.В. Познышева.

Автореферат и материалы защиты демонстрируют тренд к тонкой «настройке» юридической ответственности через совокупный учет вины и мотивов: предлагаются критерии дифференциации уголовной ответственности, исходя из характера и степени вины, ее психологического содержания и ценностной окраски мотива. При

этом нельзя не признать, что подобный подход, в отсутствие четких критериев оценки уровней мотива, неизбежно ведет к возрастанию роли судебного усмотрения. Несмотря на теоретическую стройность классификации уровней мотивов на практике отличить, например, психологический мотив от ценностного сложно без специальных методических инструментов (например, психологической экспертизы), которые в диссертации не разработаны.

Исследование С.В. Скларова, безусловно, внесло весомый вклад в доктрину субъективной стороны преступления. Оно расширяет традиционную концепцию вины, предусматривая учет мотивов на нескольких уровнях, и тем самым предоставляет теоретическую платформу для более тонкой дифференциации уголовной ответственности. Однако для полноценного внедрения в практику требуется дальнейшая работа в данном направлении: разработка ясных методических критериев, анализ практических кейсов и формальное закрепление в законодательстве единообразного подхода к учету мотивов преступления при дифференциации уголовной ответственности.

Проблемы субъективного вменения освещены в докторской диссертации А.И. Плотникова 2012 г. [2]. Автор рассматривает преступление как единство объективных и субъективных признаков, подчеркивая, что именно их взаимодействие формирует полное юридическое содержание состава. При этом вина выступает своеобразным «связующим звеном» между внешними обстоятельствами деяния и внутренним отношением личности к ним. Основные акценты исследования:

- единство вины и объективных признаков. Автор показывает, что вина не может анализироваться в отрыве от объективной стороны: каждое преступление есть диалектическая связь фактического результата и психического отношения субъекта к нему;

- разграничение казуса и неосторожности. Особое внимание уделено границам невиновного причинения вреда: А.И. Плотников отмечает, что ошибочная практика часто «подтягивает» обстоятельства под небрежность там, где на самом деле имеет место казус.

- форма вины как фактор дифференциации. Уголовно-правовое значение прямого и косвенного умысла, легкомыслия и небрежности раскрывается в связке с характером общественной опасности объективной стороны;

- оценочность выводов правоприменителя. Автор усматривает проблему субъективизма в квалификации: вина часто конструируется на ос-

нове предположений следователя или суда, а не через строгий анализ фактических обстоятельств.

По мысли А.И. Плотникова, вина – это не «дополнение» к объективной стороне, а ее смысловое отражение на уровне субъекта. В диссертации предлагается концепция вины как системного элемента, объединяющего причинную связь, предвидение и волевое отношение в единый комплекс. Особый интерес вызывает акцент на необходимости интеграции психологии и криминологии для более точного понимания субъективной стороны.

Диссертация А.И. Плотникова сыграла важную роль в развитии не только учения о вине, но и теории состава преступления. Работа выявила ключевые методологические трудности: от разграничения казуса и неосторожности до преодоления субъективизма в правоприменении.

Непосредственно проблемам вины посвящена диссертация С.Ю. Кораблевой 2013 г. [3], в которой автор предприняла попытку преодолеть разрыв между теоретическими представлениями и практикой применения норм о вине. Диссертация охватывает широкий спектр проблематики вины, от истории и теории до практических проблем квалификации: рассматривается понятие вины в российском уголовном праве, ее связь с иными признаками субъективной стороны преступления, а также зарубежные подходы к данным вопросам; проведен подробный анализ видов умысла и оценено их влияние на квалификацию преступлений; изучены специфика видов неосторожности (легкомыслия и небрежности), а также практические проблемы квалификации неосторожных преступлений (связанных с нарушением специальных правил в сфере безопасности, техники и др.). В работе широко использованы методы статистики для выявления пробелов законодательства и типичных ошибок, возникающих при квалификации преступлений с учетом форм вины. Особый акцент сделан на уголовно-правовой оценке умысла (прямого и косвенного), а также проблемах, связанных с легкомыслием и небрежностью.

Дано дополнительное обоснование необходимости учета формы вины при квалификации преступлений, а также систематизированы научные трактовки понятий вины в сопоставлении российской доктрины с зарубежными моделями. Выявлены пробелы в законодательстве, касающиеся учета форм неосторожности.

С.Ю. Кораблева обращает внимание на конкретные проблемы правоприменения и предлагает концептуальные решения для их устранения.

Вместе с тем в работе отсутствует авторское видение критериев разграничения умысла и неосторожности, что несколько уменьшает практическую ценность исследования. Кроме того, представляется целесообразным оценить применимость и обоснованность сделанных автором выводов на более широком эмпирическом материале, а именно материалах уголовных дел и статистических данных. Без этого вряд ли можно убедительно сформулировать предложения по разрешению обозначенных в диссертации проблем. В качестве значимого направления изучения вопросов учета форм вины при квалификации преступлений также следует обозначить выработку методических рекомендаций по разграничению форм вины на практике.

На решение этих задач отчасти направлена диссертация В.В. Найбойченко 2016 г. [4], в которой автор дает целостный анализ вины в плоскости умышленных преступлений, фиксируя как теоретические пробелы, так и практические ошибки квалификации. Ценность данной работы в том, что в ней поднят вопрос о необходимости унификации судебного подхода к оценке умысла и обращено внимание на ценностно-мотивационный уровень вины.

В.В. Найбойченко рассматривает вину в умышленных преступлениях как центральную категорию субъективной стороны, через которую обеспечивается справедливость и дифференциация уголовной ответственности. В диссертации подчеркивается, что именно умысел, в отличие от неосторожности, является наиболее «яркой» формой проявления вины, так как отражает осознанное, волевое отношение лица к деянию и последствиям.

К «проблемным узлам», которые выделяет автор, можно отнести:

- соотношение прямого и косвенного умысла. В.В. Найбойченко подробно показывает, что на практике разграничение этих разновидностей умысла вызывает трудности: критерий желаемости последствий или их сознательного допущения часто трактуется по-разному в судебных решениях;

- фактические ошибки при квалификации. Автор фиксирует, что суды нередко расширительно толкуют «сознательное допущение», приравнивая его к равнодушию или пренебрежению, хотя это ближе к неосторожности;

- субъективный элемент в квалифицирующих признаках. Отдельное внимание уделяется случаям, когда умысел должен охватывать квалифицирующие обстоятельства (например, корыстную цель, особую жестокость);

- законодательные пробелы. Автор указывает, что УК РФ недостаточно четко разграничивает ситуации, когда граница между умышленным и неосторожным отношением к последствиям размыта.

В.В. Найбойченко настаивает на том, что вина в умышленных преступлениях должна анализироваться не только через когнитивный (осознание) и волевой (желание/допущение) элементы, но и через ценностно-мотивационный уровень. Это приближает исследование к комплексной психологической модели умысла. В работе подчеркивается необходимость формирования единой судебной методики оценки умысла, чтобы избежать субъективизма в квалификации.

Опираясь на данный подход, можно выделить следующие направления дальнейших исследований:

- разработка междисциплинарных критериев умысла. Необходимо привлекать данные психологии и когнитивных наук для выработки более точных критериев различия между прямым и косвенным умыслом. В перспективе возможна интеграция специальных психолого-правовых экспертиз;

- разработка научных основ формализации судебной практики. Следующим шагом исследований должно стать создание систематизированных обзоров практики с выделением типичных ошибок при квалификации умысла, а также разработка алгоритмов для судей и следователей;

- умысел и цифровая среда. С ростом числа киберпреступлений возникает необходимость переосмыслить умысел применительно к преступлениям, совершаемым с использованием технологий (например, когда лицо осознает лишь часть последствий);

- умысел и смешанные формы вины. Перспективным направлением является исследование ситуаций, когда в рамках одного деяния сочетаются умысел к одним последствиям и неосторожность к другим (например, умышленное причинение телесных повреждений, повлекшее по неосторожности смерть);

- сравнительное правоведение. Одна из задач научного сообщества состоит в перманентном мониторинге вопросов разграничения умысел и иных форм вины в германском, французском и англосаксонском праве, а также оценка целесообразности внедрения этих подходов в российское законодательство и правоприменительную практику.

Актуальному вопросу о проявлении вины в формальных составах преступлений посвящена

диссертация А.Ю. Ширяева 2013 г. [5]. Рассмотрен вопрос о том, как проявляется вина в формальных составах преступлений, где ответственность наступает за сам факт совершения действия, независимо от наступления последствий (например, незаконное хранение оружия, дача взятки, ложные показания). В традиционной теории вина рассматривается в неразрывной связи с причинением вреда. Однако в формальных составах вред, как правило, юридически презюмируется самим действием. В связи с этим возникает вопрос: каким образом раскрывается вина, если субъект не ориентирован на последствия, а уголовная ответственность наступает без их установления?

А.Ю. Ширяев выдвигает следующие тезисы:

– вина как отношение к действию, а не к результату. Исследователь доказывает, что в формальных составах вина проявляется, прежде всего, в осознании противоправности и общественной опасности самого деяния;

– значение умысла. Поскольку формальные составы почти всегда связаны с умышленными деяниями, центральное место занимает исследование прямого и косвенного умысла. Автор отмечает, что в практике часто формируется упрощенное понимание: любое осознание факта – это умысел. Он справедливо критикует подобный подход как противоречащий принципу субъективного вменения;

– проблема доказуемости. В диссертации обращено внимание на то, что при квалификации формальных составов суды зачастую ограничиваются констатацией самого действия, тогда как анализ внутреннего отношения лица (например, осознавал ли он запрет, понимал ли общественную опасность) остается поверхностным;

– субъективные признаки как средство дифференциации. А.Ю. Ширяев подчеркивает, что в ряде формальных составов (например, коррупционных) именно мотив и цель придают деянию общественную опасность.

Тем самым ученый предлагает рассматривать вину в формальных составах через многоуровневую структуру: когнитивный уровень (знание факта и его противоправности), волевой уровень (желание или допущение совершить действие), ценностный уровень (мотив, цель). Подчеркивается необходимость более внимательного отношения к ценностно-мотивационному компоненту вины, особенно в преступлениях против интересов службы и правосудия.

В связи с изложенным представляется целесообразным исследовать составы преступлений, в которых формальные элементы сочетаются с ма-

териальными последствиями (например, экологические или экономические составы, где и действие, и результат играют существенную роль). Здесь требуется уточнение границ вины. Появляются и новые формальные составы (например, незаконный оборот информации, распространение запрещенного контента). Здесь вина выражается прежде всего в осознании запрета, а последствия могут быть неопределенными. Представляется, что цифровизация, несомненно, накладывает отпечаток на проявление субъективной стороны преступления.

Т.С. Коваленко, в свою очередь, берет за основу принцип субъективного вменения («нет наказания без вины») и рассматривает его сквозь призму сложных составов преступлений, где сочетаются две формы вины: умысел по отношению к одним последствиям и неосторожность – к другим [6]. Подобная законодательная конструкция традиционно вызывает дискуссии, поскольку размывает классическую логику уголовного права, основанную на единстве субъективной стороны.

К числу ключевых положений работы можно отнести:

– тезис о внутренней противоречивости уголовного законодательства. Автор отмечает, что закрепление конструкций «две формы вины» в ст. 27 УК РФ формально соответствует принципу субъективного вменения, но на практике приводит к трудностям разграничения между умышленным и неосторожным отношением;

– вопросы квалификации преступлений. Т.С. Коваленко показывает, что правоприменитель сталкивается с проблемой: как правильно оценивать умысел при базовом деянии и неосторожность при наступлении тяжких последствий (например, умышленное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности);

– проблема справедливости наказания. Автор поднимает вопрос о том, соответствует ли суровость санкции реальной степени вины лица, если она носит «смешанный» характер;

– доктринальная неопределенность. Диссертация фиксирует, что в научной литературе нет единого подхода к пониманию «смешанных» форм вины: часть исследователей считает их фикцией, часть – самостоятельной категорией. Т.С. Коваленко выделяет особую разновидность субъективной стороны, при которой вина носит многоуровневый характер. Предлагается авторская трактовка: преступления с двумя формами вины следует рассматривать как «сложные субъективные конструкции», где ответственность возможна только при доказанности обеих

элементов – и умысла, и неосторожности. Также отмечается необходимость унификации судебной практики, чтобы исключить произвольное толкование различий между простым казусом, неосторожностью и смешанной формой вины.

В связи с этим перспективы дальнейших научных изысканий должны быть нацелены на:

- разработку критериев разграничения форм вины. Следует четко обозначить признаки, позволяющие отделить: «две формы вины» от последовательности преступлений; смешанные конструкции от совокупности деяний.

- оценку соответствия принципу справедливости санкций в нормах о преступлениях с двумя формами вины. Возможна корректировка санкций с учетом меньшей степени вины при неосторожных последствиях.

- совершенствование судебно-экспертной практики. Необходимо разработать методики, позволяющие экспертам и судьям объективно устанавливать, охватывал ли умысел виновного последствия, наступившие фактически, или они выходили за пределы его предвидения;

- изучение зарубежного опыта: в германском праве действует доктрина «комбинированной вины», а в англо-саксонской традиции чаще применяется концепт «manslaughter», где умысел к одному действию совмещается с неосторожностью к результату;

- исследование того, как «две формы вины» проявляются в киберпреступлениях: например, когда лицо умышленно создает вредоносную программу, но неосторожно допускает массовые общественно опасные последствия.

В рамках диссертационных исследований проводится и изучение проблем невиновного причинения вреда. Так, сохраняют свою значимость многие тезисы диссертации И.В. Теслицкого, посвященной уголовно-правовым вопросам невиновного причинения вреда по психофизиологическому основанию [7].

И.В. Теслицкий берет за отправную точку своего исследования классическую дихотомию: вина как психическое отношение субъекта к деянию и результату противостоит казусу, то есть невиновному причинению вреда. В диссертации выделяется особая категория, которую автор называет «психофизиологическое основание» невиновности. Смысл в том, что субъект может обладать достаточным уровнем сознания и вменяемости в общем смысле, но в конкретной экстремальной ситуации его психофизиологические качества оказываются несоразмерны возникшей нагрузке. Вина в таких условиях отсутствует, хотя

внешне деяние может походить на небрежность. И.В. Теслицкий показывает, что необходимо учитывать индивидуальные психофизиологические параметры субъекта: скорость реакции, стрессоустойчивость, способность к концентрации, восприятие информации в условиях перегрузки. Ученый вполне убедительно обосновывает, что отсутствие вины в подобных случаях нельзя приравнивать к простому «несчастному случаю» – это самостоятельная форма исключения уголовной ответственности. Иными словами, вводится понятие «специальной невиновности», обусловленной диссонансом между требованиями ситуации и возможностями психики и организма. Вина трактуется как категория, требующая оценки не только умысла или предвидения, но и реальной способности субъекта предотвратить вред.

Диссертация И.В. Теслицкого являет собой важный шаг к своеобразной антропологизации уголовного права: вина рассматривается не отвлеченно, а сквозь призму реальных возможностей конкретного человека. Автор показал, что невиновность может быть не только результатом объективного стечения обстоятельств, но и следствием естественных границ психофизиологии.

Концептуально соглашаясь с данным подходом, авторы дальнейших исследований должны учитывать специфику конкретной профессиональной деятельности причинителя вреда. Для медицинских работников, военных, работников транспорта важно установить: где граница между «обычной неосторожностью» и объективной психофизиологической перегрузкой. Уголовно-правовая наука должна обогащаться данными из психологии, медицины труда и нейронаук: в частности, о том, как формируются когнитивные барьеры, каким образом человек реагирует на стресс, почему в определенных условиях даже квалифицированный специалист может действовать ошибочно, но без вины.

Очерченные аспекты раскрываются и в защищенной совсем недавно, в 2025 году, Е.О. Игоиной диссертации на тему «Причинная связь в преступлениях, совершенных медицинскими работниками по неосторожности» [8]. В работе автор, в частности, разработала определение причинной связи в таких преступлениях и выстроила систему подобных посягательств. В научный оборот введена классификация преступлений по форме (действие, смешанное бездействие, полное бездействие), а также понятие «ятрогенный дефект». Предложены критерии причинности: временная, реальная, неизбежности и нарушение медицинских стандартов и возможность

предотвращения вреда. Также Е.О. Игониная сформулировала правила квалификации общественно опасных деяний медицинских работников и привела аргументы в пользу необходимости внесения изменений в уголовное законодательство с целью унификации понятия «причинная связь».

Причинная связь в преступлениях, совершенных медицинскими работниками по неосторожности, по определению Е.О. Игониной – это объективно существующая связь между действием (бездействием) медицинского работника и общественно опасным последствием, наступившим для пациента в результате нарушения правил оказания медицинской помощи.

В числе возможных направлений дальнейшего исследования обозначенной проблематики следует выделить:

- уголовно-правовую оценку неосторожных медицинских преступлений в сфере телемедицины, обстоятельств и последствий применения инновационных методов лечения, экстремальных клинических сценариев, установление вины при осуществлении лечения группой медицинских работников;

- развитие формализованной модели причинности на основе теории корреляции вероятностей для оценки альтернативных исходов и путей предотвращения вреда;

- разработка правоприменительного инструментария (разработка стандартизированных чек-листов или тестов для судей, экспертов и следователей (например: «время X, действие Y, стандарт Z, неспособность предотвратить – да/нет»));

- разработка обучающих программ для экспертов и следователей на основе кейс-методов, включая симуляции расследований, где проверяется способность установить вину и причинную связь.

Традиционная уголовно-правовая доктрина причинной связи строится на категории необходимости и закономерности: деяние должно быть необходимым условием наступления результата. Однако, как это показано, в частности, Е.О. Игониной, в медицинских делах это нередко не столь очевидно. А именно: исход лечения зависит от множества факторов (состояние пациента, сопутствующие болезни, особенности организма); медицинское вмешательство может лишь повысить или снизить вероятность выздоровления, но не гарантировать результат; экспертные заключения зачастую звучат как: «вероятность предотвращения смерти при надлежащем лечении составляла 60–70 %», то есть выражаются вероятностными формулами, а не категорией «да/нет».

В силу этого перспективным представляется выстраивание формализованной модели причинности, учитывающей корреляции вероятностей, что позволит: рассматривать действия врача как фактор, изменяющий вероятность исхода (например, снижает риск смерти с 80 % до 20 %); сопоставлять альтернативные сценарии: если бы врач действовал надлежащим образом и если врач действовал ненадлежащим образом; вычислять «разницу вероятностей» и оценивать, насколько деяние врача реально повлияло на результат.

В основе теории корреляции вероятностей лежит инструментарий статистики: корреляция отражает силу взаимосвязи между событием (например, применением метода лечения) и результатом (выздоровление/смерть); при наличии большого массива данных можно формировать модели ожидаемых исходов; для конкретного дела эксперт дает оценку: вероятность исхода без ошибки врача vs вероятность исхода с ошибкой. Такая модель позволила бы обосновывать вывод о вине при неосторожности более объективно, нежели традиционное экспертное «вероятно, исход был бы иным». Суд имел бы формализованный инструмент: если действие врача увеличивает риск наступления результата существенно (например, более чем на определенный порог, условно 30–40 %), это трактуется как наличие причинной связи и вины. Если влияние минимально (например, увеличение риска на 5 %), то это может трактоваться как отсутствие оснований для привлечения лица к уголовной ответственности.

Подобная модель поможет разграничить случаи, когда врач действительно существенно повлиял на исход, и ситуации, когда исход был предопределен состоянием пациента. Тем самым, речь идет о переходе от категориальной причинности («вызвал/не вызвал») к вероятностной («насколько увеличил риск») модели, что позволит справедливее оценивать вину медицинских работников в деяниях, совершенных по неосторожности. Исследованию также подлежит вопрос о целесообразности закрепления в постановлении Пленума Верховного Суда РФ критериев оценки вероятностных заключений экспертов.

Перспективным направлением остается междотраслевое сравнительное исследование с западными доктринами, где активно обсуждается концепт «reasonable person standard» [9] (стандарт разумного лица). Его адаптация к российскому праву с учетом психофизиологических ограничений – актуальная задача уголовно-правовой науки.

Нельзя не отметить и то, что проблематика вины также затрагивается в диссертационных

исследованиях, непосредственно посвященных иным уголовно-правовым вопросам. Речь идет о следующих аспектах учения о вине:

– вина в составах отдельных категорий преступлений: преступлений в сфере цифровых технологий и информационной безопасности; экологических преступлениях с осложненной причинно-следственной связью; экономических преступлениях с элементами косвенной вины.

– межотраслевые и сравнительно-правовые исследования: роль признаков субъективной стороны посягательства в межотраслевой дифференциации юридической ответственности; сопоставление российского подхода не только с англосаксонским и континентально-европейским, но и с правовыми системами других стран [10]; влияние международного уголовного права на трактовку признаков субъективной стороны преступления.

Подводя итог исследованию учений о вине в новейших уголовно-правовых диссертационных исследованиях, можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день учение о вине остается активно развивающимся направлением современных диссертационных исследований по уголовному праву. Оно охватывает как фундаментальные теоретические аспекты (понятие, формы, значение), так и прикладные – интерпретацию невиновного причинения вреда и вины в новых видах преступлений.

Список источников

1. Скляр С.В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004.
2. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012.
3. Кораблева С.Ю. Вина как уголовно-правовая категория и ее влияние на квалификацию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
4. Найбойченко В.В. Вина в умышленных преступлениях: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.
5. Ширяев А.Ю. Предметное содержание вины в преступлениях с формальным составом: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
6. Коваленко Т.С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
7. Теслицкий И.В. Невиновное причинение вреда по психофизиологическому основанию в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

8. Игонина Е.О. Причинная связь в преступлениях, совершенных медицинскими работниками по неосторожности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2025.

9. Зайцева Н.В. Способы определения разумности в деликтных правоотношениях на примере стран общего права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 170–178.

10. Аль-Байти Мухтар Авад Абдулла. Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву республики Йемен: проблемы и их решение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019.

References

1. Sklyarov S.V. Vina i motivy` prestupnogo povedeniya kak osnovanie differenciacii i individualizacii ugovolnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2004.
2. Plotnikov A.I. Ob`ektivnoe i sub`ektivnoe v prestuplenii: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2012.
3. Korableva S.Yu. Vina kak ugovolno-pravovaya kategoriya i ee vliyaniye na kvalifikaciyu prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013.
4. Najbojchenko V.V. Vina v umy`shlenny`x prestupleniyax: zakon, teoriya, praktika: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2016.
5. Shiryaev A.Yu. Predmetnoe sodержanie viny` v prestupleniyax s formal`ny`m sostavom: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2013.
6. Kovalenko T.S. Princip sub`ektivnogo vmeneniya i problemy` ego realizacii v prestupleniyax s dvumya formami viny`: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2016.
7. Tesliczkij I.V. Nevinovnoe prichinenie vreda po psixofiziologicheskomu osnovaniyu v ugovolnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. Stavropol`, 2004.
8. Igonina E.O. Prichinnaya svyaz` v prestupleniyax, sovershyonny`x medicinskimi rabotnikami po neostorozhnosti: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2025.
9. Zajceva N.V. Sposoby` opredeleniya razumnosti v deliktny`x pravootnosheniyax na primere stran obshhego prava // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2020. № 5 (136). S. 170–178.
10. Al`-Baiti Muxtar Avad Abdulla. Vina v strukture sub`ektivnoj storony` prestupleniya po ugovolnomu pravu respubliki Jemen: problemy` i ix reshenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2019.

*Статья поступила в редакцию 01.05.26;
одобрена после рецензирования 17.05.26;
принята к публикации 17.05.26.*

*The article was submitted 01.05.26;
approved after reviewing 17.05.26;
accepted for publication 17.05.26.*

Научная статья
УДК 34.04
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_161

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В ПРАВЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

КУЗЮРОВА Дарья Дмитриевна

Соискатель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: Антропология права – актуальное направление исследования сущности права и связанных с ним явлений, разрабатываемое в рамках поиска ответа на вопросы, заданные эпохой постмодернизма. В настоящей статье автор применяет основные положения учения об антропологии права к изучению преемственности в праве – явления, привлекающего интерес исследователей во все времена, но вместе с тем по сей день не переосмысленного согласно положениям постнеклассической юридической науки. Автор освещает фундаментальные вопросы, касающиеся сущности преемственности в праве, в ходе чего выявляет ряд проблем, требующих дальнейшего углубленного исследования. В частности, автор рассуждает о проблемах определения роли человека в процессе возникновения преемственных связей в праве, трансцендентного основания преемственности, соотношения преемственности и иных закономерностей развития права (правовой аккультурации и экспансии), о традиционном и инновационном проявлениях в развитии права.

Ключевые слова: преемственность в праве, антропология права, правовая аккультурация, правовая экспансия, правовая культура

Для цитирования: Кузюрова Д.Д. Преемственность в праве как объект изучения антропологии права: постановка проблемы // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 161. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_161

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

CONTINUITY IN LAW AS AN OBJECT OF STUDY OF THE ANTHROPOLOGY OF LAW: PROBLEM STATEMENT

KUZYUROVA Daria Dmitrievna

Applicant of the Department of Theory and History of State and Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, bldg. 1, Russian Federation

Abstract: The anthropology of law is a vital field of study that explores the nature of law and related concepts, developed in response to the challenges of the postmodern era. This article aims to apply the main principles of the anthropological approach to law to the study of legal continuity, a phenomenon that has long been of interest to scholars, yet remains unexplored in terms of post-non-classical theory. The author emphasizes the significance of understanding the core aspects of legal succession, while identifying several areas that require further investigation. By examining these issues, we can gain a deeper understanding of the complexities and intricacies of legal change over time. In particular, the author discusses the challenges of defining the role of an individual in the process of succession in law, as well as the transcendental basis of succession. The author also explores the relationship between succession and other aspects of legal development, such as legal acculturation and expansion, and examines traditional and innovative aspects in the evolution of law.

Keywords: continuity in law, anthropology of law, legal acculturation, legal expansion, legal culture

For citation: Kuzyurova D.D. Continuity in Law as an Object of Study of the Anthropology of Law: Problem Statement = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):161. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_161

Исследование права сквозь призму антропологии права – перспективный ответ на вызов, брошенный юриспруденции постмодернизмом.

Антропология права представляет собой такое направление исследования права, которое фокусируется на личности в праве, ее свойствах и отличии от формально-догматических элементов [1, 50]. Соответственно, объектом антропологии права выступает право в его культурно-социальном контексте.

И.Л. Честнов, приверженец постнеклассических научных взглядов и разработчик диалогической концепции правопонимания, методологию социокультурной антропологии права характеризует как «позитивную программу выхода из тупика субъективизма, деконструкции и методологического анархизма» [2, 22]. Разумеется, переосмысление права автоматически влечет за собой применение новых установок к образам различных явлений, связанных с правом. Немалый интерес в поиске новых граней и глубин знания о праве вызывает явление преемственности в развитии права.

Тема преемственности в праве, вне зависимости от контекста, является актуальной, поскольку обозначенная проблематика имеет значение не только в пределах юридической науки. Не будет ошибкой возвести ее в ранг общефилософских изысканий, так как исследование преемственности (права или любой другой системы) в корне означает поиск ответов на вопросы о принципах бытия. Таким образом, исследуя преемственность в праве с позиции различных подходов, а в данной работе – с позиции антропологических начал права, мы вносим скромный, но ценный вклад в развитие не только юридической, но и философской научной мысли.

Прежде всего, обратимся к содержанию антропологической методологии. Ее фундамент применительно к пониманию права складывается из двух основных положений, которые кратко можно сформулировать так:

1. Право измеряется ментальной и поведенческой деятельностью людей, что указывает на конструктивность права в целом и его компонентов. Обозначенная позиция опровергает также объективность права, выдвигая на передний план интерпретационную природу права.

2. Деятельность людей обусловлена культурным контекстом. Это означает, что и право, являясь продуктом человеческой деятельности, трансформируется под воздействием правовой культуры, или, иными словами, является контекстуальным.

Обозначенные установки кардинально меняют классическое представление о развитии права и, следовательно, о такой его закономерности, как преемственность. Руководствуясь ими, мы предлагаем выделить ряд существенных признаков преемственности в праве с точки зрения антропологии права и обозначить вытекающие из них проблемы.

В свете «человекоизмеримости» права преемственность в его развитии утрачивает признак объективности. Если развитие права складывается из взаимодействия людей, то и преемственность в праве оказывается явлением, зависимым от деятельности человека. Принципиально важным здесь является вопрос о том, насколько человек способен осознанно воздействовать на преемственность, и способен ли вообще. Иными словами, возникает проблема понимания механизма преемственности в праве и определения роли человека в этом механизме. В данном контексте вызывает интерес предположение некоторых ученых о существовании некоего трансцендентного начала права, которое опосредует его существование наравне с деятельностью человека. Например, И.Л. Честнов пишет о том, что одним из экзистенциальных оснований права выступает выживание общества [3, 10]. А.В. Поляков, углубляясь в биологическую антропологию права, помимо прочего обосновывает его существование нейронаучными и биологическими данными [4]. Не имея объективной возможности однозначно подтверждать или опровергать идею о трансцендентности права, мы, однако же, можем констатировать связь права с человеческими ценностями, формирующую его сущность и функциональное назначение. Примечательно то, что человеческие ценности, о которых мы говорим, различаются у разных народов и культур, однако сам принцип формирования права, ориентирование на эти ценности, остаются неизменными для любой культуры. Право задает правила взаимодействия людей, тем самым обеспечивает существование человека в социуме. С этой точки зрения преемственность в праве, будучи явлением позитивным и свидетельствующим о жизнеспособном состоянии правовой системы, оказывается связанной с неосознанным стремлением человека к конкретизации условий существования как всего общества, так и каждого отдельного человека. Повторимся, что недоступность для эмпирического познания предположений о трансцендентности преемственности в праве оставляет эту проблему открытой, но все же сам факт ее возникновения в научном поле

развивает познание механизма преемственности в праве.

Культурный контекст, оказывающий предопределяющее воздействие на право, задает направление его развития. Отчетливо это можно проследить на примере частного права – наиболее динамичного и гибкого компонента правовой системы. Даже малейшие трансформации частно-правовых отношений отражаются в содержании норм частного права. В свою очередь, глобальные перемены в социально-экономической сфере детерминируют масштабные реформы в праве.

Подтверждение приведенным утверждениям можно обнаружить при анализе развития российского гражданского законодательства вплоть до настоящего времени. Происходящие сейчас реформы также есть следствие большого социально-экономического переворота, пришедшегося на начало 90-х годов. Как подчеркивается в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации [5]: «В 1992 - 1994 гг. Россия еще только встала на путь создания частной собственности и рыночной экономики, и хотя из гражданского законодательства было устранено все, что воплощало планово-административную регламентацию имущественных отношений, такое их регулирование, которое в полной мере отвечало бы потребностям социального государства с развитой рыночной экономикой, тогда еще не могло быть создано».

Преемственность в праве также зависима от культурных факторов, поскольку культура и право неотделимы друг от друга. Известный британский антрополог и социолог Б. Малиновский предлагал рассматривать право в качестве функционального аспекта культуры, тем самым подчеркнув взаимосвязь и неотделимость этих элементов [6, 38].

Содержание культуры общества и культуры человека, интерпретирующего право, предопределяет, что будет отнесено к проявлению преемственности, а что – нет. Поскольку правовые культуры разных народов, государств и цивилизаций различаются, преемственность в праве не предполагает универсальных образцов ее проявления. Наглядный пример можно привести, обратившись к формам внешнего выражения права, принятым в различных правовых семьях. Так, если для англосаксонского права преемственность внешних форм права прослеживается в совершенствовании системы судебного прецедента, то для мусульманской правовой семьи преемственным будет считаться развитие правовых основ через религиозные учения.

Вместе с тем следует учитывать, что различные культуры, в том числе правовые, не находятся в изоляции друг от друга. Напротив, взаимодействие людей хаотично, оно не удерживается какими бы то ни было рамками. А значит, и культура всегда находится во взаимодействии с другой культурой. Указанные идеи подробно освещены в работах философа М.М. Бахтина, автора концепции диалога культур. Он утверждал: «Все в жизни диалог – то есть диалогическая противоположность» [7, 75]. Это означает, что обогащение и развитие культуры, понимание чужой культуры возможны только в контексте диалога, то есть во взаимодействии (ни в коем случае не слиянии и не присоединении) двух культур. Продолжая развивать эти взгляды, В.С. Библер описывает два пути исторической наследственности развития культур (схематизм общения): поэтапное восхождение по лестнице прогресса и независимый от пространства и времени диалог [8, 35].

Применительно к проблематике, заданной в настоящей работе, вышеизложенное означает, что развитие права происходит во взаимодействии правовых культур, так как именно через точки их пересечения проложен путь к обогащению права. При этом право может развиваться как в диалоге одноуровневых правовых культур (первый тип диалога, описанный В.С. Библером), так и в диалогах, независимых от времени и пространства (второй диалог в упомянутой типологии). Полагаем, следует признать ценность и, самое главное, применимость приведенных утверждений к исследованию права, поскольку само понимание таких категорий, как развитие права, преемственность, наследственность, инновация в праве и т.д. становится возможным лишь на контрасте с другими несовпадающими явлениями, то есть свойствами и черты указанных явлений становятся видимыми в диалоге. Любое новаторское начало в праве признается таковым лишь в сравнении с традицией и наоборот.

Изложенное свидетельствует о том, что преемственность в праве через призму антропологической методологии характеризуется, прежде всего, как явление конструктивное и контекстуальное. Конструктивность преемственности в праве выражается через зависимость возникновения преемственных связей от деятельности человека, а не законов природы; связь преемственности с ментальной деятельностью человека; обусловленность человеческими ценностями. В свою очередь, контекстуальность подразумевает, что преемственность в праве определяется содержанием и особенностями культуры интерпретатора;

проявления преемственности не универсальны, что обусловлено различиями в правовых культурах народов и цивилизаций; преемственность в праве проявляется в контексте диалога культур, а не в односторонней передаче информации.

На основании выделенных признаков преемственности в праве можно сделать вывод, что с позиции антропологических начал права она представляет собой логическое продолжение диалогического взаимодействия людей, народов, цивилизаций, проявляющегося в правовой сфере общества. Преемственность в праве – это результат взаимодействия интерпретаций, выражающийся через трансформации элементов права, адаптирующих систему под потребности определенного общества в определенный момент. Именно благодаря преемственности правовая система функционирует как живой, динамичный организм.

Приведенные суждения поднимают вопрос о сопоставлении преемственности с инновационным и традиционным началами в праве.

Полагаем, начать исследование обозначенной проблемы необходимо с того, что традицию и инновацию, несмотря на их противоположность, невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, так как, с одной стороны, нет абсолютной традиции – многократное воспроизводство традиции так или иначе детерминирует изменения, что означает разрыв с прошлым. Так же и нет «чистой» инновации, так как новые элементы права возникают не на пустом поле и функционируют не автономно, а системно, в связи с чем любая инновация тесно переплетена с традицией. В таком случае преемственность в праве не может иметь четкой грани соотношения ни с традицией, ни с инновацией – исчислить эти явления по отдельности невозможно. Аналогичную мысль в контексте исследования этнологической линии антропологии права выразил французский правовед Н. Рулан: «Как бы ни была юридическая антропология привязана к традициям изучаемых ею обществ, она не обращена в прошлое и не воспринимает в штыки любую идею эволюции» [9, 227].

Вместе с тем идея развития права через диалог традиционного и инновационного начал позволяет нам говорить о функциональном назначении преемственности. Так, если в диалоге доминирует традиция, то преемственность выражается через репродукцию существующих компонентов права, что отражает стремление человека к воспроизведению привычных образцов поведения и к руководству сформировавшимися

представлениями. В обратной ситуации, когда в диалоге преобладает инновация, непосредственно компоненты права подвергаются трансформациям, однако преемственность выражается через «вовлечение» этих элементов в функционирующую систему права. В таком контексте функция преемственности аналогична предыдущей: обеспечение стабильности в праве с точки зрения его организации. Таким образом, функциональное назначение преемственности в праве заключается в адаптации права (как составляющих его компонентов, так и в контексте всей системы права) к потребностям социума. Более того, сам по себе процесс формирования права является имманентным проявлением преемственности в развитии социума, что подтверждается наличием правовых систем (или аналогичных по своим функциям регуляторов) во всех культурах и у всех народов.

Далее, отметим, что признание обусловленности преемственности в праве социокультурными факторами вызывает еще одну проблему: возникает необходимость пересмотра ее соотношения с иными закономерностями развития права, такими как юридическая аккультурация и правовая экспансия.

Правовая аккультурация представляет собой процесс взаимодействия правовых культур, результат которого отражается в форме зафиксированных в праве-реципиенте заимствований. Принимая во внимание тот факт, что антропология права обязывает нас к широкому пониманию права, мы полагаем, что и правовая аккультурация не ограничивается рецепцией, то есть заимствованием отдельных норм и институтов. Правовая аккультурация может охватывать идеи, теоретические разработки, элементы правотворческой, правоприменительной, судебной и иной юридической деятельности.

Сложность определения соотношения правовой аккультурации и преемственности заключается, главным образом, в том, что считать первичным: сам факт заимствования (юридическая сторона правовой аккультурации) или социальные условия, опосредующие это заимствование (антропологическая сторона правовой аккультурации). В первом случае аккультурация будет расходиться с преемственностью, во втором, напротив, пересекаться. Но можно ли однозначно разделить антропологические и юридические начала в праве? Полагаем, что нельзя. В связи с этим соотношение правовой аккультурации и преемственности в праве представляется нам диалогичным. Приведем мнение профессора Карташова В.Н.,

который, описав способы воплощения правовой аккультурации, также показал взаимодействие данного явления с преемственностью: «юридическая аккультурация имеет больше шансов на успех в случаях, когда она является частичной, постепенно и ненавязчиво внедряется в новый уклад жизни, правовое пространство и регулирование, поведение людей с иной культурой, общественным и правовым порядком» [10, 155].

Более понятным представляется соотношение преемственности в праве и правовой экспансии – явления, подразумевающего насильственную юридическую ассимиляцию, навязывание чуждых данной культуре элементов права, вмешательство одного государства в юридическую жизнь другой страны [11, 85]. Если исходить из того, что взаимодействие правовых систем (а равно их развитие) возможно только при наличии ряда условий: равенства культур, уважения к чужой культуре и признания права каждой культуры на отличия, то, очевидно, правовая экспансия и преемственность в праве находятся совершенно в разных плоскостях и не имеют соотношения. Правовая экспансия в принципе не развивает право, вмешательство в право со стороны нарушает самоорганизованный и самостоятельно существующий порядок взаимодействия людей в правовой сфере, в связи с чем такая трансформация права не обнаруживает проявлений преемственности. Возникает другой вопрос: возможна ли преемственность после правовой экспансии? С одной стороны, невозможна, ведь, по сути, экспансия означает разрыв с прошлым. С другой стороны, важно понимать, что невозможно одно общество заменить другим, так же как и культуру и право. Воспроизведение чуждого права неизбежно будет происходить с учетом особенностей и традиций общества-реципиента, в связи с чем впоследствии навязанные элементы права или будут адаптированы, или вытеснены из общества.

В завершение настоящего исследования еще раз отметим особую роль антропологического подхода в изучении явления преемственности в праве. Его ценность заключается в том, что он «не оторван» от реальной жизни, а его применение предполагает постановку проблемы таким образом, чтобы она отвечала запросам общества, подкреплялась практической деятельностью человека. При этом, как можно заметить, антропология права не противопоставляется иным учениям о праве, более того, она объединяет их в качестве различных граней человека, общества и культуры.

Антропология права фокусируется на социальной сущности преемственности в праве, обна-

руживает связь преемственности с деятельностью человека. Преемственность права, не имеющая четкого образа или универсального проявления, органично вписывается в картину правовой реальности, сотканную на основе антропологии, которая, в свою очередь, основывается на абстрактных, неосязаемых, но предопределяющих сущность права категориях взаимодействия, диалога, культуры, интереса и т.д.

В литературе уже прозвучало мнение о том, что преемственность в праве следует объяснять преемственностью в самой основе права, корнящейся в природной и социальной среде, в которой протекают процессы правотворчества [12, 5]. Антропология права развивает и расширяет эту ценную, на наш взгляд, идею: преемственность в праве прослеживается в самой разнообразной деятельности человека в правовой среде, не исключая при этом ее ментальный аспект.

Переосмысление преемственности в праве как конструируемого социумом явления обратило наше внимание на ряд неразрешенных научных проблем. В частности, неисследованными являются вопросы о механизме возникновения преемственных связей и об их детерминантах, о наличии трансцендентного начала преемственности, которые неизбежно возникают в контексте изучения конструктивной природы преемственности. Социокультурная контекстуальность преемственности остро ставит вопросы о ее соотношении с явлениями правовой аккультурации и правовой экспансии, о роли традиции и инновации в процессе возникновения преемственных связей. Все эти и другие сложные научные проблемы понимания преемственности в праве, не затронутые в настоящей статье, нуждаются в дальнейших исследованиях и, будем надеяться, в скором времени будут исследованы и разрешены.

Список источников

1. Павлов В.И. Постклассическая юриспруденция в современном общетеоретическом правоведении: формирование антропологической концепции права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3. С. 41–54.
2. Честнов И.Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции // Журнал Юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 21–26.
3. Честнов И.Л. Конструктивизм в постсовременной юриспруденции // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 2. С. 8–13.
4. Поляков А.В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронаука (исповедь коммуникативиста) // Постклассические исследования

права: перспективы научно-исследовательской программы: коллективная монография / под ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2023. 500 с.

5. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

6. Сонгинайте Н.С. Социальная антропология Бронислава Малиновского // ЖССА. 1998. № 2. С. 36–43.

7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

8. Библер В.С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.

9. Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов. Перевод с франц. Ответственный редактор – член-корр. РАН, доктор юридических наук, профессор В. С. Нерсесянц. М.: Издательство НОРМА, 1999. 310 с.

10. Карташов В.Н. Юридическая аккультурация и юридическая экспансия: проблемы соотношения // Вестник КГУ. 2019. № 3. С. 153–157.

11. Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В.Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т. Ярославль: ЯрГУ, 2015. Вып. 14. 180 с.

12. Литвинович Ф.Ф. Преимственность в праве (Вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. 179 с.

4. Polyakov A.V. Postklassicheskaya yurisprudenciya, e`volyucionnaya teoriya i nejronauka (ispoved` komunikativista) // Postklassicheskie issledovaniya prava: perspektivy` nauchno-issledovatel`skoj programmy`: kollektivnaya monografiya / pod red. E.N. Tonkova, I.L. Chestnova. SPb.: Aletejya, 2023. 500 s.

5. «Konceptiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii» (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) // Vestnik VAS RF. 2009. № 11.

6. Songinajte N.S. Social`naya antropologiya Bronislava Malinovskogo // ZhSSA. 1998. № 2. S. 36–43.

7. Baxtin M.M. E`stetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.

8. Bibler V.S. Kul`tura. Dialog kul`tur (opyt opredeleniya) // Voprosy` filosofii. 1989. № 6. S. 31–42.

9. Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya. Uchebnik dlya vuzov. Perevod s francz. Otvetstvenny`j redaktor – chlen-korr. RAN, doktor yuridicheskix nauk, professor V.S. Nersesyancz. M.: Izdatel'stvo NORMA, 1999. 310 s.

10. Kartashov V.N. Yuridicheskaya akkul'turaciya i yuridicheskaya e`kspansiya: problemy` sootnosheniya // Vestnik KGU. 2019. № 3. S. 153–157.

11. Aktual'ny`e problemy` teorii i istorii pravovoj sistemy` obshhestva: sb. nauch. tr. / отв. ред. проф. V.N. Kartashov; Yarosl. gos. un-t. Yaroslavl`: YarGU, 2015. Vy`p. 14. 180 s.

12. Litvinovich F.F. Preemstvennost` v prave (Voprosy` teorii i praktiki): dis. ... kand. yurid. nauk. Ufa, 2000. 179 c.

References

1. Pavlov V.I. Postklassicheskaya yurisprudenciya v sovremennom obshheteoreticheskom pravovedenii: formirovanie antropologicheskoy koncepcii prava // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2025. № 3. S. 41–54.

2. Chestnov I.L. Antropologiya kak metodologiya postsovremennoj yurisprudencii // Zhurnal Yuridicheskoy antropologii i konfliktologii. 2022. № 1. S. 21–26.

3. Chestnov I.L. Konstruktivizm v postsovremennoj yurisprudencii // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2024. № 2. S. 8–13.

*Статья поступила в редакцию 06.05.26;
одобрена после рецензирования 12.05.26;
принята к публикации 12.05.26.*

*The article was submitted 06.05.26;
approved after reviewing 12.05.26;
accepted for publication 12.05.26.*

Научная статья
УДК 347.454
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_167

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ТЕРМИНА «ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПОДРЯД»

АБДУЛЛИН Ильдар Рафисович

Аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется проблема неоднозначного использования термина «генеральный подряд» в российской цивилистической литературе. Автор выделяет два значения данного термина: (а) подрядная цепочка, при которой генеральный подрядчик перераспределяет объем работ посредством привлечения субподрядчиков (ст. 706 ГК РФ); (б) организация структуры договорных связей в строительстве, опосредующая способ реализации строительного проекта, при котором проектирование обеспечивается заказчиком, а подрядчик осуществляет строительство по предоставленной технической документации (design-bid-build). Обосновывается необходимость терминологического разграничения указанных значений.

Ключевые слова: генеральный подряд, договор строительного подряда, субподряд, структура договорных связей, проектирование и строительство, design-bid-build

Для цитирования: Абдуллин И.Р. К вопросу о значении термина «генеральный подряд» // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 167. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_167

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

ON THE MEANING OF THE TERM «GENERAL CONTRACT» IN RUSSIAN CONSTRUCTION LAW

ABDULLIN Ildar Rafisovich

Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: The article examines the ambiguity of the term «general contract» (generalnyy podryad) in Russian civil law scholarship. The author identifies two distinct meanings: (a) a subcontracting chain where the general contractor redistributes the scope of work by engaging subcontractors (Article 706 of the Russian Civil Code); (b) a contractual structure in construction that reflects the project delivery method where design is provided by the client and the contractor performs construction according to the technical documentation (design-bid-build). The author argues for a terminological distinction between these two meanings.

Keywords: general contract, construction contract, subcontract, contractual structure, design and construction, design-bid-build

For citation: Abdullin I.R. On the Meaning of the Term «General Contract» in Russian Construction Law = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):167. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_167

Термин «генеральный подряд» широко используется в российской цивилистической литературе, однако его содержание далеко не однозначно. Анализ доктринальных источников обнаруживает, что данный термин употребляется по меньшей мере в двух существенно различных значениях. С одной стороны, «генеральный подряд» понимается как характеристика правового положения подрядчика, привлекающего к исполнению работ

субподрядчиков и образующего тем самым подрядную цепочку (ст. 706 Гражданского кодекса Российской Федерации). С другой стороны, тот же термин используется для обозначения организации структуры договорных связей в строительстве, опосредующей способ реализации строительного проекта, при котором заказчик обеспечивает проектирование объекта, а подрядчик осуществляет строительство по предоставленной технической

документации (в зарубежной практике – design-bid-build) [5, С. 439].

Выявление и разграничение этих значений представляется необходимым для устранения терминологической неопределенности и уточнения понятийного аппарата строительного права.

1. Генеральный подряд как подрядная цепочка

Первое значение термина «генеральный подряд» непосредственно связано с нормами ст. 706 ГК РФ, озаглавленной «Генеральный подрядчик и субподрядчик». Согласно п. 1 данной статьи, если из закона или договора подряда не вытекает обязанность подрядчика выполнить предусмотренную в договоре работу лично, подрядчик вправе привлечь к исполнению своих обязательств других лиц – субподрядчиков; в этом случае подрядчик выступает в роли генерального подрядчика.

В комментаторской литературе ст. 706 ГК РФ рассматривается именно как нормативная основа «модели генерального подряда». В.В. Ровный характеризует генподряд как модель, при которой подрядчик, привлекающий субподрядчиков, «становится посредником между заказчиком и субподрядчиками», и подчеркивает, что «функция генподрядчика может сводиться исключительно к организации и координации деятельности субподрядчиков» [7].

Аналогичное понимание представлено в учебной литературе. Н.Б. Щербаков определяет систему генерального подряда как «основную модель договорных отношений по договорам строительного подряда», обусловленную большим объемом работ и растущей специализацией труда в строительстве [2, С. 62]. В рамках данной системы генподрядчик «выполняет две функции: для заказчика он остается подрядчиком, а для субподрядчика становится заказчиком». По мере усложнения строительного процесса генеральный подрядчик все чаще «берет на себя функции по организации и управлению строительством», а его деятельность «становится «услугами по генеральному подряду»... обнаруживающими элементы посреднических договоров (комиссии и агентирования)» [2, С. 62–63]. Автор характеризует генерального подрядчика как «своего рода «буфер» между заказчиком и субподрядчиками» и подчеркивает, что система генерального подряда «характеризуется относительностью обязательств, возникающих из генподрядного и субподрядного договоров» [2, С. 64].

Схожее определение обнаруживается в более раннем комментарии к Гражданскому кодек-

су. С.А. Верб определяет систему генерального подряда как «гражданско-правовую форму хозяйственных отношений между заказчиком и генеральным подрядчиком и отношений производственного кооперирования последнего с другими подрядчиками», которая представляет собой «совокупность главного подрядного договора между заказчиком и генеральным подрядчиком на весь объем работ по объекту и заключаемых на основании этого договора и в его частичное исполнение субподрядных договоров между генеральным подрядчиком и субподрядчиками на производство отдельных комплексов различных работ по тому же объекту» [1].

И.И. Зикун, анализируя назначение ст. 706 ГК РФ, обращает внимание на то, что данная норма допускает несколько моделей взаимоотношений с участием субподрядчика: генеральный подрядчик может привлечь субподрядчика лишь как помощника для оказания помощи; может возложить исполнение обязательства на субподрядчика полностью; наконец, генеральный подрядчик и субподрядчик могут делить выполнение работ между собой [3, С. 132]. Во всех этих вариантах сущность генерального подряда в первом значении состоит в перераспределении объема работ: генеральный подрядчик, оставаясь единственным должником перед заказчиком, организует исполнение обязательства посредством привлечения третьих лиц.

Таким образом, в комментаторской и учебной литературе содержание термина «генеральный подряд» последовательно раскрывается через призму субподрядных отношений: привлечение субподрядчиков, посредническая функция генподрядчика и относительность обязательств. Существенно, что нормы ст. 706 ГК РФ ничего не говорят о распределении функции проектирования между сторонами. Положения о генеральном подряде и субподрядчике посвящены исключительно вопросам организации исполнения работ и ответственности участников подрядной цепочки. Вопрос о том, кто обеспечивает проектную документацию – заказчик или подрядчик, – для ст. 706 ГК РФ безразличен.

2. Генеральный подряд как способ реализации строительного проекта

Второе значение термина «генеральный подряд» выявляется при обращении к литературе, посвященной организации структуры договорных связей в строительстве, опосредующей способ реализации строительного проекта. В зарубежной доктрине и практике принято различать два основных способа организации строительного проекта. При первом, так называемом

традиционном способе (design-bid-build), заказчик нанимает проектировщика для подготовки проектной документации, а затем на основании этой документации проводит отбор подрядчика, который выполняет строительство. При втором способе «проектирование и строительство» (design-build) подрядчик принимает на себя одновременно и проектирование, и строительство объекта [8, С. 24–26; 9, С. 53–58].

Н.А. Пономарев, исследуя модели ответственности подрядчика в английском и российском праве, прямо отождествляет традиционный способ с генеральным подрядом: «Если проект реализуется на основе способа «проектирование – закупки – строительство», который также называется «традиционным» способом, или генеральным подрядом, то подрядчик несет ответственность только за процесс строительства и, следовательно, отвечает за достижение результата по принципу вины: подрядчик должен построить ровно то, что предусмотрено в задании заказчика, поэтому ответственность за качество исходных данных лежит на заказчике» [6, С. 527].

З.Е. Николаева и К.Ф. Егоров в исследовании управления договорными связями в строительном проекте предлагают типологию, в которой первым типом выделяется «передача только функции строительства» – модель, при которой заказчик обеспечивает проектирование, а подрядчик выполняет строительство по предоставленной документации [4, С. 320–322]. Данная модель противопоставляется авторами передаче одновременно функций проектирования и строительства (design-build), а также передаче функции полной реализации проекта (EPC/turnkey).

Таким образом, во втором значении «генеральный подряд» описывает не вертикальную организацию исполнения (кто привлекает субподрядчиков), а горизонтальное распределение ключевых функций между сторонами: проектирование остается за заказчиком, строительство – за подрядчиком.

3. Соотношение двух значений и необходимость разграничения

Выявленные значения термина «генеральный подряд» описывают различные аспекты договорных отношений в строительстве и не совпадают ни по содержанию, ни по нормативной основе.

Первое значение (подрядная цепочка) отвечает на вопрос о субъектном составе на стороне исполнителя: привлекает ли подрядчик к исполнению работ субподрядчиков и каким образом организовано взаимодействие между ними. Нормативной основой данного значения является

ст. 706 ГК РФ. Генеральный подрядчик – это подрядчик, который перераспределяет объем работ, оставаясь ответственным перед заказчиком за действия субподрядчиков.

Второе значение (структура договорных связей) отвечает на вопрос о функциональном распределении между заказчиком и подрядчиком: кто проектирует и кто строит. Нормативным отражением данного значения служит прежде всего п. 1 ст. 743 ГК РФ, предусматривающий выполнение работ в соответствии с технической документацией заказчика. Генеральный подряд в этом смысле – модель, при которой проектирование обеспечивается заказчиком, а строительство – подрядчиком.

Два выявленных аспекта логически независимы друг от друга. Подрядчик, строящий по проекту заказчика (генеральный подряд во втором значении), может как привлекать субподрядчиков (генеральный подряд в первом значении), так и выполнять все работы самостоятельно. И наоборот, подрядчик, принявший на себя одновременно проектирование и строительство (design-build), может привлекать субподрядчиков для выполнения части работ. Привлечение субподрядчиков не зависит от того, кто обеспечивает проектирование.

Смешение двух значений объяснимо исторически. В советской строительной практике генеральный подряд предполагал, что проектные институты разрабатывали проектно-сметную документацию по заказу застройщика, а строительство осуществлялось генеральной подрядной организацией, которая привлекала субподрядные организации. Оба аспекта – сохранение проектирования на стороне заказчика и перераспределение работ через субподрядчиков – были неразрывно связаны. Однако в условиях действующего гражданского законодательства эта связь более не является необходимой. Согласно п. 2 ст. 743 ГК РФ договор строительного подряда должен определять состав и содержание технической документации, а также сторону, обязанную ее предоставить. При этом из системного толкования п. 1 ст. 743 и ст. 740 ГК РФ следует, что по общему правилу обеспечение проектной документации является функцией заказчика. Таким образом, вопрос о том, кто обеспечивает проектирование, и вопрос о том, привлекает ли подрядчик субподрядчиков, являются самостоятельными и решаются независимо друг от друга.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что термин «генеральный подряд» используется

в российской цивилистической литературе в двух существенно различных значениях. В первом значении он обозначает подрядную цепочку – систему договорных связей, при которой генеральный подрядчик перераспределяет объем работ посредством привлечения субподрядчиков (ст. 706 ГК РФ). Именно это понимание является преобладающим в комментаторской и учебной литературе: генеральный подряд раскрывается через фигуру подрядчика-посредника, принципы относительности обязательств и организации субподрядных отношений. Во втором значении тот же термин обозначает способ реализации строительного проекта, при котором заказчик обеспечивает проектирование, а подрядчик – строительство (design-bid-build).

Смешение этих значений создает терминологическую неопределенность, затрудняющую как научную дискуссию, так и договорную практику. Для устранения данной неопределенности представляется необходимым последовательно разграничивать два явления. Первое – подрядную цепочку – целесообразно именовать «генподрядной цепочкой», в соответствии с определением, уже сложившимся в учебной литературе. Второе – организация структуры договорных связей в строительстве, опосредующая способ реализации строительного проекта, при котором проектирование обеспечивается заказчиком, а подрядчик осуществляет строительство по предоставленной технической документации – может обозначаться термином «структура генерального подряда». Такое разграничение позволит более точно описывать складывающиеся правоотношения в строительстве и избежать ошибочного отождествления двух самостоятельных правовых явлений.

Список источников

1. Верб С.А. Комментарий к ст. 706 ГК РФ // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / под ред. С.А. Степанова. 2-е изд. М., 2009. С. 309 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. IV / отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 606 с.
3. Зикун И.И. Договор субподряда: комментарий к ст. 706 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2021. № 4. Т. 21. С. 130–176.
4. Николаева З.Е., Егоров К.Ф. Управление договорными связями в строительном проекте: отечественный и международный опыт // Проблемы строительного права: сб. ст. Вып. 2 / М.: Статут, 2023. С. 317–348.

5. Пономарев Н.А. Есть ли в России место договору строительного подряда «под ключ»? // Проблемы строительного права: сб. ст. Вып. 2 / М.: Статут, 2023. С. 437–462.

6. Пономарев Н.А. Российская и английская модели ответственности подрядчика в контексте договора на проектирование и строительство // Проблемы строительного права: сб. ст. Вып. 3 / М.: Статут, 2024. С. 523–538.

7. Ровный В.В. Комментарий к ст. 706 ГК РФ // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный): учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2010. // СПС «КонсультантПлюс».

8. Bailey J. Construction Law. 2nd ed. London: Informa Law from Routledge, 2016. 2203 p.

9. Klee L. International Construction Contract Law. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. 563 p.

References

1. Verb S.A. Kommentarij k st. 706 GK RF // Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii (uchebno-prakticheskij). Chasti pervaya, vtoraya, tret'ya, chetvyortaya (postatejnyj) / pod red. S.A. Stepanova. 2-e izd. M., 2009. S. 309 // SPS «Konsul'tantPlyus».

2. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. IV / otv. red. E.A. Suxanov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2023. 606 s.

3. Zikun I.I. Dogovor subpodryada: kommentarij k st. 706 GK RF // Vestnik grazhdanskogo prava. 2021. № 4. T. 21. S. 130–176.

4. Nikolaeva Z.E., Egorov K.F. Upravlenie dogovornymi svyazyami v stroitel'nom proekte: otechestvennyj i mezhdunarodnyj opyt // Problemy stroitel'nogo prava: sb. st. Vy'p. 2 / M.: Statut, 2023. S. 317–348.

5. Ponomarev N.A. Est' li v Rossii mesto dogovoru stroitel'nogo podryada «pod klyuch»? // Problemy stroitel'nogo prava: sb. st. Vy'p. 2 / M.: Statut, 2023. S. 437–462.

6. Ponomarev N.A. Rossijskaya i anglijskaya modeli otvetstvennosti podryadchika v kontekste dogovora na proektirovanie i stroitel'stvo // Problemy stroitel'nogo prava: sb. st. Vy'p. 3 / M.: Statut, 2024. S. 523–538.

7. Rovnyj V.V. Kommentarij k st. 706 GK RF // Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' vtoraya (postatejnyj): uchebno-prakticheskij kommentarij / pod red. A.P. Sergeeva. M.: Prospekt, 2010.

8. Bailey J. Construction Law. 2nd ed. London: Informa Law from Routledge, 2016. 2203 p.

9. Klee L. International Construction Contract Law. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. 563 p.

*Статья поступила в редакцию 20.04.26;
одобрена после рецензирования 27.04.26;
принята к публикации 27.04.26.*

*The article was submitted 20.04.26;
approved after reviewing 27.04.26;
accepted for publication 27.04.26.*

Научная статья
УДК 347.19
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_171

КЛАССИФИКАЦИЯ КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ И ЕЕ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

МЕЛИКЯН Альберт Спартакович

Аспирант кафедры гражданского права и процесса Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

129090, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается классификация коммерческих юридических лиц в российском праве и раскрывается ее значение для правоприменения. Анализируются основные критерии деления коммерческих организаций, включая разграничение корпоративных и унитарных форм, различия по способу участия учредителей, особенностям имущественного режима и модели внутреннего управления. Особое внимание уделяется правовым последствиям классификации, которые проявляются в содержании корпоративных прав, структуре органов управления, пределах имущественного риска, характере ответственности и способах защиты интересов участников и кредиторов. Обосновывается, что классификация коммерческих юридических лиц имеет не только теоретическое, но и прямое прикладное значение, поскольку через нее определяется правовой режим конкретной организации и предсказуемость ее участия в гражданском обороте.

Ключевые слова: коммерческие юридические лица, классификация юридических лиц, коммерческие организации, корпоративные юридические лица, унитарные юридические лица, правовые последствия классификации, гражданское право, корпоративное право.

Для цитирования: Меликян А.С. Классификация коммерческих юридических лиц в российском праве и ее правовое значение // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 171. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_171

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

CLASSIFICATION OF COMMERCIAL LEGAL ENTITIES IN RUSSIAN LAW AND ITS LEGAL SIGNIFICANCE

MELIKIAN Albert Spartakovich

Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure of the Moscow Financial-Industrial University «Synergy»

129090, Moscow, Meshchanskaya str., 9/14, Russian Federation

Abstract: The article examines the classification of commercial legal entities in Russian law and reveals its significance for law enforcement. The main criteria for dividing commercial organizations are analyzed, including the distinction between corporate and unitary forms, differences in the method of founder participation, specifics of the property regime, and the model of internal governance. Particular attention is paid to the legal consequences of classification, which are reflected in the content of corporate rights, the structure of governing bodies, the limits of property risk, the nature of liability, and the methods of protecting the interests of participants and creditors. It is substantiated that the classification of commercial legal entities has not only theoretical but also direct practical significance, since it determines the legal regime of a particular organization and the predictability of its participation in civil turnover.

Keywords: commercial legal entities, classification of legal entities, commercial organizations, corporate legal entities, unitary legal entities, legal consequences of classification, civil law, corporate law.

For citation: Melikian A.S. Classification of Commercial Legal Entities in Russian Law and its Legal Significance = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):171. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_171

Классификация коммерческих юридических лиц в российском праве представляет собой не формальное деление организаций по названиям организационно-правовых форм, а систему юридически значимых критериев, через которые определяется правовой режим соответствующего субъекта. Базовая нормативная основа такой классификации закреплена в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). ГК РФ проводит общее деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации, а также закрепляет разграничение корпоративных и унитарных юридических лиц. Для коммерческих организаций ключевым исходным признаком выступает извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности и допустимость ее распределения между участниками, тогда как деление на корпоративные и унитарные формы строится на наличии или отсутствии права участия (членства) у учредителей (участников). Из этого следует, что в российском праве классификация коммерческих юридических лиц имеет как минимум два уровня: общий – по цели деятельности, и специальный – по модели внутреннего правоотношения и способу формирования воли юридического лица [1]. Нормы ГК РФ о коммерческих организациях и корпоративных/унитарных юридических лицах закреплены в действующей редакции статей 50 и 65.1.

Одной из наиболее распространенных коммерческих организационно-правовых форм является общество с ограниченной ответственностью. Правовое значение данной формы в системе классификации коммерческих юридических лиц состоит в том, что ООО представляет собой классическую коммерческую корпоративную организацию закрытого типа, в которой статус участника непосредственно связан с объемом корпоративных прав, размером доли и участием в управлении. Правовые последствия отнесения ООО к корпоративным коммерческим организациям выражаются в наличии общего собрания участников как высшего органа, в праве участника на информацию, на участие в принятии решений, на оспаривание определенных корпоративных актов, а также в том, что предпринимательский риск участника, как правило, ограничен стоимостью его доли. Тем самым классификация прямо влияет на структуру внутреннего управления, пределы имущественной ответственности и механизм защиты прав участника [2]. Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в действующей редакции продолжает определять эту форму

как самостоятельную коммерческую корпоративную конструкцию.

Иная, близкая по корпоративной природе, модель реализуется в акционерном обществе. Акционерное общество также относится к коммерческим корпоративным юридическим лицам, однако его правовой режим строится на более формализованной системе участия, где корпоративная связь опосредуется владением акциями, а сама структура управления обычно более институционально развита. Правовые последствия такой классификации проявляются, прежде всего, в иной степени отделения участника от текущего управления, в особом порядке удостоверения и оборота прав участия, а также в большей пригодности данной формы для привлечения капитала и концентрации имущественных ресурсов. Следовательно, даже внутри одной большой группы коммерческих корпоративных юридических лиц классификация по конкретной организационно-правовой форме имеет прямое значение для определения содержания прав участника, способов управления и характера имущественного участия [3]. Действующий закон об акционерных обществах сохраняет акционерную форму как особый вид коммерческой корпоративной организации.

Особое место в системе коммерческих юридических лиц занимает производственный кооператив. Его классификационное значение состоит в том, что данная форма соединяет коммерческую направленность с выраженным личным элементом участия. В отличие от хозяйственных обществ, где доминирует имущественный вклад и капитализация участия, производственный кооператив строится на членстве, паевых взносах и личном трудовом или ином участии членов. Именно поэтому правовые последствия отнесения организации к данной форме выражаются в более тесной связи между личностью участника и деятельностью самой организации, в ином распределении внутренних обязанностей и в специфической модели соотношения имущественного и личного начала. Следовательно, классификация коммерческих юридических лиц по характеру участия позволяет увидеть, что правовой режим коммерческой организации зависит не только от цели извлечения прибыли, но и от того, за счет какого механизма эта цель достигается – через объединение капитала, через личное участие или через смешанную конструкцию [4]. Федеральный закон «О производственных кооперативах» в действующей редакции прямо сохраняет личное трудовое и иное участие как характерную черту этой формы.

Самостоятельную группу в системе коммерческих юридических лиц образуют государственные и муниципальные унитарные предприятия. Правовая специфика данных субъектов важна для понимания всей классификации, поскольку данные субъекты являются коммерческими организациями, но не относятся к корпоративным юридическим лицам. Отсутствие членства, особый порядок формирования органов и тот факт, что предприятие не наделяется правом собственности на закрепленное за ним имущество, формируют принципиально иной правовой режим по сравнению с хозяйственными обществами и кооперативами. Правовые последствия такой классификации проявляются в характере имущественной базы, в зависимости от публичного собственника, в ограничениях распоряжения имуществом и в ином соотношении автономии организации и контроля над ней. Следовательно, деление коммерческих юридических лиц на корпоративные и унитарные имеет непосредственное значение для оценки сделокоспособности, имущественной устойчивости и кредитного риска конкретной организации [5]. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» прямо закрепляет их особый имущественный статус.

Отдельного внимания заслуживает хозяйственное партнерство, которое занимает особое место среди коммерческих корпоративных юридических лиц. Его значение для классификации состоит в том, что эта форма демонстрирует более гибкую и договорную модель внутренней организации.

Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах» устанавливает, что партнерство является коммерческой организацией, созданной двумя или более лицами, а в управлении его деятельностью могут участвовать как участники партнерства, так и иные лица в пределах, предусмотренных соглашением об управлении. Это означает, что правовые последствия классификации здесь выражаются в расширенной диспозитивности внутреннего устройства, в особом значении соглашения об управлении и в большей роли договорного механизма по сравнению с традиционными корпоративными формами. Таким образом, классификация коммерческих юридических лиц влияет не только на принадлежность организации к определенной группе, но и на глубину допустимой автономии воли внутри самой организационно-правовой формы [6]. Федеральный закон «О хозяйственных партнерствах» закрепляет данную специальную организационно-правовую форму.

С теоретической точки зрения важнейшее значение имеет вывод о том, что действующая классификация коммерческих юридических лиц не должна восприниматься как абсолютно жесткая и самодостаточная. О.В. Гутников обоснованно указывает, что многие современные классификации юридических лиц носят в определенной степени условный характер, а критерии их разграничения требуют не только формального, но и содержательного анализа [7, С. 128–129, 137–138]. Это означает, что правовые последствия классификации нельзя сводить только к формальному названию организационно-правовой формы. Для правоприменения существенны фактическая структура управления, характер имущественных связей, объем корпоративных прав, уровень персонализации участия и реальная модель распределения рисков. Следовательно, классификация коммерческих юридических лиц имеет прикладное значение именно потому, что через нее раскрываются не только внешние юридические признаки организации, но и глубинные параметры ее участия в гражданском обороте [7, С. 137–138]. Данный подход к критериям разграничения юридических лиц находит подтверждение в научной литературе.

Классификация коммерческих юридических лиц в российском праве имеет многоуровневый характер и влечет прямые правовые последствия. Она влияет на содержание прав участников, на структуру органов управления, на правовой режим имущества, на пределы предпринимательского риска, на способы внутреннего контроля и на механизмы защиты интересов кредиторов и иных участников оборота. Поэтому правильная квалификация конкретной коммерческой организации как корпоративной или унитарной, капитальной или персонализированной, более жестко регламентированной или более договорной имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение для всего гражданского и корпоративного правоприменения.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Федеральный закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

4. Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

5. Федеральный закон от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

6. Федеральный закон от 3 дек. 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. V). Ст. 7058.

7. Гутников О.В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 128–163.

4. Federal'nyj zakon ot 8 maya 1996 g. № 41-FZ «O proizvodstvenny`x kooperativax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 20. St. 2321.

5. Federal'nyj zakon ot 14 noyab. 2002 g. № 161-FZ «O gosudarstvenny`x i municipal'ny`x unitarny`x predpriyatiyax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 48. St. 4746.

6. Federal'nyj zakon ot 3 dek. 2011 g. № 380-FZ «O hozyajstvenny`x partnerstvax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 49 (ch. V). St. 7058.

7. Gutnikov O.V. Klassifikaciya yuridicheskix licz v sovremennom korporativnom prave: organizacionno-pravovy`e formy` i kriterii ix razgranicheniya // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly` e`konomiki. 2022. T. 15. № 2. S. 128–163.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 30 noyab. 1994 g. № 51-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. № 32. St. 3301.

2. Federal'nyj zakon ot 8 fevr. 1998 g. № 14-FZ «Ob obshhestvax s ogranichennoj otvetstvennost`yu» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 7. St. 785.

3. Federal'nyj zakon ot 26 dek. 1995 g. № 208-FZ «Ob akcionerny`x obshhestvax» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 1. St. 1.

*Статья поступила в редакцию 16.04.26;
одобрена после рецензирования 30.04.26;
принята к публикации 30.04.26.*

*The article was submitted 16.04.26;
approved after reviewing 30.04.26;
accepted for publication 30.04.26.*

Научная статья

УДК 347

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_175

АВТОНОМИЯ ВОЛИ В ДЕЛИКТНОМ ПРАВЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА СОГЛАСИЯ НА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

СУНАГАТУЛЛИН Станислав Русланович

Аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус), Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуется юридико-этическое содержание принципа *volenti non fit iniuria* как фундаментальной основы согласия потерпевшего на причинение вреда. Автор анализирует данный принцип через призму категории автономии личности, раскрывая его связь с идеями самоопределения и ответственности. Особое внимание уделяется философским основаниям автономии и их значению для обоснования согласия на причинение вреда. В работе также рассматриваются пределы автономии в праве, включая вопросы дееспособности, информированного согласия и допустимости частного регулирования в деликтных отношениях. Делается вывод о том, что принцип *volenti non fit iniuria* опирается как на деонтологические, так и на утилитарные основания, которые позволяют легитимизировать согласие на причинение вреда.

Ключевые слова: согласие потерпевшего, деликтное право, автономия воли

Для цитирования: Сунагатуллин С.Р. Автономия воли в деликтном праве как предпосылка согласия на причинение вреда // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 175. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_175

Actual Problems of Legal Science and Practice

Original article

PRIVATE AUTONOMY IN TORT LAW AS A PREREQUISITE FOR CONSENT TO HARM

SUNAGATULLIN Stanislav Ruslanovich

Postgraduate Student of the Department of Civil Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: The article examines the legal and ethical content of the principle *volenti non fit iniuria* as a fundamental basis for the victim's consent to harm. The author analyzes this principle through the lens of private autonomy, revealing its connection with the ideas of self-determination and responsibility. Particular attention is given to the philosophical foundations of autonomy and their significance for justifying consent to harm. The paper also addresses the limits of autonomy in law, including issues of legal capacity, informed consent, and the permissibility of private regulation in tort relations. It is concluded that the principle *volenti non fit iniuria* is grounded in both deontological and utilitarian considerations, which make it possible to legitimize consent to harm.

Keywords: victim's consent, tort law, autonomy of will

For citation: Sunagatullin S.R. Private Autonomy in Tort Law as a Prerequisite for Consent to Harm = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):175. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_175

Введение

Принцип *volenti non fit iniuria* занимает важное место в системе частного права, отражая идею о том, что согласие лица способно устранить противоправность причиненного ему вреда. Несмотря на его широкое применение в различных правовых системах, теоретическое осмысление данного принципа требует обращения к более глубоким,

философским и этическим, основаниям. Именно через категорию автономии личности возможно выявить внутреннюю логику признания согласия юридически значимым обстоятельством.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения границ действия принципа в условиях современного права, где сталкиваются требования защиты личности и уважения

ее свободы. Особую значимость приобретают вопросы допустимости самоопределения в деликтных и медицинских отношениях, а также критерии признания согласия действительным. В этой связи обращение к философским концепциям автономии позволяет углубить понимание правовой природы согласия и определить его место в системе частноправового регулирования.

Принцип *volenti non fit iniuria*

Юридический принцип *volenti non fit iniuria* представляет собой суть теории согласия: никто не может предъявить иск за совершенное по его воле. Это положение не только действует в правовой сфере, но и воплощает принцип справедливости, который занимает важное место в моральном дискурсе. Размышления об этическом содержании этого принципа служат здесь отправной точкой для последующего изложения правовой квалификации согласия, так как юридико-этический анализ позволяет выработать некоторые существенные соображения справедливости, лежащие в основе института согласия, независимо от систематики гражданского права.

Выражение *volenti non fit iniuria* может использоваться в различных дискурсах. Во-первых, выражение также иногда используется для объяснения обязательной силы договорных обещаний или для узаконивания государственного принуждения к исполнению договорных обязательств [2, С. 284]. Особым примером такого использования является политическая философия, где теория общественного договора иногда обсуждается с точки зрения того, оправдано ли государственное принуждение принципом *volenti non fit iniuria* [6, С. 63]. Во-вторых, особенно в английском праве, *volenti non fit iniuria* используется для описания случаев, которые в немецком праве попадают в категорию принятия риска [6, С. 63–64].

Если искать анализ этого принципа в философско-этической литературе, то, при первом приближении, можно легко разочароваться. Однако при дальнейшем рассмотрении, как нам кажется, основания этого принципа можно найти в двух основных понятиях этики. Основываясь на воле заинтересованного лица, принцип означает что отправной точкой для легитимации соответствующего действия является исключительно его волевое решение. Для применения принципа необходимо признать, что соответствующее лицо обладает правом распоряжения в отношении права или блага, что это его личное дело, которое оно может решить самостоятельно. Таким образом, легитимирующая сила принципа *volenti non fit iniuria* основана на идее самоопределения, сам

принцип предполагает возможность самоопределения и признает согласие как способ его осуществления.

Однако это не полностью описывает этическое содержание принципа *volenti non fit iniuria*. Самоопределение является предпосылкой, но не фактическим нормативным содержанием. Прежде всего, слова *non fit iniuria* подчеркивают последствие волевого решения: заинтересованное лицо придерживается своей воли после ее выражения, и благодаря его ранее выраженной воле изначально возможная ссылка на противоправность деяния становится невозможной [6, С. 63–64]. Таким образом, как обратная сторона самоопределения, подчеркивается ответственность человека, дающего согласие.

Понятие «самоопределение» и, в еще большей степени, «автономия» использовались в самых разных значениях на протяжении всей истории философии. Автономия означает свободу от внешней детерминации и направлена на освобождение от связей и условий, приходящих извне [5, С. 16]. Очевидно, что значение этого термина сильно зависит от соответствующего контекста, особенно от возможного источника внешнего определения, от которого постулируется независимость.

Выражение *volenti non fit iniuria* означает свободу от социально-объективного решения о том, применима ли норма. Любая нормативная система устанавливает общие правила, которые применяются в принципе независимо от воли индивида. Большинство оснований для освобождения от ответственности также применяются объективно, независимо от воли лица.

С другой стороны, если поведение попадает в сферу применения принципа *volenti*, то воля затрагиваемого лица является достаточным условием его правомерности, независимо от объективных соображений разумности. С точки зрения юридической этики, можно заранее сказать, что эта теория не представляется подходящей для точного понимания содержания свободы в рамках данного принципа *volenti*. Свобода никогда не бывает безграничной в организованном обществе, что подтверждает анализ основных свобод гражданского права: существуют ограничения свободы собственника поступать со своей вещью по своему усмотрению, а также общей свободы договора. Каждая из этих свобод также может быть интерпретирована в своих пределах как баланс интересов, но при этом будет утрачена ее решающая характеристика, которая заключается в предоставлении свободы самоопределения.

Аналогично, высказывание *volenti non fit iniuria* выражает, что право на самоопределение было реализовано.

Таким образом, согласие является инструментом актуализации автономии. Те, кто применяет выражение *volenti non fit iniuria*, в то же время признают право заинтересованного лица на самоопределение. Поскольку доктрина согласия, таким образом, является частью теории самоопределения, целесообразно рассмотреть концепцию автономии в философии.

Основания и пределы автономии в деликтном праве

Каждая теория автономии в большей или меньшей степени затрагивает три основных вопроса. Во-первых, необходимо обосновать, почему самоопределение заслуживает уважения. Во-вторых, при каких условиях поведение является выражением автономного принятия решений. В-третьих, любая теория автономии должна занимать позицию в отношении пределов такого самоопределения.

Почему свободное решение человека относительно своих собственных дел должно иметь значение? Первый фундаментальный аргумент в пользу этого требования восходит к Канту, в философии которого понятие автономии, ранее использовавшееся преимущественно в политическом контексте, перешло в индивидуально-этический. Кант стремится определить высший принцип морали, который действует независимо от всего опыта, т.е. априори. Поиск такого принципа был бы обречен на неудачу, если бы все действия человека полностью определялись влиянием окружающей среды. Хотя Кант не отрицает, что человеческие действия имеют чувственно воспринимаемые причины, он ставит свободу воли как понятие разума в один ряд с этой причинно-следственной связью. Поскольку человек обладает свободной волей, он может установить себе моральный закон и, в соответствии с ним, сформировать максимы практического действия. Кант называет высший нравственный закон категорическим императивом: «поступай только согласно той максиме, которую ты можешь пожелать сделать всеобщим законом». Следовательно, для Канта автономия – это, прежде всего, автономия воли от внешних влияний, будь то влияние природы или божественной воли. Но поскольку способность к моральному самозаконотворчеству является «основой достоинства человека и всякой разумной природы», категорический императив в то же время порождает дальнейший, социально значимый нормативный вывод: в силу своей

автономии каждый человек является самоцелью, поэтому к каждому другому человеку следует относиться одновременно как к цели, а не просто как к средству. Таким образом, моральная автономия наделяет человека достоинством, и это человеческое достоинство должно уважаться всеми другими людьми. Для правовой системы это также подразумевает требование: закон должен оставлять каждому человеку пространство свободы, позволяющее ему действовать в соответствии со своим свободным волевым решением. Таким образом, понятие права у Канта в конечном итоге также вытекает из смысла автономии: «Право есть ... воплощение условий, при которых произвол одного может быть соединен с произволом другого по общему закону свободы» [6, С. 66–67].

Обоснование Кантом доктрины права на идею автономии индивида подверглось критике со стороны Гегеля, так как если личность рассматривается только в ее изоляции, закон имеет лишь негативное, ограничивающее значение [6, С. 67]. Однако эта критика индивидуальной автономии как центрального понятия морали не отвергает в то же время нормативного требования о том, что общество должно предоставить индивиду свободу для самоопределения. Это следует из гегелевской концепции собственности. Вслед за Кантом Гегель формулирует правовую заповедь: «Будь лицом и уважай других как лиц». Для Гегеля, однако, субъект становится личностью только тогда, когда он дает себе «внешнюю сферу своей свободы», вступает во владение вещами и тем самым наделяет их своей волей. Гегелевская концепция собственности выходит за пределы сферы физических объектов и включает также интеллектуальную собственность. Даже собственное тело относится к внешней сфере свободы; согласно Гегелю, человек овладевает и им, наполняя его своей волей [6, С. 68–69].

На другом уровне находится аргументация, с помощью которой Милль обосновывает постулат о максимально возможной свободе гражданина от государственного принуждения. В своей работе «О свободе» Милль выступает против государственного и общественного патернализма: свобода человека может быть ограничена только для защиты других, но никогда для его собственной физической или моральной защиты: «Каждый индивидум есть лучший сам для себя охранитель своего здоровья, как физического, так и умственного и духовного» [9, С. 9]. Поэтому, если человек вредит сам себе, то законным может быть только информирование, но никак не принуждение его для его же блага. Даже если другие

помогают в самоповреждении, их действия в принципе должны быть такими же допустимыми, как и самоповреждение. Однако, в отличие от деонтологического подхода Канта, Милль обосновывает важность самоопределения в утилитарных терминах. Социальное принуждение в соответствии с укоренившимися правилами препятствует творчеству и, следовательно, дальнейшему развитию общества. Кроме того, самоопределение означает повышение качества жизни каждого человека, поэтому возможность индивидуального самоопределения увеличивает благо общества в целом.

Этот очень краткий обзор значения понятия автономии в философии позволяет дать юридико-этический ответ на первый вопрос. Разумеется, само положение *volenti non fit iniuria* ничего не говорит о том, почему следует признать право на самоопределение личности в его собственных делах, поскольку этот вопрос логически предшествует применению принципа. Однако для его оправдания есть два аргумента. Деонтологический аргумент заключается в том, что способность человека к самостоятельному принятию решений составляет его достоинство. Уважение к человеческому достоинству и личности требует, чтобы людям в обществе было предоставлено право на самоопределение в их собственных делах. Это же можно обосновать и с утилитарной точки зрения.

Поскольку каждый человек предпочитает самоопределение внешнему руководству, предоставление прав на самоопределение максимизирует социальные блага. Кроме того, управление многими делами осуществляется более эффективно, если они предоставлены автономии человека. Таким образом, критерий эффективности, лежащий в основе экономического анализа права, также часто свидетельствует в пользу предоставления прав на самоопределение [4, С. 206]. Критика, которую Гегель и, в современной философии, коммунитаристы выдвинули против центральной позиции индивидуальной автономии в философии, не противоречит этому, поскольку фраза *volenti non fit iniuria* не ассоциируется с крайним нормативным требованием, что самоопределение должно применяться без ограничений или всегда иметь приоритет над общими интересами [7, С. 175].

В гражданском праве частная автономия является не только произвольно установленным принципом, но в то же время находит свое оправдание в признании человеческого достоинства и самоопределения, с одной стороны, и в эффективности [3, С. 16], с другой. Гражданское право

защищает самоопределение различными способами: через признание частной автономии и через защиту субъективных прав; последние явным образом защищаются деликтным правом, а потому для утверждения о принципиальной чуждости автономии для деликтного права требуется нести тяжелое бремя доказывания.

Нередко можно встретить утверждение об императивности деликтного права. Так, например, А.М. Белякова указывает на то, что нормы о деликтной ответственности являются императивными и не могут быть изменены соглашением сторон в отличие от норм договорного права [8, С. 26–27]. Оставив в стороне вопрос о различиях между деликтной и договорной ответственностью, обратим лишь внимание на то, что эта позиция была мотивирована тем, что отражала действующее законодательство в отдельных советских республиках, а также работой К.К. Яичкова, посвященной причинению вреда здоровью [10] и невозможностью установления солидарной деликтной ответственности по договору. На наш взгляд, сомнительно на основании изложенного обобщать эти случаи, даже если признавать их корректными, до тезиса о невозможности частного регулирования деликтов в любых формах. В основе этого тезиса лежит позитивное право, сформированное в конкретных исторических обстоятельствах, отсутствующих сегодня, и, более того, российское право теперь прямо допускает согласие на причинение вреда (абз. 2 п. 3 ст. 1064 ГК РФ).

Еще одна область, в которой уважение к автономии личности имеет центральное значение – это биоэтика. Правовой принцип, согласно которому медицинское лечение и медицинские эксперименты могут проводиться только с согласия пациента, коренится в этическом убеждении, что самоопределение человека в отношении собственного тела является выражением человеческого достоинства [6, С. 70]. В англо-американской литературе, в частности, широко распространены утилитарные обоснования, которые указывают на то, что медицинские вмешательства с большей вероятностью будут успешными и минимизируют затраты, если согласие будет дано. Акцент на автономии пациента также означает отказ от медицинского патернализма [1, С. 61], который всегда отдает приоритет благополучию больного человека перед его волей.

Субъективные ограничения автономии в деликтном праве

Когда решение является выражением автономии? Изначально этот вопрос сводится к

сложной проблеме возможности свободы воли. Детерминист может отрицать, что вообще имеет смысл говорить об автономных решениях. Однако детерминизм не только отстывает в современной философии, он также бесполезен в качестве основного допущения для систем норм, которые полагаются на возможность вменения. Соответственно, все теории, которые считают возможным самоопределение, признают, что существует целый набор условий возможности самоопределения. Милль называет зрелость личности необходимым условием автономии, а значит, даже отказ от патернализма не меняет того факта, что дети и несовершеннолетние подростки должны быть защищены как от своих собственных действий, так и от внешнего вмешательства.

Каждая нормативная система сталкивается с проблемой, что граница между решениями, принимаемыми другими за потерпевшего, и решениями, принимаемыми им самим, часто не может быть четко определена; скорее, между двумя крайними позициями проходит серая зона, что касается прежде всего несовершеннолетних. Так, ГК РФ отдельно регулирует неполную дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет (ст. 28 ГК РФ), а также от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ). При этом Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает иные возрастные рамки для информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство: 15 лет в общем случае (а для больных наркоманией несовершеннолетних – 16 лет) (ч. 2 ст. 54), в случае же трансплантации (пересадки) органов и тканей человека – с совершеннолетия (ч. 5 ст. 47).

Аналогичная проблема возникает и с вопросом об уровне информации, при котором возможно принятие решения. Даже после получения самой полной медицинской информации неподготовленный в медицинском отношении пациент обычно не в состоянии полностью оценить шансы и риски медицинского вмешательства. Каждая нормативная система должна решить, на каком уровне информации она будет признавать решение автономным, а также кто и в каком объеме отвечает за предоставление информации.

Таким образом, согласие является инструментом актуализации автономии. Сама максима *volenti non fit iniuria* ничего не говорит о том, почему следует признать право на самоопределение личности в ее делах. Однако такое решение может быть обосновано как с деонтологической, так и с утилитарной точек зрения. Прекрасным примером может служить типовая ситуация ме-

дицинского вмешательства, автономия в принятии решения по которому может корениться как в этическом убеждении, что самоопределение человека в отношении собственного тела является выражением человеческого достоинства, так и в утилитарных соображениях о большей эффективности и меньших затратах на вмешательство при согласии потерпевшего.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что принцип *volenti non fit iniuria* не сводится к формальному правилу исключения ответственности, а выражает более глубокую идею уважения автономии личности. Его нормативная сила основана на признании способности человека самостоятельно определять свою правовую судьбу, что находит обоснование как в деонтологической традиции, связывающей автономию с человеческим достоинством, так и в утилитарных концепциях, подчеркивающих социальную эффективность самоопределения.

Автономия проявляется во всех частях гражданского права, объединенных идеей субъективного права. Исходя из этого, не существует эτικο-юридических препятствий для обоснования автономии и в деликтном праве.

Вместе с тем автономия не является безграничной: правопорядок может устанавливать субъективные предпосылки действительности согласия, включая требования к дееспособности, информированности и отсутствию внешнего давления, что охватывается идеями мягкого патернализма.

Список источников

1. Buchanan A. Medical paternalism // *Paternalism* / ed. by R. Sartorius. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.
2. Canaris C.-W. Grundrechte und Privatrecht // *Archiv für die civilistische Praxis*. 1984. Bd. 184. S. 201-246.
3. Cooter R., Ulen T. Law and economics. 3rd ed. Reading, MA: Addison-Wesley, 1997.
4. Drexel J. Die wirtschaftliche Selbstbestimmung des Verbrauchers. Tübingen: Mohr Siebeck, 1998.
5. Hollerbach A. Selbstbestimmung im Recht. Heidelberg: C. F. Müller, 1996.
6. Ohly A. *Volenti non fit iniuria*. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.
7. Sandel M. Liberalism and the limits of justice. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
8. Белякова А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М.: Издательство Московского университета, 1986.
9. Милль Дж.С. О свободе // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 288–392. Пер. с англ. А.Н. Неведомского.

10. Яичков К.К. Права, возникающие в связи с потерей здоровья. М., 1964.

References

1. Buchanan A. Medical paternalism // Paternalism / ed. by R. Sartorius. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.

2. Canaris C.-W. Grundrechte und Privatrecht // Archiv für die civilistische Praxis. 1984. Bd. 184. S. 201-246.

3. Cooter R., Ulen T. Law and economics. 3rd ed. Reading, MA: Addison-Wesley, 1997.

4. Drexel J. Die wirtschaftliche Selbstbestimmung des Verbrauchers. Tübingen: Mohr Siebeck, 1998.

5. Hollerbach A. Selbstbestimmung im Recht. Heidelberg: C. F. Müller, 1996.

6. Ohly A. Volenti non fit iniuria. Die Einwilligung im Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.

7. Sandel M. Liberalism and the limits of justice. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

8. Belyakova A.M. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za prichinenie vreda. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1986.

9. Mill' Dzh.S. O svobode // O svobode. Antologiya mirovoj liberal'noj my'sli (I poloviny` XX veka). M.: Progress-Tradiciya, 2000. S. 288–392. Per. s angl. A.N. Nevedomskogo.

10. Yaichkov K.K. Prava, vznikayushhie v svyazi s poterej zdorov`ya. M., 1964.

*Статья поступила в редакцию 26.04.26;
одобрена после рецензирования 02.05.26;
принята к публикации 02.05.26.*

*The article was submitted 26.04.26;
approved after reviewing 02.05.26;
accepted for publication 02.05.26.*

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 181.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):181.

Политика и экономика Евразии

Научная статья
УДК 347.77
doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_181

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КУМУЛЯТИВНОЙ ОХРАНЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИННОВАЦИОННЫХ ОТРАСЛЯХ

САПРЫКИН Михаил Иванович

Генеральный директор ООО «АКГ», аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена исследованию практики применения кумулятивной охраны объектов интеллектуальной собственности в инновационных отраслях. Кумулятивная защита трактуется автором как инструмент, предполагающий параллельное применение режимов авторского права, патентного права, товарных знаков, коммерческой тайны к единому объекту.

Ключевые слова: кумулятивная охрана, интеллектуальная собственность, инновационные отрасли, параллельная охрана, креативные индустрии, результаты интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Сапрыкин М.И. Практическое применение кумулятивной охраны интеллектуальной собственности в инновационных отраслях // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 181. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_181

Policy and Economy of Eurasia

Original article

PRACTICAL APPLICATION OF CUMULATIVE PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY IN INNOVATIVE INDUSTRIES

SAPRYKIN Mikhail Ivanovich

CEO of LLC «AKG», Postgraduate Student of Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, bldg. 13, Russian Federation

Abstract: This article analyzes the application of cumulative intellectual property protection in innovative industries. The author views cumulative protection as a mechanism for the simultaneous use of several legal regimes – copyright, patent law, trademarks, know-how – with respect to a single intellectual property object.

Keywords: cumulative protection, intellectual property, innovative industries, parallel protection, creative industries, results of intellectual activity

For citation: Saprykin M.I. Practical Application of Cumulative Protection of Intellectual Property in Innovative Industries = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):181. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_181

В современном инновационном бизнесе объекты интеллектуальной собственности часто обладают многогранной природой, требуя комплексной правовой защиты. В правовой доктрине и судебной практике был выработан инструмент – кумулятивная охрана, представляющая собой одновременное применение нескольких правовых режимов к одному объекту для преодоления ограничений каждого из них. Данное явление получило закрепление в п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г.

№ 10, интерпретирующего его как «связанность» интеллектуальных прав [9, С. 89].

В сфере дизайна потребительских товаров совмещение режимов авторских прав, промышленных образцов и товарных знаков позволяет обеспечить комплексную охрану визуальных и функциональных элементов товара и его бренда. Пункт 1 статьи 1259 ГК РФ относит произведения декоративно-прикладного искусства к объектам авторского права. Судебная практика поддерживает презумпцию защиты объекта авторским

правом в силу факта создания. Суд по интеллектуальным правам указал, что автор уже в силу создания произведения обладает авторскими правами на него вне зависимости от его художественного значения.

Однако в доктрине неоднократно акцентировалось, что защита дизайнерских решений лишь авторским правом остается малоэффективной [9, С. 89]. Процесс доказывания нарушения осложняется необходимостью подтверждения авторства. По словам А.А. Гайнемана, остаются в силе решения об отказе в иске по единственному основанию: истец не представил достаточных доказательств разработки дизайна [2, С. 60]. Примечателен спор, где ООО «Арт-блеск» предъявило иск к компании «Танцующая Москва» о взыскании компенсации за нарушение прав на дизайн купальника. Ответчик ссылался на непредоставление доказательств авторства, смешивая критерии новизны и оригинальности промышленного образца (ст. 1352 ГК РФ) с творческой составляющей произведения. Суд по интеллектуальным правам признал выводы об охраноспособности произведения обоснованными [10, С. 48].

Верховный Суд РФ в определении от 27 апреля 2021 г. № 5-КГ21-14-К2 указал, что объект, удовлетворяющий условию оригинальности, может получить авторско-правовую охрану, даже если его реализация обусловлена техническими соображениями, при условии, что это не мешает автору отражать свою личность; когда компоненты характеризуются только технической функцией, критерий оригинальности не соблюдается.

Кумулятивная охрана объекта дизайна путем патентной защиты или регистрации товарных знаков, сочетающаяся с защитой авторского права, рассматривается как наиболее эффективное средство защиты. Двойственность природы таких объектов подтверждается доктриной: «Промышленный образец имеет двойственную природу: это объект авторского права в сфере дизайна, который подпадает под действие норм патентного права» [7]. А.С. Ворожечин выделяет преимущества патентного права: публичность реестра, препятствие регистрации схожих решений, защиту дизайна как средства индивидуализации [1, С. 47]. Кондитерская фабрика «Конти-Рус» защищает дизайн упаковки с использованием трех режимов: авторского права на изображение, товарного знака № 775964 и промышленного образца № 121972 [5].

При производстве сложных устройств широко используется сочетание патентной охраны с охраной промышленного образца и товарного

знака. В практике крупных хозяйствующих субъектов набирает популярность тактика «эффективного нарушения»: компании оценивают экономический эффект от несанкционированного применения чужих технологий и выбирают выплату штрафов как более выгодный вариант [3, С. 4]. В связи с этим распространяются альтернативные методы популярности набирают альтернативные методы, включая защиту ноу-хау и кумулятивную охрану.

Статья 1465 ГК РФ закрепляет определение секрета производства (ноу-хау). В определенных отраслях правообладатели делают выбор в пользу ноу-хау, сохраняя разработки в тайне, так как при патентовании информация становится общедоступной. Среди достоинств ноу-хау – бессрочный характер охраны и отсутствие пошлин. В научной литературе упоминаются обстоятельства выбора ноу-хау: ускорение смены технологий, рост незаконного использования патентов [8, С. 217]. Однако у ноу-хау есть минусы: сложно доказать нарушение конфиденциальности, после утечки ценность теряется. И.Г. Суханова выделяет риски: сложность в борьбе с копированием, репутационные потери [11, С. 54].

Для минимизации рисков используется кумулятивная охрана: изобретение патентуется с максимальной общей формулой, исключающей раскрытие сути ноу-хау. Такой метод обеспечивает и формальную защиту, и сохранение коммерческой тайны [3, С. 8]. Подобный прием находит применение и в фармацевтической отрасли. Патентные права служат гарантией защиты инвестиций в длительные исследования. Наиболее эффективной стратегией защиты в фармацевтике представляется кумулятивная охрана, включающая регистрацию средств индивидуализации и охрану дизайна продукции как промышленного образца [6, С. 180]. ЗАО «Эвалар» использует три уровня охраны: патент на изобретение № 2200021, промышленный образец № 58488, товарный знак № 219709.

Объекты креативных индустрий охраняются комплексом прав: авторские права, товарные знаки. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ закрепил правовую основу данной сферы. Однако кумулятивная охрана порождает проблему: расширение исключительных прав ограничивает возможности свободного использования контента. В российском праве, в отличие от американской доктрины добросовестного использования, отсутствует гибкий перечень исключений из авторского права. Кумулятивное использование режимов ограничивает фанатское творчество,

которое «блокируется» авторским правом и товарными знаками на персонаж, даже при отсутствии коммерческого вреда.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Кумулятивная охрана интеллектуальной собственности в отраслях с высокой степенью инновационности обеспечивает комплексную защиту объектов за счет одновременного применения нескольких правовых режимов. Практическое применение кумулятивной охраны стимулирует инновационную активность бизнеса, предоставляя экономические выгоды в виде увеличения размера компенсаций, гарантии инвестиций, снижения рисков «эффективного нарушения». Защита объектов лишь одним способом часто недостаточна. Кумулятивная охрана, объединяя разные режимы, компенсирует эти пробелы.

Список источников

1. Ворожевич А.С. Правовая охрана дизайна: авторское или патентное право? // Роль интеллектуальной собственности в прорывном научно-технологическом развитии общества: тезисы докладов XXIII Международной конференции Роспатента. М.: ФГБУ «ФИПС», 2019. С. 47–50.
2. Гайнеман А.А. Право в индустрии моды. М.: Проспект, 2020. 160 с.
3. Дрогозов П.А., Кашеварова Н.А. Ноу-хау как альтернативный инструмент защиты интеллектуальной собственности в условиях патентных войн // Инженерный журнал: наука и инновации. 2014. № 3 (27). С. 1–11.
4. Косицкий А.О. Авторско-правовая охрана произведений декоративно-прикладного искусства и дизайна // Российский юридический журнал. 2024. № 1 (154). С. 105–115.
5. Кумулятивная защита: для чего одновременно регистрировать товарный знак, авторское право и патенты на примере судебных разбирательств // Блог Бюро патентов Изибренд. [Электронный ресурс]. URL: <https://ezybrand.ru/blog/kumulyativnaya-zashhita/>.
6. Львицына А.О., Алиев Т.Т. К вопросу об охране промышленных образцов в области фармацевтики // Образование и право. 2022. № 12. С. 177–180.
7. Право интеллектуальной собственности: Учебник / О.Л. Алексеева, А.С. Ворожевич, О.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.А. Новоселовой. Т. 4: Патентное право. М.: Статут, 2019. 660 с.
8. Рашидов М.А.У. Патентное право: новые реалии // PROSPECTIVE RESEARCH SOLUTIONS: сб. ст. VI Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск, 2022. С. 214–219.
9. Рожкова О.И. Охрана исключительных прав на дизайн по гражданскому законодательству России: проблемы и их разрешение // Творчество молодых: искусство, дизайн, медиатехнологии. Омск, 2020. С. 88–93.
10. Софоян М.Е., Агаджанян М.А., Харинова Н.Н., Кривцова Е.А. Соотношение норм патентного и автор-

ского права в отношении правовой охраны некоторых объектов дизайна // Труды по интеллектуальной собственности. 2021. Т. 38. № 3. С. 45–51.

11. Суханова И.Г. Специфика оценки секретов производства // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 1 (244). С. 49–66.

References

1. Vorozhevich A.S. Pravovaya oxrana dizajna: avtorskoe ili patentnoe pravo? // Rol' intellektual'noj sobstvennosti v proryvnom nauchno-texnologicheskom razvitii obshchestva: tezisy` dokladov XXIII Mezhdunarodnoj konferencii Rospatenta. M.: FGBU «FIPS», 2019. S. 47–50.
2. Gajneiman A.A. Pravo v industrii mody`. M.: Prospekt, 2020. 160 s.
3. Drogovoz P.A., Kashevarova N.A. Nou-xau kak al'ternativny`j instrument zashhity` intellektual'noj sobstvennosti v usloviyax patentny`x vojn // Inzhenerny`j zhurnal: nauka i innovacii. 2014. № 3 (27). S. 1–11.
4. Kosiczkiy A.O. Avtorsko-pravovaya oxrana proizvedenij dekorativno-prikladnogo iskusstva i dizajna // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 1 (154). S. 105–115.
5. Kumulyativnaya zashhita: dlya chego odnovremennno registrirovat` tovarny`j znak, avtorskoe pravo i patenty` na primere sudebny`x razbiratel'stv // Blog Byuro patentov Izibrend. [Elektronny`j resurs]. URL: <https://ezybrand.ru/blog/kumulyativnaya-zashhita/>.
6. L'vicyna A.O., Aliev T.T. K voprosu ob oxrane promy`shlenny`x obrazczov v oblasti farmacevtiki // Obrazovanie i pravo. 2022. № 12. S. 177–180.
7. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: Uchebnik / O.L. Alekseeva, A.S. Vorozhevich, O.S. Grin` i dr.; pod obshh. red. L.A. Novoselovoj. T. 4: Patentnoe pravo. M.: Statut, 2019. 660 s.
8. Rashidov M.A.U. Patentnoe pravo: novy`e realii // PROSPECTIVE RESEARCH SOLUTIONS: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-issled. konkursa. Petrozavodsk, 2022. S. 214–219.
9. Rozhkova O.I. Oxrana isklyuchitel'ny`x prav na dizajn po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossii: problemy` i ix razreshenie // Tvorchestvo molody`x: iskusstvo, dizajn, mediatekhnologii. Omsk, 2020. S. 88–93.
10. Sofoyan M.E., Agadzhanian M.A., Xarinova N.N., Krivczova E.A. Sootnoshenie norm patentnogo i avtorskogo prava v otnoshenii pravovoj oxrany` nekotory`x ob`ektov dizajna // Trudy` po intellektual'noj sobstvennosti. 2021. T. 38. № 3. S. 45–51.
11. Suxanova I.G. Specifika ocenki sekretov proizvodstva // Imushhestvenny`e otnosheniya v RF. 2022. № 1 (244). S. 49–66.

*Статья поступила в редакцию 26.05.26;
одобрена после рецензирования 29.05.26;
принята к публикации 29.05.26.*

*The article was submitted 26.05.26;
approved after reviewing 29.05.26;
accepted for publication 29.05.26.*

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

ХАБИБУЛЛИНА Гульнара Рушановна

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: Целью статьи является анализ конституционных принципов взаимоотношений государства и личности. Автор исходит из того, что конституционные принципы взаимоотношений государства и личности представляют собой системное правовое образование, объединяющие принципы, вытекающие из основ конституционного строя Российской Федерации. К ним относятся: во-первых, принципы, имеющие значение одновременно для личности и государства; во-вторых, принципы, определяющие основы правового статуса личности; в-третьих, принципы, определяющие конституционно-правовой статус органов публичной власти.

Ключевые слова: принципы, права и свободы, человек и гражданин, государство, основы правового статуса личности

Для цитирования: Хабибуллина Г.Р. К вопросу о конституционных принципах взаимоотношений государства и личности // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 184. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_184

ON THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE AND THE INDIVIDUAL

KHABIBULLINA Gulnara Rushanovna

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Kazan (Volga Region) Federal University
420008, Kazan, Kremlevskaya str., 18-1, Russian Federation

Abstract: The purpose of the article is to analyze the system of constitutional principles of the relationship between the state and the individual. The author assumes that the constitutional principles of the relationship between the state and the individual are a systemic legal entity that combines principles derived from the foundations of the constitutional system of the Russian Federation. These include: first, principles that are relevant to both the individual and the state; second, principles that define the legal status of the individual; and third, principles that define the constitutional and legal status of public authorities.

Keywords: principles, rights and freedoms, human and civil rights, state, foundations of the legal status of an individual

For citation: Khabibullina G.R. On the Constitutional Principles of the Relationship Between the State and the Individual = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):184. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_184

Общефилософское понимание принципа отождествляет его с центральным понятием, основанием системы, представляющим обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован [1, С. 362].

В юриспруденции понимание правового принципа излагается исходя из его понимания:

– во-первых, как социального явления, выражающего результат развития общественной практики (в частности, судебной), общественной мысли, сложившихся внутри страны и за ее пределами (Л.И. Лавдаренко, С. Н. Рудых) [2, С. 202];

– во-вторых, как первоначала, выражающего важнейшие закономерности и устои господствующей общественно-экономической формации,

отражающего сущность и определяющего главное содержание права (Л.С. Явич) [3, С. 11];

– в-третьих, как первичного идеологического ингредиента универсальной регулятивной значимости в структуре действующей нормативно-правовой системы, определяющего ее социальную эффективность (Г.Т. Чернобель) [4, С. 89].

Предложенные смыслы способны раскрыть сущность и значимость любых публично-правовых явлений, включая общий правовой статус личности, который также отличается определённым набором принципов.

Как правило, под принципами основ правового (конституционно-правового) статуса понимаются:

– признаваемые государством и закрепляемые в его конституции руководящие правовые идеи, начала, установки, исходя из которых осуществляются регулирование и пользование правами и свободами, выполнение обязанностей человека и гражданина (Т.А. Прудникова, С. А. Егорова) [5, С. 28];

– основополагающие начала, на основании которых происходит использование прав и свобод человека и гражданина, а также выполняются его обязанности (В.С. Бялт, А.В. Демидов) [6, С. 23];

– исходные, отправные начала, идеи, определяющие содержание, назначение и порядок использования всех правовых средств, входящих в его структуру (А.Л. Шигабутдинова) [7, С. 78].

При этом вопрос о составе принципов основ правового статуса личности до сих пор является дискуссионным. В эту группу, как правило, включают:

– равноправие, непосредственное действие прав и свобод, неотчуждаемость (неотъемлемость), соответствие международным актам о правах человека, гарантированность прав и свобод, единство прав и обязанностей (А.А. Клубничкина) [8, С. 185–188];

– равенство, гуманизм, неотъемлемость, гарантированность прав и свобод человека и гражданина (А.А. Чепурнов) [9, С. 9];

– гуманизм, свобода, равенство, ответственность (С.В. Лаврентьев) [10, С. 7];

– юридическое равенство, неотъемлемость и неотчуждаемость прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие прав и свобод (Т.А. Прудникова, С. А. Егоров) [11, С. 28–30];

– неотчуждаемость прав и свобод, принадлежность прав и свобод человека каждому от рождения [12, С. 9].

Безусловно, восприятие принципов основ правового статуса личности должно базироваться

на интегративном подходе, при котором сочетаются, с одной стороны, особенности их статичного состояния (формы и способы закрепления в системе источников права), а с другой — их динамического бытия, связанные с их реализацией. Кроме того, воздействие данных принципов не может ограничиваться только лишь правами, свободами и (или) обязанностями человека и гражданина; они затрагивают все структурные элементы основ правового статуса личности, обеспечивая их комплексное и сбалансированное взаимодействие. Иначе говоря, принципы основ правового статуса личности как идейно-теоретические истоки и одновременно нормативно-регулятивные конструкции определяют не только юридические и фактические действия носителя статуса (внутренний контур действия), но и характеризуют его взаимоотношения с государством (внешний контур действия).

Вместе с тем вопрос об основных принципах взаимоотношений государства и личности является дискуссионным. В частности, В.Т. Кабышев отмечает, что конституционными принципами взаимоотношений человека с публичной властью выступают приоритет прав и свобод человека, верховенство права, взаимная ответственность человека и власти, судебная защита прав и свобод человека, а также принципы, характеризующие юридическую природу самих конституционных прав и свобод человека и гражданина (всеобщность, единство, равноправие, гарантированность) [13, С. 67–75]. Г.Н. Комкова включает в этот круг всеобщность, неотчуждаемость прав и свобод человека, их прямое действие, обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, государственные гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина, справедливость, единство прав и обязанностей, взаимную ответственность власти и человека [14, С. 344–351].

Конституционные принципы, определяющие взаимоотношения личности и государства, как правило, исчерпываются исходными идеями и юридическими требованиями, отражающими уникальность основных прав и свобод человека и гражданина. Однако в этот перечень входят руководящие начала, определяющие социально-правовую природу органов публичной власти. Так, по мнению В.В. Рачинского, принципами осуществления публичной власти выступают: законность; единство системы публичной власти; гласность; компетенционная самостоятельность и независимость; ответственность; признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и

гражданина [15]. В.В. Полянский относит к принципам осуществления публичной власти субсидиарность, дифференциацию, пропорциональность и стабильность формы правления [16].

В то же время, наиболее полной выступает позиция Д.А. Авдеева, который относит к конституционным принципам организации публичной власти в Российской Федерации следующие принципы: верховенства и юридического доминирования конституции; народного суверенитета; легитимности деятельности органов публичной власти; идеологического и политического плюрализма; приоритетности прав и свобод личности при правовом регулировании; разделения властей; территориальной и государственной целостности; примата общепризнанных принципов и норм международного права [17]. Как видно, представленный перечень преимущественно включает в себя принципы, вытекающие из основ конституционного строя (например, конституционная законность, демократизм, законность, плюрализм, приоритет международного права, государственная и территориальная целостность).

Вместе с тем их состав нуждается в некоторой коррекции и расширении. Так, речь должна идти о приоритетности не только международного, но и национального права; соответственно, данный принцип должен трактоваться как сбалансированное применение общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с основами публичного правопорядка в Российской Федерации.

Далее, среди конституционных принципов, определяющих природу и правовое положение органов публичной власти, а также оказывающих прямое влияние на их взаимоотношения с личностью, выступают федерализм, включающий в себя целостность и неделимость суверенитета государства, а также принципы, которые применяет Конституционный Суд Российской Федерации при защите конституционных прав и свобод человека и гражданина. В частности, в его Постановлении от 25 апреля 2023 года № 20-П [18] принцип социального правового государства определяется в качестве конституционного начала взаимодействия личности, общества и государства в социальной сфере. В Постановлении Конституционного Суда от 2 марта 2010 года №5-П [19] фиксируется принцип правового государства, в Постановлении от 19 декабря 2005 года № 12-П [20] – конституционный принцип демократического правового государства.

Таким образом, к конституционным принципам правового положения органов публич-

ной власти в Российской Федерации относятся: конституционная законность, демократизм, законность, плюрализм, единство системы публичной власти, применение общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с основами публичного правопорядка в Российской Федерации, федерализм, принципы правового государства, демократического правового государства и социального правового государства.

Итак, конституционные принципы взаимоотношений государства и личности вытекают из основ конституционного строя и включают в себя:

- во-первых, принципы, имеющие в равной мере значение для взаимодействия личности и государства;
- во-вторых, принципы, определяющие основы правового статуса личности;
- в-третьих, принципы, определяющие конституционно-правовой статус органов публичной власти.

Список источников

1. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. 563 с.
2. Лавдаренко Л.И., Рудых С.Н. Принципы права и их система // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 196–203.
3. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. М., 1978. 224 с.
4. Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 84–94.
5. Прудникова Т.А., Егоров С.А. Конституционно-правовой статус личности и его основные принципы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. № 4. С. 28–30.
6. Бялт В.С., Демидов А.В. Правовой статус личности: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 3 (53). С. 19–25.
7. Шигабутдинова А.Л. Понятие и структура правового статуса личности: системный подход к проблеме // Проблемы права. 2015. № 2 (50). С. 75–79.
8. Клубничкина А.А. Принципы правового статуса личности в Российской Федерации // Молодой ученый. 2021. № 17 (359). С. 185–188.
9. Чепурнов А.А. Правовой статус личности в Российской Федерации: конституционные основы гарантирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 34 с.
10. Лаврентьев С.В. Основные принципы конституционного статуса личности (Теоретико-конституционный анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 23 с.
11. Прудникова Т.А., Егоров С.А. Конституционно-правовой статус личности и его основные принципы // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. № 4. С. 28–30.

12. Якимов Г.А. Конституционный статус человека в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 28 с.
13. Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // *Личность и власть (конституционные вопросы): Межвуз. сб. науч. работ. Ростов н/Д; Саратов, 1995. С. 67–75.*
14. Комкова Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России // *Lex Russica. 2009. № 2. С. 344–351.*
15. Рачинский В.В. Публичная власть как общеправовая категория: Теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.
16. Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // *Lex Russica. 2015. № 10. С. 32–45.*
17. Авдеев Д.А. Принципы организации публичной власти в России // *Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 112–120.*
18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 года № 20-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 8 и 10 статьи 32 и пункта 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, пункта 3 статьи 2 и части 3 статьи 16 Федерального закона «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» в связи с жалобами граждан С.Н. Бирюковой, А.Л. Лебедева и Т.С. Лебедевой, С. З. Раджабова» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445432/.
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 года № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98203/.
8. Klubnichkina A.A. Principy` pravovogo statusa lichnosti v Rossijskoj Federacii // *Molodoj ucheny`j. 2021. № 17 (359). S. 185–188.*
9. Chepurinov A.A. Pravovoj status lichnosti v Rossijskoj Federacii: konstitucionny`e osnovy` garantirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2006. 34 s.
10. Lavrent`ev S.V. Osnovny`e principy` konstitucionnogo statusa lichnosti (Teoretiko-konstitucionny`j analiz): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2005. 23 s.
11. Prudnikova T.A., Egorov S.A. Konstitucionno-pravovoj status lichnosti i ego osnovny`e principy` // *Vestnik Akademii e`konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2014. № 4. S. 28–30.*
12. Yakimov G.A. Konstitucionny`j status cheloveka v Rossijskoj Federacii: voprosy` teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2009. 28 s.
13. Kaby`shev V.T. Chelovek i vlast`: konstitucionny`e principy` vzaimootnoshenij // *Lichnost` i vlast` (konstitucionny`e voprosy`): Mezhvuz. sb. nauch. rabot. Rostov n/D; Saratov, 1995. S. 67–75.*
14. Komkova G.N. Konstitucionny`e principy` vzaimootnoshenij vlasti i lichnosti: realizaciya v sovremennoj Rossii // *Lex Russica. 2009. № 2. S. 344–351.*
15. Rachinskij V.V. Publichnaya vlast` kak obshhepravovaya kategoriya: Teoretiko-prikladnoj aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2003. 25 s.
16. Polyanskij V.V. Metody` i principy` garmonizacii publichnoj vlasti // *Lex Russica. 2015. № 10. S. 32–45.*
17. Avdeev D.A. Principy` organizacii publichnoj vlasti v Rossii // *Vestnik Ural`skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 112–120.*
18. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 25 aprelya 2023 goda № 20-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chastej 1, 8 i 10 stat`i 32 i punkta 1 chasti 2 stat`i 57 Zhilishhnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, punkta 3 stat`i 2 i chasti 3 stat`i 16 Federal`nogo zakona O Fonde sodejstvija reformirovaniyu zhilishhno-kommunal`nogo xozyajstva v svyazi s zhalobami grazhdan S.N. Biryukovoj, A.L. Lebedeva i T.S. Lebedevoj, S.Z. Radzhabova» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445432/.
19. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 marta 2010 goda № 5-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij stat`i 242.1 Byudzhethnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98203/.

References

1. *Filosofskij slovar` / Pod red. I.T. Frolova. M., 1991. 563 s.*
 2. Lavdarenko L.I., Rudy`x S.N. Principy` prava i ix sistema // *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2018. № 10 (95). S. 196–203.*
 3. Yavich L.S. Pravo razvitogo socialisticheskogo obshhestva. Sushhnost` i principy`. M., 1978. 224 s.
 4. Chernobel` G.T. Pravovy`e principy` kak ideologicheskaya paradigma // *Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 1. S. 84–94.*
 5. Prudnikova T.A., Egorov S.A. Konstitucionno-pravovoj status lichnosti i ego osnovny`e principy` // *Vestnik Akademii e`konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2014. № 4. S. 28–30.*
 6. Byalt V.S., Demidov A.V. Pravovoj status lichnosti: teoretiko-pravovaya charakteristika // *Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2018. № 3 (53). S. 19–25.*
 7. Shigabutdinova A.L. Ponyatie i struktura pravovogo statusa lichnosti: sistemny`j podxod k probleme // *Problemy` prava. 2015. № 2 (50). S. 75–79.*
- Статья поступила в редакцию 06.05.26;
одобрена после рецензирования 29.05.26;
принята к публикации 29.05.26.*
- The article was submitted 06.05.26;
approved after reviewing 29.05.26;
accepted for publication 29.05.26.*

Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 188.
Eurasian Advocacy. 2026;(2(79)):188.

Актуальный вопрос

Научная статья

УДК 347.235 + 349.41 + 93/94

doi 10.52068/2304-9839_2026_79_2_188

ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ДЕЛО ОБ АВРААМИЕВОМ МОНАСТЫРЕ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

РАГУЛИН Андрей Викторович

Доктор юридических наук, доцент, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы, руководитель Центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, профессор кафедры права Восточной экономико-юридической гуманитарной академии, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
450006, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается судебное дело № А82-6251/2026, возбужденное по иску Прокуратуры Ярославской области в интересах Ростовского муниципального округа. В центре спора – земельный участок вблизи объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Авраамиева монастыря» в Ростове Великом, который был продан коммерческой организации с нарушениями законодательства и впоследствии использовался для развертывания строительных работ без согласования с органами охраны культурного наследия. На основе судебного определения об обеспечении иска, ответов прокуратуры и государственной службы охраны объектов культурного наследия Ярославской области автор анализирует правовые инструменты защиты историко-культурных объектов в условиях коммерческого давления на охраняемые территории, роль прокуратуры как субъекта арбитражного судопроизводства, а также системные противоречия в управлении земельными ресурсами вблизи памятников архитектуры.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, охранные зоны, земельные правоотношения, договор купли-продажи, ничтожная сделка, прокуратура, арбитражный процесс, обеспечительные меры, фальсификация документов, туристическая инфраструктура

Для цитирования: Рагулин А.В. Охрана объектов культурного наследия в контексте земельных отношений: дело об Авраамиевом монастыре в Ростове Великом // Евразийская адвокатура. 2026. № 2 (79). С. 188. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_188

The Actual Question

Original article

PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS IN THE CONTEXT OF LAND RELATIONS: THE CASE OF THE ABRAHAM MONASTERY IN ROSTOV THE GREAT

RAGULIN Andrey Viktorovich

Doctor of Law, Associate Professor, Advocate of the Moscow Chamber of Advocates, Head of the Centre for the Study of the Organization and Operation of the Advocacy of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, Professor of the Department of Law of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy, Editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal
450006, Ufa, Lenina str., 102, office 24, Russian Federation

Abstract: The article examines court case No. А82-6251/2026, initiated by the claim of the Yaroslavl Region Prosecutor's Office in the interests of the Rostov Municipal District. At the center of the dispute is a land plot near the federal cultural heritage object «Ensemble of the Abraham Monastery» in Rostov the Great, which was sold to a commercial organization with violations of the legislation and subsequently used to launch construction works without the approval of the cultural heritage protection authorities. Based on the court ruling on securing the claim, the responses of the prosecutor's office and the state service for the protection of cultural heritage objects of the Yaroslavl Region, the author analyzes the legal tools for protecting historical and cultural objects under the conditions of commercial pressure on protected territories, the role of the prosecutor's office as a participant in arbitration proceedings, as well as systemic contradictions in the management of land resources near architectural monuments.

Keywords: cultural heritage objects, protection zones, land legal relations, sale and purchase agreement, void transaction, prosecutor's office, arbitration proceedings, interim measures, falsification of documents, tourist infrastructure

For citation: Ragulin A.V. Protection of Cultural Heritage Objects in the Context of Land Relations: The Case of the Abraham Monastery in Rostov the Great = Eurasian Advocacy. 2026; 2 (79):188. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2026_79_2_188

1. Введение

Ростов Великий – один из древнейших городов России и жемчужина маршрута «Золотое кольцо». Авраамиев Богоявленский монастырь, основанный в X–XI веках, является древнейшей иноческой обителью Ростова и одним из первых монастырей Северо-Восточной Руси. Ансамбль монастыря XVI–XVII вв. включает девять самостоятельных объектов культурного наследия федерального значения, в том числе Богоявленский собор, возведенный во времена Ивана Грозного.

Несмотря на исключительную историческую и архитектурную ценность, монастырь на протяжении последних десятилетий лишен государственного финансирования на реставрацию. Богоявленский собор находится в аварийном состоянии: кровля протекает, памятник монументальной живописи требует немедленных противоаварийных работ. Обитель восстанавливается исключительно на средства благотворителей.

На этом фоне в 2022 году у стен монастыря появился новый собственник прилегающих земель. С тех пор ситуация переросла в многоуровневый правовой конфликт, затрагивающий вопросы уголовного, административного, арбитражного права, законодательства об охране культурного наследия и земельного законодательства. Именно это дело – № А82-6251/2026 в Арбитражном суде Ярославской области – стало поводом для настоящей статьи.

2. Фактические обстоятельства дела

23 августа 2022 года между администрацией городского поселения Ростов в лице отдела по управлению муниципальным имуществом и обществом с ограниченной ответственностью «Агроинвестиции» был заключен договор купли-продажи № 8 земельного участка площадью 8 476 кв. м с кадастровым номером 76:19:010327:20, расположенного по адресу: Ярославская область, г. Ростов, ул. Желябовская, д. 28А. Первоначальный вид разрешенного использования участка – «для содержания емкостей для хранения мазута».

В ходе прокурорской проверки было установлено, что земельный участок предоставлен покупателю без соблюдения требований о соответствии площади объектов недвижимости и участка, необходимого для их эксплуатации, – то есть в нарушение базовых принципов земельного законодательства.

В июне 2025 года на основании документов, впоследствии признанных поддельными, Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ярославской области изменило вид разрешенного использования участка на «туристическое обслуживание». Ростовской межрайонной прокуратурой материалы по данному факту были направлены в ОМВД России «Ростовский» 12 декабря 2025 года для решения вопроса об уголовном преследовании. По результатам проверки в апреле 2026 года возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа).

Параллельно ООО «Агроинвестиции» разработало и продвигало инвестиционный проект по созданию модульных некапитальных средств размещения на территории так называемого Паломнического центра «Авраамий Ростовский». Проект предусматривал размещение 53 гостевых домов модульного типа на винтовых сваях и устройство тематического сквера в форме православного креста с крыльями. Проект получил поддержку Министерства экономического развития Российской Федерации в рамках государственной программы «Развитие туризма» (постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439) и вошел в перечень инвестиционных проектов, запланированных к реализации в 2026 году вблизи приоритетных туристических маршрутов.

Однако земельный участок, на котором планировалось развернуть строительство, расположен в границах зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Авраамиева монастыря» XVI–XVII вв. [1] Участок частично находится в подзоне регулирования застройки и хозяйственной деятельности ЗРЗ.2-1 и охранной зоне ОЗ.2; смежный участок (кадастровый номер 76:19:010327:829) – в зоне охраняемого природного ландшафта ЗОЛ.2. Оба участка расположены в границах объекта археологического наследия «Культурный слой города» XI–XVII вв.

3. Отказ в согласовании проектной документации

13 марта 2026 года в Государственную службу охраны объектов культурного наследия Ярославской области (далее – Служба) поступил «Раздел об обеспечении сохранности объекта культурного

наследия» для проектной документации по комплексному благоустройству территории. К документации было приложено положительное заключение государственной историко-культурной экспертизы аттестованного эксперта В.В. Праздника (Ярославль), проведенной в период с 7 по 9 февраля 2026 года.

По итогам рассмотрения Служба 23 марта 2026 года приняла решение об отказе в согласовании на основании п. 31 Положения о государственной историко-культурной экспертизе (утв. постановлением Правительства РФ от 25 апреля 2024 г. № 530). Основания для отказа оказались многочисленными и принципиальными.

Во-первых, раздел проектной документации не содержал мер по обеспечению сохранности объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Авраамиева монастыря» при проведении строительных работ. Во-вторых, в зоне охраняемого природного ландшафта ЗОЛ.2 проектом предусматривалось размещение временных модульных павильонов, тогда как для данной зоны строительство объектов любого назначения категорически запрещено. В-третьих, часть работ планировалась на искусственно поднятой дневной поверхности, что противоречит запрету на проведение земляных работ, приводящих к нарушению высотных отметок рельефа. В-четвертых, проектная документация не содержала сведений о материалах, из которых планировалось строить павильоны, – между тем использование бетона, сайдинга, пластика и нештукатуренного кирпича в охраняемых зонах запрещено. Наконец, проектная документация не включала мер по обеспечению сохранности объекта культурного наследия местного значения «Ансамбль зданий фабрики Рольма» 1878–1928 гг. (ул. Пролетарская, д. 86), вблизи которого планировалась прокладка инженерных сетей.

Служба констатировала нарушение экспертом принципов достоверности и полноты предоставленной информации (ст. 29 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Тем самым был подтвержден вывод о том, что документы, представленные на экспертизу, содержали недостоверные сведения.

Не получив согласования, ООО «Агроинвестиции» тем не менее приступило к строительным работам. В ходе проверки с выходом на место, проведенной Ростовской межрайонной прокуратурой совместно со специалистом Службы, было установлено, что строительные работы ведутся в

отсутствие согласованной документации по обеспечению сохранности объектов культурного наследия [3,4,5].

4. Арбитражное судопроизводство: дело № а82-6251/2026

В апреле 2026 года Прокуратура Ярославской области обратилась в Арбитражный суд Ярославской области с исковым заявлением в интересах Ростовского муниципального округа в лице Думы Ростовского муниципального округа. Ответчиками выступают администрация Ростовского муниципального округа и ООО «Агроинвестиции». Третье лицо – Управление Росреестра по Ярославской области.

Исковые требования охватывают несколько правовых инструментов защиты. Прокурор требует: признать недействительным договор купли-продажи от 23 августа 2022 г. № 8 как ничтожную сделку; применить последствия недействительности в виде обязанности ООО «Агроинвестиции» вернуть участок администрации; прекратить право собственности общества на земельный участок; погасить запись о регистрации права в ЕГРН; признать сведения ЕГРН о виде разрешенного использования «туристическое обслуживание» недостоверными.

8 апреля 2026 года Арбитражный суд Ярославской области в составе судьи Стракановой Е.Д. (в порядке взаимозаменяемости судьи Захаровой М.А.) удовлетворил ходатайство прокуратуры об обеспечении иска. Суд принял следующие обеспечительные меры, подлежащие немедленному исполнению: запрет на совершение любых сделок в отношении земельного участка с кадастровым номером 76:19:010327:20; запрет Управлению Росреестра по Ярославской области совершать регистрационные действия в отношении указанного участка; запрет ООО «Агроинвестиции» осуществлять земляные и строительные работы на участке, а также работы, направленные на изменение облика и рельефа земельного участка [2].

Обосновывая принятие обеспечительных мер, суд указал, что спорный земельный участок расположен в границах зоны охраны объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Авраамиева монастыря» XVI–XVII вв. Ответчиком ведутся строительные работы в отсутствие согласованной документации, что может привести к утрате объекта культурного наследия. Суд констатировал соответствие и соразмерность испрашиваемых мер заявленным требованиям, их направленность на сохранение status quo и предотвращение значительного ущерба.

При рассмотрении вопроса о принятии обеспечительных мер суд руководствовался ч. 1 и 2 ст. 90 АПК РФ, а также п. 14 и 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска». Согласно разъяснениям Пленума, обеспечительные меры являются ускоренным и предварительным средством защиты, для принятия которых не требуется представления доказательств в объеме, достаточном для обоснования требований по существу спора.

5. Правовой анализ: ключевые вопросы

5.1. Прокуратура как субъект арбитражного процесса.

Данное дело представляет интерес с точки зрения процессуального статуса истца. Прокуратура обратилась в арбитражный суд в интересах публично-правового образования – Ростовского муниципального округа. Подобная конструкция в полной мере соответствует ст. 52 АПК РФ, допускающей участие прокурора в арбитражном процессе в случаях, предусмотренных Кодексом, в том числе с иском о признании недействительными сделок, совершенных органами государственной власти и органами местного самоуправления. Анализируемое дело подтверждает роль прокурорского надзора как эффективного механизма защиты публичного имущества и охраны объектов культурного наследия.

5.2. Ничтожность сделки и ее правовые последствия.

Прокурор квалифицирует договор купли-продажи 2022 года как ничтожную сделку. По смыслу ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона и при этом посягающая на публичные интересы либо охраняемые законом интересы третьих лиц, является ничтожной. Нарушение требований о соответствии площади участка площади объектов недвижимости (ст. 35 ЗК РФ, ст. 273 ГК РФ), а также расположение участка в охраняемой зоне без надлежащего согласования – достаточные основания для постановки вопроса о ничтожности.

5.3. Фальсификация документов и уголовно-правовой аспект.

Возбуждение уголовного дела по ч. 5 ст. 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа лицом, совершившим это деяние в целях скрыть другое преступление или облегчить его совершение) добавляет к гражданско-правовому спору уголовно-правовое измерение. Изменение вида разрешенного использования участка на основании поддельных документов не только является самостоятельным составом преступления,

но и может влечь ничтожность административного акта, на котором основана запись в ЕГРН. Это существенно укрепляет позицию истца в арбитражном споре.

5.4. Охрана культурного наследия: конкуренция публичных интересов.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что инвестиционный проект ООО «Агроинвестиции» получил поддержку федерального министерства в рамках государственной программы развития туризма. Это обнажает системную проблему: механизмы отбора инвестиционных проектов в туристической сфере не включают обязательную предварительную проверку соответствия участков, планируемых для застройки, режимам охраны культурного наследия. В данном случае поддержанный Минэкономразвития проект вступил в прямое противоречие с законодательством об охране памятников истории и культуры.

Тематический сквер в форме православного креста с крыльями, использование наименования святого Авраамия Ростовского для чисто коммерческого проекта, не согласованного ни с монастырем, ни с Ярославской митрополией, – все это свидетельствует и о попытке эксплуатации религиозного и историко-культурного бренда территории в коммерческих целях без какой-либо связи с интересами монашеской общины.

5.5. Неравенство условий доступа к земельным ресурсам.

На фоне коммерческого освоения прилегающих территорий монастырь лишен возможности создать собственный паломнический центр. Администрация Ростовского округа отказала в передаче расселенного аварийного здания, которое обитель планировала приспособить для размещения паломников. Одновременно монастырь не получает государственного финансирования на реставрацию Богоявленского собора, несмотря на то что в июле 2024 года Службой был направлен акт технического состояния с указанием видов и сроков выполнения работ по сохранению до 30 декабря 2027 г.

Это свидетельствует о системном дефекте правоприменения: федеральный памятник архитектуры разрушается, его пользователь лишен доступа к государственным программам и муниципальному имуществу, тогда как коммерческая организация при содействии тех же властных структур получает землю в охранной зоне на нарушающих закон условиях.

6. Обеспечительные меры как инструмент защиты культурного наследия

Принятое судом определение об обеспечении иска заслуживает особого внимания. Суд одновременно ввел три категории ограничений: гражданско-правовые (запрет сделок), административно-регистрационные (запрет регистрационных действий) и публично-ограничительные (запрет строительных и земляных работ).

Последняя мера принципиально важна именно в контексте охраны культурного наследия. Участок расположен в границах объекта археологического наследия и охранной зоны монастыря. Продолжение земляных работ до разрешения спора по существу могло бы нанести памятникам невосполнимый ущерб – еще до вынесения решения об их защите. В этом смысле суд правильно использовал институт обеспечительных мер не только как инструмент исполнения будущего судебного акта, но и как превентивный механизм охраны публичного интереса.

Примечательно, что суд признал наличие оснований для принятия мер, не требуя доказательной базы, достаточной для рассмотрения дела по существу. Такой подход, основанный на п. 15 постановления Пленума ВС РФ № 15 от 01 июня 2023 г., отражает правильное понимание природы обеспечительных мер как ускоренного и предварительного средства защиты.

7. Перспективы дальнейшего рассмотрения дела

На момент подготовки настоящей статьи дело № А82-6251/2026 находится в стадии рассмотрения по существу. Принятые обеспечительные меры заморозили ситуацию: строительство остановлено, регистрационные действия заблокированы, сделки с участком невозможны. Между тем рассмотрение спора неизбежно обнажит целый комплекс правовых вопросов, от разрешения которых будет зависеть исход дела.

7.1. Перспективы гражданско-правового спора о ничтожности сделки.

Центральным предметом доказывания в арбитражном процессе станет вопрос о законности договора купли-продажи от 23 августа 2022 г. Позиция прокуратуры основана на двух самостоятельных основаниях ничтожности. Первое – нарушение требований ст. 35 ЗК РФ о соответствии площади участка площади объектов недвижимости: при наличии на участке лишь емкостей для хранения мазута предоставление 8 476 кв. м заведомо избыточно. Второе – расположение участка в границах охранных зон объекта культурного наследия федерального значения, что влечет особый порядок согласования при отчуждении. Если суд установит хотя бы одно из этих оснований, у

него будут все правовые основания для признания сделки ничтожной по ст. 168 ГК РФ.

Ответчик – ООО «Агроинвестиции» – вероятно, будет возражать ссылками на добросовестность приобретателя и стабильность гражданского оборота. Однако применение этих доктрин затруднено в ситуации, когда покупатель, по данным прокуратуры, сам представил поддельные документы для последующего изменения вида разрешенного использования. Добросовестность лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 327 УК РФ, будет крайне трудно доказать.

7.2. Вопрос о судьбе уголовного дела и его влиянии на арбитражный спор.

Параллельное уголовное преследование создает для арбитражного дела существенный процессуальный эффект. Согласно ч. 4 ст. 69 АПК РФ, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом. Таким образом, если по уголовному делу будет вынесен обвинительный приговор, устанавливающий факт использования поддельных документов для изменения вида разрешенного использования участка, этот факт приобретет преюдициальное значение для арбитражного спора. Это существенно упростит задачу прокурора в части доказывания порока воли при заключении договора и незаконности последующего изменения сведений ЕГРН.

Вместе с тем уголовный процесс в России, как правило, более продолжителен, чем арбитражный. Вероятно, арбитражный суд будет вынужден самостоятельно оценивать представленные доказательства подделки документов, не дожидаясь приговора. В этом случае вопрос об относимости и допустимости материалов уголовного дела в арбитражном процессе станет одним из центральных процессуальных вопросов.

7.3. Административная ответственность и надзорные мероприятия.

Помимо арбитражного и уголовного судопроизводства, в отношении ООО «Агроинвестиции» запущен механизм административного преследования. Прокуратура Ярославской области в апреле 2026 года направила в Государственную службу охраны ОКН требование о проведении контрольного (надзорного) мероприятия в целях привлечения общества к ответственности по ст. 7.14 КоАП РФ (проведение земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ без разрешения в границах территории

объекта культурного наследия). Санкция статьи предусматривает штраф для юридических лиц до одного миллиона рублей.

Отдельного внимания заслуживает поставленный прокуратурой вопрос об установлении факта повреждения объекта культурного наследия в ходе уже начатых строительных работ. Если этот факт будет зафиксирован специалистами Службы, это может повлечь уголовную ответственность по ст. 243 УК РФ (уничтожение или повреждение объектов культурного наследия), что существенно утяжелит положение ответчика во всех параллельных производствах.

7.4. Возможные сценарии исхода арбитражного дела.

С учетом совокупности имеющихся доказательств можно обозначить несколько сценариев. Наиболее вероятным представляется удовлетворение иска прокуратуры в полном объеме: признание договора купли-продажи ничтожным, возврат участка в муниципальную собственность, погашение записи ЕГРН и признание сведений о виде разрешенного использования недостоверными. Этому способствует как совокупность нарушений при заключении сделки, так и фактическое поведение ответчика – продолжение строительства в отсутствие согласований.

Второй сценарий – частичное удовлетворение: суд может признать сделку недействительной, однако поставить под вопрос применение реституции в части расходов ответчика на улучшение участка. В таком случае возможно взыскание стоимости произведенных работ с ответчика в счет возмещения ущерба, нанесенного объектам культурного наследия.

Третий сценарий – отказ в иске – представляется маловероятным при нынешней доказательной базе, однако полностью исключить его нельзя: ответчик располагает ресурсами для оспаривания каждого элемента доказательственной цепочки, а дело содержит вопросы, требующие глубокого исследования фактических обстоятельств.

7.5. Прецедентное значение дела.

Данное дело способно сформировать значимый прецедент в нескольких правовых плоскостях одновременно. Во-первых, оно может стать ориентиром для судов при оценке законности приватизации земельных участков в охранных зонах объектов культурного наследия. Во-вторых, подход суда к принятию обеспечительных мер, включающих запрет строительных работ именно в контексте угрозы памятникам, может быть воспроизведен в аналогичных делах по всей стране.

В-третьих, выводы суда о соотношении государственной поддержки инвестиционных проектов и требований охранного законодательства могут стать основой для системных изменений в практике Минэкономразвития при отборе туристических инвестпроектов.

Не менее важно и то, как разрешится коллизия между интересами добросовестного использования федеральных субсидий (ответчик получил государственную поддержку в рамках легальной программы) и необходимостью восстановления законного правового состояния. Этот вопрос не имеет однозначного ответа и поиск ответа на него потребует от значительных усилий.

8. Выводы и практические рекомендации

Дело № А82-6251/2026 не является изолированным случаем. Оно отражает общую тенденцию коммерческого освоения территорий, прилегающих к объектам культурного наследия в исторических городах России. Анализ дела позволяет сформулировать ряд выводов.

Во-первых, существующая система согласования проектной документации в сфере охраны культурного наследия обнаружила свою эффективность: Государственная служба охраны ОКН Ярославской области, невзирая на наличие положительного заключения аттестованного эксперта, провела самостоятельную проверку и отказала в согласовании. Однако ни отказ в согласовании, ни отсутствие разрешительных документов не остановили застройщика – строительные работы начались несмотря ни на что.

Во-вторых, активная позиция прокуратуры сыграла ключевую роль в защите как имущественных интересов муниципального образования, так и объектов культурного наследия. Именно прокурорское реагирование стало определяющим: возбуждение уголовного дела, арбитражный иск и принятие обеспечительных мер – все это произошло по инициативе прокуратуры.

В-третьих, необходимо законодательно закрепить обязательную проверку соответствия инвестиционных проектов режимам охраны культурного наследия как предварительное условие их включения в федеральные государственные программы. Поддержка Минэкономразвития России проекта, реализация которого заведомо невозможна без нарушения охранного законодательства, – это дефект межведомственного взаимодействия, требующий системного устранения.

В-четвертых, ситуация с Авраамиевым монастырем обнажает диспропорцию в правоприменении: коммерческий субъект получает поддержку государства и земельные права, тогда как

монашеская община, являющаяся пользователем федеральных памятников, не может получить ни финансирования на реставрацию, ни земельного участка под паломнический центр. Выравнивание этой диспропорции – задача как правотворческая, так и правоприменительная.

Список источников

1. Постановление Правительства Ярославской области от 22.12.2016 № 1333-п об утверждении проекта зон охраны объекта культурного наследия федерального значения «Ансамбль Авраамиева монастыря», XVI–XVII вв. в городе Ростове Ярославской области.
2. Определение Арбитражного суда Ярославской области от 08.04.2026 по делу № А82-6251/2026 об обеспечении иска [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d9cf57f-ef01-4bb8-bc6d-7cece08784b7>.
3. Шиханов А. В Ярославской области признали незаконными строительные работы около монастыря // Российская газета. 2026. 15.04 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2026/04/15/reg-cfo/skvernaia-istoriia.html>.
4. Шиханов А. Идея сквера в виде креста у стен монастыря под Ярославлем вызвала возмущение // Российская газета. 2026. 18.03 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2026/03/18/reg-cfo/krestovuj-interes.html>.
5. На берегу озера Неро в Ростове Великом хотят построить модульный отель // Коммерсантъ-Ярославль [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8636338>.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva Yaroslavskoj oblasti ot 22.12.2016 № 1333-p ob utverzhdenii proekta zon oxrany` ob`ekta kul`turnogo naslediya federal'nogo znacheniya «Ansabl` Avraamieva monasty`rya», XVI–XVII vv. v gorode Rostove Yaroslavskoj oblasti.
2. Opredelenie Arbitrazhnogo suda Yaroslavskoj oblasti ot 08.04.2026 po delu № А82-6251/2026 ob obespechenii iska [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4d9cf57f-ef01-4bb8-bc6d-7cece08784b7>.
3. Shixanov A. V Yaroslavskoj oblasti priznali nezakonny`mi stroitel`ny`e raboty` okolo monasty`rya // Rossijskaya gazeta. 2026. 15.04 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://rg.ru/2026/04/15/reg-cfo/skvernaia-istoriia.html>.
4. Shixanov A. Ideya skvera v vide kresta u sten monasty`rya pod Yaroslavlem vy`zvala vozmushhenie // Rossijskaya gazeta. 2026. 18.03 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://rg.ru/2026/03/18/reg-cfo/krestovuj-interes.html>.
5. Na beregu ozera Nero v Rostove Velikom hotyat postroit` modul`ny`j otel` // Kommersant`-Yaroslavl` [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8636338>.

*Статья поступила в редакцию 06.05.26;
одобрена после рецензирования 12.05.26;
принята к публикации 12.05.26.*

*The article was submitted 06.05.26;
approved after reviewing 12.05.26;
accepted for publication 12.05.26.*